

УДК 316.2 «19»
ББК 60.5
Т 17

ТАМБИЯНЦ Ю.Г., ГРИНЬ М.В., КУЛИНЧЕНКО В.В. СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИНАМИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА: МОНОГРАФИЯ/ Ю.Г.ТАМБИЯНЦ, М.В.ГРИНЬ, В.В.КУЛИНЧЕНКО КРАСНОДАР. 2014, 452 С.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

В.В.Шалин – доктор философских наук, профессор

Т.А.Хазуров – доктор социологических наук, профессор

Монография является попыткой системного изложения взглядов на социальные изменения последнего столетия. Уделено внимание концепциям нового типа общества, теориям, рассматривающим общественную динамику в рамках индустриально-капиталистических отношений, а также подходов к знаковому явлению современности – глобализации. Привлечен обширный теоретический материал отечественных исследований, книга насыщена солидным фактическим материалом.

Рекомендуется преподавателям, аспирантам, студентам обществоведческих специальностей, а также всем тем, кого интересуют социологические проблемы современности.

**Рекомендовано к изданию ученым советом
КубИСЭП (филиал) ОУП ВПО «АТиСО»**

ISBN 978-5-94672-795-2

**© Кубанский институт социэкономки
и права (филиал) Академии труда и
социальных отношений, 2014**

**© Ю.Г.Тамбиянц, М.В.Гринь, В.В.Кулинченко,
2014**

От авторов

Недавно завершившееся двадцатое столетие уже вошло в историю как век бурной социальной динамики. Достаточно указать на феномен советского общества, которое прошло стадии генезиса, впечатляющего взлета и, в общем-то, закономерного упадка за какие-то семь десятков лет, тогда как римскому обществу на это понадобилось без малого тысячелетие. Начало XX в. знаменовало этап развития капитализма, который уже столкнулся к тому времени с кризисами перепроизводства, а также с организованным рабочим движением. Трудности капиталистической социально-экономической системы выглядели серьезными, а некоторым даже казались непреодолимыми. Теперь, спустя сто лет приходится констатировать, что капитализм успешно справился с брошенными ему вызовами. Во-первых, оппонирующие ему явления оказались либо существенно ослабленными, как социализм, либо уничтоженными вовсе, как фашизм. Во-вторых, сам капитализм существенно укрепил свои позиции, приобретя глобальные черты.

Как это произошло? По этому поводу написано немало работ, и все они вносят существенную лепту в прояснение данного вопроса. В то же время занимающиеся анализом меняющейся социальной реальности ученые зачастую работали в рамках оппонирующих научных парадигм общественнознания. Это лишний раз доказывает, что прошедшее столетие не испытывало дефицита в сложных и противоречивых феноменах, которые даже приобретают черты антинomial (например, глобализация – локализация). И на данный момент времени – к исходу первого десятилетия уже XXI в. - оппонирующих точек зрения ничуть не поубавилось. Ряд исследователей склонны считать, что эра капитализма и индустриального общества если еще и не завершилась, то неуклонно к тому движется. Верные принципам

эволюционного подхода они предполагают наступление совершенно нового типа социальных отношений, называя его постиндустриальным, информационным, посткапиталистическим или постэкономическим обществом. Другие ученые вовсе не спешат объявлять исчерпанным индустриальный тип, аргументированно доказывая, что в современных условиях индустриализм получает как бы «второе дыхание». Свидетельством тому может служить неомарксизм, которым все больше руководствуются при изучении принципов глобальной системы.

Тем не менее нечто общее можно найти даже у казалось бы непримиримых оппонентов. Скажем, мало кто отрицает повысившееся значение информационных ресурсов, знания. Другое дело, что возведение подобной тенденции в разную степень может определить совершенно различные оценочные акценты. Можно ли рассматривать сегодня именно информацию, а не деньги в качестве основного социального ресурса или все же спешить с этим не стоит? И как объяснить, что при всеобщем понимании роли интеллекта в современном социуме, одни общества принимают меры для обеспечения собственного лидерства в этом плане, тогда как другие совершают шаги едва ли не в противоположном направлении?

Более или менее лучше разбираться в подобных хитросплетениях современного мира помогает обществоведческая мысль, которая с каждым десятилетием обогащается новыми интересными концептуальными находками. В данной книге мы попытались дать трактовку наиболее значимых теорий, описывающих динамику современного мира. И неслучайно наряду с именами классических социологов здесь встали фамилии ученых, больше известных в качестве экономистов (В.Иноземцев, М.Делягин, П.Дракер) или политологов (Г.Шиллер). Все это можно рассматривать как более тесное переплетение сфер общественной жизни –

экономики, политики, культуры, собственно социальных отношений, хотя имеются весьма авторитетные мыслители, думающие иначе (Д.Белл, А.Турен). Мы намерены изложить мнения тех и других, а в собственных комментариях постараемся не выйти за рамки объективного и беспристрастного анализа. Насколько это удастся – судить уже тем, кто будет обращаться к данной работе, идет ли речь о подготовке к лекции, экзамену или просто расширении кругозора.

Вместо введения: Вызовы и социальные трансформации XX – начала XXI вв.

Двадцатое столетие во многом продолжило тенденции капитализации, заложенные промышленной революцией. Набравшая ход социальная динамика естественно усложняла общественные отношения, что порождало все новые проблемы или «вызовы». Как указывает С. Хантингтон, модернизация, будучи безусловным благом в стратегическом плане, в тактическом отношении весьма болезненна и сопровождается нестабильностью, хотя бы в силу того, что общественный организм не всегда может адекватно и своевременно реагировать на новые «вызовы». Отсюда следует вполне закономерная тенденция, проявившаяся хотя и не сразу, но непреклонно и практически везде - усложнение структур управления для повышения контроля и степени регуляции.

Диалектика подобных процессов, которую весьма удобно рассматривать в категориях «вызовов» - «ответов», определила последовательную смену трех стадий капитализма – 1) первоначального накопления; 2) организованного капитализма; 3) глобального капитализма. К началу века западный капитализм все более приобретал черты второй стадии (то есть организованный характер), что во многом было предопределено эпохой первоначального накопления и спецификой порождаемых ею вызовов.

Здесь нет смысла останавливаться на ней очень подробно – ее предпосылки и основные черты были глубоко проанализированы и описаны классиками социологии К. Марксом, М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Зиммелем, В. Зомбартом и др. Нам следует отметить, что период утверждения и распространения капиталистических отношений характеризовался нестабильностью прежде всего в условиях сопротивления элементов предшествующего, то есть традиционного типа общественных отношений. Вновь об-

разованные социальные группы (буржуазия, пролетариат) сосуществовали со старыми (дворянство, крестьяне). Те и другие были озабочены поиском оптимального места в новом социуме и собственной функциональной определенности, как собственно и другой важный социальный субъект – государство.

Стержневым моментом капитализации здесь выступает стремление к прибыли, что в общем плане ведет к превалированию экономических задач в сложном комплексе общественных отношений. Причем, это обычно затрагивает не только социетальный (общественный), но и групповой и даже индивидуальный уровень. Кроме того, экономические принципы не ограничиваются собственно хозяйственной сферой, они активно претендуют едва ли не на все пространство общественных отношений. По выражению О.Шпенглера, экономика превратилась в самоцель, для этого активно взаимодействуя с другими общественными сферами (политикой, культурой, областью собственно социальных отношений) попросту порой подчиняя их.

Главной чертой и вызовом капитализма первоначального накопления следует признать конкуренцию, касающуюся в основном социально-экономического среза общественных отношений. Экономика того периода была наиболее свободной, а государство в основном предпочитало придерживаться фритредерских принципов минимального вмешательства в экономическую жизнь. В силу этого не только жестоко эксплуатируемый пролетариат, но и представители нового господствующего класса – буржуазии не чувствовали себя спокойно.

Высокий личный риск, как обоснованно пишут исследователи (Л.Гринин, Д.Бурстин, А.Шлезингер, Э.Хобсбаум и др.) заставлял предпринимателей искать возможности обуздания конкуренции, сделать ее более контролируемой, естественно с позиций своих интересов.

Отсюда уже вторая половина девятнадцатого столетия была ознаменована распространением новой формы предпринимательства, так называемого организованного капитализма, подспорьем которой являлась расширительная природа капитализма. Капитализация вширь заявляла о себе все сильнее, что сказывалось на специфике социальной динамики в целом.

Первая половина минувшего века характеризуется дальнейшей концентрацией производства и последствия данного процесса сказались как на внутриобщественном уровне, так и в транснациональной сфере. Население стран, где процесс индустриализации, а, стало быть, капитализации шел успешно и полным ходом, наверняка почувствовало, что времена свободной конкуренции и свободного рынка явно остались в прошлом. Наступило время больших хозяйственных структур – монополий, куда более организованных, но и куда более громоздких, нежели прежние акторы классического рынка. Дикая конкуренция была в значительной степени поставлена под контроль. Однако более контролируемым стало и общество, в особенности те его элементы, которые имели то или иное отношение к хозяйственным механизмам – рынки труда, заработной платы, социальное страхование, профсоюзы, образование, наука и т.д.

Довольно красочно описывает типичную ситуацию на американском предприятии указанного периода Роберт Райх, долгое время занимавший высшие административные посты в США. «Большинство проблем, которые предстояло выявить и разрешить, были связаны с повышением эффективности производства, снабжением материалами и полуфабрикатами, сборкой и распространением. Инженеры стремились изобрести что-нибудь такое, что позволило бы выпускать совершенно новую продукцию и опять-таки — в больших объемах; консультанты по вопросам менеджмента, сами менеджеры и заводские инжене-

ры стремились к ускорению и согласованию производственных процессов, с тем чтобы обеспечить более эффективный массовый выпуск продукции; специалисты по рекламе и маркетингу направляли свои усилия на то, чтобы разжечь аппетит потребителей, заставляя их покупать стандартные товары. Рост зарплат «белых воротничков» благодаря расширению производства служил могучим стимулом для расширения фирм, и многие ведущие корпорации Америки в своих размерах превзошли даже те границы, которые были оправданы крупномасштабным производством»¹

Разумеется, монополия предполагает совсем иные масштабы вовлеченных в производство ресурсов. Вследствие этого возникает акционерный капитал, а отношения собственности юридически разнообразятся. Долевое участие имеет в виду уже не столько частную, сколько корпоративную собственность. Кроме того одновременно шел иной процесс, но в определенной степени переплетающийся с первым. Речь идет о расчленении функций владения и управления. В ходе совершенствования технических возможностей, расширения выпуска продукции как в количественном плане, так и с точки зрения разнообразия ассортимента, возникла необходимость более дифференцированного подхода к проблеме управления. Если ранее владелец предприятия совмещал в одном лице еще и функции управляющего, то теперь для этого потребовались профессионально подготовленные специалисты, причем в немалом количестве.

Сначала управленческие задачи стали делиться на собственно процесс производства, ведение которого было поручено инженерам и специалистам, а также функции финансового обеспечения и учета, что осталось за владельцами предприятий. Но в дальнейшем периодически возни-

¹ Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века». Интернет-ресурс - http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcecv/page_1506.html

кающие кризисы перепроизводства поставили вопрос об изучении возможностей рынка и выработки оптимальной стратегии поведения предприятия. Подобное обстоятельство дало толчок вычленению функции маркетинга и подготовки соответствующих специалистов в данной области.

Концентрация промышленного производства имела место не только по горизонтали посредством объединения множества предприятий, но и по вертикали посредством объединения различных стадий производственного процесса под одной крышей – от приобретения сырья до выпуска готового продукта. Как пишет отечественный исследователь Н.Полякова: «Это не только привело к еще большему дифференцированию производственно-технических, экономических и управленческих функций, но и потребовало создания определенной организации в форме промышленной бюрократии, т.е. создания дифференцированных групп технических и других специалистов, которые под руководством профессиональных управляющих осуществляли производственный процесс, включая все его фазы и уровни»².

Таким образом возрастающая роль интеллекта заставила общество расширить сеть образовательных учреждений, предоставляя некоторые возможности для социальной мобильности представителям большинства страт. Квалифицированный специалист-эксперт претендует теперь на совершенно иную степень общественного признания, нежели раньше.

Процесс концентрации производства дал толчок коренному изменению принципов социально-экономических отношений в индустриально развитых странах. Речь идет о фордизме, а также новой роли государственных структур,

² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.28.

теперь позиционирующих себя в качестве социального государства.

Предпосылкой фордизма считается тейлоризм, предполагающий не только научную основу в деле организации труда, но и изменение классовых отношений на производстве. Работодателям и рабочим предлагалось по возможности уходить от конфронтационной модели в сторону большего сотрудничества и партнерства. Г. Форд же пошел еще дальше, затронув как объективный трудовой процесс, так и социально-экономические приоритеты в целом.

Ранее получение высокой прибыли диктовало установление высокой цены на товары и минимальную заработную плату. Фордом были радикально пересмотрены оба эти принципа. Недоплата не только снижает потенциал рабочей силы, но и суживает потребительский рынок. Целью Форда стало осуществление возможностей массового производства, для чего он сделал ставку на а) конвейерное производство на базе новых автоматизированных технологий; б) высокую заработную плату рабочих, которая, с одной стороны, служила хорошим трудовым стимулом (мотивация посредством оплаты), а с другой – была подспорьем для массового потребления. «Нанимаемые должны стать самыми лучшими покупателями товаров, произведенных теми, кто их нанимает», - пишет Форд в одной из своих книг. Таким образом, фордизм выдвинул проект объединения в одном лице производителя и покупателя. Производство стало больше ориентироваться на обслуживающую функцию, а не функцию обеспечения прибыли его владельцам.

Его основные черты в системном рассмотрении сводятся к следующему:

- Массовое производство однородной продукции.
- Использование негибких технологий, таких как конвейер.
- Принятие стандартизированного шаблона трудовых операций (тейлоризм)

-Увеличение производительности благодаря «экономии на масштабе, а также сокращении использования квалифициро-

ванной рабочей силы в связи с автоматизацией, интенсификацией и гомогенизацией труда.

- Последовавший за этим рост рабочих и бюрократизированных союзов.

- Проведение этими союзами переговоров о едином уровне зарплаты, связанный с увеличением прибыли и производительности.

- Увеличение рынка однородной продукции массового промышленного производства и, вследствие этого, гомогенизация потребительских моделей потребления.

- Рост заработной платы, обусловленный объединением в профсоюзы и ведущий к возрастанию спроса на товары массового производства.

- Рынок продукции, управляемый в соответствии с кейнсианской макроэкономической моделью, и рынок труда, который регулируется посредством заключенных коллективных соглашений, за чем наблюдает государство.

- Массовые образовательные учреждения, подготавливающие массовую рабочую силу для промышленных отраслей³.

Фордистский проект удерживал популярность не менее полувека: с 20-х гг. вплоть до 1970-х гг. Считается, что программой Г. Форда руководствовались государственные деятели для выработки принципов новой социальной политики.

Новые социальные условия поставили вопрос о новых формах взаимодействия экономики, государства и гражданского общества. Однако понимание новой роли государства утверждалось медленно и приобретало неодинаковые формы и степени в зависимости от страны. То есть капитализм не спешил «социализироваться» и пытался тому всячески сопротивляться, активно используя и по возможности расширяя методы политического лоббирования.

³ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-изд.. М-СПб., 2002. С. 191.

Неслучайно ряд исследователей (М.Адлер, А.Шлезингер, Л.Гринин, И.Валлерстайн) отмечают сохранение классовой сущности политики правящих структур, воля которых была направлена в благоприятное для крупных капиталистических собственников русло, насколько позволяла ситуация. Современный исследователь Леонид Гринин рассматривает в качестве основного противоречия индустриализма - антагонизм «между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений – с другой»⁴. И подобный «вызов» общественному организму был во многом подготовлен деятельностью политических структур, явно сочувствующих экономически имущим группам.

Специфика подобного внутреннего «вызова» капитализма заключалась еще и в том, что в ряде стран развитого капитализма он долго не распознавался. Результатом стала череда экономических кризисов перепроизводства, венцом которых стала Великая Депрессия 1929-1933гг. Но зачастую даже в условиях обострения социально-экономических проблем политические лидеры не спешили принимать меры, как то противоречащие канонам классической либеральной идеи о «невидимой руке рынка» и государственном невмешательстве. В этом плане можно назвать президентов К.Кулиджа, Г.Гувера и многих других.

На подобную довольно таки универсальную проблематику национальные системы дали несколько альтернативных «ответов». В этом плане следует указать на социалистический (левый) и консервативно-революционный (правый) проекты. Первый был ярко воплощен в Советской

⁴ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса. М., 2009. С. 77.

России, проделавшей впечатляющий путь грандиозного взлета и сколь неожиданного, столь и униженного падения. Второй имел по большому счету несколько вариантов, имеющих взаимные сходства и различия примерно в одинаковой степени. Это ряд фашистских режимов, а также национал-социалистический порядок в Германии, которым современная политкорректность до сих пор не устает посылать проклятия.

Что же, это вполне логично, поскольку фашизм органически противоположен капитализму, вопреки заверениям социалистической мысли о том, что фашизм есть порождение буржуазии. Не порождение, а скорее реакция на буржуазию и реакция негативная⁵. В рамках фашизма, буржуазии была оставлена только экономическая власть, причем в урезанном виде. Политическая сфера же предназначалась вовсе не для капиталистов, склонных к компромиссам и подкупам. Попытка реанимировать героические ценности традиционного общества, предпринятая «консервативной революцией», в конечном итоге, провалилась, но на какой-то момент все же поддержала ряд национальных организаций, не дав им скатиться в пропасть нищеты, куда их чуть было не ввергли потерявшие чувство меры капиталисты.

И даже в странах, где либерально-демократический проект не был отменен, крупные собственники все же вынуждены были отступить, пусть и на время. Весьма скептически настроенный исследователь Ф. Ландберг признает, что при общем взаимном положительном настрое политиков и крупных собственников, порой для их «дружбы» наступали тяжелые времена. Самыми показательными в этом плане были 30-е годы, от периода «Великой Депрес-

⁵ Об этом см. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции М., 2004; Дугин А.Г. Консервативная революция. М., 1996; Тамбиянц Ю. Г. Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии. Монография. Изд-во СКНЦ ВШ. - Ростов н/Д., 2006.

сии» и вплоть до Второй мировой войны. В те годы Америка оказалась в тисках жесточайшего кризиса. «Система, позволявшая крупным магнатам наживаться и процветать вдруг отказала, и правительство вынуждено было что-то срочно предпринимать»⁶. Это дало толчок «новому курсу» президента Франклина Рузвельта, в основу которого были положены принципы новой экономической доктрины, разработанной в трудах Дж. М. Кейнса. В общем плане суть ее заключается в принципиальном пересмотре социально-экономической роли государства, за которым признавался статус одного из главных субъектов рынка, что проявлялось функциями перераспределения, регулирования спроса. Безграничной свободе рынка были положены жесткие пределы, а кейнсианскую модель справедливо характеризовали как «встроенный либерализм» (Д.Харви). Как полагает Колин Крауч, в кейнсианстве заключалось решение проблемы противоречия «между незащищенностью и неопределенностью, создаваемыми потребностью рынка приспособляться к экономическим шокам, и необходимостью для демократической политики отвечать на запросы граждан, желающих защищенной и предсказуемой жизни»⁷.

Таким образом удалось добиться временного совпадения интересов промышленного рабочего класса и общих политико-экономических интересов системы. Промышленные рабочие представляли собой не только класс-антагонист по отношению к капиталистам, хозяевам производства. Дело в том, что вторые остро нуждались в первых - ведь от потребительского поведения рабочих теперь зависел экономический рост, что было центральным прин-

⁶Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М.,1971. С. 367.

⁷Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 162.

ципом фордизма. Упомянутый К. Крауч справедливо считает, что кейнсианская модель в сочетании с фордистской системой стала подлинным ответом на многочисленные требования рабочих групп, «примилив их с капиталистической системой производства»⁸. В то же время этот же автор (и не только он) отмечает, что в самой политико-экономической системе, охарактеризованной как «государство всеобщего благосостояния» скрывались предпосылки ее будущего кризиса. Во многом это связано с пространственным расширением капиталистической модели и вполне естественным ее усложнением.

Период «организованного капитализма» характеризуется куда более активным продвижением капиталистических принципов на международном уровне, чем это было в период первоначального накопления. Это объясняется не только с точки зрения экономических, но и политических и, несколько в меньшей степени, культурных причин. Гигантизм крупных капиталистических корпораций - монополий требовал новых ресурсов и рынков, размах которых уже не всегда мог быть обеспечен возможностями национальных территорий. Колониализм конца XIX в. принципиально отличался от колониальной политики начала того же столетия. Если ранее колониальные владения, как правило, ограничивались приморскими торговыми поселениями, то в период 1870-1914 гг. европейцы стремились к углублению на «туземную» территорию, чтобы более основательно использовать имеющиеся здесь ресурсы в производственном процессе.

Новая колониальная политика данного периода в социально-исторической литературе (Дж.Гобсон, В.Ленин, Р.Люксембург) получила название империализма. Ее специфика заключалась в том, что, поскольку «осваиваемые»

⁸ Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 165-166.

территории включались в капиталистическое производство на более основательном уровне, сюда происходит подлинный экспорт европейской социальной организации: хозяйственной деятельности, осуществляемой на европейской (а значит, передовой) технологической основе, государственной власти и самого государства. Империализм многими рассматривается в качестве этапа международных отношений, который закономерно привел к глобализации.

Если на национальном уровне принцип свободной конкуренции фактически уходил вспять в эпоху организованного капитализма, то в международной торговле конкуренция сохранялась дольше (возможно, потому, что заявила о себе позже), и в чем-то была даже более ожесточенной. Как бы то ни было, но большую часть XX столетия продвинутые в индустриальном отношении общества решали проблему - как застолбить наиболее выгодную позицию в формирующейся мир-системе или международном разделении труда.

Международная конкуренция весьма подхлестнула два очень важных процесса, которые в будущем подверглись основательному розыгрышу в иерархических вопросах, о чем речь еще впереди. Их можно рассматривать как своего рода «ответы» на внешний вызов капитализма. Во-первых, технический и технологический прогресс. Грубо говоря, здесь стремление к получению большей прибыли осуществляется путем более интенсивного и, главное, рационального использования ресурсов. Такой путь довольно эффективно был использован США.

Собственно, американское общество не имело колониальных традиций, что не оставляло ему особых альтернатив. Но технический прогресс здесь дополнялся рывком в сфере социальных технологий. Ведь именно в США получил развитие научный менеджмент (Ф. Тэйлор), а также принцип конвейерного производства (Г. Форд). Успехи на

этом поприще не в последнюю очередь predeterminedили статус Америки в качестве мирового гегемона. Условия свободной конкуренции (впоследствии легализованные Атлантической хартией) как раз представляли наибольшие шансы стране, наиболее продвинутой в технологическом отношении⁹.

Во-вторых, расширение мирового хозяйственного пространства, что во многом первоначально происходило с целью поиска ресурсов для включения их в капиталистическое производство (экстенсивный путь). Подобный «ответ» долгое время использовался большинством европейских стран, где наиболее удачлива была Великобритания, создавшая мощнейшую колониальную империю. Ставка в мировых конфликтах первой половины 20 столетия – глобальная гегемония, которая подразумевала корректировку транснационального пространства под свои интересы. Неслучайно, оба раза фактическим инициатором выступала Германия, страна с уже вполне утвердившимися капиталистическими отношениями, но опоздавшая ко времени основного раздела колониального мира.

Две мировые войны серьезно встряхнули капиталистический (и не только) мир. С одной стороны они задали тенденции к национальному единению, что закономерно вело к еще большему укреплению государственных структур, приданию им более надклассового (национально ориентированного) характера. Неслучайно, военные условия благоприятствовали кейнсианской модели, которая безоговорочно господствовала еще на протяжении как минимум трех послевоенных десятилетий.

В то же время, с другой стороны был фактически полностью дискредитирован прямой силовой метод реше-

⁹ Неслучайно, что сама Атлантическая хартия разработана америкаскими экспертами и навязана под давлением Америки. Подробнее об этом см. *Паршев А.* Почему Америка наступает. М., 2002.

ния проблем мировой конкуренции. Германия, при всей своей несомненной военной мощи, проиграла оба мировых конфликта. Это убедило многих в том, что крутая международная заваруха – дело чрезвычайно дорогостоящее во всех отношениях, а регулярные военные успехи могут оказаться совершенно бесполезными в конечном итоге.

Технический прогресс, социальные завоевания и общий рост материального благосостояния определили изменения в стратификационной структуре индустриальных обществ и в первую очередь – в средних и низших стратах. Даже марксистская социология была вынуждена признать проблему «обуржуазивания» рабочего класса, чей имущественный доход непрерывно рос. Не менее значимым явлением стало появление «белых воротничков» - наемных работников, занятых умственным, а не физическим трудом. Причем их количество росло такими темпами (в период с 1870 по 1940г. на 1600%), что стало уместно ставить вопрос о новом среднем классе, занимающем промежуточное положение между работодателями и наемными работниками. В то же время относительно сокращалось количество работников, занятых чисто физическим трудом. В этой связи делались предположения, что новые технические условия обеспечивают дальнейшее сдвигание классовой границы пролетариата вглубь слоев интеллигенции и служащих¹⁰.

Надобно заметить, что темпы социальной динамики продолжали набирать ход, и их результаты со всей наглядностью стали проявляться в последней трети XX в. Это время, которое многие склонны обозначать как «телекоммуникационная революция», «информационная революция» и т.п. Суть подобных изменений заключается в неве-

¹⁰ Шкаратан О.И, Иняевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен)// Общественные науки и современность. 2007, № 4, С.53.

роятно расширившихся возможностях коммуникационного обмена и причем по множеству каналов. Так, уже в 1988 году в мире насчитывалось около 17000 международных телефонных сетей, по которым было возможно осуществлять мгновенный обмен конструкторскими чертежами, видеоизображениями и другими данными. Кроме того, если в 1930г. трехминутный разговор между Нью-Йорком и Лондоном стоил около 300 долларов (в ценах на 1996 г.), то в 1996 году уже около одного доллара¹¹. Как констатировал в 1991году Р.Райх: «Основные знания и денежные средства, а также значительный объем товаров и услуг, выступающих в качестве статьи обмена между людьми разных национальностей, сегодня легко преобразуются в электронные сигналы, движущиеся со скоростью света.... При этом такие нити складывающейся глобальной паутины остаются практически невидимыми и поэтому контролю часто не подлежат»¹². По данным концерна Microsoft, на первую половину 2000-х гг. в мире имеется 1,5 млрд. телевизоров и 2,5 млрд. радиоприемников, которыми пользуются 75% населения Земли¹³.

Сдвиги в способе производства стали столь значительными, что отражались на других общественных сферах. Это дало повод говорить о наступлении нового типа общественных отношений – постиндустриального (Д. Белл), информационного (Т.Умесао), посткапиталистического (П.Дракер), постэкономического (В.Иноземцев) общества или общества «третьей волны» (А.Тоффлер). Прежде всего было явно заметно сокращение вторичного сектора (промышленного производства) при одновре-

¹¹ Арин О.А. Мир без России. М., 2002. С. 295.

¹²Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века». Интернет-ресурс - http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1506.html

¹³ Еляков А.Д. Информационный тип социального неравенства// Социологические исследования 2004, №8.

менном росте третичного сектора (сферы услуг). Этот процесс многие социологи были склонны характеризовать как «деиндустриализация», при этом отнюдь не придавали ему патологический смысл, но напротив, видели в нем признак социального прогресса. Ведь теперь в качестве основного работодателя выступала именно сфера услуг – наука, образование, медицина, социальное обеспечение и страхование, государство и управление. Отсюда трудовая деятельность становилась более интеллектуализированной, с одной стороны, а расширяющаяся сервисная структура совершенствовала качество жизни - с другой.

В результате информационных технологий действительно получают распространение новые организационные и управленческие модели. В ряде сфер происходит переход от гигантских, суперцентрализованных экономических (и даже политических) структур к малым децентрализованным предприятиям, к локальным низовым структурам. Все чаще в качестве конечного продукта выступает уже не гигантская масса стандартизированных товаров, а индивидуализированные продукты потребления и услуги. Оптимальным способом организации такого труда становится адхократия (лат. *ad hoc* – применительно к обстоятельствам) - «временная, ситуативная организация, направленная на решение какой-то конкретной задачи, реализацию конкретного проекта, в которой каждый организационный компонент является свободным модулем и взаимодействует с другими компонентами организации не только по вертикали, но и по горизонтали. Решения, принимаемые адхократией, также как и товары и услуги, дестандартизированы. Работа для большинства людей становится вариативной, дестандартизированной, не повторяющейся и ответственной, требующей от индивида способности к свободе действий, принятию самостоятельного решения, оценке и

суждению, постоянной готовности сменить сферу занятости, профессию»¹⁴.

Эти процессы получили неоднозначное толкование в обществоведческой литературе. Как мы увидим далее, ряд исследователей склонен придавать указанным изменениям не столько системный, сколько фрагментарный характер, приводя по этому поводу достаточно весомые аргументы. Но, как бы то ни было, сама трудовая деятельность действительно существенно трансформировалась. Продолжающийся технический и технологический рывок заставил говорить об уходящей в прошлое трудовой социальной реальности и приходе ей на смену реальности информационной. Здесь ставится на вид не конец труда как такового, но сокращение его возможностей в качестве главного организующего принципа общественных структур. Это обстоятельство нашло отражение в двух объективных процессах, получивших широкий общественный резонанс. Во-первых, это расслоение среднего класса, во-вторых, рост безработицы, которая обладала уже совсем иным смыслом, чем в индустриальную фордистскую эпоху.

Происходящие перемены в направлении информатизации и компьютеризации поставили под вопрос существование «белых воротничков» как целостной группы, обладающей классовыми признаками. С одной стороны отмечается дальнейшая интеллектуализация и профессионализация средних слоев, с другой – их растущая дифференциация. Кризис государства всеобщего благосостояния (или социального государства) был ознаменован падением как уровня жизни, так и социальной роли нового среднего класса, так настойчиво заявившего о себе еще во второй трети XXв. Размывание среднего класса происходило в основном по вертикали – его меньшая часть становилась еще

¹⁴ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.,2004. С. 291-292.

более преуспевающей, фактически войдя в элитные слои («золотые» и «платиновые» воротнички). А вот большая часть нового среднего класса испытала нисходящую мобильность, растеряв еще некогда устойчивые позиции на рынке труда.

Основным источником производительности теперь принято считать знания и инновации. Отсюда «новые производители в информационном капитализме суть те создатели знания и обработчики информации, чей вклад наиболее ценен для фирмы, региона и национальной экономики». Информационные производители включают высококвалифицированных менеджеров, профессионалов, техников. В количественном плане они занимают около трети населения в странах ОЕСD (М.Кастельс). подавляющее большинство других работников принадлежат к категории родовой рабочей силы, потенциально заменимой либо машинами, либо другими родовыми рабочими. «Они нуждаются в информационных производителях для защиты своих позиций при заключении контрактов. Но последние не нуждаются в них: это фундаментальный раскол в информационном капитализме, ведущий к постепенному растворению остатков классовой солидарности индустриального общества»¹⁵.

Эта увеличивающаяся дистанция занятых интеллектуальным трудом преуспевающих групп от родовой рабочей силы, как принято считать, обусловлена разрушением функционального единства, присущего отношениям между трудом и капиталом на более ранних стадиях индустриального общества. Но эта же тенденция порождает и другой эффект и куда более проблемный. Речь идет о современной безработице, которая, как многие считают, изменила свои

¹⁵ Шкаратан О.И, Инясевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен)// Общественные науки и современность. 2007, № 4, С. 62.

сущностные черты. Ранее безработица рассматривалась как средство для усиления капиталистической эксплуатации, а резервной армии труда придавалось значение фактора внеэкономического принуждения. Но сегодня многие исследователи склонны утверждать, что производство вовсе не нуждается в безработных, чтобы лишний раз стимулировать производительность труда. Выделяют множество потоков или причин, которые питают современную безработицу (например, известный футуролог Алвин Тоффлер насчитывал семь таких причин). Наиболее важное значение имеют структурная и информационная безработицы. Первая связана прежде всего с переструктурированием экономики, закрытием, сокращением или перемещением в другие районы страны (а нередко и в другие страны) промышленных отраслей. Вторая связывается с недостаточной профессиональной подготовкой рабочей силы. Современные технологии, нынешнее информатизированное производство предъявляют особые требования к качеству рабочей силы – квалификация должна быть либо более высокой, либо попросту другой.

Поскольку чертой современного общества является практически постоянная структурная перестройка хозяйственной сферы, то структурная и информационная безработица является неизбежной. Таким образом, в отличие от ситуаций прошлого, рабочая сила сегодняшних безработных стала по-настоящему излишней, как утверждает отечественный теоретик Наталья Полякова¹⁶. И действительно, теперь сокращение рабочих мест сопровождается ростом производительности труда(!). Неслучайно «сброс» рабочей силы как ненужного балласта стал обычным явлением современной действительности. В США в 90-е гг. Дженерал Моторс закрыл 21 завод, уволив 20 тыс. рабочих, 10 тыс.

¹⁶ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.284.

инженерно-технического персонала; в это же время ИБМ ликвидировал 20 тыс. рабочих мест; Диджитал Эквипмент – 10 тыс. мест и т.д. В то же время французские банки в преддверии крупных слияний объявили о ликвидации приблизительно 40 тыс. рабочих мест¹⁷.

В новой социальной реальности заявил о себе *пост-фордизм*, которым обозначаются иные формы социально-экономических отношений, предполагающие следующие стандарты взаимодействия труда и капитала.

- Снижение интереса к продукции массового производства сопровождается ростом интереса к более индивидуализированным товарам, особенно к высокому качеству и утонченному стилю.

- Более индивидуализированные товары требуют более короткого производственного цикла, что приводит к созданию меньших и более производительных систем.

- Более гибкое производство становится прибыльным благодаря внедрению новых технологий.

- Новые технологии, в свою очередь, влекут за собой потребность в рабочих, обладающих более разнообразными навыками, лучше обученных, более ответственных и свободно мыслящих.

- Управление производством должны осуществлять более гибкие системы.

- Огромные, негибкие бюрократические системы нуждаются в радикальной перестройке, для того чтобы действовать эффективно.

- Бюрократизированные объединения (и политические партии) больше не в состоянии адекватно представлять интересы новой, сильно дифференцированной рабочей силы.

- Децентрализованные коллективные соглашения приходят на смену централизованным переговорам.

¹⁷ Рамоне И.Геополитика хаоса. М., 2001. С.24, 51.

- Происходит изменение личности рабочих, они начинают сильно различаться по потребительским предпочтениям, стилю жизни, культурным запросам.

- Централизованное государство благосостояния уже не удовлетворяет потребности (например, что касается здоровья, благосостояния, образования) сильно дифференцированного населения, поэтому требуются более гибкие и дифференцированные учреждения¹⁸.

Однако переход к постфордизму хотя и имел место, отнюдь не означал полного забвения его предшественника. Джордж Ритцер уверен в сохранении многих элементов фордизма, не носящих признаков вырождения. Тому доказательство – макдональдизм, также новое явление современности, развивающееся с огромной скоростью. В макдональдизме четко обозначены все основные черты фордизма: однообразная продукция, жесткие технологии, стандартизированные операции на рабочем месте, сокращение использования квалифицированной рабочей силы, гомогенизация труда и потребителя. «Таким образом, - заключает Ритцер, - фордизм жив и благополучно существует в современном мире, хотя странным и причудливым образом превращается в макдональдизм»¹⁹. Присутствие элементов фордизма (например, конвейера) сохраняется и в других секторах экономики развитых стран.

Наконец, знаковым явлением современной социальной реальности стал феномен глобализации. Среди исследователей нет единства в определении фундаментального источника данного явления, одни объясняют его природой капитализма, другие – революцией в системе информационных коммуникаций, третьи – геополитической ситуационной спецификой. Но, как бы то ни было, сама глобализа-

¹⁸ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-изд.. М-СПб.2002. С. 191-192.

¹⁹ Там же, с. 192.

ция как данность признана практически всеми. Как и в любом масштабном общественном явлении в ней имеется экономическая, политическая и культурная составляющая. Но наиболее пристальное внимание обращает на себя все же первая, так как исходящие от нее импульсы существенно отражаются на других сферах общественной жизни.

Монополистический или корпоративный капитал, заявивший о себе еще во второй половине XIX в. продолжал свое победоносное шествие и столетие спустя. Однако теперь это осуществляется несколько по иным принципам, чем колониальная политика, явившаяся подспорьем империализма. В условиях, когда были приняты новые нормы международного права, упразднившие политическую зависимость (крах колониальной системы), на первый план вышли экономические механизмы международной концентрации капитала. При этом если обратить внимание на наднациональный уровень, то приходится признать наличие не одной, а двух экономик – реальной, обеспеченной производственным процессом, и виртуальной, касающейся перемещения финансовых средств с помощью новых коммуникационных технологий.

Что касается реальной экономики, то здесь продолжается расширение производства, чему способствуют как технические и технологические возможности, так и вовлечение других стран в хозяйственный процесс, все более приобретающий мировой характер. Прежде всего следует сказать о перемещении производственных мощностей в развивающиеся страны (или, как принято говорить, страны «третьего» мира). По данным на конец 90-х гг. зарплаты работников Азиатско-Тихоокеанского региона колебались от 2,5 до 44 долларов в день, тогда как в промышленно развитых странах Европы, США, Японии они не опускаются ниже 95 долларов. Естественно, что «деиндустриализация» развитых стран и «индустриализация» развивающих-

ся стран несет солидную экономическую выгоду компаниям, которые выросли до уровня мощнейших транснациональных корпораций.

К началу 1990-х гг. насчитывалось приблизительно 37000 транснациональных фирм, которые имели в совокупности 170 000 филиалов. Двести крупнейших из них представляют собой конгломераты, действующие во всех трех секторах экономики. При этом экономические возможности многих ТНК зачастую превышают экономический потенциал отдельных государств. Так, объем производства Дженерал Моторс превышает ВВП (валовой национальный продукт) Дании, оборот Форда оказывается больше, чем ВВП Южной Африки, а оборот Тойоты превосходит ВВП Норвегии²⁰.

Однако объективные данные не позволяют говорить о забвении национальных (государственных) интересов международными экономическими субъектами. Это невозможно хотя бы в силу тесной увязки экономических ресурсов с политическими. Так, по выкладкам Михаила Делягина, 500 наиболее крупных корпораций имеют долю в общемировой торговле технологиями и управленческими услугами достигающую 80%. В то же время 407 из этих пятисот компаний принадлежат странам «большой семерки». Штаб-квартиры 24 тыс. транснациональных корпораций располагаются в 14 наиболее богатых странах мира²¹. Еще более конкретизированные данные приводит Дэвид Роткопф. Из выделенных им 106 мегакомпаний, объем продаж которых превышает 50 млрд. долларов, 38 базируется в США, 53 – в Европе и еще 8 – в Японии. Подобный расклад, считает Д.Роткопф, оказывает влияние на приори-

²⁰ Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001. С. 49.

²¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.255.

теты крупного бизнеса и политических структур, пользующихся его поддержкой²².

Производственный наплыв в развивающиеся страны, сулящий весомый финансовый выигрыш, естественно влечет за собой свертывание производств в развитых странах, отражающееся уровнем той самой структурной безработицы. В то же время трудовая интеграция начинает носить территориально расплывчатый характер. Как пишет Роберт Райх (Райк), «Американский инженер-программист, связанный компьютерами и факсами с мировой сетью, зависит в большей мере от инженеров в Куала Лумпур, от производителей на Тайване, от банкиров в Токио и Бонне, от специалистов по продажам и маркетингу в Париже и Милане, нежели от обычных работников, занятых на заводе в том же городе»²³.

Значительные предпосылки виртуализации экономики крылись в кризисе 1973-1975гг., который побудил правительства развитых стран отказаться от прямого контроля за банками. К середине 1990-х гг. были сняты практически все ограничения на передвижения иностранных капиталов на национальные рынки, что, естественно, сказалось на объемах. Некоторые исследователи даже сочли возможным говорить о некой «финансовой революции» (И.Доронин, Л.Гринин), для чего, по всей видимости, имеются определенные основания. Так в 1979г. объем операций на мировом рынке капиталов составил около 80 млрд долларов, через десятилетие он возрос без малого в 9 раз (718 млрд долларов), а еще через десятилетие вырос более чем в два раза (1,5 триллиона долларов).

Кроме того, за последние два десятилетия информационные технологии создали невероятные возможности для перемещения финансовых средств, что многократно

²²Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 61.

²³ Там же, С. 43.

усилило возможности проведения финансовых спекулятивных операций. Как пишет Леонид Гринин, подобные приемы «основаны на возросших возможностях концентрации капиталов и управления чужими средствами путем получения прав на покупку/продажу гигантских активов с помощью современных форм торговли фондами всего за 2-3% их стоимости; на многоуровневом перестраховании рисков; на ускоренной почти конвейерной выдаче кредитов и усиливающейся деперсонификации капиталов, вращающихся на международных рынках и т.д. Эти технологии оказались гигантски усиленными информационно-компьютерными инновациями,... Такой симбиоз придал финансовым операциям невиданный масштаб, в результате чего произошел или усилился отрыв этих финансовых технологий от реального сектора»²⁴.

Результатом стала резко возросшая роль фондового рынка и ускорение финансовой и экономической глобализации. За последнее десятилетие XX в. капитализация мирового фондового рынка выросла в 4 раза. Нынешняя виртуальная экономика временами не уступает по значению реальной экономике, и многократно превосходит ее по объему оборота. «Постоянное движение валют и процентных ставок, - пишет обозреватель французского журнала «Ле Монд» Игнасио Рамоне, - выступает как фактор нестабильности, который тем более опасен, что он действует автономно и все более независимо от политической власти»²⁵.

Дополнительную опасность здесь еще несет то обстоятельство, что некоторые страны (как развитые, так и развивающиеся) могут при этом испытывать даже что-то вроде экономического подъема. Но такое процветание, как

²⁴ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс: политический срез исторического процесса. М., 2009, с.170-171.

²⁵ Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001, С. 44.

правило, оказывается весьма зыбким, поскольку вызывается не реальным производством, а спекулятивным капиталом. В любой момент может произойти резкий отток (или, проще говоря, бегство) капиталов, что вызовет мгновенную катастрофу национальной экономики. Это случалось и случается со странами, не особенно крепкими в экономическом и политическом отношении (Мексика 1994г.).

Таким образом из этого очень краткого обзорного анализа социальных трансформаций последнего столетия можно сделать вывод о взаимозависимости тех явлений, которые признаны в качестве знаковых в описываемое время. Речь идет о «развитом капитализме», «индустриальном обществе», «фордизме», «постиндустриальном обществе» и, наконец, «глобализации». В дальнейшем мы попытаемся проникнуть в суть этих феноменов, обращаясь к концепциям наиболее известных ученых, работающих в данном направлении.

Глава I Индустриальное общество в социологических теориях XX в.

1.1. Технократическая социология XXв.

Технократические подходы первой половины XX в.

Одним из главных направлений социологии двадцатого столетия стали разработки проблем социальной роли технического прогресса. Последний справедливо рассматривался как важный фактор общественного развития, причем в ряде концепций это обстоятельство занимало главенствующее положение. Бурная социальная динамика могла быть рассмотрена как инерция индустриальной революции, но эта инерция имела к тому же еще и ускоряющийся характер. Интенсификация производственной деятельности, экономический оборот требовали более гибкой системы финансового обеспечения, что несколько по иному заставляло взглянуть на проблему собственности.

Так называемые технократические подходы формировались в основном в рамках американской социологии. Одним из первых, кто попытался осмыслить социальные результаты развития техники, был Торстейн Веблен (1857-1929), профессор Чикагского и Нью-Йоркского университетов, работавший по большей части в сфере экономической социологии. Этот ученый известен прежде всего как сторонник институционального направления. Суть последнего в общем виде сводится к тому, что общественная жизнь рассматривается через институты – преобладающие типы мышления по поводу отношений и функций индивидов. При этом это не столько психологические предпочтения, сколько мировоззренческие стандарты, имеющие объективный характер, лежащие в основе устойчивых типов социального поведения. Естественно, что разные общественные группы и сообщества имеют специфические нормы, жизненные стили и поведенческие ориентации. Но изучение под обозначенным углом институциональных ха-

рактических различных социальных групп как раз и дает возможность понимания как их взаимодействий в обществе, так и в целом общества.

Т.Веблен исходил из двух объективных предпосылок, позволивших ему выстроить собственную логику. Во-первых, это заявивший о себе акционерный капитал, появление которого было обусловлено ростом машинного производства, потребовавшего новых капиталовложений, а также заставило обратить внимание на разделение функций владения собственностью и управления собственностью. Если ранее в лице владельца совмещались еще и функции управления, распоряжения, а также контроля, то теперь же предприятия, деятельность которых основывалась на акционерном капитале, приобретают определенную независимость от своих владельцев. Веблен утверждал, что в этом случае мы имеем дело с «отсутствующей собственностью». Ведь с одной стороны акционерная собственность имеет рассеянный, а не концентрированный характер, с другой стороны держателями акций зачастую выступают люди, имеющие мало отношений к непосредственно производственному процессу.

Во-вторых, бурный научно-технический прогресс дал толчок появлению новой профессиональной группы – инженеров и техников, выдвинувшейся на передовые позиции в общественной системе. Дело в том, что стремительно усложняющийся производственный процесс выдвигает новые требования к своим субъектам. «Как в целом, так и в отдельных моментах промышленное производство представляет собой процесс, характеризующийся количественно измеримой причинностью... Роль работника в промышленном производстве меняется, превращаясь из обладания исходной движущей силой в распознавание и оценку под-

дающихся количественному выражению физических явлений и их последствий»²⁶.

Выразителем первой тенденции стали финансисты, потеснившие в начале двадцатого столетия группу традиционных предпринимателей. В то же время подобный процесс имел свои негативные последствия – если старые предприниматели были ориентированы на реальное производство, то контролирующие акционерный капитал финансисты озабочены не производством, но тем, чтобы «делать деньги». Таким образом, по мнению Веблена, финансовые специалисты, в силу превалирования стяжательской ориентации, объективно препятствуют развитию промышленности, а стало быть и социальному прогрессу.

А вот технические специалисты, по мнению Веблена, являются именно той группой, которой присущи ценности и стремления, совпадающие с целями общественного блага. Кроме того, их умственные способности и навыки все больше оказываются объективно востребованными, ведь на экономический процесс теперь оказывает большое влияние «способность быстрого понимания и непредвзятой оценки»²⁷.

Следует отметить, что в подобных представлениях Веблена отразилась определенная идеализация технократов, в которых он был склонен видеть носителей прогрессивных тенденций. Между тем во второй половине XX в. технократизм в основном рассматривался как синоним исключительно рационального мышления, фактически лишённого каких-либо ценностных аспектов. Вероятно, что в условиях жесткого мировоззренческого противостояния, присущего «веку идеологий», технократический подход многим представлялся как подлинное освобождение от любых идеологических шор.

²⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 272-273.

²⁷ Там же. С. 273.

Но «технарям» противостоит группа финансовой олигархии, более озабоченная своими групповыми или классовыми интересами, в основе которых лежат чисто коммерческие цели. Подобный антагонизм является ключевым моментом для понимания ситуации в индустриальном обществе 20-х гг. XX в. Проблема в том, что хотя роль технических специалистов и возрастает, они все же не являются хозяевами экономического положения или хозяевами промышленной системы. Конструктивное разрешение подобного конфликта может иметь место только в случае перехода к инженерам и техникам руководства промышленной системой.

При этом Веблен отнюдь не зовет к новой пролетарской революции. Он подчеркивает существенную дистанцию между рабочим классом и группой технических специалистов, а также их культурные различия. В отношении первых, по мнению Веблена, вообще трудно говорить о единой системе ценностей, интересов, целей, так как рабочие - очень многочисленная и довольно разнородная группа. Кроме того, этот автор отмечает интеллектуальные различия – «бестолковые рабочие» существенно уступают специалистам по этой части. Таким образом, Веблен достаточно скептически подходит к тезису Маркса о возможности формирования пролетарского классового сознания. Инженеры и специалисты являются более сплоченной группой и именно им, по мнению Веблена, предстоит совершить трансформацию общества. По этому поводу ученый даже пытается разработать некий проект, суть которого состоит в постепенном переходе контроля за целыми отраслями экономики и финансовыми потоками в руки технократов.

Таким образом, Торстейн Веблен стремится обеспечить более поступательное развитие общества за счет расширения рационального контроля. В этом он был отнюдь

не одинок. Первые десятилетия двадцатого века группа западных ученых (Г.Скотт, Г.Уорд), объединенных под названием «технократического движения», требовали сделать еще более весомой роль научного анализа. Они считали, что новые технологии открывают перед обществом доселе недоступные возможности, которыми жизненно важно воспользоваться.

«Технократы» констатировали все расширяющийся «культурный разрыв» между технологической и социальной реальностями, видя в нем причину Великой Депрессии. По их мнению, существующая социальная структура является устаревшей и не адекватной тому производственному потенциалу, который был порожден новыми технологиями. В основе первой лежит так называемая «система цен» - принцип максимизации прибыли. В результате промышленность стала походить на гигантскую машину, управляемую финансистами и представителями бизнеса. Вместе с тем для растущих общественных потребностей необходима более гибкая система функционирования экономических институтов и управления производством. Технологическая безработица, ее рост наглядно демонстрируют несовместимость технологии и существующей институциональной структуры²⁸.

Выходом из положения, как считали «технократы», отнюдь не является обращение к разного рода политическим силам – республиканцам, демократам, коммунистам и т.д. Уязвимость их позиций заключается в идеологической зашоренности. Ведущая роль должна перейти к экспертам – ученым и техникам, которые будут руководствоваться исключительно соображениями научного подхода.

Как пишет Наталья Полякова, «технократы предлагали такую систему, в рамках которой решения бы проекти-

²⁸ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.91.

ровались техническим, а не экономико-финансовым образом и должны были бы приниматься как функция промышленной организации. Только такие решения могли привести к экономике изобилия и устранению назревших социальных проблем»²⁹.

Очень существенное внимание научной общественности привлекла концепция «менеджеральной революции». Ее теоретическими предшественниками были ученики и последователи Т.Веблена - А.Берль и Г.Минз, а главным автором считается Джеймс Бернхэм, чья вышедшая в 1948г. книга «Менеджеральная революция» на несколько десятилетий стала научным бестселлером. А.Берль и Г.Минз доказывали, что распространение акционерной собственности и возрастание значения функций управляющих затрагивает проблемы, далеко выходящие за рамки собственно экономических отношений. Если раньше было принято выводить власть из собственности, то при нынешнем положении дел, когда производственный процесс пронизывают отношения «власти без собственности», имеет смысл взглянуть на эту проблему по-другому. Власть имеет более субстанциональный характер, чем собственность, а последняя предстает лишь частным случаем первой.

Дж.Бернхэм в упомянутой работе констатирует существенный трансформационный сдвиг капиталистического общества, суть которого состоит в формировании нового господствующего класса – менеджеров и администраторов. Именно к ним приходят функции управления обществом. Новый тип социальных отношений уместнее называть «менеджеральным обществом», отказавшись от термина «капиталистическое общество». И к этому Бернхэм дает следующие пояснения.

²⁹ Там же. С. 92.

Во-первых, новая элита не владеет, а лишь управляет собственностью, в отличие от капиталистических собственников, которые сочетали в себе и функции владения, и функции управления.

Во-вторых, ориентации менеджеров и администраторов выше простых стремлений к прибыли, они руководствуются задачами, значимыми для всего общества.

В-третьих, в новом обществе частная эксплуатация сходит на нет. Ей на смену приходят новые виды эксплуатации: корпорационная, организационная, государственная.

В-четвертых, новое общество на порядок организованней старого. Свободный и «дикий» рынок капиталистического общества теперь ограничен бюрократическими методами управления, имеет место частичная государственная монополия. Как справедливо отмечает Полякова, менеджериальное общество в равной мере включает в себя и капиталистические, и социалистические элементы в экономике, социальной и даже ценностной сферах. Этому обществу оказывается свойственным не только коллективизм и планирование, но и социальная справедливость³⁰.

Подытоживая рассмотрение теорий технократизма, следует подчеркнуть, что социально-экономические сдвиги первой половины XX столетия не могли остаться незамеченными в общественном сознании. При этом последствия этих изменений выходили за рамки собственно экономических отношений, принципиально меняя формы властных отношений, на чем в частности настаивают теоретики менеджериальной революции.

Технократы справедливо обращают внимание на научно-технический прогресс как один из главных социальных факторов. Его значение переоценить трудно, тем

³⁰Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.95.

более что он повлиял не только на материальную сторону общественной жизни. Растущий авторитет науки продолжал духовную секуляризацию. Социальное сознание, как и поведение, становились все более рационализированными, свободными от разного рода религиозных и идеологических штампов, как полагали сторонники технократического подхода. Не случайно рассмотренные ученые видели в группе технических экспертов субъект, наиболее способный к тому, чтобы обеспечить грядущий общественный рывок. У некоторых из них, например Торстейна Веблена, подобное соображение выросло в форму целого социального проекта, правда, утопического.

В то же время, интерпретируя науку в качестве политически нейтрального явления, технократы невольно идеализировали ее. Они мало принимали во внимание то обстоятельство, что наука, вернее те, кто ею занимается, могут работать на классовый интерес и быть политически ангажированными. Об этом несколько позже достаточно весомо говорили как оппоненты технократического подхода (мыслители Франкфуртской школы, Райт Миллз и др.), так и некоторые его сторонники.

*Технократические теории второй половины XX в.:
Новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта*

Американский ученый канадского происхождения Джон Гэлбрейт (1908-2006) зарекомендовал себя как продолжателя традиции технократического подхода. Будучи экономистом кейнсианского толка, он рассматривал изменения в экономическом пространстве, а конкретнее – в сфере организации и управления производством. При этом эти изменения отражаются на общей социальной динамике и характере общественных отношений. В 1967г. вышел в свет трактат «Новое индустриальное общество», где были изложены и обобщены предшествующие наблюдения. Два

решающих момента концепции Гэлбрейта - это, во-первых, сдвиги в способе производства – производственных отношениях; а во вторых, новый статус образовательной среды.

Время после окончания Великой Депрессии, по мнению Гэлбрейта, ознаменовало новый виток в развитии индустриализма. Классическому рынку в стиле А.Смита пришлось окончательно сдать свои позиции. Однако все более заявляющий о себе плановый характер экономики был обусловлен отнюдь не только кризисом перепроизводства, свергнувшим огромные массы населения в нищету. Технологии становились все более капиталоемкими. Техника совершенствовалась и усложнялась, требуя того же самого – крупных вложений капитала. Последнее оказывается под силу только крупным хозяйственным организациям, которым необходимо предвидение результатов. Именно крупные производственные субъекты – корпорации выступают, по Гэлбрейту, инициаторами четкого стратегического планирования. Суверенный потребитель – главное действующее лицо классической теории рынка – перестал определять работу экономических механизмов в соответствии со своими потребностями. Корпорация стремится установить контроль над рынком (вернее, над теми его сегментами, которые она обслуживает) и воздействовать на потребителя в соответствии со своими нуждами. В связи с последним обстоятельством Гэлбрейт отмечает чрезвычайно разросшийся аппарат внушения и убеждения, связанный с продажей товаров³¹.

Но чтобы принять правильный стратегический план, а затем в динамично меняющейся среде корректировать его по ходу реализации, вряд ли возможно надеяться на интуицию, прозорливость, наконец, талант ответственного лица. В подобной роли на ранних стадиях капитализма выступал

³¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С. 17.

предприниматель. Теперь же, констатирует упомянутый автор, и на предприятии, и в обществе власть перешла к организации, своего рода групповой индивидуальности. Этот коллективный разум превосходит личность не только в плане интеллектуальных возможностей, но и в плане достижения общественных целей. Сегодня, как пишет Гэлбрейт, все существенно важные решения принимаются на основе информации, которой располагает не один человек, а большое количество людей. «Как правило, эти решения основываются на специальных научных и технических знаниях, на накопленной информации и опыте, на профессиональном чутье или интуиции множества лиц. А это в свою очередь определяется последующей информацией, которую собирают, анализируют и истолковывают специалисты, использующие в ходе этой работы высокопроизводительное оборудование. Окончательное решение будет квалифицированным только в том случае, если в нем последовательно учтена информация, поступающая от всех лиц, связанных с данной проблемой».³²

Гэлбрейт указывает на три фактора, вызвавших необходимость информационного обеспечения, суть которого в объединении специализированных знаний. Во-первых, технологические потребности современной экономики (упомянутый автор больше всего понимает экономический процесс через промышленное производство); во-вторых, прогресс техники, связанное с ним использование капитала и вытекающая отсюда потребность в планировании, которое предполагает установление контроля над внешними условиями производства; в-третьих, координация специальных знаний.

Таким образом, каждое предприятие и, как полагает названный автор, вообще крупная организация, просто не

³² Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С.100.

может не иметь группу людей, обладающих специальными знаниями, способностями или опытом группового принятия решений. Гэлбрейт обозначает эту группу понятием «техноструктура»³³. При этом автор замечает, что техноструктуру не стоит отождествлять с администрацией. Если первая занята процессом разработки и принятия решений, то вторая – лишь утверждает их. В то же время несмотря на формально более высокое значение административно ответственных лиц (которые в связи с этим пользуются рядом привилегий), дело обстоит противоположным образом. Именно деятельность техноструктуры обеспечивает жизнеспособность современного предприятия, организации.

Необходимость квалифицированных специалистов существенным образом меняет общественный статус образовательных институтов. Достаточно сказать, что число преподавателей колледжей и университетов с 1900 по 1970 гг. выросло в 20 раз. Рост количества студентов с 1990 по 1959 гг. также весьма впечатляет: от 238 тысяч человек до 3377 тысяч человек³⁴. Гэлбрейт считает, что количественный рост обеспечивает более выгодное социальное положение и солидный политический вес педагогов.

Подобное обстоятельство возможно привело бы к более явно обозначенному социальному конфликту, ибо очевидны идеологические противоречия между бизнесом и академическими кругами (вторые обвиняли первых в узкопрагматическом взгляде на мир, тогда как первые вторых – в интеллигентском радикализме, оторванном от жизни идеализме, заключающемся в нападках на конституцию и право частной собственности). В начале двадцатого столетия могущественный бизнес мог особо не принимать в расчет прослойку педагогов – низкооплачиваемую и маловлиятельную. Хотя, как обоснованно считает автор теории но-

³³ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С.116.

³⁴ Там же. С. 404-405.

вого индустриального общества, именно академическая среда зачастую являлась и является источником социальных нововведений - вряд ли на это способны бизнесмены, озабоченные слишком меркантильными целями.

Однако новые обстоятельства, породившие феномен техноструктуры, обусловили и взаимоотношения на новой почве между ученым и предпринимательскими мирами. С одной стороны, возросшая значимость первого и некоторая потеря влияния второго где-то уравнивает силы. «Некогда имя знаменитого банкира, числящегося в составе совета директоров, говорило о том, что корпорация имеет доступ ко всем источникам капитала в экономике. Ныне же наряду с именами бывших генералов военно-воздушных сил рекламируется имя ученого, или, на худой конец, президента колледжа, чтобы показать, что фирма находится на уровне самых последних достижений техники»³⁵.

С другой стороны, динамично меняющийся мир требует определенной консолидации денег и науки. Во второй половине двадцатого столетия наличие ученых консультантов, а также вербовка специалистов уже со студенческой скамьи стали правилом. Любой владелец крупного предприятия вынужден принимать эти правила, если он рассчитывает на успех в конкурентной борьбе. Отсюда между теми, кто связан с предпринимательской деятельностью, и учеными нет больше резкого противоречия в плане побудительных мотивов, лежащих в основе их деятельности. Как пишет указанный ученый, происходит солидаризация и тех и других на почве общественных целей или целей организации.

И все-таки предпосылки антагонизма между учеными и предпринимателями остаются. В некотором роде масла в огонь добавляет возрастающая потребность управления

³⁵ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С.415.

поведением человека. Современная экономическая система приняла такие формы, которые не могут существовать без «организованного околпачивания публики». В этих условиях прагматизм бизнесменов наталкивается на протесты академического мира, обращающего внимание на этическую сторону этой проблемы.

В то же время Гэлбрейт указывает на вполне закономерную в подобных условиях вещь, касающуюся раскола академической среды на востребованные и невостребованные научные дисциплины. Так, факультеты, тесно сотрудничающие с фирмами, станут «измерять свои достижения не столько качеством преподавания и исследовательских работ, сколько количеством контрактов, заключенных с фирмами и государственными учреждениями» Что касается дисциплин, преимущественно гуманитарного направления, то они оказываются в значительной мере незатронутыми взаимоотношениями с техноструктурой. «Их представители придерживаются старых целей академических учреждений и (наблюдая материальное преуспевание и побочные заработки своих ученых коллег) еще более страстно их отстаивают»³⁶.

Авторы, как принадлежащие преподавательскому миру современной России, обращают внимание на следующую вещь. Учреждения высшей школы, вынужденные играть по правилам рынка, зачастую стали успешно решать проблемы с помощью юридических факультетов. Последние стали массово возникать даже в непрофильных вузах (например, сельхозинститут, социально-педагогический институт). Тут сыграло роль не столько потребность общества, сколько популярность юридических специальностей у населения. Многие преподаватели, не имеющие юридической специальности, стремятся тем не менее к преподаванию отдельных юридических дисциплин, а некоторые не

³⁶Там же. С. 416- 417.

гнушаются получить второе высшее (разумеется, юридическое) образование.

Наконец, еще одним важным для нас моментом в концепции Гэлбрейта выступает его указание на снижающуюся роль профсоюзного движения. Так, с 1957 по 1962гг. доля членов профсоюзов в общем числе занятых в несельскохозяйственных отраслях снизилась с 31,4% до 26,7% и в дальнейшем процент работников охваченных профсоюзами в общей массе наемного труда продолжал снижаться³⁷.

Сам цитируемый автор объясняет подобное явление с нескольких сторон. В определенной степени здесь играет роль возрастание доли служащих, которые также включают инженерно-технических работников и лиц свободных профессий (с 17,6% в 1990 г. до 44,5% в 1965 г.). Судя по небольшой численности членов профсоюза из представителей этой группы (около 12%), служащие не особенно сочувствуют нынешнему рабочему движению. Помимо этого фактора (впоследствии ставшего одним из фундаментальных тезисов постиндустриальной парадигмы) существует и еще одно немаловажное обстоятельство. Гэлбрейт обоснованно указывает на изменившиеся функции профсоюзов в условиях доминирования неоднородной по составу, но дифференцированной по квалификационному признаку рабочей силы.

Теперь профсоюзы взяли на себя обязанность разрабатывать правила, касающиеся условий работы – размеры заработной платы в зависимости от стажа и квалификационного разряда, условия продвижения по работе, уход на пенсию и т.п. Если раньше профсоюзные организации четко принимали сторону рабочей массы – довольно однородной и малооплачиваемой, то в нынешних условиях они вы-

³⁷ Там же. С. 392.

ступают в чем-то как связующее звено между представителями администрации и работниками, помогая установить более или менее устраивающие всех принципы трудовой деятельности. Таким образом, современное профсоюзное движение устраняет барьеры к отождествлению интересов рабочих с интересами администрации – «барьеры, которые некогда способствовали укреплению их могущества»³⁸.

Вполне принимая названные Гэлбрейтом причины упадка профсоюзов, от себя добавим еще одну. Имеет смысл указать на вырождение лидеров профсоюзного движения, о чем упоминает не один автор второй половины двадцатого столетия.

Интересный пример приводит Артуро Перес-Реверте, современный испанский писатель. В одном из своих многочисленных социологических эссе, опирающихся на факты реальной жизни, он описывает трудовой путь продавщицы супермаркетов по имени Аврора. Названная особа происходила родом из северной испанской провинции Галисия, окончила колледж и успешно сдала экзамены в университет. Однако она была из бедной семьи и не смогла оплачивать учебу, а потому устроилась на вышеназванное место. Проработав 14 лет, ей пришлось столкнуться с феноменом всеобщей забастовки, которую автор описывает следующим образом. «В магазин пришел представитель профсоюзов, который, как и полагается, не работал ни дня в своей жизни, а если и работал, то благополучно об этом забыл, и обратился к сотрудникам с пламенной речью: «Граждане (и гражданки) трудящиеся! Наступили тяжелые времена. В такие дни наши ряды должны быть сплоченными, как никогда, во имя общего дела. Друзья мои (и подруги)! Смело присоединяйтесь к нашей акции! Наша профсоюзная организация всегда готова защищать ваши интересы до последней капли крови!». Аврора поверила профсоюзному лидеру и не вышла на следующий день на работу. В тот день начальство устроило переключку и стара-

³⁸ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С.394-395.

тельно переписало отсутствующих в блокнотик. Напрасно попавшие в черный список рыдали и утверждали, что их заставили участвовать в забастовке. Представитель профсоюза в это время самоотверженно защищал интересы трудящихся в соседнем кафетерии». В результате всего этого героиня попала у руководства в «немилость», закономерно перетекшую в увольнение. (А.Перес-Реверте С намерением оскорбить: Эссе. М.: Изд-во Эксмо, 2005. с. 119-122)

Таким образом, уже на исходе второй трети двадцатого столетия Дж. Гэлбрейт отмечает наличие предпосылок для серьезных социальных изменений. Причем корни наметившихся структурных сдвигов в масштабах целой системы следует искать в сфере экономических отношений.

Какие же выводы можно сделать из рассуждений видного мыслителя второй половины двадцатого столетия?

Во-первых, констатируется возрастающая роль интеллекта, что является в большей степени следствием объективных технических и технологических сдвигов. Механизация труда, методы рационального управления в условиях крупных производственных структур, наконец, культурная индустрия, обслуживающая массовые запросы формирующегося потребительского сообщества – все это требовало от людей соответствующей подготовки.

Общество отвечает на эту потребность расширением сети образовательных учреждений, предоставляя возможности для социальной мобильности представителям большинства страт. Именно такой факт констатируют как Гэлбрейт, так и предшествовавшие ему технократические концепции. То есть речь пока что не идет напрямую о высшем образовании, доступном только состоятельным слоям. Можно предположить, что на исходе второй трети XX в. сложилась довольно благоприятная ситуация в плане возможностей вертикальной мобильности для широких

слоев населения. Это обстоятельство касалось и групп аутсайдеров. Благодаря умственным способностям человек мог окончить престижный университет, что создавало неплохие карьерные перспективы. На тот момент образование, по-видимому, являлось существенным фактором продвижения и не было жестко привязано к изначальному социальному статусу.

Во-вторых, явственными становятся изменения в стратификационной структуре. Это происходит за счет расширения каналов мобильности благодаря востребованности интеллектуального капитала, а также во многом из-за меняющихся принципов управления, причем как в масштабах производственного предприятия, так и на уровне государственной системы. Регулирующие общественные отношения технологии усложняются, воздействуя через комплексную сеть экономических, политических и культурных институтов (для более ранних этапов капитализма характерно более автономное и фрагментарное влияние).

Другими словами, квалифицированный специалист-эксперт претендует теперь на совершенно иную степень общественного признания, нежели раньше. Отсюда вытекает ряд неоднозначно трактуемых вопросов. Можно ли говорить об экспертном сообществе как новой общественной элите – иными словами, насколько явными считаются тенденции к меритократии? Куда при этом девается предпринимательский класс? Наконец, достаточно ли просто иметь обширные познания, наголову превосходя в этом отношении других, чтобы претендовать на место в новом правящем классе?

Следует признать, что в контексте данных проблем среди сторонников технократического подхода единства не наблюдается. Так, Дж.Гэлбрейт рассуждает более «приземленно», чем радикально настроенный сторонник «менеджеральной революции» Дж. Бернхэм. Прежде всего, ав-

тор концепции нового индустриализма не спешит объявлять интеллектуалов новым классом-лидером. Безусловно, значимость экспертов растет, и предпринимательский слой вынужден считаться с их мнением. Однако последний пока еще крепко держится за собственность и в целом не собирается уступать кому-либо контроль за ситуацией в целом. Гэлбрейт констатирует кое-какие трения между предпринимателями и интеллектуалами-экспертами, но в целом обе эти группы склоняются к компромиссу. Веблен, Бернхэм более склонны видеть здесь антагонизм, на котором старались акцентировать внимание, отсюда проистекала некоторая идеализация класса инженеров и технических экспертов. Возможно, это следует объяснить тем, что живший несколько позже Гэлбрейт смог убедиться в том, что тезис об антагонизме между классом предпринимателей и классом специалистов оказался поспешным.

Последователю институционализма Гэлбрейту оказалась куда созвучнее теория гегемонии известного последователя Маркса А.Грамши. Последний в своей теории культурной гегемонии описывал союз предпринимательского класса и интеллигенции. Причем этот союз принимает не столько форму компромисса, сколько представляет собой отношения взаимообмена. Представители господствующего класса попросту покупают услуги интеллектуалов, а последние предоставляют свои способности и умения делу сохранения существующего общественного порядка или, проще говоря, служат интересу правящего класса.

Кроме того, Гэлбрейт указывает на очень важное обстоятельство - далеко не все интеллектуалы оказываются востребованными в новых условиях, и множество представителей академической среды продолжают влачить весьма скромное существование. Наконец, важным зачастую оказывается не степень одаренности, но значение той специальности, по которой оказывается подготовленным чело-

век. Гэлбрейт пишет: «знания самых обыкновенных людей, имеющих узкую и глубокую подготовку, объединяются со знаниями других специально подготовленных, но таких же рядовых людей. Тем самым снимается и необходимость в особо одаренных людях...»³⁹. Это замечание автора теории нового индустриального общества приобретает особую актуальность в той ситуации, которая сложилась в пореформенной России.

При всем при этом следует признать, что технократические теории в определенном смысле заложили теоретическую базу, на которую впоследствии опирались разработчики теории постиндустриального общества. В этом смысле технократов можно считать их предшественниками.

1.2. Индустриальный социум в видении представителей марксистской социологии

Предпочитающие технократический подход теоретики констатировали в основном позитивные социальные последствия технологического развития, но это не значит, что с ними соглашались другие исследователи-социологи. Как правило, научный и технический прогресс характеризовались как явления, имеющие несколько сторон.

Корпоративный капитализм Ч.Р.Миллса

Американец Чарльз Райт Миллс (1916-1962) одна из наиболее спорных (если не сказать скандальных) фигур в западной социологии⁴⁰. В рамках своей концепции «корпоративного капитализма» Миллс небезуспешно показывает, что технократические сдвиги отнюдь не означают ослабления капитализма, но скорее играют ему на руку.

³⁹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 2004. С.102.

⁴⁰ Р.Миллс в свое время не побоялся бросить решительный вызов признанным мэтрам социологии США теоретику Т.Парсонсу, автору «высокой теории», а также эмпирику Лазарсфельду.

Индустриальное общество начала-середины XX в. формируется под воздействием процессов централизации в сферах экономики, политики, информации. Западный социум представляет собой систему, где составляющими элементами выступают крупные социальные институты, основанные на жестких иерархических отношениях. По мнению Миллса, определяющими структурами выступают государство, армия, экономика, тесная взаимосвязь которых во многом предопределяет их господствующее положение. Это своего рода «большая тройка», влияние которой значительно перерастает изначально заданные функции этих институтов. В то время как значение государства, армии, экономики возрастало, значение других общественных институтов падало. Последние оказались как бы в подчинении у первых. Как писал указанный автор, если семья, церковь и школа вынуждены приспособляться к современной действительности, тогда как правительство, армия и корпорации формируют эту действительность⁴¹.

Структурная организация каждого из институтов «большой тройки» опирается на корпорацию как на главную структурную единицу. Корпорация представляет собой централизованную организацию, управляемую авторитарно. Сама корпоративная организация во многом обусловлена уровнем развития техники, то есть является его результатом. По этой же причине возрастают взаимные связи между экономикой, армией, государством. «В обществах середины XX в. пронизанная политикой экономика связана тысячами нитей с военными институтами и их решениями. Государство вмешивается в экономику, в которой господствуют корпорации, которые в свою очередь вмешиваются в вопросы управления государством. Именно

⁴¹ Миллс Р. «Властвующая элита» М.1959. С. 27.

такими связями образуется система социального господства, которая определяет лицо обществ середины XXв»⁴².

Логика западной индустриализации закономерно приводит к формированию целой всеобщей системы авторитарного манипулирования и подобное обстоятельство становится объективным условием для жизни большинства социальных групп. Концентрация капитала, привлечение средств акционеров, а также расширение и усложнение производственного процесса действительно расширили социальный заказ на интеллектуальный труд. Более того, в параллельно расширяющейся группе управленцев возросло количество пролетариев, занятых нефизическим трудом.

Однако, по мнению Миллса, эти факты вовсе не свидетельствуют о революции в отношениях собственности. Если и можно говорить о более рассеянном характере собственности и включении некоторых высших менеджеров в бизнес-элиту, то это ни в коей мере не может поколебать сложившиеся на более ранних этапах иерархические отношения. Высшие менеджеры отбираются согласно пожеланиям собственников, а стало быть действуют в соответствии с их интересами. Вполне закономерно, что собственники влияют на отбор лиц, осуществляющих функциональный контроль на предприятиях. Сам факт несовпадения фигур собственника и менеджера еще не означает их конкуренции и экспроприации вторым первого. Значение владельца фирмы как социально-экономического субъекта не ослабело. Власть не отделилась от собственности, скорее их связь усилилась. В силу этого сама власть, обусловленная собственностью, стала носить более концентрированный и очевидный характер. В качестве доказательства Миллс приводит пример группы лиц-собственников, кото-

⁴² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.104.

рые, владея акциями общей стоимостью 20 миллионов долларов, контролируют восемь важнейших железных дорог стоимостью 2 миллиарда долларов.

Таким образом, как считает Миллс, власть собственника стала носить непрямой характер, будучи осуществляемой через множество появившихся новых управленческих функций. Следствием укрупнения экономических структур стала их бюрократизация, которая отнюдь не ослабила собственников. Как указывает Миллс, правовая регламентация экономических рыночных отношений выводит на первый план именно фигуру собственника. Последний может на законном основании устранить с работы, а то и отправить в тюрьму любого управляющего, если решит, что менеджер экспроприировал его собственность. Автор «Властвующей элиты» отмечает, что неизвестно случаев, когда бы менеджеры осознанно предпринимали шаги, идущие вразрез с интересами крупных собственников.

Менеджер, занимающий одну из высших позиций в управленческой (бюрократической) структуре предприятия, руководствуется в своих действиях отнюдь не нейтральными целями, как это кажется теоретикам технократического подхода. Поведение управленцев высшего эшелона ориентировано на интересы собственников, то есть подчинено стремлению к прибыли. Как с иронией отмечает Н.Полякова, получается, что менеджеры, которые, как утверждается, узурпировали функции собственников, служат собственности с таким же, а зачастую и с большим рвением, нежели сами собственники⁴³.

Поэтому неслучайно, что между предпринимателями и высшими менеджерами установилось становилась своего рода классовое единство, выражающееся в сходных социально-политических взглядах. Бюрократизация собствен-

⁴³ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.,2004. С.101.

ности ведет к усилению позиций капиталистического класса в рамках всего общества. Из высших чиновников крупных корпораций США образован комитет по управлению делами и реализации общих интересов всего класса крупных собственников.

Анализируя состав правящих групп американского общества, Миллс в своей знаменитой книге «Властвующая элита» констатирует, что прежде всего это выходцы из богатейших семейств Америки. “Господствующие классы, - пишет Миллс, - охотно, конечно, декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство не прерывалось и не нарушалось”⁴⁴.

К близким выводам пришел последователь Р.Миллса другой американский исследователь Хантер. В своей книге “Верховное лидерство в США” он проанализировал данные исследования властных структур города Атланты в штате Джорджия. Здесь он показал, что городская власть складывается из представителей финансовых кругов, образующих несколько клик, которые договариваются между собой по всем важным вопросам. Отсюда он сделал вывод, что реальная структура власти США ущемляет интересы большинства в пользу интересов элитного меньшинства. Сторонники теории политического плюрализма - господствующего направления американской политологии – подвергали нападкам работы Милса и Хантера. Так, упомянутый Даль в ответ на книгу Хантера провел исследование по той же проблематике в городе Нью Хевен штата Коннектикут, объявив о получении прямо противоположных выводов. Если Хантер описывал модель городской власти в виде пирамиды, то Даль утверждает существование трех структур правления (экономическая, политическая и социальная) и лидеры в одной, как правило, не являются влиятельными в другой. Подобный результат был отражен в книге Даля “Кто правит?”, вышедшей в 1961 г. Но уже во

⁴⁴ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 336.

второй половине 70-х гг., то есть через два десятка лет после исследования Даля, другой американский политолог Домхофф написал работу “Кто действительно правит?” на материалах вторичного исследования структуры власти в том же городе Нью Хевен. Домхофф выявил, что Даль неоправданно развел экономическую, политическую и социальную элиты. Исследуя членство в городских престижных клубах, он показал, что большинство членов экономической элиты города являются одновременно и членами элиты социальной. Отсюда Домхофф приходит к выводу, что обладающий реальной властью господствующий класс все же имеет место⁴⁵.

В то же время Миллс отмечает сдвиги в остальных слоях индустриального общества, обусловленные как прогрессом в сфере технологий, так и попытками правящих групп укрепить свои статусные позиции. Концентрация капитала и бюрократизация отношений собственности, а также стандартизирующее влияние средств массовой коммуникации дали толчок появлению и стремительному росту нового среднего класса, который Миллс обозначил как класс белых воротничков. Среди основных социальных слоев темпы разрастания нового среднего класса выглядят наиболее впечатляющими. Сам автор приводит данные, согласно которым за период с 1870 по 1940гг. старый средний класс увеличился на 135%, группа рабочих – на 255%, тогда как новый средний класс вырос на целых 1600%⁴⁶. Главное различие между старым и новым средним классом заключается в том, что первый отвергает крупную собственность и в какой-то степени противостоит ей, тогда как

⁴⁵ Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д. Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. М., 2001. С. 294.

⁴⁶ Шкаратан О.И., Инясевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен)//Общественные науки и современность. 2007, №4, С.51.

второй изначально зависит от крупных структур, покупающих его услуги.

Белые воротнички являются типичными представителями урбанистической массы, обладают типичной психологией «маленького человека», столь распространенной в обществах XX века. По материальному достатку белые воротнички не слишком отличаются от рабочего класса, однако обладают более высоким социальным престижем. В то же время внутренне они не являются сплоченной группой, четко осознающей свои интересы, что было присуще тем же рабочим в периоды классовых войн. Напротив, белые воротнички являются массой с усредненными и стандартизированными желанием и стремлениями. Не обладая внутренним единством, новый средний класс зависит от внешних общественных сил. Им легко манипулировать посредством массовой культуры, в условиях которой он собственно и формируется.

Как указывает Миллс, именно белые воротнички образуют взаимозаменяемые элементы масштабных властных структур, связывающих общество воедино. Доминирование в обществах второй половины XX в. подобного типа личности обеспечивает тотальную управляемость и манипуляцию.

Идеи Чарльза Райта Миллса не оставили равнодушной научную общественность Америки, стимулировав ряд исследований элитных групп. Особенно показательна яростная дискуссия сторонников Миллса – социологов Хантера, а несколько позже Домхоффа с защитником американской политической системы Р.Далем, о чем упоминалось выше.

Социологические идеи Франкфуртской школы:

Г.Маркузе

Интересной была позиция мыслителей Франкфуртской школы – Т.Адорно, М.Хоркхаймера, Г.Маркузе, Э.Фромма, где марксизм был признан за методологическую основу. Не случайно обобщенно их точка зрения получила известность как *критическая теория*. Эти исследователи объявляли себя сторонниками и продолжателями учения об обществе К.Маркса, в то же время не стеснялись вносить определенные и нередко существенные корректировки в научную доктрину своего учителя. Это было вполне логично, так как с тех времен, когда жил и творил Маркс, прошли десятилетия, за которые капиталистический социум претерпел значительные изменения.

Идеи и тезисы, высказанные представителями критической школы, по своему охвату имеют скорее социально-философский характер. В подобном ключе и даже с уклоном в культурологию строят свои рассуждения Теодор Адорно (1903-1969) и Макс Хоркхаймер (1895-1973). Их соратник Эрих Фромм (1900-1980) отдавал должное социально-психологическому рассмотрению современного ему индустриализма. Пожалуй, наиболее «социологизированный» подход предложил Герберт Маркузе, на положениях которого ниже мы остановимся более подробно.

Основная идея критической теории в том, что растущее материальное благосостояние не дало большинству людей подлинной свободы, на что был направлен проект Просвещения. Скорее, наоборот - произошло еще большее подчинение индивида. Но теперь это подчинение следует рассматривать не со стороны господствующих классов, но общества в целом, в чем неоценимую помощь оказал научно-технический прогресс. «Никогда прежде общество не располагало таким богатством интеллектуальных и мате-

риальных ресурсов и, соответственно, не знало господства общества над индивидом в таком объеме»⁴⁷.

Средствами науки и техники удалось все основные общественные сферы собрать в единое целое, хотя до этого им была присуща определенная автономность (например, культура традиционно являлась источником оппозиционных идей). Это общественное целое стали рассматривать как тотальность, безусловно, во многом перекликающуюся с понятием тоталитарного режима. Однако, если последний имел все же преимущественно политическую природу, то тотальность в понимании сторонников критической теории основана скорее на научных технологиях, подчинивших своей логике все главные элементы социальной жизни.

Особенный акцент делается на сфере культуры, долгое время являющейся своего рода «духовным убежищем» для творческих личностей, не желающих попадать под гнет буржуазного денежного и политического расчета.

В этом отношении показательна фигура Мартина Идена, героя одноименного романа американского писателя Джека Лондона (1876-1916). Это история о молодом человеке, выходеце из социальных низов, сумевшем проявить себя как талантливый писатель. Обладая открытой и героической натурой, Мартин Иден сумел реализовать ее сначала в познании, а затем и в творчестве. Однако будучи по своей сущности борцом, он, добившись общественного признания, оказался в жизненном тупике. В условиях буржуазного общества он не сумел найти для себя достойных целей для дальнейшей реализации своей натуры. В итоге он приходит к разочарованию и сводит счеты с жизнью, четко вписываясь в дюркгеймовский аномический тип самоубийства.

Теперь же во второй половине двадцатого столетия положение дел изменилось. Рациональность индустриаль-

⁴⁷ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002. С. 256.

ного мира даже культуру привела к подчинению потребностям прибыли и расчета. Заявивший о себе феномен культуры индустрии демонстрирует, что культура стала индустриальным образованием и в ней заключена логика всей системы. Как пишут Т.Адорно и М.Хоркхаймер в своей книге «Диалектика Просвещения», кино и радио уже не выдают себя за искусство. «Та истина, что они являются не чем иным, как бизнесом, используется ими в качестве идеологии, долженствующей легитимировать весь тот хлам, который они умышленно производят. Они сами себя называют индустриями, и публикуемые цифры доходов их генеральных директоров устраняют всякие сомнения в общественной необходимости подобного рода готовых продуктов».⁴⁸

Герберт Маркузе (1898-1979) в современном ему обществе видел фактор, подавляющий истинную сущность человека во имя классовых целей. Этот ученый отрицает концепцию революции менеджеров, считая что за фасадом относительного материального благополучия социального большинства тем не менее скрываются все те же классовые интересы. В то же время науку удалось поставить на службу последним. Именно с ее помощью удалось сформировать (или возратить) тип личности, который был присущ еще ранним формам социальной организации и который фактически полностью подвержен контролю и управлению. В своей знаменитой работе «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (1964) Г. Маркузе вскрывает и описывает механизмы, с помощью которых существующий классовый общественный порядок еще прочнее утверждает себя.

Индустриальное общество не может быть понято без обращения к такому явлению как научно-технический про-

⁴⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т., Диалектика Просвещения. М-СПб.,1997. С.150.

гресс. При этом последний не представляет лишь одну из составляющих аспектов общественной динамики, но претендует на всеохватность. Таким образом, весь проект Просвещения изначально имел налет тоталитарности. Главным источником общественного развития является развитие науки и технологий, и последние обеспечивают куда более прочное господство все тех же буржуазных элит по сравнению с периодом классовой борьбы. Но в нынешнюю эпоху рабочие и капиталисты уже не являются основными агентами исторических преобразований как в XIX в. И это произошло во многом за счет выросшей способности общества сохранять существующий принцип социальных отношений, или иначе говоря, общественный порядок.

При этом этого удалось достичь не столько политическими методами, сколько за счет выросшего производства и распределения. Благодаря промышленным технологиям удалось добиться существенного повышения материального благосостояния для большинства населения. Однако возросший уровень развития материальных и интеллектуальных возможностей индустриального социума второй половины XX в. был направлен на установление контроля над индивидами. Правда, теперь на первый план вышли средства техники, а не террора. «Культура, политика и экономика при посредстве технологии сливаются в вездесущую систему, поглощающую или отторгающую все альтернативы, а присущий этой системе потенциал производительности и роста стабилизирует общество и удерживает технический прогресс в рамках господства»⁴⁹. Отсюда технологическая рациональность вовсе не является нейтральной, но явно приобретает политический оттенок.

Тоталитарность аппарата производства, как считает Г.Маркузе, заключается в том, что «он определяет не толь-

⁴⁹ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002. С.262.

ко социально необходимые профессии, умения и установки, но также индивидуальные потребности и устремления». Здесь господство обеспечивается только путем полной мобилизации, организации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности. Общество мобилизуется «как целое поверх и помимо каких бы то ни было частных индивидуальных и групповых интересов»⁵⁰. Тотальный характер сложившихся структур господства при развитии индустриализме вполне закономерен. Ведь формирование устойчивых мировоззренческих черт должно представлять собой жесткий и непротиворечивый сплав средств *научной, массовой и практической* пропаганды, различия между которыми зачастую трудно заметны.

Как пишет Маркузе, отличительной чертой развитого индустриализма является безуспешное удушение тех потребностей, которые требуют освобождения. Это происходит потому, что само притеснение «вполне терпимо и даже сулит вознаграждение и удобства». Действительно, в условиях повышающегося материального уровня жизни неподчинение системе выглядит социально бессмысленным и лишенным здравой логики. Основным средством социального контроля теперь становятся производимые обществом потребности. «Транспортные средства и средства массовой коммуникации, предметы домашнего обихода, пища и одежда, неисчерпаемый выбор и информационная индустрия несут с собой предписываемые отношения и привычки, устойчивые интеллектуальные и эмоциональные реакции, которые привязывают потребителей посредством доставляемого им большего или меньшего удовольствия к производителям и через этих последних – к целому»⁵¹.

⁵⁰ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002. С. 266.

⁵¹ Там же. С. 275.

Очень существенным фактором психологического подчинения служит поп-культура, в развитом индустриальном обществе существенно оттеснившая формы высокой культуры. Функции последней были довольно многозначными – она могла означать оппозицию и украшение, протест и резиньяцию. Но в первую очередь «она создавала видимость царства свободы: отказ повиноваться. Подавить такой отказ невозможно без компенсации, которая обещает большее удовлетворение, чем сам отказ»⁵². Однако с помощью поп-культуры, а также растущей материальной удовлетворенности этого удалось добиться. Принцип Удовольствия поглощает Принцип Реальности - интересы общества теперь стали «внутренними побуждениями его граждан и потому что предоставляемые им удовольствия способствуют социальной сплоченности и довольству».

Вспоминается случай из очень непростого для большинства российских семей 1992 года. Напомним, что это было время «дикого капитализма» и самой безудержной инфляции, когда цены в течение какой-то недели могли вырасти в несколько раз. Тем не менее, на остановках люди обсуждали не это, но очередную серию мексиканского сериала «Богатые тоже плачут» или американской мыльной оперы «Санта-Барбара». С течением времени «принцип удовольствия» еще сильнее заполнил повседневное бытие большинства россиян. Множество телеканалов демонстрируют разнообразную продукцию, которая в подавляющем большинстве носит развлекательный смысл. Например, шоу «Как стать миллионером» помогает «выпустить пар» в приемлемых (прежде всего для правящего режима) формах. Миллионы людей переживают – угадает участник шоу букву или нет, - пишет известный российский публицист С.Г. Кара-Мурза, - ведь выигрыш составляет целый миллион рублей!. В последнее время шоу начинают эволюционировать в сторону большей полити-

⁵² Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002. С. 335.

зированнойности. Так весьма популярными становятся передачи «Суд времени» или «К барьеру».

Таким образом, путем сведения потребительских стандартов к общему знаменателю, существенно примитивизируя их с помощью массовой культуры, удастся добиться определенного ослабления оппозиционных движений. Последние лишены в этих условиях необходимой социальной почвы. Таким образом, образуется некоторое подобие политического единства. В то же время проблема отчуждения, поставленная еще ранними трудами К.Маркса, индустриализмом отнюдь не решается, а еще более усугубляется. Отождествляя себя с реальностью, наполненной товарным изобилием и развлечениями, индивид в этом находит источник собственного развития и удовлетворения. Как пишет Наталья Полякова, отчуждение приобретает объективный характер, а сам отчужденный субъект наслаждается своим отчуждением. Тем самым появляется одномерность, существующая везде и в разных формах⁵³.

Маркузе делает очень важное замечание по поводу новых иерархических представлений. Навязывание потребностей одного и того же характера ведет к видимости стирания классовых различий, но на деле совсем не отменяет их. Например, если рабочий и его босс наслаждаются одной и той же телепрограммой и посещают одни и те же курорты, если макияж секретарши не менее эффектен, чем у дочери ее начальника, если негр водит «кадиллак» и все они читают одни и те же газеты, то это уподобление указывает не на исчезновение классов, а на степень усвоения основным населением тех потребностей и способов их удовлетворения, которые служат сохранению Истеблишмента.

Маркузе пишет, что современный рабочий класс уже не выглядит отрицанием существующей системы отношений,

⁵³ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.251.

но скорее представлен как элемент последней. Это и не удивительно, поскольку в этих условиях ненависть и фрустрация лишаются своих привычных специфических объектов, а «воспроизводство неравенства и рабства скрыл технологический покров». Теперь уже в сфере социально-экономических отношений групповой интерес не бросается так в глаза. Классовое господство преобразуется в администрирование, а капиталистические собственники вроде как теряют специфические классовые черты ответственных агентов и приобретают функции бюрократов в корпоративной машине. Порабощение индивида производственным аппаратом, кроме того, закрепляется посредством предоставления многочисленных свобод и разного характера удобств.

Тем не менее Маркузе не склонен разделять тезис о «революции менеджеров», считая его идеологическим продуктом. «Капиталистическое производство осуществляется путем вложения частного капитала для частного извлечения и присвоения прибавочной стоимости; при этом капитал является инструментом господства человека над человеком. Ни распространение акционирования, ни отделение собственности от управления и т.п. не изменили сущностные черты этого процесса», - пишет Маркузе в примечаниях к своей работе⁵⁴.

Всепобеждающий характер рациональности западного общества заключается в том, что его неизбежные иррациональные стремления удалось заключить в рациональные формы и превратить в деталь грандиозного механизма. И в этом, как считает Г.Маркузе, заключается один из «самых угнетающих аспектов» общества развитого индустриализма.

⁵⁴ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002. С.296.

Концепция «нового класса» А.Гоулднера

Существенно дополняют представления о новом индустриальном обществе рассуждения Алвина Гоулднера (1920-1980). Этот мыслитель известен как продолжатель марксистской традиции в условиях развитого индустриального общества. Будучи социологом, он не ограничивался рассмотрением только тех областей жизни общества, которые входят в сферу жесткого влияния экономических отношений (чем в некотором роде грешат технократические концепции).

Итак, Гоулднер много внимания уделяет срезу социальной действительности, связанному с классовыми отношениями. Он констатирует формирование нового класса, который не то чтобы вытесняет старые классы – они продолжают существовать – но своим появлением вносит серьезные коррективы в систему социального распределения, давая толчок вызреванию нового социального порядка. Новую группу Гоулднер определяет как культурную буржуазию, составом которой выступают люди интеллектуальных профессий, иначе говоря интеллигенция.

Названный ученый рассматривает признаки определенного им класса вполне с марксистских позиций. Во-первых, наличие особого вида капитала – культурного капитала, значимость которого теперь стала вполне сопоставимой со значением денег, собственности и других видов собственно экономического капитала. Во-вторых, интеллигенцию объединяет общая идеология, другими словами, есть основание говорить о наличии классового сознания.

Предпосылками возникновения нового класса Гоулднер называет три обстоятельства. Первое из них – это расширяющаяся сеть общеобразовательных учреждений, которая сломала систему домашнего воспитания. Новая система образования тем самым отказалась от ориентации на сохранение и наследование социально-классовых привиле-

гий. Второй фактор заключается в том, что социализация молодых людей теперь происходит преимущественно не в кругу семьи, но в школах, колледжах, университетах, где ключевые позиции занимают представители интеллигенции, выступая соответственно в качестве ведущих агентов процесса социализации. Наконец, третье обстоятельство – особая языковая среда, господствующая в образовательных институтах. Язык интеллигенции – критический дискурс весьма способствует усилению ее статусных позиций. Тем самым Гоулднер считает, что новый класс имеет неплохие перспективы на будущее, поскольку механизм собственного воспроизводства у него налажен весьма эффективно⁵⁵.

По мнению Гоулднера, в современном ему обществе (60-70-е гг. XX в.) имеет смысл говорить о капитализации культуры. Подобный процесс понимается как все расширяющееся превращение культурно-творческих способностей в предмет купли-продажи, что соответственно составляет источник дохода для их обладателей. «Новый класс – пишет Гоулднер, – есть культурная буржуазия, которая частным образом присваивает достижения исторически и коллективно произведенного культурного капитала»⁵⁶. Хотя достижения культуры используются и другими классами, но именно интеллигенция превращает их в систематический источник дохода. Кроме этого, культурная буржуазия, концентрируя у себя знания, культурные ценности, исторически накопленный опыт, стремится ограничить доступ к этим ресурсам. «Регулируя число получаемых дипломов, определяя программу обучения или иными средствами, интеллигенция создает замкнутый круг, доступ в который строго регламентирован. Таким образом, она пытается создать определенный дефицит знания, чтобы иметь

⁵⁵ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4, М., 2002. С.199-200.

⁵⁶ Там же. С. 198.

условия для более выгодной продажи своих способностей»⁵⁷.

В подобных взглядах прослеживается влияние других известных представителей критической теории – Франкфуртской школы, выдвигающей концепцию культурной индустрии. Однако Хоркхаймер, Адорно склонны были рассматривать этот механизм в качестве фактора, укрепляющего позиции буржуазного социального порядка. Гоулднер же сравнивал культурное воспроизводство с экономическим воспроизведением. В результате накопления культурного капитала растет мощь интеллигенции. Однако последняя определяется как радикальный класс – «гегемон современной политической революции». Как считает автор концепции нового класса, старый пролетариат, долгое время считавшийся революционным классом, уже не может быть таковым. Тем самым А.Гоулднер солидаризируется с тезисом Г.Маркузе по поводу интеграции современного пролетариата в буржуазную систему.

А что же происходит с тем старым антагонизмом капиталистической формации, так хорошо описанным Марксом? Старые классы, как уже упоминалось, остаются существовать наряду с интеллигенцией, новым классом. По-прежнему экономическая буржуазия представляет класс, залогом лидерства которого выступают деньги. Пролетариат получает средства к существованию за счет продажи собственной рабочей силы. Интеллигенция не идентична ни первому, ни второму, хотя «содержит элементы и характеристики обоих».

Отношения между обозначенными группами достаточно запутанные. По сути дела Гоулднер не считает борьбу за гегемонию в обществе законченной. Однако исход этой борьбы скорее всего предрешен. Рвущийся к полити-

⁵⁷ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4, М., 2002. С.199.

ческой власти новый класс по-видимому достигнет своей цели.

В то же время сама структура культурной буржуазии не является однородной. Гоулднер выделяет две составляющие новый класс группы – техническую интеллигенцию и интеллектуалов. Первая составляет управленческий персонал на производстве, будучи непосредственно связанной с собственниками - предпринимательским классом или старой буржуазией. Техническая интеллигенция потенциально находится в конфликте со старым классом, обострения происходят когда обозначается угроза материальным интересам или образу жизни интеллигенции. «Новый и старый классы стремятся осуществлять контроль над механизмом производства и управления. Отчасти это конфликт между классом, который имеет законную собственность на средства производства, и классом, чье техническое знание позволяет ему эффективно контролировать способ производства»⁵⁸.

Дифференциация работников интеллектуального труда на техническую и гуманитарную интеллигенцию совершенно справедлива в отношении характера деятельности. Если деятельность технической интеллигенции ограничивается в основном экономическими отношениями, то интеллектуалы настроены на политические задачи. То, что они не связаны непосредственно с производством, делает их более независимыми и свободными, а, следовательно, революционными. Их деятельность сводится обычно к «манипуляции со словом, идеей, абстрактным символом».

В недавней российской истории имеется довольно продолжительный период конфликта между представителями технической интеллигенции и интеллектуалами. Первая была представлена старой номенклатурой, вторая – новыми выходцами из

⁵⁸ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4, М., 2002. С.202.

нее. Например, бывший одно время премьером Е.Гайдар представлял собой типичного радикала-теоретика, зато сменивший его В.Черномырдин являл пример профессионала, владеющего реальной техникой управления. Как пишет один из проницательных современных исследователей Б.Кагарлицкий, заменить старую номенклатуру у государственного руля было по сути дела некому⁵⁹.

Можно вспомнить недолгое пребывание на посту мэра Москвы видного (во всяком случае на тот момент времени) идеолога демократических реформ Г.Попова. Буквально через год его сменил мало кому известный Ю.Лужков, сумевший навести порядок и сохранявший пост столичного мэра почти два десятилетия. Наконец, нельзя не вспомнить судьбу еще одного классического партократа Гейдара Алиева, возглавлявшего Азербайджан в брежневские времена. После Перестройки он оказался в забвении и, казалось, потерял все шансы на восстановление статуса. Однако через несколько лет, прошедших под знаком внутреннего и внешнего кризиса, Г.Алиев вновь оказывается призванным на роль лидера Азербайджана. И, надо сказать, справился с нею значительно лучше своих предшественников.

Можно предположить, что концепция нового класса А.Гоулднера стремится к более широкому толкованию социальных изменений, начало которым было положено сдвигами в сфере экономики. Верный принципу радикальной социологии Гоулднер старается найти новый класс, способный (и готовый) на системные сдвиги в условиях охлаждения пролетариата к революционной идее. Как ему казалось, он нашел его в интеллигенции, безраздельно распоряжающейся интеллектуальным (или информационным) ресурсом. Но как показали обстоятельства, вольно или невольно Гоулднер выдавал желаемое за действительное.

⁵⁹ Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия. Екатеринбург, 2005. С. 37.

Развитие марксистской социологии в 70-90-е гг.

В последние три десятилетия прошлого столетия марксистская социология развивалась в основном в русле противостояния набирающей силу постиндустриальной теории. Признавая некоторые частные постулаты постиндустриального подхода, сторонники марксизма отвергали его конечный вывод о смене одного общественного типа другим.

Гарри Брэверман в работе «Труд и монополярный капитал» (1974) отстаивал тезис Маркса по поводу отчуждения рабочих от результатов своей деятельности, и что в условиях капитализма подобная проблема принципиально не решаема. Об этом красноречиво говорит подзаголовок названной книги: «Деградация труда в двадцатом веке».

По мнению Брэвермана, развитие науки и технологий и их практическое применение не происходит вне политической проблематики. Они используются « в качестве орудий господства при создании, увековечивании и углублении пропасти между классами в обществе». Хотя иная ситуация вполне возможна и даже желательна. При определенном раскладе политических сил наука и технологии могли бы привести к «эпохе, когда профессиональное удовлетворение, испытываемое трудящимися в ходе осознанного и целенаправленного трудового процесса, будет сочетаться с чудом науки и изобретательностью инженерии; эпохе, в которой для каждого подобное сочетание в какой-то мере будет полезным»⁶⁰.

Брэверман отрицает связь между образованием и содержанием трудового процесса. Образование представляет собой самостоятельный институт и в данном направлении, как считает Брэверман, действительно можно констатиро-

⁶⁰ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб., 2002. С. 185-186.

вать определенные положительные сдвиги – население действительно стало более образованным. Однако это произошло не потому, что прогресс автоматизации производства требует лучше обученного и квалифицированного рабочего. Скорее дело обстоит противоположным образом. Автоматизация не увеличивает, а уменьшает контроль рабочего над трудовым процессом. Чем больше наука вторгается в процесс труда, тем меньше рабочий понимает его. Специализация на рабочем месте приводит к появлению «детальных рабочих», то есть узкоспециализированных рабочих. То есть из круга способностей и индивидуальных возможностей конкретной личности отбираются лишь те, которые необходимы в рабочем процессе. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что непосредственная подготовка к выполнению рабочих функций обычно занимает несколько дней, от силы – недель. Причем подобная специализация затрагивает не только собственно производственных рабочих, но и большинство служащих – «белых воротничков». Здесь, как отмечает Брэверман, также наблюдается процесс разделения умственного и физического труда. Офис-менеджеры, техники обычно заняты интеллектуальной работой, тогда как линейные служащие выполняют больше задания физического плана – например, простое набивание текстов.⁶¹

Зато автоматизация и специализация реально увеличивает власть менеджеров и технических специалистов – намного легче контролировать работника, выполняющего узкую задачу, чем применяющего широкий спектр умений и навыков. Менеджмент применяет здесь монополию над знаниями, связанными с трудом, дабы контролировать каждый шаг трудового процесса. С другой стороны, специ-

⁶¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб., 2002. С. 189.

ализация повышает саму производительность труда. С третьей - уменьшает издержки.

Все эти обстоятельства вполне логично отражают самую сущность капитализма как социально-экономического явления. Его задачей изначально являлось разрушение производства как ремесленного умения, уничтожение традиционного мастерства и создание вместо него производства как коллективного процесса, контролируемого через научное, техническое и инженерное знание. По выражению Брэвермана, капитализм сначала разрушает трудовой процесс, а затем разрывает на части и работника. В настоящий момент все фундаментальные черты капиталистического общества имеются в наличии, «это означает, что, несмотря на некоторые улучшения, предпринимаемые корпорациями, структура и функционирование капитализма практически полностью предопределяют современный процесс труда»⁶².

В сходном ключе строит свои рассуждения Ричард Эдвардс. Особое внимание этот исследователь сосредоточивает на рабочем месте, видя здесь «оспариваемую территорию» или арену классово́й борьбы. В XIX в. доминировал конкурентный капитализм, при котором использовался так называемый «простой» контроль. Суть этого контроля заключается в том, что руководители, как правило совмещающие функции владельца предприятия, осуществляли свою власть лично. В двадцатом столетии эта система еще используется, но лишь на малых предприятиях, тогда как на крупномасштабных производствах простой контроль заменен иным давлением, носящим безличный, но более технически и бюрократически изощренный характер. Как правило, современными рабочими управляют сами технологии, с которыми они работают. Например, конвейерная

⁶² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 267.

система. Во многих местах непосредственный надзор управляющих заменяют безличные бюрократические правила. В этом плане большую помощь оказывает компьютеризация, дающая возможность вести четкий учет сделанного объема работы и количества ошибок.

Интересные тезисы предлагаются Дэвидом Харви в работе «Условия постсовременности» (1989), где фактически отстаивается (и, на наш взгляд, безуспешно) большая научная адекватность марксистской методологии по сравнению с постмодернизмом. Последний упрекается в том, что «избегает оппозиции реалиям политической экономии и обстоятельствам мировой власти»⁶³. По-прежнему центральной проблемой политико-экономической системы является *накопление*, которая решается через контроль над рынком и контроль над трудовым процессом. Фордизм и постфордизм отличаются процессами накопления. Если для первого характерно использование жесткого процесса накопления, то второму уже присущи более гибкие способы, затрагивающие самые разнообразные сферы. Как пишет Харви, постфордизм характеризуется «возникновением совершенно новых секторов производства, новых способов предоставления финансовых услуг, новых рынков и, прежде всего, весьма интенсивной инновацией в коммерческой, технологической и организационной сферах»⁶⁴.

Названный автор, признавая специфические черты фордистской и постфордистской эпох, тем не менее констатирует здесь множество «неразрывностей». Все эти изменения касались лишь поверхности, тогда как фундаментальная логика капиталистического накопления остается той же. Она может быть прослежена через феномен сжатия времени и пространства, которому был дан толчок модер-

⁶³ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб., 2002. С. 209.

⁶⁴ Там же. С.209-210.

низмом, а в эпоху постмодернизма произошло его усиление. В основе всего этого лежит усовершенствованная технология массовых коммуникаций. Так сжатие пространства оказалось возможным благодаря быстрой и сравнительно недорогой транспортировке. Или, например, телевидение способно перенести фактически в любую точку пространственного и временного измерения.

Тем самым, по мнению Харви, и модернизм, и постмодернизм неразрывно связаны друг с другом уже тем, что отражают существенную динамику капитализма. Значение фордизма и постфордизма будет «различаться время от времени и от места к месту, в зависимости от того, какая разновидность выгодна, а какая нет. Отсюда Харви считает, что проблема постсовременности попадает в сферу неомарксистской теории, хотя последняя также модифицируется под воздействием развития постмодернистской мысли⁶⁵.

В 90-е гг. отмечаются попытки теоретизирования в духе критической теории Фракфуртской школы. Дуглас Келлнер, доказывая, что капитализм продолжает доминировать в современном социуме, старался делать это через анализ как экономических, так и политических и культурных процессов.

Более отражающим специфику современной действительности Келлнер считает понятие *технокапитализма*. Под ним он понимает «форму капиталистического общества, в котором технические и научные знания, автоматика, компьютеры и передовые технологии играют в производственном процессе роль, аналогичную той, которую играли сила человеческого труда, механизация и станки на более ранних стадиях капитализма, но которые порождают также и новые способы социальной организации, формы культу-

⁶⁵ Там же. С. 210.

ры и повседневной жизни»⁶⁶. При технокapитализме на смену постоянному капиталу приходит переменный, поскольку во многом за счет новых технологий изменяются формы хозяйственного производства. Капитализм действительно претерпел существенные изменения, но вместе с тем он продолжает доминировать в современном мире. Отсюда разработанные марксизмом способы анализа и по сей день продолжают сохранять свою актуальность.

Особое внимание Келлнер уделяет культурной сфере. Здесь уместно констатировать явление технокультуры, где стержневыми феноменами выступают массовая культура и потребительское общество. При этом технокультура весьма динамична и склонна к пространственному расширению, активно проникая в развивающиеся страны. В рамках технокультуры «образ, зрелище и эстетическая коммодификация или «товарная эстетика» образуют новые формы культуры, которые колонизируют повседневную жизнь и трансформируют политику, экономику и социальные отношения. Во всех перечисленных областях технология играет все более фундаментальную роль».

Значительное место в работах этого ученого занимает концепция телевизионной индустрии. Безусловно телевидение есть часть культурной индустрии, которая в свою очередь связана с корпоративным капитализмом и политической системой. Однако не следует считать телевидение исключительно средством капиталистической идеологии, согласованно контролируемым корпорациями. Келлнер склонен здесь видеть конфликтное средство массовой информации, где пересекаются конкурирующие силы. И хотя современное телевидение в целом несет угрозу демократии, индивидуальности и свободе, все же есть реальные способы нейтрализовать негативные последствия его дея-

⁶⁶ Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб., 2002. С.181.

тельности. Тем самым Келлнер не считает капитализм полностью управляемым миром. Современное состояние технокapитализма создает новые возможности для освобождения. И в этом плане Келлнер возлагает надежды на новые социальные движения (экологи, феминизм).

Итак, какие же обобщающие моменты можно предложить из рассмотрения развития марксистской социологии второй половины XX столетия?

В первую очередь следует сказать о том, что сторонники марксистской социологии не считают капитализм явлением, изживаемым современным обществом. Признавая наличие ряда тенденций, намеченных технократической социологией, марксисты давали им иную интерпретацию. Прежде всего это касается науки и технологии. А.Гоулднер, Р.Миллс, Г.Маркузе и другие развивающие марксистский подход исследователи не считали данные факторы социально нейтральными. Научный прогресс совершенно четко используется в классовых целях, тем самым не подрывая капиталистическую сущность западного общества, но, напротив, содействуя его укреплению. Именно здесь следует искать источники снижения классовой борьбы. Потребительская культура, являющаяся следствием как товарного изобилия, так и работы средств массовой информации, выступает уравнивающим фактором на почве удовлетворения гедонистических по сути стремлений. В то же время это обстоятельство вписывается в структуру капиталистических отношений. Власть «денежных мешков» (финансовых олигархов) теперь действует при тесной поддержке других структур: государства и армии, о чем говорит Райт Миллс, культуриндустрии, на которую указывают теоретики Франкфуртской школы. Тем самым все общество как бы подвергается тотальной капитализации, в которой как бы «перевариваются» оппозиционные элементы.

Разумеется, в подобных обстоятельствах речи не может быть о каких-либо перспективах социализма или меритократии. Принципиальной смены элиты не происходит, и к этому не имеется особых предпосылок. Развивающиеся марксистский подход социологи не поддерживают тезис технократической социологии о менеджериальной революции. Впрочем, по поводу последней, как указывалось в предыдущем параграфе, есть достаточно скептически настроенные сторонники технократического подхода (Д.Гэлбрейт). Технический прогресс действительно не проходит бесследно в отношении социальной стратификации. Однако сдвиги происходят ограниченные, затрагивая в основном средние слои населения. Чарльз Райт Миллс признавал, что новый средний класс тем и отличается от старого, что формируется уже не на основе собственности. Новой осью стратификации здесь становится род деятельности, профессия. Но подобные сдвиги вписываются в логику системных изменений с целью закрепления статуса властвующих элитных групп.

В то же время неоднородности не избежала и сама марксистская социология. Например, общий ее настрой достаточно скептический в отношении радикальных подвижек, в то время как некоторые из ее представителей могут сохранять некоторый элемент радикализма, находя для него социальную базу (Алвин Гоулднер и его концепция «культурной буржуазии»).

В целом можно констатировать, что сторонники марксизма склоняются к утверждению о консервации социальных, а прежде всего капиталистических отношений. Тем самым они не торопятся объявлять приход эры нового общественного типа. Обозначенная Марксом парадигма сохраняет свое методологическое значение, получая широкую почву для исследований уже на международном

уровне - глобальной мир-системы. К ряду таких концепций мы вернемся в других частях.

1.3. Теории развитого индустриального общества

Вторая половина XX века отмечена значительными сдвигами в общественном сознании, что в первую очередь являлось отражением динамики социальной реальности. Окончание Второй мировой войны покончило с нестабильностью геополитической многополярности - с исторической сцены по сути дела исчез один из главных глобальных игроков - национал-консервативный проект, принимавший форму жестко спаянных общественных организмов с надклассовым государственным аппаратом⁶⁷. Отсюда вторая половина указанного столетия ознаменовалась противостоянием двух оставшихся проектов, претендующих на мировое значение – либерализма и социализма. Кроме того, военное противостояние государств сменилось более мирной конкуренцией преимущественно в социально-экономической сфере, где на первый план выходил уровень материального потребления, а также в информационно-идеологической сфере. Военные конфликты отошли на второй план и имели преимущественно локальный характер, время от времени переводя в фазу обострения, так называемую «холодную войну».

Надо сказать, что оба эти проекта добились к тому времени весьма значительных успехов в рамках своих собственных задач. Развитые капиталистические страны могли

⁶⁷ Этот проект имел воплощения разной «степени жесткости». Так, в Германии он был реализован в виде национал-социализма, где во главу угла ставилось расовое превосходство, делавшее неизбежным экспансионизм. В Италии этот проект обозначился несколько ранее и развивался как фашизм, где на первый план была выдвинута идея государства. В Испании и Португалии образовались в виде смягченных авторитарных форм корпоративные государства, которые постепенно либерализовались в течение второй половины XX столетия.

уже особо не опасаться бунта голодающих пролетариев – время «дикого капитализма» и его детища - Великой Депрессии были благополучно пережиты. Советский Союз доказал свою жизнеспособность, продемонстрировав паразитическую устойчивость как в условиях форсированной индустриализации, так и в ситуации тотальной войны. Построение социализма в отдельно взятой стране к середине двадцатого столетия трудно было считать совершенно утопичным тезисом – пусть это и не была система тотального социализма, но «безусловно опиралась на целый ряд социалистических принципов в своей теории и практике»⁶⁸.

При всем при этом следует указать на такой важный момент – сближение капиталистических и социалистических обществ по ряду характеристик. В первую очередь необходимо подчеркнуть успешную индустриализацию и тех, и других. Пусть в первом случае индустриализация имела более естественный и плавный характер, тогда как во втором она оказалась возможна в основном благодаря «включению» мобилизационных механизмов, социальные последствия и того и другого были вполне сопоставимы⁶⁹. Во вторую очередь и капитализм, и социализм формировали собственные мировые системы. Впрочем, между названными проектами существовал и своеобразный «обмен опытом». Так, лидер большевизма Владимир Ленин не

⁶⁸ Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург, 2005. С.20.

⁶⁹ Западно-ориентированные исследователи наверняка могут припомнить коллективизацию и практическую ликвидацию кулачества как социальной группы. Это все так, но подобный процесс следует отнести к политической борьбе против классовых пережитков на деревне, собственно к индустриализации он имел косвенное отношение. А вот что касается особенностей издержек урбанизации – неотъемлемого спутника индустриализации, то здесь СССР оказался даже более успешен. Проблема размещения хлынувшего в города бывшего сельского населения на Западе решалась путем расширения трущобных районов, тогда как в Советском Союзе – с помощью коммуналок. Риторический вопрос – где все-таки лучше живется?

исключал (и даже подчеркивал важность) ряда технологических заимствований у буржуазных обществ (например, организация и управление труда). Капиталистические общества, выбираясь из западни, в которую их загнал мировой кризис перепроизводства, стали включать элементы планирования в противовес классическим либеральным принципам «невидимой руки рынка».

Подобное положение дел неслучайно порождало вопросы такого плана – а не следует ли трактовать либерализм и социализм как различные дороги, но к одной и той же цели? А если это так, то есть смысл задуматься об их взаимопроникновении и некоем общественном синтезе. Такой подход в определенной степени имел не только научный, но и гуманно-политический подтекст. С одной стороны, капитализм получал возможность как бы «сохранить лицо», будучи приравненным к социализму, сторонники которого были уверены, что это более высокий уровень общественного развития. С другой стороны, слияние систем само по себе ликвидировало угрозу атомной войны, ставившей под вопрос само существование человечества.

Возможности сосуществования капиталистической и социалистической систем с перспективами их последующего взаимопроникновения изучались в рамках так называемой *теории конвергенции* (в переводе с латыни «конвергенцио» означает сближение разного, вплоть до слияния в целое). Особую настойчивость подобные разработки получили в 50-е гг. прошлого столетия в трудах таких видных ученых как П.Сорокин, Д.Гэлбрейт, Б.Рассел и др. Ближе к концу двадцатого столетия идея о сближении двух систем пошла на спад, однако не прошла совсем уж бесследно для мирового (прежде всего западного) общественнознания. Ее теоретико-методологическими наследниками принято считать концепцию «социализма с человеческим лицом», а также ряд разработок так называемого «третьего пути».

В то же время далеко не все ученые-обществоведы разделяли подобный оптимистический подход о возможности взаимопроникновения капитализма и социализма. Признавая технические и технологические сходства, они считали непреодолимыми различия в политической сфере. Отсутствие, а вернее, ущемление индивидуальной свободы – сакрализованного идеала либеральной доктрины – считалось достаточным основанием, чтобы объявить советскую власть деспотической и, стало быть, отстоящей весьма далеко от подлинно демократической модели западных обществ. Подобный подход, несмотря на свою явную идеологизированность, все же содержит долю истины. Культурные различия, порождающие различия не только политических систем, но и в других сферах (например, в сфере менеджмента), действительно значительны между россиянами и западными народами. Отсюда весьма сомнительно считать возможным наше равноправное слияние и существование в рамках одной общественной системы, на чем настаивали сторонники теории конвергенции.

Наконец, ряд обществоведческих теорий и вовсе развивались в контексте противопоставления западного общества социалистическим системам, сложившимся при непосредственном участии Советского Союза. Эти концепции явно стремились доказать преимущества именно пути, предложенного западным капитализмом, считая успехи социализма временным явлением. Другими словами, подобные научные позиции встраивались в русло известных идеологических задач, что впрочем выглядит вполне логичным. Ведь именно информационно-идеологическая сфера была основной ареной так называемой холодной войны.

Но, несмотря на существенный идеологический оттенок, стратегический прогноз, содержащийся в упомянутых теориях зачастую в скрытой форме, оказался верным.

Американец Льюис Козер, работавший в рамках конфликтологической парадигмы, доказывал, что социальный конфликт имеет больше функциональную, чем дисфункциональную сторону. Но это при условии, что противоречия между социальными группами будут вовремя распознаны и разрешены, обычно путем компромисса. В случае, если все окажутся довольны, не следует ожидать социального взрыва со стороны «обиженной» группы. Разрешая таким образом конфликты, общество укрепляет свою солидарность и последовательно эволюционирует. Однако, по мнению Козера, имеет место и другое отношение к социальным конфликтам. Так, общественная система может как бы «не замечать» назревшие противоречия, которые накапливаются и в итоге приводят к взрыву, опасному для существования самой общественной системы. Стоит ли говорить, какое общество подразумевалось в первом случае, а какое – во втором?

Другой американский ученый Уолтер Ростоу пошел еще дальше, будучи не только ученым, но и политическим деятелем – специальным советником президента Линдона Джонсона. Он попытался сформулировать теорию исторической динамики, альтернативную марксовской концепции общественно-экономических формаций, естественно взятой на вооружение социалистическими обществами⁷⁰. Его учение получило название концепции «стадий экономического роста». В основе развития экономики лежит прежде всего определенный уровень технологического развития, тогда, как мы помним, Маркс придавал важное значение еще и отношениям между субъектами производственного процесса.

Ростоу выделял в истории пять этапов, дифференцированных по уровню технологий (возможно по аналогии с

⁷⁰ Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 301.

пятью видами общественно-экономических формаций Маркса). Первый этап - традиционное общество, основанное на сельскохозяйственном производстве с «доньютоновским» уровнем науки и техники. Далее шел период «переходного общества», когда складывались предпосылки для качественного «сдвига». При этом Ростоу не отрицал воздействия и других факторов, помимо научно-технических. Это и появление нового типа предприимчивых личностей, формирование централизованного национального государства.

Третий этап подразумевал уже непосредственно стадию «сдвига» или период промышленной революции. Он характеризуется повышением доли накопления капитала, стремительному росту промышленных отраслей, радикальному изменению методов производства. На этой стадии, по мнению Ростоу, Англия находилась в конце 18 столетия, США и Франция подошли к ней к середине 19 века, тогда как Германия – во второй половине 19 столетия. Россия вышла на подобный уровень еще позже – в 1890-1914гг, а Китай и вовсе только к середине 20 века.

Следующий, четвертый, этап – «зрелый индустриализм», которому присущ бурный промышленный рост, урбанизация, увеличивающая долю городского населения до 70-90%, изменением структуры занятости – в результате широкого внедрения научных инноваций растет доля квалифицированного труда.

Наконец, заключительный пятый этап предполагает эру «высокого массового потребления», когда основные проблемы общества перемещаются из сферы производства в сферу потребления. Отсюда следует ожидать роста не традиционных отраслей, но сферы услуг, сопровождающийся расширенным производством товаров массового потребления.

Концепцию Ростоу отличает жесткий эволюционизм линейного характера. Прогресс здесь сводится к бесконечности материального роста, обеспечиваемой развитием техники и технологий. Между тем вторая половина XX столетия ознаменовалась ускоренной социальной динамикой, которая происходила уже не столько за счет внутренних, сколько за счет внешних факторов. Формирующаяся мир-система жестко выдвигала свои правила, определяя для каждой страны ее позицию в мировом разделении труда. Это обстоятельство собственно и стало доминирующим в определении стратегии и направлении развития той или иной общественной системы. Трудно сказать, что помешало Ростоу заметить и соответствующим образом оценить обозначенный фактор, ставящий под сомнение его картину социально-исторического развития. Возможно, это была идеология либерализма, составлявшая фундамент представлений этого ученого, и которая предпочитает отдавать должное индивидуальным усилиям социального субъекта, будь то отдельный человек или целый общественный организм. Не исключено, что тут имели место политические задачи, в рамках которых марксизм ставился под сомнение весомой альтернативой, не отступавшей однако от принципов эволюционизма, милого тогда сердцу многих.

Индустриальное общество Раймона Арона

С более отстраненных позиций пытался дать свое толкование индустриальному обществу французский социальный мыслитель Раймон Арон (1905-1983), известный своей разносторонностью. Его заслуги отмечаются как социологией, так и философией истории, политологией. Он один из первых западных мыслителей, которых начали переводить в 90-е годы в России. Следует признать его существенный вклад в научные представления об объективных основаниях развитого индустриального общества, а также

его динамике. В то же время Арон – один из самых неоднозначно интерпретируемых исследователей. Трактовка его взглядов может существенно отличаться, что, по видимому, объясняется обращением к разным работам его научно-творческого наследия. Но колебания Арона в определении сути происходящих процессов лишней раз подчеркивают их действительную сложность.

Арон не случайно является одним из ярких сторонников теории «деидеологизации». Он особенно настаивал на изучении общественной реальности, свободном от политико-идеологической предвзятости, и в этом отношении он был близок к классику мировой социологии М.Веберу. Собственный метод французский исследователь обозначает как описательно-генерализирующий, методологически предпосылками которого являются, во-первых, научный подход и установление детерминистских связей, во-вторых, обращение к ценностным факторам истории и обозначение «идеальных типов» действительности⁷¹. В работах Арона много места занимает сравнительный анализ экономики, политики, идеологии капиталистических и социалистических обществ.

Французский исследователь не может обойти своим вниманием марксизм. Не отрицая определенную экономическую обусловленность социальных фактов, Арон все же указывает на ограниченность экономического детерминизма. Отнюдь не любое социальное явление следует, в конечном итоге, сводить к экономическим отношениям, на чем настаивали последователи К.Маркса. В то же время Арон критично воспринимает теорию Ростоу, представляющую своего рода альтернативную марксизму методологию интерпретации истории, не выходящую, впрочем как и марксизм, за рамки эволюционной парадигмы. В работе

⁷¹ Социализм в перспективе постиндустриализма под ред. Е.А.Самарской М., 1999. С. 178.

«Три очерка об индустриальной эпохе» Арон подвергал сомнению принцип Ростоу, согласно которому все общества движутся к индустриализму, а более развитые демонстрируют остальным их собственное будущее. По мнению французского мыслителя, в этом случае социальная эволюция сводится к «техницистско-индустриальному прогрессизму». Между тем необходимо принимать во внимание культурные различия, которые достаточно велики, дабы выстраивание единой линии прогресса оказалось делом невозможным.

Кроме того, своеобразие таких сфер как экономика и политика заключается в том, что они не имеют линии прогресса. Последний понимался Ароном в позитивистской традиции – как количественное накопление результатов. Так, экономика не имеет единообразной цели, а потому ее состояние может быть оценено с разных точек зрения – «суждения о прогрессе в экономической области вдвойне хрупки, так как существует множественность критериев внутри самой экономики, и множественность критериев ей внешних»⁷². Что касается политики, то эта сфера представляет собой попытки решить определенным образом одни и те же фундаментальные вопросы: это проблемы власти, справедливости, демократического участия и т.д.

Современный американский исследователь российского (советского) происхождения Владимир Шляпентох усматривает в нынешней российской системе много сходств с феодальной эпохой. Он неслучайно в одной из своих последних книг «Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру». М., 2008. заостряет внимание в основном на политических механизмах современной российской и феодальной эпохи. То, что искать эволюционизм в политической сфере - дело неблагодарное, свидетельствуют многие исторические факты. Например, Древний Рим после довольно краткого

⁷² Aron R. Les desillusions du progress. Paris, 1969. p. 85.

царского периода стал республикой. Но спустя четыре столетия существующая система явно изжила себя в условиях расширяющейся экспансии. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные гражданские войны, имеющие место в I в. до н.э., когда республика откровенно агонизировала. Римский социальный организм спасся лишь путем введения принципиально новой формы правления – принципата, что означало новую монархию, более соответствующую тогдашней обстановке.

Согласно Арону прогресс следует констатировать лишь там, где имеет место накопление результатов – это сферы науки, техники, собственно производства. Он признавал, что подобные сферы можно считать универсальными (компьютер и в Африке компьютер), и в XX столетии их значение существенно выросло. Индустриализм во многом именно им обязан своим появлением, ведь его очевидной особенностью является ориентированность на безграничный рост производства и потребления. Но индустриальное общество – это своего рода идеальная модель, которой не исчерпывается все многообразие отношений в рамках общественной системы. Так, две такие модели представляют собой западно-капиталистическое и советское общества, что отнюдь не говорит об их идентичности. «Абсурдно заявлять, - писал Арон, что то, что объединяет эти общества, более важно, чем то, чем они отличаются»⁷³.

Логическим следствием единства технико-экономической природы индустриального общества является его отказ от идеологии. Французский ученый ярый сторонник тезиса о «смерти идеологий». Как ему представляется, лишь в традиционных обществах идеологическая борьба может иметь важнейшее значение, поскольку там для идеологий имеется существенная опора – мифологическое сознание. Эпоха же индустриализма выводит на пер-

⁷³ Aron R. The Industrial Society. – N.Y., 1967. P.86.

вый план научное сознание, имеющее прочную аргументационную базу.

Главная черта индустриального общества – рациональность, проявляющаяся как на микро-, так и на макро-социальном уровне. Важнейшие формы индустриальной рациональности – дух научности, дух экономического подсчета, дух прогресса и инноваций. Разумеется, рациональность может быть реализована в различных формах. Так, если в капиталистической системе производство управляется прибылью, то в советской – планом. Рациональный характер индустриального общества вводит в оборот обобщающие, унифицирующие различные ситуации механизмы, которые обладают уравнивающей и унифицирующей силой в отношении людей и общественных условий. Демократические институты, бюрократическое управление, наука, экономический расчет – все это реалии уравнительного порядка, заставляющие человека жить в некоем гомогенном и унифицированном мире: один избиратель равен другому, рабочие при машине взаимозаменяемы и все равны перед деньгами⁷⁴.

Индивиды, живущие в эпоху индустриализма, одержимы волей «производить все больше, зарабатывать все больше, рационализировать все лучшее и лучшее»⁷⁵. Социальные представления все более приобретают технократический характер. Неслучайно деидеологизация присуща обоим типам индустриального общества – капиталистическому и социалистическому. В последнем случае деидеологизацией следует считать превращение марксизма в формальную догму. Граждане СССР остаются марксистами лишь формально, сохраняя марксистскую фразеологию, но сами принципы марксизма все меньше и меньше опре-

⁷⁴ Социализм в перспективе постиндустриализма под ред. Е.А. Самарской М., 1999. С.183.

⁷⁵ Там же. С.181.

деляют практическую деятельность, считал французский исследователь, и как это уже сейчас ясно, не без оснований⁷⁶.

Однако это еще не довод для того, чтобы ставить технологический детерминизм во главу угла исторического развития обществ. Наука лишь создает средства и способы рационализации деятельности, но суть любого общества раскрывается через цели, заявленные этим обществом. Таких целей в принципе может быть две: 1) материальное благополучие немногих или даже многих; и 2) власть и престиж сообщества как целого. Индустриальное общество в технократическом варианте целей не имеет. А капиталистические и социалистические системы заявляют свои принципиально различающиеся цели⁷⁷.

Концентрируя внимание на фундаментальных различиях западного капитализма и советского общества, Арон не склонен соглашаться с довольно популярной в его время теорией конвергенции. Он признает, что в некоторых аспектах сближение названных систем действительно происходит – речь идет о способе контроля в сфере производства, государственного управления и распределения. Однако подобные встречные движения вряд ли приведут к формированию схожих политических систем. Последние не являются продуктом технико-административных механизмов, но формируются под воздействием множества факторов, действующих в истории. Условия, в которых формировались советское и западно-капиталистическое общества, существенно различны, отсюда Арон считает мифом тезис о «конвергенции, слиянии двух типов индустриального общества»⁷⁸.

⁷⁶ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1994.

⁷⁷ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 270-271.

⁷⁸ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3. М., 1997. С. 343.

Таким образом, французский мыслитель придает особое значение политической системе, считая ее «неконвергируемой». Сфера властных отношений, по мысли этого ученого, является автономной и выступает важнейшим источником социальных иерархий, регламентации отношений собственности, формирования правовой системы. Так, индустриализация в СССР была приведена в действие политическим режимом, который тем самым радикально изменил общественную действительность. Разумеется, при этом были пущены в ход многие нелицеприятные средства. Индустриализация западных стран происходила более естественным и спонтанным путем и политические изменения шли в ногу с изменениями экономики. Но, хотя избегающий насилия западный капитализм с его демократическим режимом и выигрывает в чисто моральном плане, советские режимы имеют свою сильную сторону – более эффективный способ управления.

Исходя из этого, поначалу Арон считал одинаково стабильными перспективы и западного, и советского обществ. В более поздних работах его мнение стало склоняться в сторону предпочтения западной модели. Способствующие производственному росту индивидуализм, свобода предпринимательства представляют фундаментальные западные ценности, но отсутствуют в советском обществе. Кроме того, советский режим успешно осуществил первоначальные фазы индустриализации, назвав «строительством социализма то, что в XIX в. называли бы накоплением капитала». Арон признает, что в целях массовой мобилизации это являлось сильным психологическим шагом. Но такая система не избежит трудностей, а возможно и гибели, когда на первый план выйдет массовый рост потребностей - совершенно неизбежное следствие успешной индустриализации.

Задумывается Арон и об универсализме западных ценностей, которые в его время уже достаточно четко заявили о своих претензиях на мировое значение. Французский ученый соглашается с тем, что приоритет роста над стабильностью, будущего над прошлым, культу науки распространились в общественном сознании большинства социальных систем. Как пишет Арон, «в этом смысле все они имеют один и тот же проект». Однако сама реализация данного проекта происходит крайне неравномерно. Если главной проблемой девятнадцатого столетия была нищета пролетария, то во второй половине двадцатого века проблемой стала нищета целых народов. Хотя человеческий мир и стал в чем-то более однороден – ему фактически оказались навязаны одни и те же правила, он все равно раздирается конфликтами неравенства. На тот момент, когда в достатке сырье и пространство, развитие бедных стран не задевает интересы богатых народов. Противоречие их интересов неизбежно обнаруживается, когда речь заходит о таможенных тарифах, ценах на сырье. Подобное неравенство развития, как писал Арон, радикально исключает политическую унификацию человечества на планетарном уровне.

Но для тотального проникновения индустриальных западных ценностей существуют и культурные барьеры. Арон готов признать, что эти ценности имеют силу во всех обществах, но только «в сфере рационального и производительного труда». За пределами данной сферы начинают доминировать ценности национальной культуры, традиции, верования. В то же время, по мысли этого ученого, культура есть лишь «религия частной сферы», которую следует рассматривать отдельно от политических отношений⁷⁹. Неслучайно, западные страны, различаясь в куль-

⁷⁹ Социализм в перспективе постиндустриализма под ред. Е.А.Самарской М., 1999. С.190.

турном плане, являются однотипными в своих производственных, экономических, политических и духовных основах, что впоследствии предопределило небезуспешное проведение интеграционных механизмов между ними. Отсюда Арон не исключает в будущем некое подобие планетарной интеграции – для решения глобальных проблем все мировое сообщество будет подчинено единой рациональной администрации. Проблемы экономики при таком положении дел регулировались бы на разных уровнях – континентальном, национальном, кантональном, а национальная культура оказалась бы отделенной от государства и вытесненной в область частной жизни.

Несмотря на то, что научные изыскания Арона являются нам в его лице фигуру типичного западного интеллектуала – не без определенных усилий в его воззрениях все же превалирует либеральная составляющая. Однако в плане определения перспектив западного социального мира Арон не скрывает тревоги. Собственную концепцию он определяет как «пессимистическую диалектику», усматривая в эволюции окружающего его мира ряд антиномий. Последние есть результат того, что развитие науки и техники порождает устремления и иллюзии, которые оно же не в состоянии удовлетворить. Чем больше человечество овладевает природой, тем больше оно теряет власть над собственной судьбой.

Антиномии индустриального общества формулируются Ароном исходя из анализа практической реализации фундаментальных идей проекта Просвещения. Во-первых, люди стремятся к эгалитарному идеалу, а в то же время иерархия является неизбежной. Во-вторых, либеральное стремление к индивидуальности наталкивается на нивелирующий механизм технико-экономического развития. В-третьих, противоречия международных отношений, где приходят в столкновение мощные тенденции «универсали-

зации», подпитываемые научно-техническим прогрессом, и традиционные стандарты, издавна определяющие отношения между обществами⁸⁰.

В то же время Арон склонен отмежеваться от концепции постиндустриального общества, что не в последнюю очередь объясняется его в целом критичным отношением к принципу технологического детерминизма. Классические теории постиндустриализма, как будет показано далее, методологически зависимы от последнего. Как указывает Арон, нет особых оснований считать, что в недалеком будущем произойдет смена общественного типа. Если и можно предположить изменение труда и быта в результате автоматизации, то в любом случае останется тот же общественный фундамент – производство материальных благ.

С другой стороны, Арон скептически относится к возможностям социальных прогнозов. По его мнению, единого направления развития не существует, есть только плюрализм государственных и прочих интересов. Будущее – итог воздействия многих, порою противоречивых факторов, и общий результат может оказаться неожиданным. «Нет техников, способных формировать общества завтрашнего дня, человечество в целом творит их в непредвиденном разнообразии»⁸¹.

Обобщая социологические взгляды Раймона Арона, отметим следующие значимые моменты. Во-первых, концепция Арона методологически расширена, что, безусловно, говорит в ее пользу. То есть французский исследователь не намерен особенно «зацикливаться» на каком-то одном, пусть даже и очень значимом социальном факторе. Это позволило Арону увидеть определенные ограничения для научного прогресса, хотя он и не отрицает его универсального характера. По сути дела Арон признает огромную

⁸⁰ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3. М., 1997. С.344.

⁸¹ Aron R. Les desillusions du progress. Paris, 1969, p. 294.

роль научного прогресса в области экономики, однако сам не меньшее значение придает политической сфере. В той или иной культурной среде, а также в зависимости от заявляемых политических целей, развитие науки и технологий может приобрести совершенно специфический характер. В качестве примера можно указать на США, Японию и СССР, где индустриальные тенденции подверглись основательной обработке, а в отношении советского общества следует добавить, что в результате непоследовательной политики процесс поначалу успешной индустриализации зашел в тупик.

Во-вторых, Арон сумел в значительной степени (хотя и не совсем полностью) дистанцироваться от идеологических предубеждений своего времени (холодная война и т.д.). Ему удалось увидеть проблемы, о которых несколько позже заговорили теоретики глобализации – складывающееся вопиющее неравенство в межгосударственном масштабе. Это обстоятельство не заметил (или предпочел не заметить) У.Ростоу за шорами жесткого эволюционизма, послужившего методологической основой его теории.

В-третьих, Арон все же констатирует значительные социальные изменения, которые в перспективе ведут к принципиальному изменению общественного порядка. Например, социальное неравенство усложняется, при этом классовое распределение отходит на второй план⁸². Подобное утверждение не является бесспорным, особенно в свете того, что «социальное государство» в западных странах за последние 20 лет явно сдает свои позиции. Пришедший на смену фордизму постфордизм сулит материальное благополучие отнюдь не большинству.

⁸² Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 276.

Теория развитого индустриального общества
А.Зиновьева

Четкий и непредвзятый анализ западных обществ содержится в работах русского ученого Александра Зиновьева, какое-то время (около 20 лет) вынужденного жить в Германии, США, Франции. Будучи приверженцем строгих логических методов, Зиновьев представляет западное общество структурированным в нескольких разрезах. Чрезвычайно сложным характером его объясняется наличие множественности разнообразных социальных ячеек: групп, коллективов, страт, классов.

Во второй половине XX в. логика развития экономической составляющей общественных систем Запада обусловила стремление к преодолению национальных границ и созданию сообщества стран с едиными надгосударственными организациями. Базой подобного международного объединения становится мировая экономическая система, где первую скрипку предстояло играть именно Западу как наиболее развитому в индустриальном плане.

Стремительное развитие экономики, выход ее на международный уровень, как считает Зиновьев, превратили западное общество в общество “тотального капитализма”. Это означает, что практически все его члены оказались вовлеченными в денежные операции по законам капитала: ссуда, взятая в банке, хранение денег в банке, владение акциями предприятий – вот некоторые примеры подобных операций. Их количество и роль в жизни людей многократно усилились. С этой точки зрения почти все живущие на Западе являются в той или иной мере капиталистами.

Кроме того, подобная эволюция всей западной системы привела к тому, что фактически социальные процессы (в том числе и не экономического характера) находятся под управлением гигантской финансовой системы, давно вы-

шедшей за пределы западных стран и получившей название “денежный тоталитаризм”.

Денежный тоталитаризм характеризуется неисчислимым количеством денежных операций, охватывающих все аспекты жизни людей и общества в целом. В силу специфической роли финансовой сферы деньги превратились в механизм западного общества, из средства экономики - в ее доминирующий фактор. Благодаря этому в сферу экономики встроены сферы культуры, образования, развлечения, спорта и все другие, ранее имеющие более автономный характер. В этот денежный механизм включены банки, государственные финансовые учреждения, сберегательные кассы, страховые компании, кредитные учреждения и т.д.

Денежный механизм, отмечает российский ученый, укомплектован наемными работниками. Внутри него господствуют отношения начальствования и подчинения, сговоры, согласования, принуждение и прочие явления... Он антидемократичен. В каждом его подразделении господствует беспощадная, роботообразная дисциплина. Он деспотичен по отношению к прочему обществу. Никакая диктаторская власть не может сравниться с ним в этом качестве.

Подобная динамика во многом определила особенности частного предпринимательства. Теперь начинающий бизнесмен, как правило, берет кредит в банке под проценты. Фактическим собственником выданного в кредит начального капитала является банк, а получивший кредит предприниматель выступает в роли служащего банка, формально имея статус частного предпринимателя. Главной целью жизни такого рода предпринимателей становится выплата процентов по кредиту и сам кредит, поддержание хода дела. Большой процент их быстро разоряется, значительной части удается добиться средней прибыли, позволяющей расширить дело, преуспевающих же - ничтожное мень-

шинство. Частное предпринимательство в западном обществе – это вид труда, связанный с постоянной нервотрепкой и тревогой за будущее.

Зиновьев соглашается с установкой марксистской традиции определять классы по признаку работодатель-работник, правда, им он дает определения “класс нанимателей” и “класс нанимаемых”. К первым относят не только отдельных предпринимателей, но и организованные группы, осуществляющие нечто вроде совместного руководства. Причем количественные размеры подобных групп могут быть самые различные - все зависит от масштабов компании. “В эти группы входят как собственники средств деятельности, так и наемные лица: менеджеры, работники контор и канцелярий, короче говоря, – все те, кто представляет и отстаивает интересы группы работодателя, будучи членами этой группы”⁸³.

К классу нанимаемых следует причислить как рабочих, так и служащих разного рода, включая государственных. При этом Зиновьев отмечает очень важный факт - нанимаемых можно определять в качестве таковых только с точки зрения отдельных личностей, носителей соответствующих статусов. То есть здесь трудно вести речь об организованной группе, осознающей свое единство. И это в нынешних условиях вряд ли возможно, поскольку, с логической точки зрения, класс нанимаемых “состоит из людей, интересы которых различны и даже враждебны порою”. То есть здесь, по мнению российского ученого, не приходится наблюдать феномена “классового сознания” – этой долгое время главной надежды марксистских теоретиков. Можно говорить лишь о существовании отдельных организаций вроде профсоюзов, которые ориентированы на отстаивание локализованных интересов наемных работников.

⁸³ Зиновьев А. Запад. М., 2000. С. 157.

По-иному обстоит дело в отношении класса нанимателей. Возможности объединения тут много выше, нежели у нанимаемых, и здесь имеются солидные объединения в масштабах целой страны. Зиновьев отмечает целую совокупность организаций, союзов, учреждений и даже просто сговоров, которые образуют систему управления экономикой.

В отношениях между этими двумя классами, конечно, наблюдается определенный антагонизм. Однако, как отмечает российский исследователь, обычно данный конфликт не перерастает собственно экономические рамки. Несогласия могут возникнуть в основном на почве распределения доходов и средств. Конфликты подобного рода разрешаются в ходе переговоров враждующих сторон и экономических перерасчетов. Глубинные основы же социальных отношений не подвергаются сомнению, поскольку устраивают обе стороны. Тем самым Зиновьев приходит к выводу, что классовые конфликты западного общества не могут считаться антикапиталистическими⁸⁴.

Российский ученый не считает возможным игнорировать такой солидный в западном обществе слой, как иностранные рабочие и иммигранты. Данная страта представляет собой закономерный продукт глобализации и во многом является фактором нынешнего относительно благополучного материального существования большинства населения западных стран. Так, в 1991 г. в ФРГ жило около 5 млн иностранных рабочих, что составляло около 6,5% от всего населения. Во Франции эта доля была еще выше – 8%, в Швейцарии подобный показатель составлял уже 16%. В США в начале 90-х гг. иммигранты составляют чуть ли не половину прироста населения. Причем эти данные ка-

⁸⁴ Там же. С. 159.

саются только легальной миграции, тогда как миллионы иностранцев проникают туда нелегально.

Иммигранты образуют в западном обществе устойчивый социальный слой, который Зиновьев считает возможным сопоставить с рабами Римской империи. Возможно, что здесь видный российский мыслитель несколько погорячился. Тем не менее, имеются все основания отнести подобные группы к социальным “низам”. Это, с одной стороны, дешевая рабочая сила – им платят значительно меньше, чем за ту же работу коренным гражданам; кроме того, иммигранты готовы приступить к любой работе, в том числе и той, которой “брезгают” представители местного населения.

Наличие подобных групп в западном обществе, как отмечает Зиновьев, породило конфликты иного рода. Так, многие наниматели, естественно, заинтересованы в дешевой рабочей силе, которая дает возможность сбивать цены на рынке труда. Но достаточно долгое пребывание иностранных рабочих стимулирует их к организации и борьбе за улучшение своего социально-экономического положения. Разумеется, коренное население видит в таких группах конкурентов и относится к ним в целом враждебно. В результате Западное общество становится ареной так называемых расовых конфликтов (в начале XXI в. подобные антогонизмы особенно обострились во Франции, где популярность набирает “Национальный фронт” Жан Мари Ле Пена). В определении “расовый” Зиновьев видит сокрытие истинной социальной сущности названных противостояний.

Несмотря на то, что либеральные общества считаются относительно благополучными, в них также отмечаются тенденции социальной поляризации. “На одном полюсе происходит накопление баснословных богатств, на другом – беспросветной нищеты. Одна часть членов общества

имеет доступ ко всем жизненным благам, ко всем достижениям цивилизации, о которых еще совсем недавно не могли мечтать даже самые привилегированные люди, а другая часть лишается той крупницы благ, какую раньше располагали даже бедняки”⁸⁵. Безусловно, нельзя отрицать наличие многочисленного “среднего слоя”, но даже в США, по данным на 1990 г., в нищете жило 33,6 миллиона человек, что составляло 13,5% населения⁸⁶.

Зиновьев делает очень тонкое замечание относительно влияния бедности как социально-психологического феномена. Он пишет, что бедность особенно страшна не тогда, когда она имеет массовый характер: волей или неволей, но в этом случае она будет восприниматься как типичное явление, то есть норма. Когда же бедных сравнительно немного, тогда эта группа, видя благополучие большинства, ощущает себя отверженной, а большинство, в свою очередь, еще сильнее дистанцируется от этой группы, воспринимая их как своего рода прокаженных. Причем наличие подобной категории отверженного меньшинства вполне вписывается в механизмы капиталистического производства, как известно, ориентированного на прибыль. Метод повышения производительности труда - когда для работающего населения наличествует постоянный пример отверженных безработных – работает весьма эффективно.

Что касается вертикальной мобильности, широкие возможности которой либеральные идеологи преподносят как одно из главных преимуществ западного общества, то в реальности она имеет весьма ограниченный характер. Многочисленные исследования социологов совершенно четко показывают, что решающим фактором здесь выступают не сумма личных усилий, помноженных на способности, а стартовая позиция. В учебнике Гидденса по социоло-

⁸⁵ Там же. С. 164.

⁸⁶ Там же. С. 164.

гии приводятся любопытные данные, согласно которым любой гражданин западного общества имеет возможность подняться по социальной лестнице, но только на 1-2 ступеньки⁸⁷. Скажем, начав с позиции квалифицированного рабочего, реально закончить карьеру мастером (синий воротничок) или, если повезет, менеджером среднего звена (белый воротничок), но для прохода в элиту не хватит ни времени, ни ресурсов. Кроме того, не следует забывать, что элита западного общества точно так же стремится к закрытости и кастовости, но об этом чуть позже.

При всем при том Зиновьев отмечает тенденцию к группообразованию на основе схожести иерархических статусов. Отношения внутри таких групп носят во многом личный характер и мало подвержены научному анализу, однако российский исследователь не сомневается, что здесь имеет место решение деловых вопросов⁸⁸ (словом то, за что в свое время критиковали советскую систему).

Западное общество лишено каких-либо четких универсальных принципов распределения. Тут за материальные блага идет жесткая борьба с использованием имеющихся в распоряжении ресурсов и возможностей. Однако сама социальная жизнь выработала некую систему получения вознаграждения, которая никем не оспаривается. Например, чем более высокий пост, тем больше величина заработной платы. Само собой разумеющимся считается, когда предприниматель имеет более высокий доход, если сумел лучше организовать свой бизнес.

Фундаментальным принципом западного общества выступает деловая активность, а первичной ячейкой – деловая организация, по своим функциям в чем-то схожая с советским трудовым коллективом.

⁸⁷ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 223–224.

⁸⁸ Зиновьев А. Запад. М., 2000. С. 167.

Однако важное отличие подобных организаций от трудовых коллективов в том, что здесь люди сосредотачиваются преимущественно только на выполнении своих деловых обязанностей. Социальная и интимная жизнь происходит вне этих организаций (исключения редки). Основные структурные принципы в такого рода социальных ячейках сводятся к следующим положениям: 1) рациональная организация дела; 2) жестокая трудовая дисциплина; 3) максимальное использование средств производства и рабочей силы.

В целом же фундаментальные задачи деловых организаций противоположны аналогичным задачам коммунистических коллективов. Во-первых, деловая организация стремится делать максимально лучше, добиваться как можно большего результата с минимальными затратами, тогда как трудовой коллектив скорее преследует цели максимального удовлетворения контролирующих структур, пусть даже ценой обыкновенной “показухи”. Во-вторых, деловая организация стремится свести к минимуму число сотрудников, в то время как трудовой коллектив старается дать занятие как можно большему числу людей.

В западной организации, как отмечает Зиновьев, оценка сотрудников производится исключительно по их деловым качествам. В оценку же сотрудников советского коллектива включаются многочисленные качества, имеющие в принципе мало отношения к деловому аспекту (партийность, общественная работа, активность, моральные качества, связи). Очень часто подобные черты оттесняют деловые качества на второй план. В деловой организации западного общества вознаграждение ограничивается только формой заработной платы, тогда как сотрудникам трудового коллектива помимо заработной платы предоставляется

ряд дополнительных благ – премии, путевки в санатории, жилье⁸⁹.

Сопоставляя структуру первичной организации западного и советского общества, Зиновьев приходит к выводу, степень важности которого переоценить трудно. Внутренняя демократия в деловой организации Западного общества совершенно отсутствует. Внутри организаций царит трудовая дисциплина, переходящая в деловую диктатуру. Западное общество, будучи демократическим в политическом плане, является диктаторским социально, то есть в деловых клеточках. “Демократия, права человека, гражданские свободы и прочие атрибуты свободного общества нужны Западу как внешняя компенсация за отсутствие их в деловой жизни”⁹⁰. Советское же общество, наоборот, являясь тоталитарным на политическом уровне, допускает элементы реальной демократии в первичных коллективах.

“Если понимать под степенью эксплуатации, – пишет Зиновьев, - отношение величины усилий человека при выполнении дела к величине вознаграждения за это, то степень эксплуатации западного общества выше, чем коммунистического. Западные люди имеют больше реальных благ, чем люди коммунистических стран. Но они для этого и трудятся больше. Люди коммунистических стран имеют меньше, чем западные, но они тратят сил на это много меньше. Условия труда у них в принципе легче. Плюс к тому отсутствие проблемы поисков работы, а также проблема найма и увольнения. В Советском Союзе найти работу не было проблемой. Для западных людей иметь работу в большинстве случаев является главной жизненной заботой - местом работы дорожат. Нет уверенности в том, что она надолго. В первичной ячейке западного общества человек свободен от такой власти коллектива, как в ком-

⁸⁹ Зиновьев А. Запад, М., 2000. С. 70.

⁹⁰ Там же. С. 69.

мунистическом обществе. Но он из-за этого лишен такой заботы и защиты со стороны коллектива, какая имеет место в коммунистическом обществе»⁹¹.

В качестве итоговых моментов концепции Александра Зиновьева следует указать на следующее.

Во-первых, в методологическом плане этот автор опирается на комплекс идей, которые он не столь уж безуспешно систематизирует. Это технократический подход, элементы марксистского мышления и теория глобализации в ее мир-системном варианте. Зиновьев признает определенную динамику общественных отношений, которые все более переплетаются через экономические связи, минуя национальные границы. Тем не менее, эти изменения происходят неодинаково именно вследствие воздействия глобального социума на составляющие его элементы (то есть на самого себя). Отсюда индустриальное западное общество не столь уж демонстрирует отсталым странам их будущее, скорее первое начинает жить за счет вторых. Тому свидетельство не только иммигранты, но и потоки финансовых ресурсов, определяющих порядок «денежного тоталитаризма».

Во-вторых, отечественный мыслитель отнюдь не склонен признавать новый общественный тип, пусть даже в относительно благополучном (в сравнении с другими обществами) западном социуме. По его мнению, проблемы индустриального общества не могут считаться преодоленными. Согласно его рассуждениям, они скорее усугубились. Роль денег лишь возрастает, а в социально-экономических отношениях по-прежнему доминирует антагонизм между тем, кто нанимает, и тем, кто нанят на работу. Современное индустриальное общество Зиновьева – это общество с жестким стратификационным делением, где есть простор

⁹¹ Зиновьев А. Запад, М., 2000. С. 72-73.

социальным конфликтам, как на классовой, так и на национальной почве. Доминирующим стандартом поведения становится исключительный рационализм, ставящий достижение целей превыше всего, в том числе и выбора средств. Демократические элементы имеют тенденцию к свертыванию не в последнюю очередь в силу сращивания государственных и экономических структур, а капитализм приобретает дополнительные силы и возможности. Очень многие тезисы Зиновьева созвучны положениям теорий глобального капитализма, которые будут рассмотрены в соответствующей части.

1.4. Социальные практики развитого индустриализма

Рассмотрев несколько известных концепций, содержащих теоретическое описание характеристик развитого индустриального общества, нам теперь следует заняться соотношением теории и практики. Для этого мы намерены обратиться к работам более «приземленного» характера, относимых скорее к чистой социологии, чем к социальной философии. Это труды, активно апеллирующие к конкретным данным. По ходу анализа положений известных теоретиков индустриализма наш интерес в основном касался проблем социального распределения или неравенства - одного из универсальных вопросов социологии. Кроме того эпоха развитого индустриализма считается более или менее благоприятной в плане возможностей социальной мобильности но это в теории. Как же обстояло дело в реальности?

Имеет смысл строить логику настоящего раздела снизу вверх, то есть рассмотреть, как складывалась ситуация в элитных группах, средних слоях и наконец, в общественных низах.

По поводу верхних этажей следует сказать, что здесь имели место ряд противоречивых тенденций. С одной сто-

роны определенный результат приносила кейнсианская политика (или, по выражению Д.Харви, политика «встроенного либерализма»), являющая собой компромиссинтересов промышленного рабочего класса и общих политико-экономических интересов системы⁹². Целый ряд авторов отмечает сокращение имущественного неравенства благодаря новым подходам к государственной перераспределяющей политике в особенности «новому курсу» Ф.Рузвельта. Лауреат Нобелевской премии по экономике Пол Кругман приводит данные, согласно которым доля национального богатства, которая находилась под контролем богатейших 0,1% американцев, за период с 1930-х по середину 50-х гг. упала более чем в двое – с 21,5 до менее 10%. В 1900 году в США насчитывалось 22 миллиардера, к началу Мирового кризиса (Великой Депрессии) их было уже 32, но затем к 1957г. число этих лиц сократилось ровно вдвое (16 человек), а в 1968г. их осталось 13⁹³. Похожие данные приводит другой американский ученый Дэвид Харви.⁹⁴

С другой стороны продолжались и во многом естественным путем тенденции, которые работали на укрепление позиций крупных собственников. Речь идет о продолжающейся концентрации капитала, который проходил в основном под эгидой поглощения крупными предприятиями более мелких фирм. Только в редких случаях несколько небольших компаний объединяются в крупные корпорации. Об этом пишет исследователь Ф.Ландберг, непонятно в силу каких причин малоизвестный современному обще-

⁹² Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 165.

⁹³ Кругман П. Кредо либерала. М., 2009; или Шкаратан О.И. Социология неравенства. М., 2012. С. 219-220.

⁹⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М.. 2007. С. 27.

ствознанию⁹⁵. Им приводятся достаточно весомые данные: за десятилетие (с 1951 по 1961гг.) в США произошло 3736 случаев слияния предприятий, в которых приняли участие 500 крупных промышленных компаний и 50 крупнейших торговых фирм. Первые 100 самых крупных промышленных предприятий поглотили 884 мелких, вторые по масштабам 100 компаний поглотили 1059 фирм, третьи 100 компаний – 577, четвертые – 453 и последние 100 – 431 предприятие. 50 упомянутых крупных торговых фирм поглотили 332 более мелкие фирмы.

Кроме того, с 1948 по 1960г. 33,4% приобретенных в результате слияния активов перешло к компаниям, капитал которых превышал 50 млн. долларов, 34,3% - к компаниям с капиталом от 10 до 50 млн. долларов. Что касается предприятий, обладающих капиталом менее 1 млн. долларов, то к ним перешло только 1,6% от общей суммы стоимости активов⁹⁶.

Экономические организации менялись не только в количественном, но и в качественном плане. Помимо официально заявленной деятельности, крупная фирма могла заниматься и многими другими операциями, имеющими мало отношения к ее изначальной направленности. Тот же «Дженерал моторз» вначале производил только автомобили. Затем продукция стала более разнообразной, основанной на электромеханизмах - промышленное оборудование, бытовые приборы, землеройные механизмы и т.п. «У.Р. Грейс энд компани», созданная для услуг по морским перевозкам, к середине XX столетия стала крупным производителем химической продукции, банкиром, владельцем многих нефтеперерабатывающих предприятий, а также фирмой, производящей экспортно-импортные операции.

⁹⁵ Даже в Интернете нет о нем сколько-нибудь подробной информации.

⁹⁶ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. С.358.

Концентрация капитала кое в чем шла в разрез с антимонопольной политикой государственных структур. Здесь, по всей видимости, пролегла область довольно скользких отношений политики и крупного капитала. Ряд ученых (Н.Полякова, А.Шлезингер, Л.Гринин) указывают на сдвиг государственной политики в сторону национальных (надклассовых) интересов с момента принятия анти-трестовского законодательства⁹⁷. То есть формально государство вроде бы действительно перестает явно поддерживать крупный бизнес, становясь в позицию более нейтрального игрока. На самом деле все было сложнее. Так, Ф.Ландберг пишет о символическом воздействии анти-трестовских законов. По его мнению, они мало препятствуют слиянию компаний и концентрации капитала, что и показывает развитие событий.

Официально заявленная цель этих законов – сохранить конкуренцию, для чего создан специальный орган – Федеральная торговая комиссия. И порой создается впечатление, что предпринятые меры вроде как реальны – проводятся судебные расследования, выступления в Конгрессе, создаются дополнительные организации. Но, несмотря на все это, конкуренция в экономике США продолжает сокращаться. Ф.Ландберг приводит по этому поводу несколько реально действующих причин.

Во-первых, эти законы применяются выборочно. Применение подобных законов рекомендуется, но не предписывается, то есть не является обязательным. Так, эти законы могут вступить в силу, если происходит так называемое горизонтальное слияние - определенная бизнес-компания стремится поглотить другую компанию, занимающуюся тем же бизнесом. Однако эти законы вовсе не за-

⁹⁷ Первым, кто пошел на это, был американский президент Теодор Рузвельт. Впоследствии его политику, и в даже более радикальном варианте продолжил его дальний родственник Франклин Рузвельт.

прещают все другие виды объединения, например, объединения по вертикали. Так, скажем, промышленная компания может без проблем купить всех своих поставщиков, включая рудники и шахты; она может свободно приобрести торговые фирмы – оптовые или розничные. «Такие слияния не считаются противозаконными до тех пор, пока они не представляют собой угрозы для конкуренции с какой-либо другой фирмой того же профиля»⁹⁸.

То есть монополии располагают рядом абсолютно легальных возможностей для того, чтобы продолжить концентрацию капитала и, естественно, активно ими пользуются. Так, корпорации ведущих производственных отраслей занимаются поглощением разнообразных компаний, непосредственно с ними не связанных, в конечном итоге превращаясь в гигантские финансово-политические империи небывалой экономической и политической мощи.

Во-вторых, корпорации умело обходят законы и даже если привлекаются к суду, то отделываются, как правило, легким, почти символическим наказанием. Неслучайно указанный автор склонен сравнивать отношения крупных корпораций с правительством с отношениями гангстеров с подкупленными ими полицейскими⁹⁹.

Эпоха развитого индустриального общества скорее усилила, чем ослабила связи между крупными собственниками и политическими структурами. Ч. Р. Миллс не случайно писал о власти, обусловленной собственностью. Подобное обстоятельство диктовалось не только переплетением интересов, но и личными неформальными связями, которые формировались в рамках культурного пространства определенного для себя элитой.

⁹⁸ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. С. 382.

⁹⁹ Там же. С. 423.

Эти связи могут закладываться еще в раннем возрасте, то есть в период наиболее активной социализации. Ряд авторов (Э.Хобсбаум, Д.Роткопф) считают, что связи формируются в ходе учебы в престижных университетах, Ф.Ландберг полагает, что дружеские узы могут возникнуть уже в частных школах, воспитанниками которых обычно и являются дети миллионеров. Представители элиты вполне закономерно стремятся изолировать своих отпрысков от остального общества уже в раннем возрасте, и частные школы (Эксетер, Чоат, Эндовер, Гротон, Хотки и др.) здесь оказывают существенную помощь. Учащиеся живут под одной крышей вдали от дома, что создает предпосылки для более устойчивых и тесных связей, чем в бесплатных государственных школах и колледжах.

Что касается высших учебных заведений, то здесь, по выражению Э.Хобсбаума, сочетались принципы открытости и закрытости. Как пишет этот автор, открытость системы заключалась в доступе для всех, у кого имелись деньги или хотя бы личные способности (для помощи бедным студентам существовали стипендии). Закрытость системы проявлялась в том, что «при общем равенстве возможностей, представители некоторых кругов были, так сказать, «более равными», чем все остальные»¹⁰⁰. Речь идет о том, что в процессе обучения формировались различные «группы избранных», где критерием обычно выступали богатство и влияние семьи. И подобные объединения отнюдь не прекращали существование после учебы.

Тенденции к закрытости финансово-политических элит проявляется и в довольно тщательном отборе круга лиц для заключения брака. Здесь деловые отношения зачастую тесно переплетаются с родственными. «Среди потомственных миллионеров, - пишет этот исследователь, -

¹⁰⁰ Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914. Ростов на Дону, 1999. С. 263-264.

трудно отыскать человека, который бы не состоял в каком-либо родстве с другими богатыми семьями... Родственные узы так или иначе связывают на первый взгляд совершенно различные между собой семьи богачей»¹⁰¹.

В качестве примера Ф.Ландберг приводит нам расклад родственных связей в семье промышленника Генри Форда. Сам основатель династии имел единственного сына Эдзела (и пережил его, кстати), который имел четырех детей. Один из его трех сыновей, Генри Форд II имел трех детей. В 1965г. его 24-летняя дочь Шарлотта вышла замуж за богатейшего греческого судовладельца Ставроса Спироса Ниаркоса, который был старше ее на 32 года. Ее сестра Анна Форд в 22 года вышла замуж за нью-йоркского биржевого дельца международного масштаба Ганкарио Учиелли. Сам Генри Форд II после развода с первой женой и отлучения в связи с этим от церкви женился на Марии Кристине Ветторе Остин, также разведенной и отлученной от церкви. Семья, которую она представляла, владела крупнейшими автомобильными заводами в Италии и Англии и считалась одной из богатейших семей в Европе. Вильям Форд, второй сын Эдзела, женат на Марте Файрстоун, происходящей из семьи каучуковых магнатов.

В том случае, если выходец из семьи, принадлежащей к верхушке общества, выбирает себе семейного партнера из другого социального слоя, то, как пишет Ф.Ландберг, это становится «объектом сенсационных газетных статей, ибо, когда богатство вступает в союз с бедностью, для газет это такое же из ряда вон выходящее событие, как и сообщение о том, что человек искусал собаку»¹⁰². Другими словами, подобный брак считается совершенно неуместным.

¹⁰¹ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. С.397-398.

¹⁰² Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. С. 401.

Как считает Ф.Ландберг наиболее серьезными институтами, работающими на консолидацию высшего класса, выступают частные клубы. Они предназначены отнюдь не только (если не столько) для проведения досуга, но и для обсуждения деловых вопросов, вплоть до принятия важных официальных документов. Этот момент недооценивается социологами, предпочитающих обращать внимание на официальные властные учреждения.

Частные клубы имеются во всех крупных городах, но в наиболее крупных финансовых центрах, как например Нью-Йорк, имеется целая сеть таких клубов. В 60-е годы наиболее влиятельными были именно нью-йоркские клубы – «Линкс», «Никербокер», «Метрополитен», «Рэкет энд теннис», «Брук» и другие. Эти клубы фактически имеют закрытый характер, доступ имеет небольшое число лиц при соответствии довольно жестким критериям. Ядро обычно составляют люди, принадлежащие деловому и политическому миру, имеются также представители науки¹⁰³, известные деятели художественного творчества. Однако в клуб не попадают люди, склонные к устройению дискуссий на радикальную социальную тематику (указанный автор называет Т.Веблена, Райта Миллса).

Ф.Ландбергом отмечаются следующие функции частных клубов. Во-первых, членство в определенном клубе указывает на иерархическое положение в системе власти и принятия решений. «Чтобы узнать, кто же в действительности приводит в действие рычаги управления государством и в какой последовательности, - пишет американский ученый, - достаточно выписать имена всех членов закрытых нью-йоркских клубов в указанном порядке. Затем добавить фамилии тех, кто принадлежит к таким же клубам в Бостоне, Филадельфии, Чикаго, Питтсбурге, Ва-

¹⁰³ В частности Ф.Ландберг называет в качестве членов клуба «Сенчуриассошиейшн» таких крупных ученых, как Уолтер Липпман и Арнольд Тойнби.

шингтоне, Кливленде и т.д. примерно в том же порядке. Вычеркнув повторяющиеся имена, мы получим тот список, который нужен»¹⁰⁴. Неслучайно множество фамилий сначала появляются в списках клуба прежде чем стать известными в качестве высокого должностного лица в правительстве или в корпорации.

Во-вторых, клубы являются тем местом, где заключаются или намечаются крупнейшие сделки капиталистического мира, о чем даже имеются документальные свидетельства. Наконец, в-третьих, клубы зачастую выступают как нечто вроде залов заседания корпораций, а то и американского конгресса, поскольку «крупные собственники тесно связаны с крупными управляющими, крупными политическими лидерами и крупными владельцами средств массовой информации». В обобщенном плане, как полагает Ф.Ландберг, «клубы на 45% экономические, на 45% политические и на 10% служат для того, чтобы поддерживать дружеские связи»¹⁰⁵.

Названный автор применительно к американскому обществу 60-х гг. (по всем параметрам подходящим под развитый индустриальный тип) выразил весьма реалистичную позицию, согласно которой существует несколько разновидностей элит – научная, техническая, художественная, спортивная, артистическая. И все они в той или иной степени могут считаться открытыми, соответствующими демократическим принципам. Однако над ними возвышается политико-экономическая элита, являющаяся закрытой. Таланты, способности здесь имеют второстепенное значение, но главным пропуском в этот избранный круг являются деньги. Изнутри политико-экономическая элита может допускать принципы плюрализма, но в отношении окру-

¹⁰⁴ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М.,1971.С. 407.

¹⁰⁵ Там же. С.415.

жающего мира «она предстает как довольно сплоченное, небольшое, единое объединение»¹⁰⁶.

Подобная точка зрения в целом согласуется с выводами ряда эмпирических исследований западных обществ, находящихся в развитой индустриальной стадии. В 70-х годах английскими учеными Ф.Стэнвортом и Э.Гидденсом было подтверждено, что с 1850 по 1970 год доля выходцев из высшего класса среди председателей крупнейших компаний Великобритании почти не изменялась и составляла около 66%¹⁰⁷.

Удачно иллюстрирует характер «открытости» элиты общества «организованного капитализма» исследование. Другой британский социолог Уильям Рубинштейн в 1980-х годах провел анализ судеб людей, умерших в 1984-1985 годах¹⁰⁸ и оставивших после себя не менее миллиона фунтов. Рубинштейн выяснил, что 42% из них составляли те, чьи родители были крупными бизнесменами или землевладельцами. 29% были детьми профессионалов высшей квалификации и пользовались материальной поддержкой родителей. 43% миллионеров получили по наследству более 100 тысяч фунтов каждый, а еще 32% — от 10 до 100 тысяч. В итоге ученый пришел к выводу, что в Великобритании по-прежнему самый надежный способ разбогатеть — это родиться богатым¹⁰⁹.

Что касается средних слоев населения, то здесь действительно происходил их количественный рост, для чего имелись объективные основания. Массовое производство требовало расширения групп управленцев, рекламщиков и квалифицированной рабочей силы. Как писал Роберт Райх:

¹⁰⁶ Ландберг Ф. Богачи и сверхбогачи. О подлинных правителях Соединенных Штатов Америки. М., 1971. С. 393.

¹⁰⁷ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 209.

¹⁰⁸ Как утверждает Э.Гидденс, получить надежную информацию о здравствующих миллионерах практически невозможно

¹⁰⁹ Гидденс Э. Социология М., 1999. С.225.

«Рост заработков «белых воротничков» благодаря расширению производства служил могучим стимулом для расширения фирм...»¹¹⁰

Действительно, имело место разрастание средних слоев, уровень жизни которых не шел ни в какое сравнение с судьбой основной массы рабочих времен первоначального накопления. Однако оценки тут давались разные и для этого были основания. Так, либеральная точка зрения (У.Уорнер, П.Лант, Л.Райсман) утверждала существование среднего класса как свидетельство большей открытости общества развитого индустриального капитализма, и стремилась изучать его имущественные, социально-экономические показатели. Сторонники марксизма констатировали сдвигание классовой границы пролетариата вглубь слоев интеллигенции и служащих, что превращало последних во внутриклассовые пролетарские группы¹¹¹.

В основе работ Л.Райсмана (1960 - 1970-е гг.) лежали материалы Исследовательского центра Мичиганского университета за десять лет – с 1958 по 1968 гг. В соответствии с ними, если в 1958 г. 46% наемных работников идентифицировали себя как представителей рабочего класса, то в 1968 г. эта цифра снизилась до 34%. При этом среди работников нефизического труда, включая все категории "белых воротничков", доля относивших себя к рабочему классу упала с 27% до 21%. Среди рабочих физического труда, казалось бы, со всей очевидностью являвшихся представителями классического рабочего класса, считали себя членами такового в 1958 г. 63%, а 10 лет спустя - 47%. Райсман, опираясь на подобный тип данных, заявлял, что США стали страной, в которой преобладает средний класс.

¹¹⁰ Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века». Интернет-ресурс - http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1506.html

¹¹¹ Васильчук Ю.А. Современная научно-техническая революция и промышленный пролетариат// Вопросы философии. 1969. №1, С.21.

Особое внимание он обращал на включение представителей низших классов (работников физического труда) в культуру американского среднего класса.

Исследование, проведенное американцами Питером М. Бло и Отисом Д. Данкэном в середине 60-х гг. (общенациональная выборка из 20 тыс. мужчин) продемонстрировало довольно интенсивный уровень мобильности среди мужской части населения, причем движения вверх совершаются значительно чаще, чем нисхождение. Однако в основном перемещения совершаются по линии «синие воротнички» - «белые воротнички». Например, выходцы из семей низших «синих воротничков» обычно переходили в разряд высших «синих воротничков», а некоторые особо удачливые проникали даже в группы «белых воротничков». То есть чаще всего происходят передвижения в пограничных стратах, тогда как “дальние” социальные перемещения встречаются редко¹¹². По мнению П.Бло и О.Данкена, для подобного факта имеются как объективные, так и субъективные причины. В качестве последних указывались индивидуальные жизненные стратегии, вырабатываемые в ходе социализации. Выходцы из небогатых семей имеют, как правило, достаточно скромные запросы в плане карьеры, что обычно подкрепляется малыми возможностями (например, отсутствием средств для получения престижного образования). Подобные ограниченные стремления вполне одобряются обществом, которое в неявной форме фактически отказывает определенным группам в праве на реализацию пресловутой «американской мечты».

Другое исследование, проведенное через несколько лет Д.Фитерманом и Р. Хаузером, своими выводами еще более четко указывает на классовую принадлежность роди-

¹¹² Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С. 222-223.

телей как важный (если не главный) фактор определения жизненных шансов детей. По мнению авторов исследования, это обстоятельство оказывается даже более значимым, чем гендерная или расовая принадлежность¹¹³.

Следует отметить, что долгое время бытовало мнение (и сейчас имеются его сторонники) о более открытом американском обществе в сравнении с другими развитыми странами. Однако объективные научные исследования доказали, что это миф. Так, в своем международном исследовании С.М.Липсет и Р.Бендикс собрали данные по девяти индустриальным странам — Великобритании, Франции, Западной Германии, Швеции, Швейцарии, Японии, Дании, Италии и Соединенным Штатам. Показатель вертикальной мобильности “синих воротничков” в “белые” составил в Соединенных Штатах 30%, в других странах он варьировался от 27 до 31%. То есть, свидетельств того, что Соединенные Штаты в отношении мобильности более открыты, чем европейские общества, получено не было. С.Липсет и Р.Бендикс сделали вывод, что число рабочих мест для “белых воротничков” увеличивается во всех индустриальных странах примерно схожим образом. В результате “волна восходящей мобильности” растет в них примерно в одинаковой степени¹¹⁴.

Применительно к иерархической структуре Великобритании середины XXв. писал свои работы Дэвид Гласс. Полученные им результаты по социальной мобильности согласуются с международными данными - около 30% составляет переход “синих воротничков” в разряд “белых”. Был сделан похожий вывод о значительности масштабов вертикальной мобильности, но “дальность” социальных перемещений ограничена. Восходящая мобильность характерна в основном для средних слоев классовой структуры.

¹¹³ Там же. С.224.

¹¹⁴ Гидденс Э. Социология М.,1999. С. 223-224.

Люди из социальных низов, как правило, оставались на том же уровне. Почти 50% сыновей специалистов и управленцев заняли те же должности, что и их родители¹¹⁵.

При определенных возросших возможностях для социального продвижения общий вид социальной структуры в XXв. изменился ненамного. К такому выводу приходят как европейские социологи (Д.Марсо, Э.Претесей), так и американские (Л.Дуберман). Признавая наличие интенсивных перемещений в средних слоях, они констатируют неизменность верхних и нижних слоев. Даже в сфере профессиональных перемещений преобладает наследование занятий и профессий из поколения в поколение. Принцип равных возможностей не более чем миф¹¹⁶.

Другой французский исследователь Д.Берто справедливо считает, что добиться равенства шансов при неравенстве условий жизни невозможно. Так, шансы сына рабочего стать руководителем или лицом свободной профессии (например, адвокатом, врачом) в 12 раз меньше, нежели у выходцев из этой среды. По мнению Д. Берто, люди редко предоставлены своей собственной судьбе, как правило, направления траекторий их жизни predetermined заранее, самим местом в мире труда и капитала¹¹⁷.

В 60-х годах Кембриджская группа британских социологов (Дж.Голдторп, Д.Локвуд, Ф.Бечхофер, Дж.Платт) добились достаточно убедительных результатов в том, чтобы фактически опровергнуть присущую либералам точку зрения о сближении квалифицированного рабочего класса со средними слоями (именно это исследование мы упоминали в главе второй в параграфе 2.3.1). Многие вы-

¹¹⁵ Там же. С. 225-226.

¹¹⁶ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С.225-226.

¹¹⁷ Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С.229-230.

воды этих исследователей несколько позже подтвердил их соотечественник Энтони Гидденс.

Согласно полученным эмпирическим данным, между относительно высоко оплачиваемыми квалифицированными рабочими и средними слоями, представленными работниками умственного труда (белые воротнички), сохраняется существенная разница, причем как в объективном, так и в субъективном плане. С одной стороны, разница в материальных доходах. Заработок рабочих мог приближаться к окладам белых воротничков лишь в том случае, если первые систематически брали сверхурочную работу. Модели динамики трудовых доходов у этих двух групп были принципиально иными. Так, рабочим была присуща «понижающаяся» кривая доходов, в то время как доходы белых воротничков росли с каждым годом. Рабочая неделя у первых была выше, чем у вторых – 44 часов и 38 часов соответственно (данные на 1966г. по Великобритании). Наконец, работники умственного труда получали дополнительные льготы, не всегда доступные рабочим (пенсии, бюллетени по болезни и даже налоговые льготы в некоторых странах).

С другой стороны, социокультурные ориентации квалифицированных рабочих довольно далеко отстояли от типичных предпочтений средних слоев. Если белым воротничкам были не чужды мотивы карьеры, повышения социального статуса, то рабочие руководствовались в основном лишь материальными факторами. Большинство рабочих утверждали, что их жизненной целью является заработать как можно больше денег и уйти на покой или перейти на более легкую работу. Что касается работников умственного труда, то они стремились, конечно, и к высоким доходам, но помимо этого старались повысить образовательный уровень, расширить круг общения, завести полезные знакомства (другими словами, обеспечить рост культурного и социального капиталов). А вот представители рабочего

класса, если и старались дать своим детям хорошее образование, то опять же из соображения обеспечить им хороший заработок. Круг общения их был не особенно широк и в основном ограничивался семьей¹¹⁸.

Несмотря на возросший в целом социально-экономический уровень, общество периода «организованного капитализма» не сумело решить проблемы бедности. Так, в Великобритании 1986 года к числу бедных было отнесено 9 миллионов человек или 17% населения страны¹¹⁹. В США в 1972г. было зафиксировано рекордно низкое количество бедных 23 миллиона.

Правда, следует сказать, что западное общество предпринимало ряд усилий, причем с нескольких направлений. С одной стороны, запускались целые государственные программы («Война с бедностью» президента Линдона Б. Джонсона). За десять лет (с 1965 по 1975 год) расходы на социальные нужды возросли с 77, 2 до 286,5 миллиардов долларов в год, то есть увеличились на 400%. Это дало определенные результаты, но полностью не решило проблемы. С другой стороны, активно транслируется идеология негативного отношения к бедным как ко всякого рода «попрошайкам» и «бездельникам», что, по мнению Энтони Гидденса, далеко не всегда справедливо.

Как считает Э.Гидденс, как социальное явление бедность имеет глубокие корни и полностью вряд ли может быть изжита. Тут есть несколько причин. Прежде всего безработица, которая еще более увеличивается в периоды экономических спадов. Это может свести на нет усилия социальных программ. Так, программа “Корпус труда” (“Job

¹¹⁸ Шкаратан О.И, Иняевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен)// Общественные науки и современность. 2007, № 4, С.54.

¹¹⁹ Некоторые исследователи, например Питер Таунсенд, считают, что эта цифра занижена.

Corps”) была предназначена для того, чтобы безработные приобрели профессии, пользующиеся спросом на рынке труда. Однако для большинства из них просто не оказалось свободных мест, а начавшийся в 70-х годах спад производства еще более сократил возможности трудоустройства. Окончание активной трудовой жизни, уход на пенсию обычно резко сокращает доход. Имеется значительная группа больных, инвалидов. Наконец, ряд профессий оплачивается недостаточно (в Великобритании 25% официально признанных бедных работают, но зарабатывают мало). Также Э.Гидденсом отмечается, что социальная помощь может попросту не доходить до адресата. Так, он указывает, что в США 80-х гг. XX в. почти 2/3 бедняков пенсионного возраста расписываются в получении какой-либо социальной помощи, но лишь одна треть получает выплаты наличными. Более того, часто помощь доставалась относительно благополучным, а не самым бедным. Одна пятая часть населения с самыми низкими доходами получала только 30% пособий из фондов социального обеспечения, фондов ветеранов, а также через страховки по безработице. Близкие проблемы есть в Великобритании, где в 1975 году 930000 имеющих основания для получения помощи (2/3 из них пенсионеры) не получило 240 миллионов фунтов “дополнительных пособий”, на которые они имели законное право¹²⁰.

Итак, рассмотрение работ, более привязанных к социальной практике индустриализма, натолкнуло на следующие выводы. Доля истины имеется во всех социально-философских построениях, но реальность, как всегда, сложнее и ей трудно четко вписаться в ту или иную концепцию. Так, несмотря на относительно благополучный в социально-экономической обеспеченности населения пе-

¹²⁰ Гидденс Э. Социология М., 1999. С.229-230.

риод, произошло не разрушение иерархической структуры, а всего лишь ее модификация. Классовая структура, говоря словами американца Л.Дубермана, «сохранялась относительно неизменной в аспекте большей открытости или закрытости»¹²¹.

Безусловно, что продолжающийся технический и технологический прогресс существенно расширял социальный запрос на интеллектуальный квалифицированный труд, что параллельно вело к росту учебных заведений и возможности поступления туда широких слоев населения (подобная тенденция еще более усилилась с приходом к власти социал-демократов во многих развитых западных странах после второй мировой войны). Однако вертикальная восходящая мобильность имела свои ограничения. С одной стороны, вертикальное продвижение происходило почти всегда на близкие позиции, что подтверждено рядом известных данных. В качестве причин тут можно отметить противодействие социальных барьеров, которые теперь выступали не только преимущественно в форме денег – в дополнительный барьер стало превращаться образование, которое в последние десятилетия XX в. стало все явственнее приобретать стратификационный характер¹²². Наконец, честолюбивым и энергичным натурам, как правило, не хватало времени и сил чтобы продвинуться далее чем на одну-две ступеньки.

С другой стороны, возможности вертикальной мобильности были неодинаковы для той или иной интеллектуальной профессии. Например, квалифицированный управляющий или опытный адвокат имели в этом плане куда более выигрышные позиции, чем учитель в школе или

¹²¹ Цит. по: Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С.226.

¹²² С особенной силой это проявляется в современном глобальном капитализме.

даже профессор колледжа. Более того, узкая специализация требовала и специализированных знаний. (П.Дракер, Дж.Гэлбрейт).

Элитные слои в целом сохранили свое положение и даже предприняли ряд шагов с целью его упрочения, что с особой силой проявится чуть позже в период глобального капитализма. В условиях «государства всеобщего благосостояния» верхушке общества пришлось согласиться лишь на более справедливое распределение доходов (основной причиной, как сейчас становится ясно, был фактор противостояния с социалистической системой), что мало поколебало сам статус элиты и отделяющие ее от остального общества барьеры. Последние кое в чем даже стали более жесткими, а пополнения, свежую кровь верхушка по прежнему получала в основном из предэлитных слоев.

Правда следует признать, что научная, культурная, спортивная элиты оставались несколько более открытыми. Однако здесь следует отметить по крайней мере два обстоятельства. С одной стороны это специфические сферы деятельности, для которых нужны специфические способности и таланты, обычно не присущие большинству. С другой стороны эти элиты как правило жестко подчинены политико-экономической верхушке, носящей закрытый характер насколько это возможно. И на это работает идеологическое господство последней, на чем заостряется внимание в книге Ф.Ландберга в свете приводимого факта, что личностям вроде Райта Миллса и Торнстейна Веблена – этих жестких критиков капиталистического строя – не место в частных элитных клубах.

Глава II Общества нового типа

В современной социологии нет недостатка в теориях, утверждающих наличие принципиально нового общественного состояния. Тема постиндустриализма не в последнюю очередь представляет собой отголосок эволюционной парадигмы, влияние которой испытало на себе большинство мыслителей-обществоведов. Кроме того, необходимо учитывать подвижность социальной материи, о чем настойчиво заговорили уже в разгар промышленной революции, и что особенно бросается в глаза в последние десятилетия. И, как нам представляется, можно указать еще и на третье обстоятельство, давшее толчок появлению постиндустриализма как теоретического феномена, не только интересного, но и спорного в настоящий момент времени. Это определенная уверенность в себе ряда социологов, отдающих дань рациональному анализу, что, по их мнению, давало им право делать прогнозы, выходящие за пределы фрагментарного смысла. Другими словами, речь шла о будущем характере целой общественной системы, уверенно преодолевающей предшествующее состояние. В этом отношении показательно заглавие работы Даниэла Белла «Грядущее постиндустриальное общество», в которой автор прослеживает эволюционную динамику всех важнейших сфер общественной жизни, при этом заглядывая на десятилетия вперед. Тем не менее эта работа была признана классической, и с нее собственно и начинается разработка постиндустриального социального типа как уже практически свершившегося явления. По всей видимости, интенсивность общественной динамики поразила не только американца Белла, о новом общественном типе заговорили очень многие, при этом давая ему собственные названия. Соотечественник Белла П.Дракер предпочитает использовать термин «посткапиталистическое общество». Француз

Ален Турен разрабатывает тему «программированного общества», россиянин Владислав Иноземцев считает более правильным термин «постэкономическое общество», японские исследователи (Т.Умесао и т.д.) и ряд их европейских коллег более склонны придерживаться понятия «информационное общество». Наконец, никак нельзя обойти вниманием тему постмодернизма, которая получила свое развитие в разработках ряда обществоведов, склонных к осмыслению социальных явлений с позиции культуры. Прежде всего это польско-английский исследователь З.Бауман, пишущий об «индивидуализированном обществе», и его немецкий коллега Ульрих Бек, занимающийся близкой проблематикой.

2.1. Постиндустриальная парадигма в общественных науках

Постиндустриальное общество Д. Белла

Термин «постиндустриальное общество» обычно связывается с именем американского социолога Дэнни Белла. Этот мыслитель фактически осуществлял попытку прогнозирования серьезных изменений в структурах развитых индустриальных обществ. О футуристическом характере исследований Белла говорит и название его главной работы «Грядущее постиндустриальное общество», увидевшей свет в 1973г. Следует отметить, что ряд высказанных тогда положений были позже пересмотрены самим автором, но, как это часто бывает, сформулированная им концепция уже «жила собственной жизнью».

В теоретическом плане концепция постиндустриального общества строится на базе центрального (осевого) принципа, четко обозначенного Беллом. Это ось производства и видов используемого знания. Подобный подход обуславливает последовательную смену трех основных типов

общественных систем - доиндустриального, индустриального, постиндустриального.

Доиндустриальное общество предполагает социальный порядок, опирающийся на примитивные производственные формы. Это значит, что происходит развитие в основном отраслей, которые обеспечивают добычу и первичную обработку ресурсов, наиболее пригодных для удовлетворения самых насущных потребностей. То есть экономика носит *добывающий* характер. В подобных условиях труд, как правило, является неквалифицированным, а способности человека определяются в основном сложившимися традициями.

Индустриальный тип ознаменовывает радикальный разрыв с традиционностью. Теперь доминирует уже не добыча природных ресурсов, но производство заранее определенных продуктов (*производственный* характер экономической деятельности). Возрастает квалификация трудовой деятельности, ее интеллектуальное обеспечение. Основным производственным ресурсом становится энергия, а человек получает возможность прогнозировать экономическое и социальное развитие, чего был лишен ранее в условиях доиндустриального общества.

Постиндустриальное общество тем отличается от предшествующего типа, что «производство как дискретный и постоянно возобновляющийся процесс сменяется непрерывным воздействием на окружающую среду, где каждая сфера деятельности оказывается тесно связанной со всеми другими». В подобных условиях основным производственным ресурсом становится информация, а доминирующее значение переходит к инженерам и ученым. Важнейшей задачей последних становится разработка перспективных

прогнозов хозяйственных социальных и политических процессов¹²³.

Белл делит общество на три независимые сферы, каждой из которых присущ свой осевой принцип. В-первых, социальная структура включает экономику, технологию и профессиональную систему. Здесь осевым принципом выступает экономизирование – распределение общественных ресурсов в соответствии с принципом наименьшей стоимости, оптимизация и рационализация производства. Во-вторых, государственное устройство, отвечающее за распределение и регуляцию властных ресурсов, разрешение групповых конфликтов. Эта сфера основана на принципе участия. В-третьих, культура, под которой понимается «сфера экспрессивного символизма и значений». Осевым принципом культуры является желание самовыражения и самосовершенствования личности¹²⁴.

В прошлом, констатирует американский исследователь, эти три сферы общественной жизни были тесно взаимосвязаны, чего не наблюдается в настоящее время. Причем основной раскол имеет место между первой и третьей областями. Так, социальная структура ориентирована на функциональную рациональность. Ее в наибольшей степени выражают группы научно-технической интеллигенции, непосредственно связанные с производственным процессом, а, стало быть, интегрированные в существующую систему. Современная культура наполнена антиномиями и выступает нередко с антиинституциональных позиций. Неслучайно ее выразителем является гуманитарная интеллигенция, как правило, носитель оппозиционных настроений.

Современное постиндустриальное общество характеризуется центральным положением теоретического знания.

¹²³ Курбатов В.И. Современная западная социология. Ростов на Дону, 2001. С. 243-244.

¹²⁴ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4. М., 2002. С.317.

Это ось, вокруг которой организована новая технология, экономический рост и стратификационное распределение. Безусловно, любое общество функционировало на основе знания, однако «только во второй половине XX века произошло слияние науки инженерии, изменившее саму сущность технологии». Основным методологическим достижением этого времени стало «управление организованными множествами» – теориями множеств с большим числом переменных и комплексными организациями и системами, требующими координации деятельности сотен тысяч и даже миллионов людей»¹²⁵. При этом управление происходит не на основе интуитивных суждений, но на основе алгоритмов – четких правил принятия решений. Подобные алгоритмы обычно материализованы в автоматической технике или компьютерной программе. Такие сложные разработки Белл называет «интеллектуальной технологией», которая для постиндустриального общества приобретает то же значение, что и машинная технология – для общества индустриального.

В современной экономике знание все активнее вовлекается в процесс переработки ресурсов обычно в форме изобретений или организационных усовершенствований. Кроме того, происходит уменьшение роли производственного рабочего и сокращение рабочего времени. В связи с этим Белл считает, что в постиндустриальной экономике именно знания и способы их практического применения выходят на роль основного источника стоимости, вытесняя с этих позиций труд. «В этом смысле как труд и капитал были центральными переменными в индустриальном обществе, - пишет ученый, - так информация и знания стано-

¹²⁵ Белл Д. Социальные рамки информационного общества// Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 331, 332.

вятся решающими переменными постиндустриального общества»¹²⁶.

По мнению Белла, новое постиндустриальное общество имеет ряд качественных отличий от предшествующего ему индустриального общества¹²⁷.

1) В экономическом секторе происходит принципиальное изменение самой структуры экономики – из товаро-производящей она превращается в обслуживающую. Рабочая сила перемещается из сферы сельского хозяйства (первичный сектор) и промышленности (вторичный сектор) в сферу обслуживания (третичный сектор), куда американский социолог относит торговлю, финансы, транспорт, здравоохранение, образование и управление. Для этого утверждения, как считает Белл, имеются серьезные эмпирические основания. В 1970г. 65% всей рабочей силы было занято именно в сфере услуг; около 30% - в промышленности и строительстве, и чуть менее 5% - в аграрном секторе¹²⁸. Тенденция преобладания непродуцирующих сфер над производящими присуща практически всем индустриально развитым странам. Если для индустриального общества на первом плане стояло качество товаров, то для постиндустриального – качество жизни. Критерии нового качества жизни сосредоточены в основном в сфере здравоохранения, а также в сфере образования. Роль последнего в новых социальных условиях закономерно возрастает – оно становится главным условием социального продвижения на высшие социальные позиции.

2) Изменения в профессиональной структуре постиндустриального общества характеризуются прежде всего значительным увеличением числа людей «свободных про-

¹²⁶ Там же. С. 334.

¹²⁷ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4. М., 2002. С.318.

¹²⁸ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.330.

фессий» - технических и профессиональных специалистов, которые обладают высоким уровнем образования и квалификации. Собственно, к этому приводит направление эволюции западного общества, заданное технологическими усовершенствованиями. Весь индустриальный период происходило сокращение числа неквалифицированных рабочих, вместе с тем росло количество тех, кто обладал специальностью. Соответственно в условиях наукоемкой экономики потребность в специалистах с высоким уровнем подготовки и квалификации становится жизненно необходимой.

3) Центральное положение в постиндустриальном обществе занимает теоретическое знание. Именно к последнему переходят функции основного социального ресурса (по выражению Белла, наука есть «всеобщее знание»¹²⁹), тогда как в предшествующем общественном типе таковым являлись деньги. Теоретическое знание представляет собой источник нововведений, трансформирует социальные отношения, наконец, определяет политику общества.

Постиндустриальное общество является «познающим обществом», наука выступает в качестве основной производительной силы. Отсюда резко возрастает значение ученых и исследовательских институтов, где производится теперь значительная доля национального продукта. Трансформация социальных отношений происходит несколькими способами. Во-первых, социальное неравенство сглаживается за счет повышения уровня жизни, поскольку новые технологии дают возможность выпускать большое количество товаров по дешевой цене. Во-вторых, распространение новых технологий не может происходить без появления группы технических специалистов, приобретаю-

¹²⁹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества// Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.342.

щей признаки социального класса. В-третьих, «технология создает новое определение рациональности, новый способ мышления, который главное внимание уделяет функциональным отношениям», где критерием выступает эффективность и оптимизация¹³⁰. По мнению Белла, в постиндустриальном обществе утверждаются новые формы мировоззрения – экономизирование и социологизирование. Первое означает оптимальное размещение дефицитных ресурсов, в ходе которого минимизируются убытки. Теперь это несложно сделать с помощью средств вычислительной техники. Социологизирование представляет собой «попытку оценить потребности общества более сознательным способом». Другими словами, научный подход доминирует и в разработке национальных задач на социетальном уровне.

В-четвертых, революция в средствах коммуникации, которая является следствием технологических сдвигов, что создает новые социально-экономические взаимосвязи, в том числе и на международном уровне. Технологически телекоммуникации и обработка информации сливаются в единую модель. Как пишет Белл, «по мере того, как слияние воедино технологий телефона, компьютера, факсимиле, кабельного телевидения и видеодисков будет вести ко все более полной реорганизации способов коммуникации между людьми к сокращению, если не к полной ликвидации бумаги в качестве материального носителя информации, к новым способам проведения досуга, к реорганизации образования на основе компьютерного обучения и широкого распространения видеодисков»¹³¹. В то же время автор концепции постиндустриализма дает прогноз, что в ближайшие двадцать лет будет идти процесс становления

¹³⁰ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4. М., 2002. С.320.

¹³¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества// Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.338.

новых международных отношений, «но не в виде организованного международного порядка, а в виде некоей пространственно-временной целостности, обусловленной глобальностью коммуникаций». Причем, поскольку Соединенные Штаты Америки уже контролируют большую часть международных телефонных переговоров, это может расцениваться как весомая заявка на мировую гегемонию¹³².

4) Особое значение приобретает контроль над технологией и технологическая оценка нововведений. По мнению Белла, в новых социальных условиях происходит «освобождение технологии от своего «императивного» характера, почти полное превращение ее в послушный инструмент». Это обстоятельство открывает множество альтернативных путей для достижения уникальных и вместе с тем разнообразных результатов¹³³. Безусловно, когда знания и информация становятся стратегическими ресурсами, возможности общества в плане социального управления и ограничения неопределенности будущего возрастают. Однако в связи с этим не менее важное значение приобретает вопрос – как всем этим воспользоваться. Для этого необходимо создать соответствующий институциональный и политический механизм. Информация – весьма универсальный ресурс и может быть использована в далеко не однозначных целях. Отсюда вытекают проблемы законодательного характера. Причем дело касается не только печатных средств информации, но и компьютерной отрасли, развивающейся пока что в условиях свободного рынка. В то же время гигантские банки данных создаются как правительственными структурами, так и частными корпорациями, и вопрос их политико-юридического статуса пока что остается открытым.

¹³² Там же, С. 341.

¹³³ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.342.

В постиндустриальном обществе решающим моментом является сдвиг основы властных отношений от собственности к знаниям. Поскольку на первый план выступают университеты и другие исследовательские учреждения, на первый план выходит фигура ученого. Формируется новая элита общества – техническая и профессиональная интеллигенция, которой присущи черты меритократии. Последнее утверждение, по мнению Белла, диктуется следующими обстоятельствами. Во-первых, новая элита пришла к власти на основе собственной квалификации и знаний. Во-вторых, ее поведение больше не определяется корыстным экономическим интересом – погоней за прибылью, ее ориентир заключается в профессионализме. Наконец, в-третьих, техническая элита – носитель совершенно иных ценностей, где на первый план выходит личностная самореализация.

Следует отметить, что в более поздних работах Белл значительно пересмотрел тезис о предполагаемой смене элиты собственников научной интеллигенцией. Скорее, в постиндустриальном обществе имеют место две элиты – «элита знания» и «элита власти». С одной стороны, формирование первой обусловлено объективными потребностями постиндустриальной общественной системы – «политические вопросы все теснее переплетаются с техническими проблемами». С другой стороны, элита знания «обладает властью в пределах институтов, связанных с интеллектуальной деятельностью, но в мире большой политики она обладает не более чем влиянием». Она может ставить проблемы, инициировать новые вопросы и предлагать технические решения для возможных ответов, но она не обладает властью сказать «да» или «нет». Последнее является уже прерогативой политиков¹³⁴. Отсюда Д.Белл признает, что в

¹³⁴ Белл Д. Социальные рамки информационного общества// Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С.341.

современном ему обществе имеет место множество социальных образований, выводящих на передовые позиции множество элит, координация которых становится все более сложной проблемой.

В целом социальная структура постиндустриального общества, как указывает Белл, характеризуется сложностью и в некотором роде противоречивостью, что особенно заметно в отношении стратификации. Структуру можно рассматривать под углом трех измерений. Так, в основе горизонтального измерения лежат знания. Профессиональная деятельность выступает осью вертикального распределения, и здесь, по мнению Белла, данный признак постепенно приходит на смену социально-экономическому или классовому критерию. Сфера деятельности (ситус) будет концентрировать и определенный групповой интерес, таким образом, рассматриваемый автор предполагает, что именно с позиции ситусов, а не классов будут характеризоваться внутрисполитические отношения постиндустриальной эпохи. Наконец, третье измерение предполагает распределение социальных субъектов по принадлежности к политическим, этническим и всякого рода социальным группам.

Для современного общества характерно наличие нескольких страт. Прежде всего это профессиональный класс, включающий четыре группы: ученые, технологические, административные и культурные работники. Далее идут разного рода клерки и торговые работники, затем ремесленники и нижние слои занимают полуквалифицированные и неквалифицированные работники. Белл считает пролетариат группой, которая сходит с исторической сцены, что обусловлено, с одной стороны, изменениями в трудовой структуре – сокращение производственного сектора соответственно ведет к количественному сокращению ра-

бочих профессий; с другой стороны – изменениями в самом характере труда за счет введения новых технологий. Таким образом, антагонизм капиталистической эпохи сам собой ликвидируется в ходе общественной эволюции.

Между тем внутри профессионального класса существуют глубокие противоречия между составляющими его группами. Белл констатирует «глубокое расхождение между технической интеллигенцией, которая поддерживает функциональную рациональность и технократические способы производства и управления, и гуманитарной интеллигенцией, которая становится все более апокалиптической, гедонистической и нигилистичной»¹³⁵. Это во многом обусловлено тем, что существовавшее ранее единство социальной структуры и культуры нарушено в современном обществе. Как упоминалось выше, обе эти сферы сосредотачиваются вокруг разных осевых принципов, если корни первой следует искать в функциональной рациональности и эффективности, тогда как второй – в антиномичном оправдании личностного возвеличивания.

Однако основной социальный конфликт постиндустриального общества, согласно Беллу, между теми, кто обладает высоким уровнем знания, и остальной массой. Носители интеллектуального ресурса становятся в какой-то мере самодостаточной группой. Активно используя воспроизводящие механизмы (прежде всего через доступ к элитному образованию), в будущем скорее всего будут все явственнее проявляться кастовые черты этой группы. В то время как шансы остальных слоев населения на социальное продвижение будут лишь суживаться.

П.Дракер и «посткапиталистическое общество»

¹³⁵ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4. М., 2002, С.323.

Американский исследователь П.Дракер известен в широком кругу больше своими работами в области социологии управления. Тем не менее им высказывались идеи более глобального масштаба, и эти идеи носили отпечаток именно той методологической специфики, которая сформировалась в результате изучения проблем управленческой сферы.

В целом данный исследователь может быть рассмотрен как идеолог западного либерализма. И к этому соображению подталкивает не только его подчеркнутое оппонирование Марксу, но и абсолютизация некоторых феноменов, имеющих именно западное происхождение. Речь идет о знании как о социальном явлении, которое Дракер рассматривает в качестве главного фактора общественной эволюции за последние 200 лет. Именно знание сформировало как капиталистическое, так и нынешнее посткапиталистическое общество. В этом плане Дракер противопоставляет себя не только Марксу, но и Веберу, оспаривая как экономический детерминизм первого, так и возвеличение протестантизма до роли источника капитализма в работах второго. Сам же Дракер, справедливо считая крупные исторические сдвиги результатом «кумулятивного действия целого ряда не зависимых друг от друга обстоятельств и процессов»¹³⁶, тем не менее заостряет внимание именно на знании. По его мнению, изменение роли знания обусловило столь масштабные общественные трансформации, вроде превращения капитализма из локального явления в глобальную общественную систему.

Поворотным пунктом, по мнению американского ученого, стали полтора столетия – с 1750 по 1900гг. За это время капитализм и технический прогресс смогли сказать свое веское слово. Первый – путем проникновения через

¹³⁶ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред В. Иноземцева М., 1999. С.73.

культурные, классовые и географические преграды, тогда как второй – через промышленную революцию. Но все это оказалось возможным благодаря изменению в концепции знания. «И на Западе, и на Востоке знание всегда соотносилось со сферой *бытия, существования*. И вдруг почти мгновенно знание начали рассматривать как сферу *действия* (выделено Дракером). Оно стало одним из видов ресурсов, одной из потребительских услуг. Во все времена знание было частным товаром. Теперь практически в одночасье оно превратилось в товар общественный»¹³⁷.

По мнению Дракера, решающим моментом в *промышленной революции* следует считать распространение знания в форме технологии. В качестве технологии рассматривается «организованное, систематизированное, целенаправленное знание». Ему противопоставляется понятие «ремесло», распространенное как средство производства и метод обучения в доиндустриальный период. Ремесло предполагало персонализированный характер владения тем или иным навыками и умениями, отсюда оно было недоступно тому, кто не прошел обучения у мастера, не переняв на практике его тайн.

Показательным документом, как указывает автор посткапиталистического общества, является изданная французскими просветителями «Энциклопедия». Ее идея заключается в том, что успешные результаты материальной деятельности могут быть достигнуты только через систематизированный анализ и целенаправленное применение знаний. Во второй половине XVIII в. в Англии патенты, закрепляющие монопольные права для обогащения королевских вельмож, стали вытесняться патентами, которые выдавались в целях содействия применению знаний для разработки новых орудий труда, готовых изделий и произ-

¹³⁷ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Иноземцева М., 1999. С. 67.

водственных технологий¹³⁸. Именно подобный сдвиг в значении знания обусловил доминирующее положение в обществе капиталистических предпринимателей, которые до этого находились «на вторых ролях».

Если на первом этапе с помощью знаний стали усовершенствоваться средства производства, то на втором - знания определили *революцию в производительности труда*. Начало второго этапа Дракер относит к 1880 году и связывает его с фигурой Ф. Тейлора, известного своим внедрением принципов науки в организацию трудовой деятельности. Как пишет Наталья Полякова, новаторство тейлоризма заключается прежде всего в том, что он попытался преодолеть спонтанность социальной практики, где наука выступает пусть важным, но всего лишь корректирующим фактором. Наука должна предшествовать и рефлексивно формировать социальную жизнь¹³⁹.

Как бы то ни было, но применение знания к организации труда обеспечило взрывной рост его производительности. До этого, как подчеркивает Дракер, способность самих рабочих производить изделия не увеличивалась. Внедрение же принципов тейлоризма обусловили повышение производительности труда в среднем на 3,5%-4% ежегодно. Это обстоятельство позволило резко повысить жизненный уровень рядовых рабочих, которые, по утверждению Дракера, превратились в средних буржуа, приближающихся по размерам дохода к уровню «представителей высшего сословия»¹⁴⁰. Кроме того, существенно сократилось рабочее и, соответственно, возросло свободное время пролетариев.

¹³⁸ Там же. С. 75.

¹³⁹ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.43.

¹⁴⁰ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред В.Иноземцева М., 1999. С. 67.

Преимущество тейлоровского подхода заключалось в сокращении в несколько раз времени, которое требовалось для подготовки первоклассных специалистов. Для этого требовалось уже не 3-5 лет, но всего лишь несколько месяцев. Во многом поэтому, Тейлоризм, как считает американский мыслитель, явился решающим фактором для национальных хозяйственных систем во второй половине XX в. «После Второй мировой войны, - пишет Дракер, - профессионально-техническое обучение на основе принципов Тейлора стало единственной движущей силой экономического развития»¹⁴¹.

Однако эффективность тейлоровских методов лучше всего доказана на опыте людей, занятых физическим трудом. Во времена самого Тейлора девять из десяти рабочих были заняты именно такого рода деятельностью и еще в середине XX столетия физические работники составляли большинство даже в индустриально развитых странах. К концу двадцатого столетия положение дел существенно изменилось. В 1990г. лишь 20% работников занимались физическим трудом и их количество продолжает неуклонно сокращаться. По мнению Дракера, это определило переход к следующему этапу, когда на первый план вышла потребность повышения производительности труда людей, не занятых физическим трудом.

Подобный этап, к которому относится современность, характеризуется уже применением знания к знанию. Это время, когда знание окончательно становится главным условием производства. «Традиционные производственные факторы - земля, другие природные ресурсы, рабочая сила и капитал - не исчезли, но приобрели второстепенное значение. «Эти ресурсы, - пишет Дракер, - можно получить, причем без особого труда, если есть необходимые знания.

¹⁴¹ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В.Иноземцева М., 1999. С.87.

Знание в новом его проявлении означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов»¹⁴².

В настоящее время знание используется в основном для производства знания. И подобные обстоятельства Дракером обозначаются как *революция в сфере управления*. «Использование знаний для отыскания наиболее эффективных способов получения необходимых результатов – это, по сути дела, и есть управление»¹⁴³. И как на двух предыдущих этапах, утверждает американский социолог, революция в сфере управления охватила весь мир. Ведь управление «носит общий характер, независимо от функций и задач конкретной организации», а в основанном на знаниях обществе управлению принадлежит особая роль. По мнению Дракера, менеджмент, возникший на производственно-коммерческих предприятиях, в настоящий момент необходим на предприятиях любого вида деятельности. Более того, некоммерческая деятельность еще более нуждается в эффективной системе управления, поскольку «здесь отсутствует дисциплинирующий фактор прибыльности», довлеющий в сфере коммерции. Причем со временем изменяется само понимание руководства: если поначалу речь шла о том, чтобы обеспечить высокие результаты работы коллектива, то теперь следует говорить об эффективности применения знания¹⁴⁴.

Но в ходе общественной эволюции знание, будучи активно вовлеченным в социальные процессы, претерпевает изменения, на которые совершенно справедливо указывает Дракер. В то же время он весьма специфичен в плане оценок обозначенного им явления. Итак, американский ис-

¹⁴² Там же. С. 95.

¹⁴³ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Иноземцева М., 1999, С.95.

¹⁴⁴ Там же. С. 97.

следователь говорит о тенденции замены общих знаний специализированными. В новых условиях имеет значение прежде всего практический аспект знания. Отсюда люди широкой эрудиции являются приятными собеседниками, однако это еще не повод, чтобы утверждать его профессионализм. В плане последнего имеют значение навыки и умения, дающие конкретный результат. В качестве иллюстрации Дракер приводит пример героя романа Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», который не был широко образованным человеком – не учил ни латыни, ни греческого, не читал Шекспира, да и Библию знал довольно слабо. Но он знал и умел делать все, что связано с техникой – собирать телефонные аппараты, получать электроэнергию и пр.

Как пишет Дракер, знания сегодня представляют собой информацию, имеющую практическую ценность, позволяющую получить конкретный результат. Но, в силу многообразия и сложности современного мира, действительно значимый результат достигается только с помощью высокоспециализированных знаний. При этом результат имеет объективное социальное значение. Как констатирует ученый, переход от общего знания к комплексу специализированных знаний превращает знания в силу, которая способна создать новое общество. Такое общество «должно быть основано на знании, организованном в виде специализированных дисциплин, и что членами его должны быть люди, обладающие специальными знаниями в различных областях. Именно в этом их сила и эффективность»¹⁴⁵. По мнению Дракера, сегодняшний социум (имеются ввиду, разумеется, индустриально развитые страны) пока не стоит определять как «общество знания». Речь может идти только о создании экономики, основанной на

¹⁴⁵ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология/ Под ред. В.Иноземцева М., 1999. С. 100.

знаниях. Тем не менее, нынешнее общество уже следует обозначать как посткапиталистическое, ибо в нем уже достигнут высокий уровень материального благосостояния, в максимальной степени смягчивший классовые конфликты.

Такова в общих чертах концепция Питера Дракера, подытоживая рассмотрение которой имеет смысл заострить внимание на следующих моментах.

1) Американский исследователь четко выдерживает эволюционную линию при рассмотрении общественной динамики. Однако принципы поступательного развития возможны только при условии основной ставки на интеллектуальные ресурсы, иначе говоря, на знание. Примером подобного «правильного» подхода служат развитые страны Запада, которым в результате удалось преодолеть капиталистические антагонизмы и построить посткапиталистическое общество – некий переходный общественный тип к «обществу знания». Дракер утверждает универсальность данного подхода, приводя в качестве примера страны с отсталыми экономиками, быстро преобразованными в передовые хозяйственные системы – Япония, Южная Корея. В современных условиях отказаться от ставки на развитие знания означает для страны обречь себя на отставание с самыми неблагоприятными перспективами.

Логика рассуждений Дракера строится на диалектическом принципе – формы знания преобразуются в зависимости от актуализации общественных проблем. В ходе промышленной революции с помощью знаний происходит усовершенствование главным образом орудий труда. Затем научный подход становится базовым при организации трудовой деятельности, что позволяет достигнуть материального изобилия еще большего, чем при техническом перевооружении. Современная революция в сфере управления окончательно переориентирует общество с физических ресурсов на интеллектуальные. Таким образом, Дракер видит

в сфере управления некий фундамент современного общественного развития, а социум понимается им аналогично крупной корпорации. Именно корпорацию Дракер считает главным институтом, устанавливающим социальный образец, служащий жизненным ориентиром. Неслучайно А.И.Кравченко обозначил его подход как «менеджеральный редукционизм»¹⁴⁶.

2) Развитие современного общества, как подчеркивает Дракер, основано на специализированном знании. К этому подталкивает все увеличивающееся многообразие социальной жизни. Начало профессиональной специализации было положено принципами тейлоризма, утвердившего научную основу производственного процесса. По мнению Дракера, практическая значимость подхода Тейлора значительно превосходит значение работ Маркса. Если первый совершил подлинную революцию в трудовых отношениях, сумев найти путь многократного увеличения производительности труда, то второй оказался не более чем лжепророком.

В то же время, справедливо подчеркивая значение специализированного знания в плане материального обогащения общества, Дракер ничего не говорит о другой стороне подобного явления – духовном обеднении. В результате профессиональной специализации успешно формируются практические навыки, однако кругозор личности бесспорно суживается. Тем самым облегчаются возможности для манипулирования. Большинству людей легко навязывается культура потребления, выгодная как с коммерческой, так и с политической точки зрения. А ведь об этом писали многие современные Дракеру мыслители – можно вспомнить одну только Франкфуртскую школу. Это и «однородность» Герберта Маркузе, и работы Эриха Фромма.

¹⁴⁶ Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 92.

Последний в своей работе «Здоровое общество» констатирует, что по сравнению с XIX столетием материальная жизнь людей значительно улучшилась. Требования реформаторов того времени, касающиеся прежде всего уступок капитала труду, к середине XX в. можно считать в основном выполненными. Но общество не стало от этого более здоровым. Более того, в социально-психологическом плане проблемы стали еще более глубокими, о чем свидетельствует растущее число неврозов и психозов¹⁴⁷.

За пределами рассуждений П.Дракера оказываются также проблемы глобализации, куда вполне органично вписываются аспекты, связанные с развитием интеллекта. Это блестяще доказано в трудах российского исследователя Михаила Делягина, о теории которого речь пойдет в другой части настоящего пособия. Американский исследователь совершенно справедливо подчеркнул возрастающее социальное значение знания. Но его концепция не дает ответа на вопрос, почему в ряде современных обществ делается ставка совсем не на развитие знания, в результате чего происходит «бегство» носителей интеллектуальных ресурсов.

Социальная действительность 90-х и 2000-х гг. продемонстрировала, что Дракер явно поторопился объявить современное общество посткапиталистическим, то есть преодолевшим старые противоречия капитализма. Как представляется, зачастую в американском мыслителе идеолог либерального капитализма превалирует над объективным исследователем. По всей видимости Дракер пытается по-своему решить задачу, которую ставил перед собой У.Росту – не выходя за рамки эволюционной парадигмы, сформулировать теорию поступательного развития, альтернативную марксизму и превосходящую последний убе-

¹⁴⁷ Фромм Э. Здоровое общество. М., 2006.

дительностью доводов. Кое-где это удалось, если останавливаться исключительно на ситуации в экономически успешных странах – тут и средний класс составляет социальное большинство, и постиндустриальная сфера расширяется. Но при анализе глобальных проблем социальной действительности теория Дракера (впрочем как и технологический детерминизм Ростоу) вряд ли сможет конкурировать с марксистскими постулатами, переживающими второе (а может и третье) рождение, чему подтверждение – теория мир-системного анализа.

«Программируемое общество» А.Турена

Мыслителей, на которых было заострено внимание в предшествующем параграфе, помимо всего сказанного все же объединяет еще одно важное методологическое обстоятельство. Когда дело касается определения источника социальных изменений, вернее базовой сферы, порождающей этот источник, они в основном ссылаются на экономику. В этом нет ничего необычного, учитывая высочайший авторитет марксистского подхода. Исследователь, которого мы будем рассматривать далее, относился к подобным вопросам несколько по иному. Француз Ален Турен (р.1925), впрочем, не настаивал на политическом детерминизме вплоть от начала человеческой истории. Скорее, в его планы входило продемонстрировать значимость политической сферы именно на современном этапе, который он считал своего рода разложением индустриального типа общественных отношений.

Упомянутый социолог объявляет о резкой критике классической традиции в социологических науках, которую он считает идеологическим выражением исчерпавшего себя проекта Просвещения. Особенно достается структурно-функциональной парадигме. Рассматривать общество в качестве системы пригнанных друг к другу структур жиз-

недеятельности – политики, культуры, экономики – значит подписываться под жестким социоцентризмом. В подобном подходе теряется сама действующая личность со всеми ее верованиями, проектами, общественными отношениями и способностью к чисто социальному действию¹⁴⁸. Чтобы исключить торжество тоталитарных сил, которые, по мнению Турена, постоянно угрожают общественной жизни, необходимо избавиться от привычного уже в социальных науках объективизма. Вместо этого следует поставить в центр исследования действующее лицо. Смысл его поведения понимается не через анализ исключительно социальных факторов принуждающего характера, но «исходя из самого нормативно ориентированного действия, то есть посредством интерпретации сознания, но без разрыва с ним»¹⁴⁹.

Опасения Турена насчет тоталитаризма выглядят закономерно, особенно в свете его мнения о доминирующей роли политики в современной ему действительности. Как пишет французский исследователь, «можно прочно стоять на той точке зрения, что частная жизнь и, если говорить более обобщенно, любая культурная сфера сегодня соприкасаются с областью политики, как это было с экономикой в индустриальную эпоху»¹⁵⁰. Кроме того, ученый указывает на перерождение освободительных движений, выступавших не только под антиимпериалистическими, но и под демократическими лозунгами. Победа последних к сожалению не ознаменовала торжество гражданского общества, но привела к власти авторитарные силы бюрократического и репрессивного характера. «И вообще, можно ли верить в социальные движения, когда самая огромная и сильная из

¹⁴⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, М, 1998. С. 16.

¹⁴⁹ Там же. С. 43.

¹⁵⁰ Там же. С. 27.

тоталитарных систем основывает свою законность на рабочем движении?» - сетует Турен, явно имея ввиду СССР.

По всей видимости, для названного ученого подавление общественным бытием личностного начала есть проблема универсального характера. Индустриализация - закономерная стадия социальной эволюции. Показательно, что в двадцатом столетии многие страны отождествляли индустриализацию с прогрессом, что отражалось на их стратегических целях. В то же время в работах Турена указывается, что индустриальный тип общественных отношений предполагает соответствующую культурную среду и тип общественного конфликта.

Классическое индустриальное общество предполагает жесткие формы противостояния между предпринимателями и рабочими, однако по сути дела этот конфликт основательно касается лишь сферы экономических отношений, редко покидая пределы последней. Область политических отношений, безусловно, испытывает воздействие со стороны «денежных мешков», однако мощное влияние исходит и от институтов гражданского общества. Более того, интеграция различных классовых групп довольно успешно происходила на почве национального интереса. В современных же условиях положение дел изменилось принципиально. Хотя именно при индустриализме вызревают предпосылки для такого состояния социума, которой Турен обозначает как «программируемое общество».

В новом социальном типе исчезают трансцендентные сущности, служившие для общества направляющим фактором (например, стремление построить коммунизм). Нынешний социум следует рассматривать в качестве самостоятельно действующего субъекта. Теперь общество меняется, само выбирая направление изменений, принимаемых в обществе в результате социальной борьбы. Главная тенденция современных обществ, считает Турен, «всегда

направлена на укрепление и увеличивающуюся концентрацию их способности воздействия на самих себя»¹⁵¹. Таким образом, общество как бы программирует само себя.

Среди специфических черт программируемого общества Турен указывает на ослабление национального сознания. В свете увеличивающейся материальной интеграции общества составляющие последнее индивиды «живут более автономно, будучи далеки от государственных интересов и идеологий».

Подобный подход современного французского мыслителя органически продолжает выводы его выдающегося соотечественника, основателя французской школы социологии Эмиля Дюркгейма. Последний выдвинул понятие «коллективное сознание», сопоставив степень его влияния в традиционном и индустриальном обществах. В условиях натурального хозяйства, присущего традиционному типу отношений, связи между общественными ячейками были слабы, в силу чего они подкреплялись сильной духовной составляющей. При индустриализме усложняющееся разделение труда выводит на первый план функциональную зависимость между общественными структурами. Отсюда постоянное «присутствие» коллективного сознания уже не требуется и люди занимаются каждый собственными проблемами, объединяясь лишь на случай угрозы обществу (например, война). Вот здесь и дает о себе вновь знать коллективное сознание, вытесняя на второй план интерес личный и выдвигая общественные цели на первый. Вернее, с помощью коллективного сознания индивидуальный и общественные интересы не то чтобы отождествляются, но становятся максимально близки друг к другу.

Кроме того, свою лепту вносят интернациональные культурные продукты, а также расширяющиеся коммуникационные возможности. В итоге изменяется сущность

¹⁵¹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, М, 1998, С.46.

столь значимых при индустриализме политических субъектов - государства и политических партий. Первое явно теряет свою объединительную функцию, будучи представленном общественным мнением как бюрократическая или тоталитарная структура, вторые «все более и более воспринимаются как политические предприятия»¹⁵².

Отсюда Турен выдвигает тезис о том, что растущее разнообразие общественной жизни сопровождается потерей социального единства, которое ранее проистекало из самой идеи общества. В настоящий момент «общество рассматривается теперь скорее как совокупность правил, обычаев, привилегий, против которых направлены индивидуальные и коллективные творческие усилия»¹⁵³.

Однако Турен не особенно склонен к идеализации современной общественной системы, относясь к ней, пожалуй, критичнее, чем в отношении индустриализма. Трансформация социальных антагонизмов вовсе не означает их исчезновения. В некотором роде они приняли даже более необратимый характер. «Принципиальное отличие программируемого общества от капиталистического индустриализированного общества состоит в том, что социальный конфликт определяется уже не рамками фундаментального экономического механизма, а совокупностью всех социально-экономических отношений»¹⁵⁴.

Экономический характер индустриального социума заставлял его изменять средства производства, новое же общество более важными признает цели производства, ориентируясь на культурные изменения. По выражению Турена, «инвестиции производят в большей степени не ма-

¹⁵² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М, 1998. С. 51.

¹⁵³ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М, 1998. С. 56.

¹⁵⁴ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 305.

териальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления»¹⁵⁵.

Французский социолог вводит понятие «историчность», под которым понимает совокупность культурных, когнитивных, экономических, этических моделей, служащих базой отношений между социальными субъектами. Именно контроль над историчностью является залогом общественного господства в новом социальном типе. Отсюда новый принцип, лежащий в основе классового неравенства, определяется следующим образом: «правлящим классом является тот, который управляет созданием культурных моделей и социальных норм; а управляемым – тот, который участвует в историчности подчиненным образом, соглашаясь на роль, предписанную ему правящим классом»¹⁵⁶. В то же время Турен конкретизирует, что именно в настоящий момент является приоритетным в процессе формирования культурных моделей. По его мнению, речь идет в основном о создании моделей социального потребления, к которым только приспособляются управляемые группы.

Турен склонен разделять тезис об упадке рабочего движения, хотя выдвигает по поводу этого несколько иные объяснения. Многие апологеты постиндустриального общества склонны тут указывать на размывание классовой структуры, с чем не совсем согласен французский ученый. По его мнению, рабочий класс никуда не делся и по-прежнему составляет большую социальную группу. Другое дело – под влиянием социальных трансформаций изменился характер отношений пролетариата, как с внешней средой, так и внутри самого пролетариата.

¹⁵⁵ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, М, 1998. С. 129.

¹⁵⁶ Там же. С. 137.

Выводы Турена основываются на данных большого социологического исследования рабочего класса, проведенного им с группой единомышленников в начале 80-х годов. Самое главное, было установлено принципиально изменившееся классовое сознание пролетариата. Турен подчеркивает, что в условиях индустриализма господствовали тенденции укрепления групповой интеграции рабочих. Так в результате распространения фордистской системы, делающей ставку на конвейерный труд, возник «массовый рабочий», а профессиональная автономия квалифицированных специалистов была поставлена под сомнение. Отсюда формировалось устойчивое классовое сознание, одновременно являющееся и «сознанием господства хозяев на производстве, и проектом трансформации индустриального общества»¹⁵⁷.

Технический прогресс, обозначившийся усиленной информатизацией и автоматизацией производства, ведет к осознанию рабочих собственной деквалификации. Становится ясно, что не столько рабочие составляют основной производственный фактор, сколько машины и автоматы. Отсюда стал терять актуальность пролетарский проект общественного переустройства, носивший отпечаток индустриальной культуры. При этом, будучи заинтересован в трудоустройстве, пролетариат не склонен поддерживать проекты, связанные с ограничением производственных мощностей во имя экологических целей. Подобные проекты имеют больше сторонников среди некоторых слоев технократии. Получается, что не столько исчезает пролетариат как общественная группа, сколько размывается рабочее классовое сознание. Оно теперь не является носителем прогрессивных идей, касающихся общественных альтернатив.

¹⁵⁷ Социализм в перспективе постиндустриализма. Под ред. Е.А. Самарской. М., 1999. С. 216.

Кроме того, существенно поменялся характер организаций, представляющих пролетариат и его интересы. Например, профсоюзы по сути дела переродились из социального движения в агента экономической политики. Руководители профсоюзных организаций охотно откликаются на приглашения к участию в советах компаний. В связи с этим влияние профсоюзов с виду даже возрастает, но они выступают уже как элементы экономической системы, обеспечивающие ее бесперебойность.

Важнейшей характеристикой современного общества является ускорение и умножение запрограммированных коммуникаций. В этих условиях явно повышают свою значимость управленцы, белые воротнички, а также лица, выполняющие образовательные функции. Тем не менее в качестве правящей группы в новом обществе французский исследователь склонен указывать на структуры так называемой технократии. При этом он подчеркивает недопустимость отождествления технократии с центральной государственной администрацией. Существует технократия частная, как и общественная, капиталистическая, как и коллективистская. Технократия представляет собой нечто вроде управленческих структур, которые могут возникать в самых разных областях общественной жизни. Подобная расплывчатость в определении господствующих групп дает дополнительный шанс делу сохранения вновь сформировавшегося общественного порядка, соответственно уменьшая противоположные возможности.

Особенность социального конфликта в программируемом обществе, считает Турен, заключается в том, что правящий класс контролирует здесь фактически всю совокупность областей социальной жизни. Это в свою очередь мешает подчиненным группам говорить и действовать с опо-

рой на культурную и социальную автономию¹⁵⁸. Проблемы современного общества не столько экономического характера, что в свое время предполагало распределение материальных благ. По мнению французского исследователя, сейчас следует вести речь об отчуждении, когда связь индивида с социальной и культурной жизнью общества определяется исключительно рамками моделей, навязанных ему правящим классом. Турен указывает на три основные формы социального доминирования в программируемом обществе.

1) Социальная интеграция, суть которой заключается в том, что человек принуждается к участию в воспроизводстве культурных моделей не только как трудящийся, но и как потребитель, участвующий в системах организации и власти, определяющих цели производства.

2) Культурное манипулирование сводится к контролю за потребностями и культурными стереотипами потребления, а также стиля жизни. Это осуществляется прежде всего через образовательную систему, которая перестала быть семейным и стала общественным делом.

3) Навязывание политического поведения, которое исходит в основном от крупных политико-экономических организаций, с империалистическими претензиями.

Таким образом, основной социальный конфликт, по мнению автора теории «программируемого общества», заключается не в противостоянии различных групп (классов), занимающих разные позиции в сфере производства и распределения. Его можно определить как конфликт общества и индивида в целом, поскольку социальное доминирование приобретает системный, нерасчлененный характер. «Программированное общество целиком основано на социальном конфликте между аппаратами, которые имеют спо-

¹⁵⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, М, 1998. С.138.

способность и власть программировать, и теми призывами к творчеству и счастью, которым постоянно угрожает логика вышеназванных аппаратов»¹⁵⁹.

И все же нельзя признать господство технократической системы таким уж неизбежным. Турен указывает на факт появления множества общественных движений, в которых заключается творческий импульс. Контроль за сферой социальных отношений со стороны правящих структур вынуждает некоторые из этих движений брать на вооружение проблемы несоциального характера. В этом плане показательным экологическое движение. Тем не менее обычно эти движения имеют весьма фрагментарный и ограниченный характер. Шанс преодолеть господство технократии может появиться только при объединении всех антисистемных сил. По сути дела речь идет о возрождении гражданского общества, активность которого должна быть повсеместной.

Подытоживая этот весьма краткий анализ теории «программируемого общества», следует остановиться на следующих моментах.

Во-первых, французский социолог выдвигает тезис, который нашел впоследствии очень немало сторонников – ареной противостояния антагонистических групп все более становится духовная сфера. В первую очередь становится важным навязать определенные представления по поводу окружающей действительности, а это уже создаст необходимые условия для институциональных преобразований.

Во-вторых, из рассуждений Турена следует, что духовная манипуляция (программирование) начинает постепенно терять свой исключительно политический характер, переориентируясь в основном на уровень обыденной жизни. Так, управляющий историчностью правящий класс за-

¹⁵⁹ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии, М, 1998. С.144.

нят созданием моделей социального потребления, тогда как группам-аутсайдерам остается лишь приспособливаться к ним. Неслучайно французский исследователь говорит о меньшей определенности области социальных противоречий в программируемом обществе. В предшествующих общественных типах предмет, служащий яблоком раздора между социальными группами, имел более четкие очертания. Например, в аграрном типе таковым являлась земля, в индустриальном – оплата труда. В современном же обществе обвинить во всех своих бедах враждебный класс (например, предпринимателей) затруднительно. Дело в том, что вся система общественных отношений деформирует человеческую природу, усиливая отчуждение со всеми вытекающими отсюда последствиями, как социологического, так и психологического характера.

Собственно говоря, в рамках подобного тезиса Турен не был особо оригинален. Очень близкие идеи высказывал лет за 20 до него Герберт Маркузе, один из ведущих теоретиков Франкфуртской школы. В своей знаменитой работе «Одномерный человек» он описывает, как уже с середины XX в. добившийся определенного уровня развития материальных и интеллектуальных возможностей индустриальный социум стремится к установлению контроля над индивидами средствами техники, а не террора. Господство обеспечивается только путем полной мобилизации, организации и эксплуатации технической, научной и механической продуктивности. что западный социум стал выступать в виде единой производственной системы, которая «определяет не только социально необходимые профессии, умения и установки, но также индивидуальные потребности и установки». Основным средством социального контроля теперь становятся производимые обществом потребности. Навязывание потребностей одного и того же характера ведет к видимости стирания классовых различий, на деле со-

всем не отменяя их. Однако таким путем удастся добиться значительного ослабления оппозиционных движений¹⁶⁰.

Все же следует отметить определенные расхождения в концептуальных построениях Турена и Маркузе. Первый пытается «идти дальше», утверждая размывание классового конфликта, тогда как в отношении последнего коллега-франкфуртец скорее склоняется к признанию его скрытого смысла. Ну и следует заметить, что Маркузе особенно не спешит с выводами по поводу существования нового общественного типа. Тем не менее можно утверждать, что положения видного представителя критической социологии небезуспешно развиваются в работах французского исследователя. Сам термин «программируемое общество», по всей видимости, стал логическим результатом подобной работы. Ближайшими сподвижниками Турена в плане идеи программируемого общества следует считать теоретиков «информационного общества».

Наконец, в-третьих, противостояние индивид - общественная система акцентирует внимание на возросшем значении индивидуального выбора в условиях программируемого общества. Причем Турен пишет об этом как о положительном результате произошедших социальных сдвигов. Следует признать неоднозначность подобного обстоятельства. Тем более, что в качестве предпосылки выступил факт разрушения прежних социальных структур, на место которых пришли новые организации, куда более обособленные от личностных проблем. Например, современное государство все более и более ориентируется на внешнюю среду, занимаясь в основном проблемами обеспечения деловых, финансовых коммуникаций и в то же время отстраняется от социальной проблематики.

¹⁶⁰ Маркузе Г. Одномерный человек // Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2002.

Хотелось бы привести пример из нашей отечественной действительности, иллюстрирующий дистанцированность управленческих структур от личностных нужд. Возьмем студенческую стипендию. Размер минимальной стипендии в СССР (во всяком случае в последние годы его существования) составлял 50 рублей, при том, что комплексный обед в студенческой столовой (вполне, вполне съедобный) стоил что-то около 37 копеек. При этом увеличить стипендию на целых 50% (то есть до 75 рублей) было не так уж и трудно. Для этого достаточно было в ближайшую сессию получить всего одну только «пятерку» и не получить «троек». Размер стипендий нынешних студентов просто смешон: минимальная составляет 1300 рублей, а повышенная – «целых» 1600 рублей. Между тем, чтобы нормально поесть в студенческой столовой, нужно никак не менее 80-100 рублей. То есть рассматривать подобную стипендию как материальную базу студенческой жизни никак невозможно. Одним словом, выживай как хочешь, все в твоих руках!

Но, как бы то ни было, положение о возросшей личностной автономии в новых социальных условиях представляется оправданным в научном плане. С некоторыми модификациями он разрабатывается многими современными авторами. В разделе, посвященном анализу некоторых теорий постмодернистской социологии, мы затронем подобный тезис более основательно.

Постэкономическое общество В.Иноземцева

Видный российский теоретик Владислав Иноземцев (р.1968г.) вполне заслуженно считается последователем апологетов постиндустриализма Д.Белла, Э.Тоффлера, П.Дракера. Кроме того он небезуспешно стремится развивать их тезисы, что определило его лидирующий статус среди отечественных разработчиков темы постиндустриального общества. Добротность исследований Иноземцева не вызывает сомнений хотя бы уже тем, что если его выво-

ды и уязвимы для критики, то во всяком случае стимулируют к плодотворной дискуссии.

Признавая естественный характер социальных изменений в индустриальных странах, Иноземцев в то же время подчеркивает, что под влиянием произошедших сдвигов общество изменилось радикально. Подобная позиция делает его сторонником тех исследователей, которые считают возможным утверждать наступление новой эры (Д.Белл, Э.Тоффлер, А.Турен и др.). Однако российский исследователь делает серьезный шаг в сторону расширения методологической базы. Он обращает внимание на различные разработки темы общества нового типа. Так, социально-экономический подход свойствен постиндустриальной теории, культурологический – постмодернистским концепциям, наконец, ставку на сдвиги в области социальных технологий делают теоретики информационного общества. Иноземцев стремится на основе синтеза этих подходов сколотить фундамент для собственных научных проникновений. В этом плане ему импонирует взаимодополняемость постиндустриального и постмодернистского подходов. Первый носит материалистический характер, будучи обильно подкреплен эмпирическим материалом. Второй склоняется к обусловленности имеющихся структурных сдвигов субъективными обстоятельствами. Обратив внимание на изменения в системе мотивов и стимулов, определяющих действия человека, постмодернисты, по мнению Иноземцева, заявили грандиозность и глубину общественных преобразований современности.

Сам отечественный исследователь предлагает концепцию постэкономического общества, сочетающей как объективизм постиндустриального подхода, так и постмодернистский релятивизм. «Точкой, в которой практически пересекаются выводы двух теорий, является положение о новом значении науки и знаний, об их роли в развитии со-

временного производства и формирования новых качеств его работника»¹⁶¹.

Таким образом, Иноземцев старается дистанцироваться от крайностей объективизма и субъективизма. Тем не менее, забегая несколько вперед, отметим, что его собственная концепция имеет все же уклон в сторону первого. Подобное соображение объясняется тем, что в работах обозначенного автора доказательная база реальных социальных трансформаций, произошедших в индустриально развитых странах, выглядит значительно мощнее. Обширные рассуждения В.Иноземцева об изменении мотивации людей, из которых он по сути дела стремится выйти на формулировку нового социального типа личности, носят куда более голословный характер. Временами создается впечатление, что автор несколько упрощает реальную ситуацию, подгоняя ее под уже сформулированную объяснительную модель.

В.Иноземцев объявляет главным источником прогресса постэкономического общества не сдвиги в способе производства (хотя признает их), но изменения в установках людей, их интеллектуальном развитии. «В постэкономическом обществе развитие личности становится главной целью человека, а деятельность, не мотивированная утилитарными потребностями, изменяет социальную структуру в гораздо большей степени, чем десятилетия бурных, но поверхностных революционных потрясений»¹⁶².

Итак, двигателем постэкономической трансформации выступает личность, ориентированная на достижение внутренней гармонии и совершенства, а не на максимизацию материального потребления. Появление такого типа личности Иноземцев связывает с экономическими успеха-

¹⁶¹ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 28.

¹⁶² Там же. с. 43.

ми развитых стран, сумевших решить проблему материального благосостояния для подавляющего большинства собственного населения. То есть здесь российский апологет постиндустриализма отдает должное индустриальной эпохе, констатируя историческую преемственность и последовательность общественных типов. В подобном подходе явно видны последствия влияния теории А.Маслоу, согласно которой потребности во внутренней гармонии и личностной самореализации выходят на первый план после удовлетворения потребностей первого уровня, носящих преимущественно материальный характер. Неслучайно в работе Иноземцева неоднократно встречаются ссылки на Р.Инглхарта. Этот исследователь второй половины прошедшего столетия известен своим изучением мотивационных сдвигов у поколения молодых людей западного мира, воспитанных уже в условиях относительно материального достатка. Этим собственно и ограничиваются намерения Иноземцева эмпирически подкрепить собственный тезис перехода от доминирования внешних побудительных стимулов деятельности к мотивам преимущественно внутренним¹⁶³.

Российский ученый последовательно развивает мысль Белла об изменении целей производственной деятельности и связанных с этим сдвигов в производственных отношениях, что отражается новым звучанием темы эксплуатации. Информационная революция выводит на первый план создание информационных продуктов, технологий, программного обеспечения и нового теоретического знания, оттесняя на второй план выпуск примитивных благ. Расширяющийся при этом профессиональный класс интеллектуальных работников позиционирует себя уже по

¹⁶³ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 103.

иному, чем класс пролетариата. Последний ощущал себя эксплуатируемым, по сути дела редко считая достойной оплату собственных трудовых усилий. Собственно, вокруг размеров заработной платы крутился классовый конфликт индустриальной эпохи.

Постэкономическая трансформация приводит к таким отношениям работников и предпринимателей, когда они уже не столько противостоят, сколько взаимозависят друг от друга. В сфере интеллектуального труда снижается значение частной собственности на средства производства. Контроль над орудиями труда оказывается рассредоточенным среди самих работников. Последних, кроме того, отличает высокая производственная мобильность – опытный программист или юрист обычно имеют целый круг клиентов и, стало быть, не настолько привязаны к конкретному работодателю. Это обстоятельство дает основания к выводу, что творческая личность уже не может управляться традиционными методами. Работник интеллектуального труда, уже не эксплуатируемый пролетарий индустриальной эпохи, жестко привязанный к заработной плате. Он нацелен на автономную созидательную деятельность, в рамках которой самореализацию предпочитает материальной выгоде.

Иноземцев, ссылаясь на П.Дракера, утверждает преодоление эксплуатации на субъективном уровне в сознании такого работника. То есть работники интеллектуального труда попросту не ощущают себя эксплуатируемыми и по причине внутренней свободы их деятельность намного выигрывает в плане продуктивности¹⁶⁴.

Однако, несмотря на определенный оптимизм по поводу динамики характера труда, Иноземцев отнюдь не считает решенной проблему социальных антагонизмов в пост-

¹⁶⁴ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С.160.

экономическом обществе. По его мнению, они принципиально изменятся и скорее всего приобретут более острый смысл. Фактически этот конфликт приобретает во многом социокультурный характер. Это противостояние между индивидами, носителями постматериалистических ценностей (вышеописанный тип интеллектуального работника) и теми, кто остается подвержен утилитарному расчету, что больше присуще индустриализму.

Новая элита будет состоять из высокообразованных людей, видящих своей задачей совершенствование собственной личности. Возрастающая роль науки будет закреплять ведущие позиции вновь образованного правящего класса, представители которого обеспечивают производство уникальных благ, являющихся залогом общественного процветания. «Однако способность продуцировать новые знания отличает людей друг от друга гораздо больше, чем масштаб их личного материального богатства; - пишет В.Иноземцев, - более того эта способность не может быть приобретена мгновенно и не подлежит радикальной корреляции. Поэтому новый высший класс имеет все шансы стать достаточно устойчивой социальной группой, и по мере того, как он будет рекрутировать в свой состав наиболее достойных представителей иных слоев общества, потенциал этих слоев будет лишь снижаться. Обратная миграция, вполне возможная в индустриальном обществе, ... в данном случае почти исключена, ибо раз приобретенные знания могут совершенствоваться, но утраченными практически быть не могут»¹⁶⁵.

Таким образом, постиндустриальное общество Иноземцева жестко иерархично и значительно менее подвергается изменению как раз в стратификационном плане. Если статус элиты лишь упрочивается, то позиции низших слоев

¹⁶⁵ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 181.

становятся со временем еще слабее, поскольку единственным значимым общественным ресурсом оказывается знание, которое не приобретается в ходе коллективных действий»¹⁶⁶. С одной стороны, знания и информация являются наиболее демократичным источником власти, поскольку все имеют к ним доступ, а монополия на них невозможна. С другой стороны, знания и информация есть наименее демократичный фактор производства, поскольку доступ к ним отнюдь не означает обладания ими. Отсюда делается вывод, что современное социальное противостояние кроется в сущностных различиях внутреннего потенциала различных представителей общества¹⁶⁷.

При всем при этом российский исследователь указывает на то обстоятельство, что новый правящий класс отнюдь не паразитирует на обществе, в чем можно было упрекнуть скажем тех же буржуа. Представители новой элиты как никто другой «сделали себя сами», кроме того, они лидеры и в чисто функциональном плане – то есть занимают наиболее востребованной обществом деятельность. Это обстоятельство является еще одним фактором, делающим положение постэкономической элиты незыблемым уже с морально-идеологической точки зрения. Первые господствующее положение определенной социальной группы представляется вполне оправданным, а серьезных доводов в отношении того, что представленное положение дел является несправедливым, вроде как не имеется¹⁶⁸.

Что касается низших слоев, то здесь дело обстоит прямо противоположным образом. Как уже вскользь упоминалось, это индивиды, ориентированные преимущественно на получение материальных благ, что, по мнению

¹⁶⁶ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 179.

¹⁶⁷ Там же. С.171.

¹⁶⁸ Там же. С. 194.

Иноземцева, является некоторым анахронизмом в условиях постэкономического типа общества. Кроме того, массовое производство, на которое делало ставку индустриальное общество, теперь оказывается вытесненным на периферию экономической жизни. Отсюда «занятые в нем работники становятся изгоями собственного социума; их отторжение от собственного производства представляется не временной безработицей, а вечным отлучением от социально значимой деятельности»¹⁶⁹

Члены низшего класса не обладают способностями для работы в наукоемких производствах, а также не имеют возможности получить образование, которое необходимо для развития этих способностей. При этом дистанция между низшим и высшим классами постэкономического общества значительно увеличивается в сравнении с индустриальной эпохой в социально-экономическом, культурном и функциональном плане. Другими словами, если индустриальные рабочие были абсолютно необходимы для предпринимательского класса, будучи средством его обогащения, то теперь господствующий класс нуждается в низшем классе в гораздо меньшей степени – владея средствами производства интеллектуальная элита самостоятельно создает их. В результате претензии низших слоев на часть национального продукта уже не выглядят настолько обоснованными как раньше. Как пишет Иноземцев, этим в большей степени объясняется нарастающее материальное неравенство представителей высших и низших общественных слоев¹⁷⁰. Первые повышают доходы, получая от своей деятельности результат, к которому не особо стремятся (в соответствии с постматериальной системой ценностей). Вторые же по мере хозяйственного прогресса теряют часть

¹⁶⁹ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 169.

¹⁷⁰ Там же. С.198.

дохода, не будучи в состоянии достичь материального благополучия, которое как раз и является их целью.

А что же средний класс, долгое время считающийся в западной социологии главной опорой общественной системы, гарантом ее стабильности? Иноземцев считает возможным констатировать тенденцию к размыванию среднего класса в условиях постэкономического общества. Во всяком случае, упомянутый ученый уверен, что нынешний средний класс уже не является оплотом общества, как это было во второй половине минувшего столетия. Скорее это страта, все более диссимилирующаяся под воздействием новых технологических изменений. В содержательном плане состав индивидов, составляющих нынешний средний класс, весьма разнороден и не может составлять залог общественного процветания.

Как пишет Иноземцев, существующий сегодня в развитых странах средний класс (около 50% населения) подвергается активной дезинтеграции, в результате которой большая его часть переходит в низший класс, а относительно немногочисленная его часть пополняет высшие страты общества¹⁷¹.

Бытующие в развитых обществах стратификационные тенденции имели довольно разноплановый характер на протяжении одной только второй половины двадцатого столетия. Если первым послевоенным десятилетиям были присущи тенденции к некоторому сокращению в различиях уровней дохода, то середина 70-х гг. обозначается как время «великого перелома». Выделение сектора производства информации и знаний привело к резкому росту зарплаток квалифицированных специалистов, что стало выводить образование на позиции одного из значимых факторов социального расслоения. При этом развитые общественные си-

¹⁷¹ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С.191.

стемы становились все более «придирчивыми» к уровню образовательной подготовки. Так, с 1968 по 1977 гг. реальные доходы американских рабочих выросли на 20% вне зависимости от уровня их образованности. С 1978 по 1987 гг. доходы выросли в среднем на 17%, но при этом доход работников со средним образованием упал на 4%, а выпускников колледжей вырос на 48%. Однако к 1987 году доход выпускников колледжей приостановился, а к 1993 г. их средняя почасовая оплата немного упала (на 2%). В то же время доходы обладателей степени бакалавра выросли на 30%, а обладателей докторской степени возросли почти в два раза. Подобную «придирчивость» российский последователь постиндустриализма не без оснований объясняет тем, что к 70-м гг. Соединенные Штаты Америки, будучи глобальной сверхдержавой, все более стали делать ставку на лидерство в области производства высокотехнологичных благ.

В этой связи Иноземцев солидаризируется с фукуямовским тезисом по поводу того, что классовые различия в современной Америке объясняются главным образом разницей полученного образования¹⁷². В то же время россиянин в определении источника наметившегося классового конфликта склонен ставить на первое место «неравномерное распределение самих человеческих возможностей», явно отодвигая на второй план стратификационную принадлежность людей, которая во многом определяет изначальные стартовые возможности¹⁷³.

Подытоживая взгляды одного из молодых представителей отечественной научной элиты, мы намерены обратить внимание на следующие моменты, важные для задач нашего исследования.

¹⁷² Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 184.

¹⁷³ Там же. С. 199.

1) В.Иноземцев, держась в русле воззрений теоретиков постиндустриализма, констатирует наличие радикальных преобразований в развитых обществах, ведущих к формированию общества нового типа. Это прежде всего выход теоретического знания, информации на роль основного социального ресурса (русский автор даже называет его «единственно значимым ресурсом»), что принципиально меняет систему социально-экономических отношений, в том числе давая толчок новым формам социального распределения.

Эти формы, оставаясь классовыми (по крайней мере, Иноземцев называет их именно таким образом), будут приобретать некоторые черты сословности, о чем свидетельствуют следующие обозначенные российским ученым обстоятельства. Во-первых, иерархический статус будет определяться во многом важностью выполняемых общественных функций, во-вторых, новые иерархические страты будут приобретать наследственные черты (это касается как высшего «класса интеллектуалов», так и низших групп).

2) Иноземцев заостряет внимание на образовании как факторе социального расслоения, правда несколько своеобразно его интерпретируя. По его мнению, интеллектуальные способности в качестве главного социального барьера как никогда лучше дают возможность выявить «лучших» представителей общества, образуя социальный порядок, тяготеющий к меритократии. О большей открытости элиты для такого рода индивидов, по мнению Иноземцева, свидетельствуют следующие представленные им факты.

В 1900 г. более половины высших должностных лиц крупных компаний вели свое происхождение из семей представителей высшего класса. Через полвека их число

сократилось до трети, а в 1976г. составляло всего 5,5%¹⁷⁴. Более 80% живущих на сегодняшний момент (по всей видимости имеется в виду начало XXI в.) в США миллионеров вступили в самостоятельную жизнь будучи представителями среднего класса. Из этого Иноземцев делает вывод, что упомянутые 80% сами заработали свое состояние, а не приумножили доставшуюся им материальную базу.

3) В то же время в отличие от некоторых оптимистично настроенных исследователей (П.Дракера, частично Д.Белла), Иноземцев склонен видеть в новом обществе еще более усугубленную проблему социального неравенства. По его мнению, структура постэкономического общества представляет собой жесткую иерархию, тяготеющую к поляризации. При этом вновь созданная общественная система будет располагать значительно меньшими возможностями как-то смягчить подобное положение дел. С одной стороны, новая элита – это действительно самые востребованные и способные индивиды, отвечающие требованиям своеобразного социального «заказа». С другой стороны, новый общественный ресурс – знания, информацию – перераспределить практически невозможно в отличие от материальной собственности, ресурса индустриального общества.

Плодотворность проведенных Иноземцевым исследований по поводу иерархии постэкономического общества отрицать трудно. Однако ряд его выводов не носят бесспорный характер, о чем мы намерены сказать ниже. Начать следует с уже поставленных нами (и рядом других ученых) под сомнение ряда фундаментальных посылок теории постиндустриального общества. Их не избежал и российский ученый, заявляя в категоричной форме, что знания, информация – «единственный значи-

¹⁷⁴ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С.96.

мый общественный ресурс». Иноземцев сам приводит данные, по которым за двадцать лет (с 1970 по 1990гг.) в США средняя стоимость обучения возросла на 474%, тогда как средний рост потребительских цен не превысил отметку 248%¹⁷⁵. В этом ракурсе по-иному интерпретируется факт происхождения из средних слоев 80% нынешних американских миллионеров. Получается, что умственные способности превращаются в ничто без соответствующей материальной (денежной) базы.

И все-таки следует отдать должное американскому обществу, обеспечивающему механизм рекрутирования элиты. Средние слои общества, как правило, являются источником «свежей крови» для высшего класса, на котором лежит функция управления всем обществом. Даже если вспомнить успешную большевистскую революцию, толчком которой послужило недовольство «низов» общества, мы увидим, что в большевистском руководстве большинство составляли выходцы из средних слоев (Ленин – типичный пример). Ту же самую картину дает Великая Французская революция. Конечно, исключения найти можно. Например, начинавший рядовым римским легионером Диокл впоследствии стал одной из величайших фигур в римской истории - император Диоклетиан не только значительно укрепил уже всю шатающуюся империю, но и добровольно отказался от власти (вообще редчайший случай в истории). Президент США - А.Линкольн являлся выходцем из семьи дровосека.

Однако еще больше примеров свидетельствует о том, что социальные «низы» далеко не всегда лучший источник оздоровления элиты. Если они и прорываются наверх, то обычно через время заменяются более компетентными представителями из среднего слоя. Так, выходец из рабочей среды Ларго Кабальеро возглавлял правительство Испанской Республики в годы гражданской войны 1936-1939гг. всего лишь несколько месяцев.

¹⁷⁵ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С.98.

Под давлением ряда сил (включая советское руководство) он был заменен на университетского профессора Х.Негрину, который с весны 1937г. занимал пост премьер-министра вплоть до падения Республики в марте 1939г. Испанская Фаланга под руководством аристократа Х.А.Примо де Риверы была куда более действенной и независимой организацией, нежели под руководством бывшего рабочего - механика М.Эдильи. В начале VII в. центурион Фока, объявленный армией императором, только усугубил хаос в Византийской Империи, едва не завоеванной персами. Внутриполитический и военный кризис блестяще решил пришедший ему на смену Ираклий, выходец из средних слоев византийской аристократии.

Кроме того, еще большие сомнения вызывает явный перегиб Иноземцева в плане социокультурной дифференциации постэкономического общества. Из этого следует его трактовка вновь наметившегося социального конфликта социально-психологическими причинами (постматериальная – материальная системы ценностей). Здесь видна предрасположенность российского исследователя разделять мнение ряда ученых о возможности нравственной эволюции людей, за которым обычно следуют тезисы о гуманизации общественных отношений и т.п.¹⁷⁶. Сам Иноземцев считает возможным разрешить возникающее социальное противостояние посредством большего распространения постматериалистических ценностей среди нового правящего класса¹⁷⁷, что отдает уже откровенной утопией (разумеется, на наш взгляд).

¹⁷⁶ Авторы настроены весьма скептически в отношении возможности нравственного совершенствования человека на протяжении истории. По этому поводу удачно высказался Олег Арин – мировые религии не сделали человека лучше. Действительно, люди ни стали со временем не лучше и не хуже. Они поворачиваются «светлой» или «темной» стороной своего естества в зависимости от обстоятельств. Большое значение здесь имеет деятельность социальных институтов, объективных по отношению к человеку.

¹⁷⁷ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 213.

Конечно, указание на различные системы ценностей у представителей различных иерархических групп вполне справедливо. Но, как представляется, ситуация значительно сложнее, чем рисует ее Иноземцев. Так ли уж верно его утверждение об ориентации на личностную самореализацию индивидов, занимающихся интеллектуальным трудом?

Телеведущий С.Доренко - один из способнейших интеллектуальных работников нашего времени (хотя бы уже потому, что дал толчок возникновению таких понятий в современной российской культуре как «телекиллер»), как известно, являлся информационным рупором влиятельного в 90-е гг. олигарха Б. Березовского. Так вот, за свои услуги он запросил с последнего ни много ни мало – 1,5 миллиона американских долларов в год и получил эти деньги. То есть его заработная плата составляла 125 тысяч долларов в месяц, тогда как начальник его отдела Т. Кошкарова имела «всего» 20 тысяч долларов в месяц. В этом плане Доренко с рациональной точки зрения имело смысл «не загибать» цену за то, чтобы стать «самураем Березовского», уж хотя бы затем, чтобы иметь режим благоприятствования на своем рабочем месте. Тем не менее он поступил совсем по иному, продемонстрировав совсем не «постматериалистические» ценности. Другой пример, бунт телеведущих канала НТВ в самом начале 2000-х гг. Многие аналитики объясняли его тем, что за красивыми словами о «свободе слова», «демократии» и т.д. скрывалось банальное нежелание терять гигантские оклады. И дальнейшие события в целом дают основание именно для такого объяснения.

В то же время нам встречались люди, которым удавалось самореализоваться в работе, совершенно не обеспечивающей материальный достаток. Так в ВУЗе, где один из авторов преподает уже 8 лет, работает пожилая женщина, заведующая одним из отделов университетской библиотеки. Эта должность в условиях «копеечной» оплаты практически исключает возможность

«левого» дохода. Тем не менее эта женщина вполне довольна жизнью, объясняя это любовью к своей работе.

Тем самым позиция Иноземцева уязвима с тех же позиций, что и точка зрения А.Маслоу, на принципы которой опирается российский исследователь. И, однако, социологический масштаб теории Иноземцева заставляет отнестись к его рассуждениям более критично. Вряд ли противостояние современного общества следует сводить к оппозициям в системе ценностей. Сам Иноземцев подобный подход объявляет своеобразной данью постмодернистской методологии. Но в рамках последней дается более углубленная трактовка процессов (в том числе и социально-психологического характера), связанных с классообразованием в современном обществе. Речь идет о концепции индивидуализированного общества, которую разрабатывают (правда, каждый со своих позиций) У.Бек и З.Бауман.

Наконец, еще одним «слабоватым» моментом в концепции Иноземцева является его недооценка политического фактора. В то же время это обстоятельство имеет очень важное (а возможно даже и решающее) значение. Скажем, чем объяснить факт довольно резкого возрастания платы за обучение? Конечно, естественные потребности индустриально развитых обществ переживавших информационную революцию здесь имели место. Но только ли этим все и объясняется? Российский исследователь Борис Кагарлицкий, в определенной степени оппонировавший В. Иноземцеву, существенно дополняет рассуждения последнего. После окончания Второй Мировой войны возросла популярность социал-демократических сил, которые пришли к власти, обеспечивая «левый» уклон в правительственной политике ряда развитых стран. Результатом этой политики стало расширение возможности получения высшего образования для беднейших слоев. Рост образованности этих слоев, их

знакомство с идеями того же научного коммунизма¹⁷⁸, пришедшее на время, когда СССР демонстрировал успешное развитие, привел к популяризации тезиса о скорой гибели капитализма в результате «загнивания». Отражением этого процесса стал 1968 год, когда многие развитые страны ощутили на себе всплеск молодежных выступлений. Особенно чувствительные потрясения произошли во Франции. Правящий класс отреагировал на это соответствующим образом - изменениями образовательной сферы. Было решено усилить специализацию образования (видимо, чтобы исключить широту взглядов), а также сделать образование доступным только состоятельным слоям, из чего и последовало очень существенное повышение стоимости на образовательные услуги.

2.2. «Новое общество» в модернистской и постмодернистской социологии.

Постмодернистская парадигма уже около двух десятков лет занимает довольно-таки прочные позиции в общественности. Правда, нельзя не отметить, что оппозиция постмодернистам усиливается особенно в последнее десятилетие. Существенные удары им приходится претерпевать со стороны теоретиков мир-системного анализа (И. Валлерстайн, А. Каллинникос), а также от тех мыслителей, которые не желают сдавать модернистские позиции (Ю.Хабермас, М.О.Мнацаканян). Однако ряд здравых идей постмодернистская социология все же предложила. И вряд ли могло быть иначе, поскольку определенную роль субъективизма в общественных процессах отрицать сложно. Постмодернистские теоретики обращают внимание на пре-

¹⁷⁸ Следует отдать должное Западу. Там Маркс никогда не покидал страницы любого уважающего себя учебника по философии или общественному.

ломление социальных явлений через призму индивидуального сознания. Стремясь увидеть здесь закономерности, они волей-неволей акцентируются на культурных предпосылках (и последствиях) происходящих процессов в социуме.

Общество радикализованного модерна Э. Гидденса

Британский исследователь Э. Гидденс (год рождения 1938) уже достаточно давно входит в когорту современных классиков социологии. Он приобрел известность в основном благодаря своим работам 70-80-х гг. прошлого века. Гидденс поначалу занимался вопросами методологии, разрабатывая интегративный подход в социологии. Результатом этого стала его книга «Устроение общества: Очерк теории структуризации» (1984). В 90-е годы – период, когда Гидденс стал пробовать себя на административно-политическом поприще, став советником британского премьер-министра Тони Блэра – его научный интерес сосредоточивается на социальных проблемах общества модерна.

Современность в понимании Гидденса следует анализировать с точки зрения продолжающегося проекта модерна. Именно логика последнего привела к «ускользающему миру», «абстрактным системам» и «посттрадиционному обществу» - опорным категориям гидденсовской картины нынешней социальной действительности, которую он предпочитает называть поздним или радикализованным модерном. Для нас важно подчеркнуть, как британский классик социологии трактует общество в его динамическом воспроизводстве, поскольку через это методологическое обстоятельство будет легче понять концепцию современности Гидденса. С этой целью имеет смысл обратиться к основным положениям теории структуризации.

Как уже упоминалось, Гидденс является приверженцем интегративной социологии, весьма влиятельного

направления в обществознании второй половины двадцатого века. Этот подход стремится преодолеть крайности двух соперничающих парадигм, особенно четко заявленных в работах классиков социологии. *Социоцентризм* выступает с жестко объективистских позиций, склонен рассматривать поведение людей с точки зрения его обусловленности общественными структурами. В практически чистом виде подобный подход выражен в «социологизме» Э.Дюркгейма. *Антропоцентризм* предпочитает брать за отправную точку собственно социальных индивидов, рассматривая общество в качестве результата множества их действий. Это явственно прослеживается в работах М.Вебера.

Предложенная Гидденсом теория структуризации как раз и пытается найти общую методологическую почву для обоих этих парадигм. И, разумеется, британский социолог здесь не одинок. В том же направлении предпринимали усилия П.Бурдье, Ю.Хабермас, М.Арчер. Дж.Александр и др. Так вот, согласно Гидденсу, общество следует понимать как связанные между собой общепринятые практики поведения (институты), которые воспроизводятся с течением времени в социально распознаваемых чертах. Как пишет этот мыслитель, «предметом социальных наук являются не опыт индивидуального актора и не существование какой-либо формы социальной тотальности, а социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени. Социальные действия людей ...не создаются социальными акторами, а лишь постоянно воспроизводятся ими, причем теми же самыми способами, посредством которых люди реализуют себя как акторы»¹⁷⁹. Естественно, что наряду с социальными практиками воспроизводятся и другие обще-

¹⁷⁹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 40.

ственные явления, носящие объективный характер - религия, стереотипы, мифы и т.п.

Научный анализ такого общества следует проводить через феномен «двойной включенности» социальных институтов и индивидов. В общем виде двойная включенность означает процесс творения общественных институтов действиями индивидов и одновременного возвратного творения индивидов обществом. Таким образом, по Гидденсу, сама структура обладает дуальностью - «структуральные свойства социальной системы выступают и как средства производства социальной жизни в качестве продолжающейся деятельности и одновременно как результаты, производимые этой деятельностью. Структура не является чем-то «внешним» по отношению к индивидам: будучи своего рода «отпечатками» в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее «внутренней», нежели «внешней» (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности. Структуру нельзя отождествлять с принуждением, она всегда как ограничивает, так и создает возможности для действия». Исходя из этих соображений, социальное действие следует рассматривать с точек зрения его продуцирования, а также – воспроизводства из чего оно является включенным в социальные практики как элемент общественных отношений. И подобная ситуация имеет место «даже во время насильственного свержения власти или при наиболее радикальных формах социальных изменений»¹⁸⁰.

Именно это имел ввиду французский мыслитель Густав Ле Бон, когда писал, что революции лишь изменяют название вещей (он имел ввиду социальные институты), но не их сущность. Изменение сущности вещей возможно только в течение долгого времени, но никак не путем радикального вмешательства в об-

¹⁸⁰ Там же. С. 70-71.

щественную действительность. В качестве иллюстрации подобных соображений имеет смысл привести эпизод из повести Федора Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». Мягкий и, кроме того, измученный комплексом вины владелец села помещик Ростанев мало вписывался в образ сурового русского барина, к которому столь привыкли его крестьяне. Отсюда для устоявшегося в подобных традициях мировоззрения дворовых людей была необходима фигура, заменяющая барина. И она нашлась – в дворовом Фоме Опискине, который был при Ростаневе чем-то вроде неофициального душеприказчика. Кстати, если жизнь Ростанева прошла достаточно далеко от социальной действительности русской деревни (он был армейским офицером), то вот Фома Опискин был сюда куда более вписан. Немало натерпевшись унижений от старого барина, отца Ростанева, Фома без труда воспроизводил похожие формы обращения с крепостными.

Но откуда тогда в таком случае могут возникнуть социальные изменения? Для воспроизводства социального поведения необходим «рефлексивный мониторинг» - осознание и усвоение людьми нормативных установок. Тем не менее сознательность всегда ограничена. Сознательные действия субъектов нередко ведут к непреднамеренным последствиям, которые в свою очередь посредством обратной связи формируют новые условия действия. «История человечества творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом. Она постоянно ускользает от попыток повести ее по какому-то задуманному направлению. Однако подобные попытки постоянно предпринимаются людьми, которые действуют под угрозой и надеждой на то обстоятельство, что являются единственными создателями, творящими собственную «историю» - осознавая этот факт»¹⁸¹.

¹⁸¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2005. С.72.

Формы социального поведения, которые устоялись и представляют собой типичные образцы, определены самим социальным воспроизводством - его рутинной. Рутинная представляет собой практики, основанные на бездумном характере повседневного взаимодействия. Как утверждает британский социолог, рутинизация социальных практик становится условием социальной стабильности, что наиболее отчетливо проявляется в нынешней ситуации крайнего динамизма.

Этот присущий современности динамизм Гидденс констатирует скорее именно в социальных практиках, нежели в социально-экономических отношениях. Упомянутая динамика объясняется наличием трех явлений, составляющих особенность современности.

Во-первых, разделение времени и пространства. Если традиционные общества предполагали строгую связь географического места и ощущение индивидом своего места в прошлом, настоящем и будущем, то в современную эпоху категории пространства и времени в значительной степени оказываются размытыми во многом благодаря техническим и технологическим средствам. «Современные социальные организации предполагают точную координацию действий множества человеческих существ, физически разделенных друг с другом. «Когда» этих действий прямо связано с «где», но не через посредничество места, как в досовременные эпохи»¹⁸². Примером в данном случае могут служить Интернет-конференции.

Во-вторых, происходит высвобождение социальных институтов (или практик) из конкретного контекста, что делает институциональные взаимодействия независимым от частных особенностей мест действия. Здесь имеется в виду ослабление традиционных связей или которые Гид-

¹⁸² Цит по: История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4, М., 2002. С.653.

денс называет «встроенными элементами». Встроенные элементы являются объективными по отношению к индивиду и регулируются не им, но социальной организацией традиционного типа (община, деревня, церковный приход) либо самой природой, если речь идет, скажем, о смене времен года. Подчинение «встроенным» нормам носит бесспорный характер, человек попросту делает то, что должен. Современная ситуация принципиально иная. Местные контексты оказываются ослабленными не в последнюю очередь благодаря преодолению пространственно-временных границ. Отсюда люди получают возможность делать выбор самостоятельно, не оглядываясь на традиционные условности.

Например, девушки из сельской местности, как правило, руководствуются совершенно иными стандартами, нежели их урбанизированные сверстницы. Возьмем средний возраст замужества. Первые начинают «прикидывать варианты» уже в старших классах средней школы, либо сразу после ее окончания, поскольку в провинции незамужняя девушка старше 20 лет уже может считаться мало кому нужной «старой девой». Один из авторов вырос в провинциальном райцентре и перед уходом в армию в 18-летнем возрасте успел отгулять на свадьбах у подавляющего большинства своих одноклассниц. После срочной службы, поступив в университет, он стал жить уже в краевом центре, где ему сразу бросилось в глаза совсем иное отношение к проблеме замужества, причем как со стороны самих девушек, так и со стороны «всех остальных». Ранние браки здесь, конечно, имеют место, но они скорее исключение, чем правило.

Механизм высвобождения институтов заменяет «встроенные элементы» новыми детерминантами поведения, уже не связанными с конкретным контекстом. В этой связи Гидденс вводит понятие «абстрактные системы», которые при более конкретном рассмотрении распадаются на

символические знаковые системы, а также на экспертные системы.

Знаковые системы содействуют тому, чтобы совершать те или иные операции вне зависимости от времени и пространства. Ярким примером здесь выступают деньги, зачастую принимающие виртуальный характер в современном мире. Деньги дают возможность абстрагироваться от времени, служа кредитным средством, а также от пространства, поскольку существует всеобщий ценностный стандарт, открывающий дорогу сделкам между людьми, никогда друг с другом не встречавшимся¹⁸³. Кроме денег, в качестве примера символической знаковой системы может служить политкорректность, навязываемая в качестве всеобщего стандарта общения на политическом уровне.

Экспертные системы помогают абстрагироваться от пространства и времени за счет распространения технического или профессионального знания, приобретающего универсальный характер. Экспертные системы отражаются как на социальных отношениях, так и на внутреннем мире личности и не ограничиваются лишь сферами техники и технологии. Наряду с учеными, инженерами сюда следует отнести юристов, врачей и других профессионалов разного рода, оказывающихся востребованными едва ли не в любой стране мира. Таким образом, «экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами «вырывают» социальные отношения из их непосредственности. Они предполагают разделение пространства и времени в качестве условия пространственно-временного дистанцирования, средством которого они являются»¹⁸⁴.

Окружающий мир перестает быть чем-то внешним для человека, превращаясь по большей части в его соб-

¹⁸³ История теоретической социологии. В 4-х т. Т.4, М., 2002. С.653.

¹⁸⁴ Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С.361.

ственное творение. В результате «высвобождения» преемственность поколений сводится к минимуму. Неслучайно Гидденс определяет современность как «посттрадиционное» общество, где все подвергается сомнению или вовсе отвергается (нигилизм, например, вряд ли мог зародиться в традиционном социуме). Тем не менее человек по-прежнему находится в жесткой зависимости от социальных реалий, адаптироваться к которым становится даже сложнее, поскольку традиционные стандарты и нормы уже не действуют. Кроме того, тех людей, которые все еще пытаются держаться за традицию, сейчас принято называть «фундаменталистами».

В-третьих, уже упомянутая институциональная рефлексивность, что означает регулярное усвоение и применение знания касательно фактов и обстоятельств социальной жизни. Рост рефлексивности, в понимании британского мыслителя, заключается во все более расширенном сборе информации о той или иной ситуации, позволяющем сделать правильный выбор. Это касается самой личности, которой теперь предписано принимать самостоятельные решения, руководствуясь экспертным знанием или собственным опытом. Кроме того, рефлексивность и само общество, стремясь поставить под контроль возрастающую интенсивность социальных взаимодействий, дабы уменьшить состояние неопределенности, присущего позднему модерну. И все же случайность и риск, по мнению Гидденса, неизменные черты современного мира.

Последнее утверждение выглядит тем более парадоксально в свете того факта, что новый мир значительно организованней мира традиционного общества или общества раннего модерна. Более того, это самая высокая степень организации за все время существования человечества, и она оказывается возможной в первую очередь благодаря информации, которая собирается о членах общества. Не-

смотря на вроде бы возросшую личную свободу, находящаяся в ведении общественных структур информация касательно конкретной личности гораздо более детальна и прицельна. Если в традиционном обществе о человеке знали только то, что помнили о нем (разумеется, это были отрывочные и зачастую искаженные сведения), то сейчас «на смену этим весьма несовершенным способам сбора и хранения информации пришли другие: сведения собираются и в течении долгого времени накапливаются в виде записей на бумаге и в памяти компьютеров, в интегрированных базах данных, в протоколах телефонных и энергетических компаний, где отмечаются оказанные услуги, в банковских счетах». Анонимность, которая, как кажется, присуща городской среде, часто оборачивается вторжением в личную жизнь структур, носящих куда более жесткий объективистский безличностный характер. «В городе легко избавиться от надоедливой слежки близких и друзей, но куда вы денетесь от всевидящего ока налоговой службы, от органов здравоохранения и местной власти. ... люди сегодня, живя среди посторонних, находятся под более пристальным наблюдением, чем раньше, когда они жили в замкнутых общинах, и о них больше известно, чем раньше»¹⁸⁵.

В подобных условиях возникает необходимость в существовании централизованного аппарата, в ведении которого находится контроль за общественными процессами. И в этом плане Гидденс рассматривает национальное государство в качестве специфического типа общества, своеобразной формы адаптации к модерну. Одной из характерных черт национального государства является ставка на сбор информации о членах общества, чтобы поддерживать его целостность. «Современные общества с момента их возникновения были «информационными обществами». В

¹⁸⁵ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.284-285.

своей основе все государства – информационные общества», поскольку государственная власть подразумевает рефлексивный сбор, хранение и управление информацией, которая необходима для администрирования. Но особенностью национального государства является высокая степень интеграции его административных функций, а это в свою очередь требует более высокого уровня информационного обеспечения»¹⁸⁶.

Сбор информации в рамках рефлексивного мониторинга присущ не только государственным, но и экономическим структурам. Солидный толчок этому был дан основателем научного менеджмента Ф.Тейлором, который подчеркивал важность детального контроля за действиями работников предприятия. Для современной экономической деятельности характерно изучение внешней среды – поведение и предпочтения потенциальных потребителей продукции, колебания курсов валют, внешняя рыночная конъюнктура и т.п.

Обобщая взгляды известного британского социолога, следует подчеркнуть, что его позиция не настаивает на признании радикального разрыва современности с предшествующим относительно недавним периодом. Безусловно, усиливающаяся динамика стимулирует ряд изменений элементов общественной жизни, которые со временем могут дать толчок качественному изменению всего общественного типа. Однако все это пока что вписывается в логику, изначально заложенную в модернистском проекте. Основными его чертами Гидденс считает:

1) Капитализм, который является системой производства товаров, основанной на отношениях между трудом и капиталом, и формирующей главную ось классовой системы.

¹⁸⁶ Цит. по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.286.

2) Индустриализм, который рассматривается Гидденсом в основном в технологическом измерении. Здесь центральным моментом выступает использование машинной энергии в производстве благ, а также регулируемая социальная организация производства.

3) Национальное государство, заключающее в себе развитый аппарат надзора и контроль за средствами насилия.

Комбинация всех этих факторов определяет экспансию Запада, а их эффективность снижает возможность сопротивления этой экспансии. Тем самым поздний модерн выступает еще и в глобальном измерении.

У.Бек: «общество риска»

Немецкий мыслитель Ульрих Бек (р.1944г.) хотя и не решается четко примкнуть к лагерю постмодернистов, все же считает очень существенными изменения, которые претерпело индустриальное общество в последние десятилетия. То, что получилось в итоге, Бек счел возможным обозначить как индустриальное «общество риска». Причем ставшие фактом трансформации были заданы самой социальной действительностью. Как в XIXв. модернизация привела к распаду аграрное общество, закосневшее в сословных устоях, - пишет Бек, - так и сегодня она размывает контуры индустриального общества, и последовательное развитие модерна порождает новые общественные конфигурации¹⁸⁷. В своем фундаментальном труде «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшем в середине 1980-х гг., немецкий ученый много и плодотворно рассуждает по поводу того, в каких именно направлениях происходит трансформация классического индустриального общества.

¹⁸⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 10.

Вообще следует заметить, что названный ученый склонен отдавать должное объективистскому подходу – его работы содержат значительное количество эмпирического материала. В то же время Бек совсем в духе понимающей социологии стремится к углубленному объяснению социальных феноменов, особенно тех, которым дали толчок современные общественные отношения. На основе такого методологического синтеза формируется понятие «индивидуализация», подхваченное многими социологами. Последнее обстоятельство заставляет почувствовать некоторую вариативность вновь появившегося термина. В то же время, на наш взгляд, он оказывается незаменимым в ходе анализа реальной действительности, так или иначе соприкоснувшейся с постиндустриальными веяниями.

Бек неслучайно называет анализируемый им социум «обществом риска». По его мнению, модернизация, приводящая к постоянному наращиванию потребительских благ, оборотной стороной имеет наращивание разнообразных рисков, причем не только социального характера. Например, без научно-технического прогресса не состоялась бы катастрофа в Чернобыле, последствия которой затронули значительные пространственные и временные масштабы, немыслимые ранее. Для современного социума главной особенностью является уже не материальная озабоченность, но минимизация рисков. При этом немецкий мыслитель отмечает неравномерность распределения рисков среди населения. Степень распространенности рисков в социуме не в последнюю очередь определяется классовым принципом. При этом распространенность рисков здесь обратно пропорциональна материальным благам. Последние, как известно, сосредотачиваются в высших слоях, оставляя не у дел низшие. Что касается рисков, то здесь картина прямо противоположная. Интересно, что тот же самый принцип действует и в отношении лидирующих

стран, и стран, относимых к группе аутсайдеров. Между тем в обществе, где властвуют разнообразные риски, их воздействия не удастся совершенно избежать никому. Риски модернизации, как утверждает ученый, рано или поздно подобно бумерангу ударят по тем группам или странам, кто собственно является их виновником и производителем.

Можно привести массу примеров из российской действительности, иллюстрирующих справедливость подобного положения. Скажем, риторическим является вопрос, по каким группам населения бьет нынешний мировой финансовый кризис. Даже в случае революции, направленной против отечественного правящего класса, последний вряд ли существенно «попадет под раздачу» (извините за вульгаризм). У нынешней российской элиты на этот случай давно заготовлены пути отступления, вроде собственности или банковских счетов за рубежом. Взять, к примеру, элиту шоу-бизнеса. Казалось бы – безобидная группа успешных артистов, занимающаяся преимущественно развлечухой. В конце концов не олигархи же, разбогатевшие на приватизации! Ан нет, поездки за рубеж и не только по гастрольным делам, а, например, по случаю празднования Нового года, живущие там родственники – обычное явление. Что касается уровня целых общественных систем, то здесь следует напомнить о животрепещущей для России проблеме по поводу предоставления территорий для разного рода производственных отходов со всеми экологическими последствиями.

Однако и констатируемый Беком «эффект бумеранга» имеет немало эмпирических подтверждений. Преуспевающие слои тоже подвержены рискам, которые могут в меньшей степени затрагивать бедных. Скажем, всякого рода мафиозные разборки или отстрел отечественных бизнесменов в лихие 90-е явно больше затрагивали что называется людей небедных. Кавказцев занимающихся похищением людей с целью выкупа, как представляется, мало интересовали простые «работяги», живущие от зарплаты до зарплаты. Хотя для последних (и для членов их семей) подобный риск не был совершенным исключением.

Также можно предполагать, куда приведет нынешние США широкомасштабная иммиграция из Латинской Америки. Этот современный факт наталкивает на историческую аналогию с Римской Империей, которую основательно подточил изнутри «варварский» (преимущественно германский) элемент.

По мнению Бека, риски современного общества входят в противоречие с ориентациями людей на индустриальные социокультурные ценности, на логику формальной рациональности, с позиции которой стремление к материальному благосостоянию и социальному успеху является само по себе рациональным. В то же время Бек оспаривает тезис, согласно которому корни современных рисков следует искать в прошлом – они скорее связаны с проблемами настоящего и будущего¹⁸⁸. Исходя из этого положения, немецкий ученый акцентирует внимание на таких феноменах, как дискредитация и разложение традиционных институтов, конфликт поколений и т.п.

Надо сказать, что капитализм рассматривается Беком в большей степени не как самостоятельное явление, но в качестве позднесословной культуры, которая оказалась модернизированной и «потребленной» индустриальной системой¹⁸⁹. Отсюда и классовый тип иерархии Бек интерпретирует как своеобразное продолжение сословного распределения. Классы также не лишены традиционных оснований – семейные связи, некоторые общие ценности, интересы (классовое сознание) и т.п. Так вот, по мнению названного ученого, начиная со второй половины XX столетия имеет место распад этих «сословно оформленных опосредованных рынком общностей», выступающих под обобщенным названием социальные классы. В настоящий момент (имеются в виду 80-е гг.) образ классового обще-

¹⁸⁸ Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире: монография. М., 2007. С. 210.

¹⁸⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 124.

ства сохраняется формально и только в связи с отсутствием лучшей альтернативы, считает немецкий социолог, утверждая, что социальная жизнь течет уже по ту сторону классового общества¹⁹⁰.

Но с какой же стороны обозначились изменения, затрагивающие саму суть общественной иерархии? С одной стороны, произошли объективные сдвиги в сторону некоторого повышения материального благосостояния слоев аутсайдеров, за которым последовало определенное расширение их социальных возможностей. По мнению Бека, изменились не столько структуры неравенства, сколько повысился уровень жизни в целом. Этого обстоятельства, по его мнению, оказалось достаточно для того, чтобы общество стало утрачивать классовый характер.

Анализируя западногерманское общество, Бек приводит красноречивые данные. В 1950 году только 6% семей рабочих могли позволить себе собственное жилье, к 1968 г. их доля выросла до 32%, а в 1977 их было уже 39%. Каналы социальной мобильности заработали более интенсивно для нижних стратификационных групп. Так, в 1971г. ряды служащих и чиновников среднего уровня ровно наполовину пополнились выходцами из рабочих семей. Состав высшего чиновничества пополнился почти на треть, при том, что 31% являлись выходцами из семей квалифицированных рабочих, 23% - дети обученных рабочих, а у 15% вновь прибывших были неграмотные родители¹⁹¹.

При этом немецким социологом уточняется, что глубина социальных различий в целом осталась неизменной. Однако возросший достаток приводит к новому смешиванию социальных групп. Конечно, существуют еще места, где пребывать, что называется, «не всем по карману», однако зоны пересечения растут и уже нет такой жесткой

¹⁹⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.111.

¹⁹¹ Там же. С. 115.

дифференциации по социально-классовому признаку, присущей еще относительно недавней эпохе Веймарской республики. В некотором роде уравнивающим обстоятельством оказалось формирующееся общество массового потребления. Последнее дифференцировано на стили потребления, которые хотя и обусловлены во многом материальными возможностями, все же практически лишены классовой атрибутики.

В то же время Бек внимательно анализирует последствия так называемой «революции образования», пришедшей на третью четверть двадцатого столетия. Если в 1950 году 81% девочек и 78% мальчиков завершили свое образование в возрасте 13 лет, пройдя всего лишь курс народной школы, то в 1981 году эти показатели составили 35% и 42% соответственно. «Это означает, - пишет У.Бек, - что за три десятилетия число тех, кто получил более высокое образование (закончил реальную школу, гимназию или общеобразовательную среднюю школу), у девочек почти утроилось, а у мальчиков почти удвоилось (курсив У.Бека)»¹⁹². Аналогичная ситуация происходит в сфере высшей школы. При абсолютно растущем уровне поступивших в высшие учебные заведения, доля детей рабочих увеличилась в четыре с половиной раза (от 4% в 1951г. до 17,3% в 1981г.)¹⁹³.

По мнению ученого, это обстоятельство представляет собой еще один шаг к преодолению классово-культурных связей. Универсальность образования сглаживает различия, порожденные средой происхождения. Дополнительный фактор – селекционный момент, играющий главную роль как при поступлении, так и в ходе собственно учебного процесса. Для Бека все это представляет собой разрыв в поступательном развитии, все более дающий о себе знать в

¹⁹² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.117.

¹⁹³ Там же. С. 117.

ходе смены поколений. Так, если раньше вступление в рабочее движение было для отдельного человека совершенно естественным шагом, который во многом руководствовался семейным опытом и отражавшейся в нем «классовой судьбы», то в современных условиях этот процесс обретения опыта оказывается разорванным во многих местах, а человек предоставляется собственной судьбе.

Немецкий ученый так описывает механизм подобного превращения. «Место охватывающих семейные кланы, в значительной мере ориентированных на коммунальные формы жизни поселений занимают современные поселки по типу больших и малых городов с их смешанным социальным составом и сильно ослабленными связями между соседями и знакомыми. Прежние связи между соседями рвутся, возникающие социальные отношения и контактные сети образуются по *индивидуальному* выбору и в таком виде продолжают существовать. Это может означать отсутствие связей, социальную изоляцию, но также и другое: самостоятельно выбранные и выстроенные *системы отношений* с соседями, знакомыми и друзьями (выделено У.Бекком Ю.Т.).¹⁹⁴

Немецкий социолог объясняет феномен индивидуализации и с позиции теории классов К.Маркса. Последний объяснял происхождение классового сознания главным образом общими условиями жизни – обнищанием, вызванным низкой оплатой труда. Это заставляет объединяться в коллективные общности, превращаясь из «класса в себе» в «класс для себя». Но современное общество принципиально отличается от тех обстоятельств, в которых жил и творил Маркс. Помимо общеизвестных сдвигов как социальные гарантии, институционализация профсоюзов, экспансия образования, сокращение рабочего времени, возникают

¹⁹⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.126.

многочисленные индивидуальные права (защита от увольнения, пособие по безработице, переобучение и т.п.), которые конкретный индивид теперь осуществляет лично. Благодаря приданию правового статуса рабочему движению, последнее, по выражению Бека, было переведено с улицы в коридоры учреждений. Тем самым прежняя «классовая судьба» оказывается преобразованной в индивидуализирующие правовые категории «частного случая»¹⁹⁵.

Если «эффект лифта» в 60-70-е гг. явно шел вверх, то в 80-е годы тенденция изменилась на противоположную. Так, образование, ранее фактически гарантировавшее успех на рынке труда, теперь лишь дает право претендовать на рабочее место. «Получения образования уже недостаточно; - пишет Бек, - требуется «умение держаться», «связи», «способность к языкам», «лояльность», т.е. выходящие за пределы функциональной необходимости критерии принадлежности к «социальным кругам», которые экспансия образования должна была преодолеть»¹⁹⁶.

Собственно, в указанные годы фиксируется новое наступление собравшегося с силами капитала на труд, что было многими специалистами охарактеризовано как начало неолиберальной эпохи. Причем это наступление было в ряде (если не в большинстве) случаев поддержано государственными структурами. Неслучайно Бек констатирует не только существенно выросший уровень безработицы в ФРГ восьмидесятых годов, но и сокращение государственной помощи. В 1983 г. доля тех, кто не мог найти работу больше года, составляла 21% от общего числа безработных, в 1984 г. это число выросло до 28%, тогда как доля оставшихся без работы более двух лет составляла 10%. Если в середине 70-х гг. 76% из категории безработных получали помощь от государства, то через десять лет доля таковых

¹⁹⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.122.

¹⁹⁶ Там же. С. 127.

сократилась до 65%¹⁹⁷. Кроме того, ширится количественный состав находящихся на неполной занятости.

Однако указанные факты в целом не переломили тенденции к индивидуализации. Как пишет Бек, массовая безработица обрушивается на человека как личная судьба, поражая людей не в социально видимой форме как членов коллектива, а в специфические периоды их жизни. Свою роль здесь играет и определенная демократизация безработицы, о которой говорит Бек, констатируя незастрахованность от нее, в том числе и высших классов. Распределенная сверху вниз безработица воспринимается уже не как судьба отдельных классов или маргинальных групп, а как «обобщенная судьба, ставшая нормой жизни».

В обществе нового модерна вырабатываются новые культурные формы, которых не знала эпоха классического капитализма. Индивидуализация фактически высвобождает биографию каждого отдельного человека от привязок к традиционным ценностям и институтам. Теперь жизненный путь определяется только личными решениями. В силу этого формы личностного восприятия одновременно принимают частный и внеисторический характер. Временные масштабы жизневосприятия все более сужаются до вечного Сегодня, когда все вращается вокруг собственного «я», собственной жизни. Отсюда Бек сетует на то, что дети уже не знают жизненных обстоятельств родителей, а тем паче дедушек и бабушек. В то же время происходит сокращение тех сфер, где судьба человека определялась коллективом, который определял ее успешность. Другими словами, в ходе индивидуализации человеку не на кого более рассчитывать, кроме как на себя, когда он вынужден вести борьбу с какими угодно обстоятельствами¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.132.

¹⁹⁸ Там же. С. 198.

Антагонизмы социального неравенства всплывают теперь как противоречия между разными этапами одной биографии. Несколько в гротескной форме Бек рассуждает по поводу этой тенденции следующим образом: «индивидуализация делает биографии людей разностороннее, антагонистичнее, уязвимее, неопределеннее, беззащитнее перед лицом катастроф, но и ярче, многообразнее, противоречивее». Закономерно, что теперь стало модным объяснять социальный неуспех не внешними причинами, но личной несостоятельностью. Однако последнее дает повод для ярлыка неудачника, что крайне болезненно для человека, воспитанного в западной системе ценностей. «Быть бедным в ФРГ – просто скандал, поэтому нищету тщательно скрывают. Неизвестно, что хуже – признаться в бедности или скрыть ее, получать помощь от государства или продолжать терпеть лишения»¹⁹⁹.

Следствием процесса индивидуализации стоит считать расширение круга лиц, ставящих на первый план потребности самореализации (Иноземцев предпочитает понятие «постматериалистические ценности»). Бек связывает это также с увеличением состоятельных групп. Если в 50-е годы более бедное и менее образованное население мыслило в категориях «счастливой» семейной жизни – свой дом, автомобиль, высокий уровень жизни и т.п., то теперь многие говорят о необходимости «самоосуществления», «развитии личных способностей», «поиске собственной идентичности» и т.п. Немецкий ученый однако не утверждает полной и окончательной победы постэкономических ценностей. Скорее имеет место их конкуренция с такими символами успеха как доход, статус, карьера, долгое время общепринятыми.

¹⁹⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.137.

Однако распространение постэкономических ценностей имеет и обратную сторону – неуверенность в своих силах. Человек находится в постоянном культурно-психологическом поиске, будучи озабочен вопросами типа «счастлив ли я на самом деле?», «живу ли я полноценной жизнью?». Отсюда растут как на дрожжах экспертные услуги соответствующего характера (психотерапевты), а также ширятся разного рода религиозные (например, мунисы) или политические (скинхеды) движения.

Наконец, по мнению Бека, индивидуализация не может быть осуществлена в буквальном смысле. Точнее, будучи освобожденным от традиционных связей, человек начинает зависеть от других. В качестве последних называются массовый рынок и массовое потребление, успешно пропагандируемое через СМИ, а также навязываемые привычки, установки, стили жизни. Как пишет названный ученый: «индивидуализация отдает людей во власть внешнего управления и внешней стандартизации, которые были неизвестны нишам сословных и семейных субкультур»²⁰⁰.

Таким образом Бек показывает, что расширение и разнообразие рисков современного общества не приводит к общественной консолидации, наоборот – ведет к противоположному результату. В то же время подобное обстоятельство не стоит оценивать однозначно. В условиях разнообразия рисков (в том числе и социального плана) возрастает значение рефлексии для минимизации их вредных последствий. Предоставленный самому себе человек будет вырабатывать собственное более гибкое мышление, адекватное обществу риска. Неизбежно будет возрастать значение социального творчества и на более масштабных общественных уровнях. Следствием общества риска также является сочетание научной и социальной рациональности.

²⁰⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С.194.

Прежние научные схемы, объясняющие мир, становятся неадекватными в обществе риска, в силу чего люди, зачастую не доверяя ученым, начинают собирать и осмысливать информацию о рисках самостоятельно. Однако здесь более плодотворным является сочетание научного разума и здравого смысла. «В дискуссиях о рисках, - как пишет Бек, - обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью ... можно утверждать: научный рационализм без социального *пуст*, социальный без научного – *слеп*» (выделено У.Беком)²⁰¹. Таким образом, и общество риска вырабатывает особую защитную реакцию, вследствие которой наука становится ближе к жизни.

«Текущее общество» З.Баумана

Польско-английский исследователь Зигмунд Бауман (р.1925г.) справедливо считается одной из ярких фигур постмодернистской социологии. Его работы отличаются живостью описаний и яркостью иллюстраций. В то же время эклектизм, присущий постмодернистскому мировоззрению, не полностью завладел баумановской методологией. Скорее названный мыслитель отдает предпочтение диалектике. В рисуемой им картине периоды жесткого доминирования социальных систем, задающих структурированный характер общественным отношениям, сменяются эпохой фрагментации, доходящей чуть ли не до социальной атомизации.

Один из главных тезисов Баумана – утверждение о распаде общественных связей, на которых базировалось индустриальное общество. При этом он не видит здесь какой-либо случайный сдвиг в исторической динамике. Цивилизационная гонка создала ситуацию безграничных технических и технологических возможностей, в то время как

²⁰¹ Там же. С. 34-35.

социальные проекты в целом потерпели неудачу. Отсюда характерная черта современности – отсутствие четких целей при громадном выборе средств.

Особенности современности иллюстративно отображаются при сопоставлении «тяжелого» капитализма классической индустриальной эпохи и «легкого» капитализма, присущего современной ситуации. Первый, основательно описанный в трудах К.Маркса и М.Вебера, представлял собой централизованно управляемую организацию, масштабы которой постоянно разрастались. Это предполагало рост управляющих структур со своей внутренней спецификой (феномен бюрократии М.Вебера). Классический вариант тяжелого капитализма воплощен в предприятии Форда с его конвейерным производством, четкой рационализацией трудовых операций и вертикально - линейной управленческой иерархией. В этих условиях труд и капитал, хотя часто и находились в состоянии конфронтации, нуждались друг в друге и были обречены на взаимное сосуществование. Не без доли иронии Бауман замечает, что в то время спор капитализма и социализма походил на семейную ссору²⁰².

Современный легкий капитализм отличает в первую очередь подвижность. Как пишет Бауман, капитал путешествует налегке, зачастую с багажом, состоящим лишь из портативного компьютера, портфеля и сотового телефона. «Он может остановиться почти в любом месте и нигде не должен оставаться дольше, чем захочет. Труд вместе с тем, остается таким же неподвижным, каким он был в прошлом, но место, к которому однажды, как ожидалось, он будет привязан раз и навсегда, потеряло свою былую надежность; в напрасном поиске каменистого дна якорь падает на рыхлый песок»²⁰³.

²⁰² Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 65.

²⁰³ Там же. С. 66.

Существенным отличительным признаком современности, по мнению названного социолога, является видимое ослабление давления со стороны общественной системы. Последнее обстоятельство в свое время действительно было актуальным, вызывая острейшую критику со стороны свободолобивых мыслителей, (тому пример - Франкфуртская школа). Теперь же все изменилось. Производственная сфера сократилась, уступив место индустрии услуг, экономика во многих отношениях виртуализировалась, а власть имущие предпочитают уклоняться от решения общественных проблем, а шире – от явного социального участия в целом. Их идеальное состояние, как считает Бауман, невидимость²⁰⁴. Тем и следует объяснять явное ослабление репрессивного характера общественной власти. Однако здесь имеется и другая сторона медали. Правящие структуры уже не собираются обеспечивать возможности социальной мобильности широким общественным слоям, а также намеренно отказываются от социальных обязательств.

Вследствие этого сфера социального стала размываться. Вслед за отменой государственного контроля последовала приватизация задач и обязанностей модернизации. Другими словами, то, что раньше считалось коллективным делом, теперь возлагается на индивидуальные внутренние резервы, будучи оставленным на волю конкретного человека. Именно с этим обстоятельством Бауман связывает происхождение новых веяний в идеологической и научной сфере. Так, среди научных деятелей теперь активно ставится под сомнение тезис существования самого общества (П.Дракер). Что касается идеологии, то, с одной стороны, доминировавший долгое время лозунг справедливого общества теперь вытеснен идеологией прав человека. С другой стороны, изменился сам тон политических

²⁰⁴ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С.48.

диалогов. Речь идет о перенесении ответственности с общества на индивида. Теперь он, и только он виноват в собственной жизненной несостоятельности. «Не смотрите назад или вверх; смотрите внутрь себя, где предположительно находится ваша хитрость, воля и власть – все те инструменты, которых может потребовать усовершенствование жизни»²⁰⁵.

И все же Бауман не склонен с ходу соглашаться с тезисом об отсутствии общества. Последнее изменило свой характер – стало более текучим, быстро изменяющимся. Отсюда «действия людей заключаются в ежедневном изменении и пересмотре сети взаимосвязей, называемой обществом»²⁰⁶. Именно через подобную ситуацию Бауман выводит собственное понимание индивидуализации, которое принципиально не расходится с аналогичным понятием У.Бека, но имеет некоторые уточнения в основном культурно-психологического плана.

Бауман рассматривает индивидуализацию прежде всего как обязательное и постоянное самоопределение (Недостаточно родиться буржуа, надо жить жизнью буржуа). При этом он не считает ее (индивидуализацию) исключительно феноменом современности. Просто в различные исторические периоды существовали различные ее вариации, формировавшиеся под воздействием господствующего типа социальной иерархии. Индивидуализация в рамках определенной стратификационной группы предполагала самоопределение в качестве члена этой группы через типичное для нее поведение. Более отчетливо индивидуализация проявила себя в условиях классовой системы, где положение во многом определялось личными достижениями, а не родовым происхождением как в эпоху доминирования сословных отношений. В то же время стратифика-

²⁰⁵ Там же. С. 37.

²⁰⁶ Там же. С. 38.

ционная принадлежность определяла круг типов индивидуальностей, доступных для выбора.

Бауман в духе неолибералов трактует механизмы классообразования. Ему видится, что толчок этому дают социальные аутсайдеры, весьма ограниченные в доступе к общественным ресурсам и, соответственно, располагающие меньшими возможностями выбора. Компенсация подобных индивидуальных слабостей властью количества и есть суть классообразования²⁰⁷. Классовая ориентация преуспевающих слоев «вместе с тем была частичной и в некотором смысле производной; она проявлялась главным образом, когда предпринимались попытки оспорить неравное распределение ресурсов»²⁰⁸.

В современном же обществе классовые отношения размываются во многом потому, что люди начинают сами верить в силу индивидуального выбора. Здесь большую роль играет общество потребления, тесно связанное с постмодернистской эпохой. Выдвигаясь на первый план, потребительские склонности соответственно не нуждаются в каких-либо ограничителях. Жизнь вокруг потребления «направляется соблазнами, постоянно возникающими и изменчивыми желаниями, а не нормативной регуляцией».

В потребительском обществе в качестве направляющей силы выступает СМИ. На экране задаются не только образы, которым затем стремятся следовать люди, но также стандарты действительности и их оценки. Если раньше СМИ действовали больше с позиции прямой политической пропаганды, то теперь их воздействия стали куда более гибкими и разнообразными. «Подчинение стандартам, - пишет Бауман, - теперь достигается посредством соблазна и искушения, а не принуждения, - и проявляется в личине

²⁰⁷ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008, С.40.

²⁰⁸ Там же. С.41.

осуществления свободной воли, а не обнаруживается в форме внешней силы»²⁰⁹.

Своеобразное общественное пространство формируется теперь вокруг «Храмов потребления», под которым социолог понимает расплодившиеся в современных городах супермаркеты, развлекательные центры. Посещение их имеет определенный социально-психологический смысл, а именно чувство принадлежности сообществу потребителей. То есть, пребывая там можно думать в отношении любого случайного прохожего, что он «прибыл туда с той же самой целью, соблазнился теми же самыми приманками (таким образом признав их в качестве приманок), движим и управляем теми же самыми мотивами»²¹⁰. Однако принадлежность к подобному сообществу есть фальшивое чувство. В местах коллективного потребления нет ничего коллективного, сколь бы переполненными они ни были. Ведь потребление предполагает вереницу ощущений, которые испытываются и переживаются только субъективно.

Постмодернистское общество, занимаясь унификацией в области потребительских стремлений и соблазнов, тем не менее находится далеко от решения проблемы немощных. Более того - заставляет последних куда сильнее чувствовать личную несостоятельность. Трудно спорить с Бауманом, который утверждает – чем более соблазнительны прилавки магазинов, тем глубже ощущение убогости реальности и тем более неодолимым становится желание испытать хотя бы на мгновение счастье свободы выбора.

Авторы в связи с этим хотели бы привести пример из отечественной действительности, связанный как раз с тем, когда переживание личной бедности может приобретать чуть ли не комические формы, но с трагическим финалом. Среди наших знакомых была женщина, работающая медсестрой. Причем дол-

²⁰⁹ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С. 94.

²¹⁰ Там же. С. 110.

го знающие ее люди отзывались о ней весьма неплохо. В 2000-е годы, когда Россию захлестнули нефтедоллары и встал вопрос, что делать с лишними деньгами, банки развернули систему кредитования. Эта медсестра набрала кредиты в различных банках, купив машину, квартиру, сделав в ней евроремонт и пр. Словом, обустроила свою жизнь на высоком потребительском уровне. Зарплата медсестры, конечно, не могла служить гарантией, поэтому она привлекла других людей, каким-то образом уговорив их. Затем, когда вопрос возврата стал весьма остро, она покончила жизнь самоубийством. Как представляется, все это можно объяснить тем, что ей непреодолимо хотелось почувствовать хоть на короткое время, что такое высокий уровень достатка.

Одним из факторов, усиливающим социальное неравенство, Бауман называет процесс картографирования пространства, которое в современном обществе испытывает отчетливое воздействие иерархического принципа. Так называемые «неместа» или пустые пространства понимаются социологом как территории, единственное назначение которых быть как можно скорее покинутыми. В рамках таких пространств индивид ощущает воздействие среды, которую он не понимает и не желает понять. Ему хочется выйти за эти пределы, чтобы попасть «к своим».

У всех индивидов имеется собственная карта, имеющая подобные пустые пространства. Естественно, что эти пустые пространства различаются по местам расположения. Суть данной территориальной дифференциации в том, что некоторые области наполняются значением, тогда как другие опущены как бессмысленные и бесперспективные. Сам Бауман приводит очень интересную иллюстрацию к собственному тезису, которая изложена ниже.

В одной из моих лекционных поездок (в густонаселенный, разрастающийся и оживленный южноевропейский город) меня встретила в аэропорту молодой преподаватель, дочь четы местных высокообразованных и состоятельных специалистов. Она

извинилась за то, что поездка до гостиницы будет нелегкой и может занять довольно много времени из-за заполненных автомобилями авеню, идущих через центр города, где постоянно образовывались пробки из-за плотного движения. Действительно, нам потребовалось почти два часа, чтобы доехать до места. Мой проводник предложила отвезти меня обратно в аэропорт в день отъезда. Зная, насколько утомительно вождение в этом городе, я поблагодарил ее, но сказал, что возьму такси. Я так и сделал. На сей раз поездка в аэропорт заняла менее десяти минут. Но водитель такси ехал вдоль извилистых рядов, мрачных и захолустных трущоб, полных довольно грубых и очевидно праздных людей и невымытых, одетых в лохмотья детей. Заверение моего проводника, что нет иного способа избежать езды через центр не было ложью. Оно было искренним, совпадающим с ее ментальной картой города, где девушка жила с самого рождения. На эту карты не были нанесены неприглядные улицы «диких районов», через которые меня провезло такси: в том месте, куда должны были быть нанесены эти районы, располагалось пустое пространство (Источник Бауман 3.Текущая современность. СПб., 2008, С. 114.)

Таким образом, в условиях общества потребления социальная иерархия может быть ощутима еще сильнее, но теперь она переживается скорее внутри себя, нежели выносятся в конкретные социальные поступки. Ведь людям усердно внушается, что они теперь свободны от всякого рода принуждений и сами выбирают ту или иную жизненную стратегию, соответственно неся индивидуальную ответственность за ее результат.

В то же время Бауман указывает на существующий в современном обществе разрыв между формальной индивидуальностью, выраженной юридически, и реальной возможностью управлять своей судьбой и выбирать варианты стратегий жизни. Индивидуализация в рамках всего общества отнюдь не лишена стратификационного выражения. Другими словами, характер проявления себя в качестве ин-

дивидуума зависит от места в общественной иерархии. Размывание общественного, на котором настаивает Бауман, происходит за счет вторжения туда частных интересов. «Общественное» больше не направлено на колонизацию «частного». Как раз наоборот: именно частное колонизировало общественное пространство, выдавливая и выгоняя все, что не может быть полностью, без остатка, выражено в понятиях частных интересов, забот, стремлений»²¹¹. При этом, подчеркивает социолог, вторгнувшееся в общественное частное не перестает от этого быть частным. Теперь все общество становится вовлеченным в частные драмы, по крайней мере, в качестве зрителя. Частные проблемы значимых фигур подаются теперь как вопросы общественного плана. В силу этого, считает Бауман, типичный для демократического общества вопрос – насколько деятель выполняет свой общественный долг перед избирателями, потерял свою актуальность. А зачастую политика, по словам британского премьера Т.Блэра, оказывается сведена до «столбца сплетен»²¹².

Пожалуй что большинство нынешних лидеров в своей деятельности ставят на первый план именно частный интерес. Например, победивший на губернаторских выборах обычно думает о втором сроке. Не случайно он демонстративно активизирует свою общественную деятельность ко времени следующих выборов. (Возможно, это была еще одна причина, из-за которой губернаторов стала назначать Москва). Или тот же ответ А.Митрофанова Э.Лимонову, когда последний спросил, за что же хвалить министров Ельцина, разваливших страну. Митрофанов ответил – за то, что стали министрами в тридцать лет с небольшим. Об измельчании современных политических лидеров пишут многие исследователи, как здесь в России, так и за рубежом.

²¹¹ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С.47-48.

²¹² Там же. С. 78.

Отсюда Баумана не удивляет, что составляющие социальное большинство люди не проникаются особенно интересами общества. Обратная сторона индивидуализации – коррозия и постепенный распад гражданства. Навыки и интересы гражданина, которого всегда заботил баланс между личным и общественным, теперь выходят из моды. На первый план выходит идея, согласно которой смысл общественного интереса заключается в удовлетворении своего собственного.

Итак, что же мы можем предложить в качестве обобщающих заключений после рассмотрения наиболее интересных для нас теорий постмодернистской социологии?

У.Бек и З.Бауман, а также отчасти Э.Гидденс склонны отмечать индивидуализацию в качестве одной из самых заметных тенденций современности. Ее предпосылками является распад социальных связей, происходящий в новых социально-экономических и социокультурных условиях. Индивидуализация не отменяет стратификационных различий, но в определенной степени снижает их остроту, затрудняя процесс классовообразования. Последний, как известно, был главной надеждой сторонников марксистской позиции.

В то же время в концепции обоих мыслителей индивидуализация не свидетельствует о снижении влияния общества в жизни человека. Скорее они говорят о перестройке этого влияния, которое произошло под воздействием естественного хода общественной динамики. Индивидуализация явилась не продуктом ослабления общества, а результатом новых веяний, исходящих от него. В какой-то степени социальное воздействие даже усилилось. Пожалуй, это имеет ввиду Бауман, приводящий следующие слова Ги

Деборда: «люди похожи на свою эпоху больше, чем на своих отцов»²¹³.

2.3. Новый общественный тип: теория и практика.

Выше мы рассмотрели взгляды некоторых признанных социальных теоретиков, склоняющихся к утверждению о наступлении новой эпохи в общественной действительности. В то же время можно утверждать, что точек соприкосновения между ними вряд ли больше, нежели принципиальных различий. Конечно, тут следует учитывать ряд обстоятельств. Начнем с того, что некоторых из них разделяет солидный временной промежуток. Если Джон Гэлбрейт и Алвин Гоулднер формулировали свои тезисы в шестидесятые, то наш соотечественник Владислав Иноземцев – в девяностые. Большими современниками являются Ульрих Бек, Ален Турен и Зигмунд Бауман, поскольку мы анализировали их работы, написанные в 80-90-е годы.

Безусловно, не только разница во времени подвигала этих мыслителей высказывать по сути дела противоположные идеи. Кое в чем тут «виновата» научно-методологическая база. Скажем, культурологическая ориентация Баумана, допускающая элементы столь любезного постмодерну субъективизма, весьма далеко отстоит от неопозитивизма Гэлбрейта, предпочитающего анализировать объективные факты, которые в избытке предоставляет экономическая сфера отношений.

Ну и, конечно, пару слов стоит сказать об идеологической позиции, которая временами все же пробивается через необходимую броню научной беспристрастности. Апологетика постиндустриализма в трудах В.Иноземцева порой мешает ему увидеть достаточно очевидные факты, о

²¹³ Бауман З. Текущая современность. СПб., 2008. С.140.

которых упоминали еще четверть века назад более критично настроенные ученые. А ведь еще патриарх постиндустриализма Д.Белл впоследствии отказался от тезиса по поводу того, что в скором времени править будут интеллектуалы (читай, «лучшие»). О тех же возможностях меритократии пытался высказаться Гоулднер, но уже с «левацких» позиций. Очень уж хотелось американскому социологу надеяться на недалекую в будущем победу над капитализмом.

Однако следует вернуться к обозначенному нами предмету исследования. Напомним, что нас интересует иерархический срез постиндустриальной теории. Через его анализ мы собираемся делать вывод не только о научной состоятельности этого подхода, которому в нынешние времена приходится, прямо скажем, нелегко. Еще мы полагаем, что даже отвергая ту или иную концепцию, не следует отказываться от нее полностью. Даже явно нежизнеспособная теория содержит крупицу истины. Так почему бы ею не воспользоваться?

Итак, если признать состоявшимся иной общественный тип, то следует констатировать победу нового иерархического принципа над старым. Вспомним, что индустриализация сопровождалась успешным наступлением классовой стратификации, неуклонно вытеснявшей сословный принцип, присущий традиционному социуму. В нашем случае целесообразно начать с постановки вопроса – следует ли считать преодоленными капиталистические отношения? Последние репродуцируют классовую иерархию которая должна если и не сойти полностью на нет, то уж во всяком случае отступать под напором чего-то нового. Об этом нам и пытаются сказать авторы постиндустриальных теорий, в том числе и рассмотренные в данной главе.

На наш взгляд из рассмотренных выше точек зрения имеет смысл вычленить следующие важные для нас положения.

1) Принципиально изменяется способ производства, упор смещается с промышленного производства на производство услуг. Новая роль теоретического знания, информации, интеллекта и т.п. означает новый этап социальной эволюции. По идее знания вытесняют деньги с позиции основного социального ресурса. Трансформируются управленческие структуры экономики и сама связь производитель – потребитель приобретает качественно новый уровень.

2) Размывание классовой иерархии, которое у одних авторов ведет к новым формам социального неравенства (Иноземцев, Турен), у других к дроблению социальных групп, порой доходящему до социальной атомизации (Бек, Бауман).

3) Индивидуализация, появившаяся в результате ослабления репрессивной функции правящих структур или вследствие размывания групповых (классовых) отношений, имеет субъективную сторону проявления. В некоторых случаях она заявляет о себе новой системой ценностей, суть которых заключается в том, что стремление к самореализации пользуется теперь приоритетом, а не материальные стремления, бывшие основным двигателем индустриального общества.

Нетрудно обратить внимание на логическую связь между всеми тремя приведенными тезисами. Новый способ производства предполагает ему соответствующий критерий распределения, воплощенный теперь в умственных способностях. Ну и, разумеется, вполне закономерны культурные изменения – если материальное производство потеснено экономикой знания, то это отражается распространением постматериальных ценностей. То есть появляется

все больше людей, мотивированных потребностями самореализации, а не банальным желанием набить карман.

Однако подобная теоретическая схема, лежащая в основе постиндустриальной картины социальной действительности, имеет одну слабость. Если серьезно поставить под сомнение хотя бы один элемент, окажется под вопросом вся эта логично выстроенная схема. Насколько подобная угроза реальна для постиндустриальной теории – это мы и собираемся выяснить далее.

Способ производства современного общества: традиции и инновации

Нам представляется уместным начать с рассмотрения социально-экономических сторон окружающей действительности. Другими словами, прежде чем задаваться вопросом, насколько в современном обществе сохранил свое влияние классовый способ социального распределения, следует рассмотреть современное состояние капитализма как способа производства.

Аргументы классиков постиндустриальной теории здесь достаточно определены и сводятся к следующему.

Начинает доминировать третичный сектор, основанный на производстве услуг. Работа в сфере услуг – это информационная деятельность, тем самым расширение сферы услуг способствует неуклонному повышению объема информации, а также ее социального значения.

Кроме того, параллельно происходят существенные сдвиги в области трудовой организации. На смену фордистской системе производства пришла постфордистская. Суть последней заключается в переориентации с массового потребителя на индивидуального. Отсюда следует необходимость более гибкого аппарата производства, а также управления и оплаты труда. В силу этого вертикальная структура предприятий начинает дезинтегрироваться, в ре-

зультате чего понижается уровень бюрократизации. Слишком быстро развивающаяся экономика не может интенсивно развиваться в условиях громоздкой управленческой структуры и многоуровневой бюрократии. Да и сами гигантские предприятия фордистского типа становятся все менее отвечающими веяниям времени. Вместо огромных и централизованных предприятий начинают доминировать относительно небольшие производственные организации, в которых занято не более нескольких сот человек.

Аргумент по поводу доминирования третичного сектора, как известно, представляет собой одно из фундаментальных оснований теории постиндустриализма. Фактически от него отталкивался Д.Белл, и к нему активно апеллирует российский последователь классика постиндустриальной концепции В.Иноземцев, на взглядах которого мы останавливались достаточно подробно. При этом названных ученых трудно упрекнуть в эмпирической скупости. Представляемая ими база данных выглядит довольно основательно.

И все же подобный аргумент серьезно уязвим для критики. Хотя следует сказать, что несогласие ученых больше касается конечных выводов, которые делают из предоставленных данных Белл и его последователи. Они, как уже неоднократно подчеркивалось, предпочитают говорить о наступлении новой постиндустриальной эры, коренным образом изменяющей все главные узлы общественных отношений.

Английский исследователь Фрэнк Уэбстер усматривает в подобном подходе классического постиндустриализма влияние, во-первых, эволюционизма, во-вторых, технологического детерминизма. В последнем случае он задается вопросом, а так ли уж правомерно определять технологии в качестве субъектов социальных перемен. Разве не могут сами технологии эволюционировать под воз-

действием определенных социальных сил? ²¹⁴ Как мы дальше увидим, подобные сомнения имеют под собой вполне основательную почву и высказываются отнюдь не одним Уэбстером.

Эволюционный рывок, усматриваемый постиндустриалистами в расширении сектора услуг, не поддерживается их оппонентами. Последние предъявляют целый ряд серьезных аргументов, сила которых нам представляется в том, что они отдают дань реальному положению вещей, а не академической традиции.

Итак, несогласные с эволюционными восторгами постиндустриалистов ученые обращают внимание на то, что третичный сектор не есть только прерогатива экономически развитых стран. Рост сектора услуг в странах третьего мира считается скорее показателем неблагополучия в экономике. Этот момент ставит не только под вопрос социальную ценность третичного сектора, но и доказывает, что для развития сферы услуг нет особой необходимости в индустриальной базе. А ведь последнее обстоятельство четко вытекало из эволюционной логики постиндустриальной теории - Белл и его сторонники считали необходимой предпосылкой наступления информационной эры (постиндустриализма) накопление материальных богатств.

Кроме того, оспаривается характерная для последователей Белла склонность разделять первичный, вторичный и третичный сектора. По мнению их оппонентов, подобное возможно исключительно на теоретическом уровне. Хотя сфера услуг и считается отраслью, производящей нематериальные и эфемерные продукты, пишет Уэбстер, занятость в ней не ограничивается третичным сектором. «Бухгалтера, работающего в банке, можно причислить к сектору услуг, бухгалтера, работающего на электронном заводе,

²¹⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 59.

- к индустриальному сектору, хотя работа, которую они выполняют, практически ничем не различается»²¹⁵.

Другой ученый Д.Гершуни еще в 70-е гг. (то есть в пору роста популярности постиндустриального подхода) доказывал, что сектор услуг не столько потребляет произведенные в промышленности ресурсы, сколько способствует развитию индустриального (вторичного) сектора. Тем самым делается обоснование системной связи между вторичным и третичным секторами. Как пишет упомянутый ученый «хотя он (третичный сектор) прямо и не производит материальных товаров, значительная часть его непосредственно связана с процессом производства в чуть более широком смысле слова. Например, распределительная, дистрибутивная индустрия сама по себе не производит материальных предметов, и все же она неотделима от производств этих предметов – если товары не будут продаваться, они не будут производиться. Также финансы и страхование способствуют развитию производства и приобретению товаров...» Хотя в 1971 году около половины всех занятых действительно работали в третичном секторе, менее четверти из них (23%) оказывали услуги непосредственно потребителю.²¹⁶

Теоретики постиндустриального общества не обратили внимания на обстоятельство, очень сильно ставящее под сомнение их тезис о расширении сервисной сферы. Дело в том, что сокращение занятости в промышленности при одновременном росте труда в сфере услуг имело место лишь в третью четверть XX столетия. После 1975 г. труд стал интенсивно вытесняться также и из сферы обслуживания. В настоящее время сокращение рабочих мест (так называемый «сброс» рабочей силы) затрагивает третичный сектор в ничуть не меньшей степени, чем остальные сектора. По-

²¹⁵ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 66.

²¹⁶ Цит. по: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.67.

мимо этого дало о себе знать такое явление как экономическое самообслуживание. Суть его в том, чтобы приобретать предметы, которые реально могут заменить услуги соответствующей службы. Например, купивший автомобиль человек будет меньше заинтересован в услугах автокомпании, служб такси и т.п. Но производство готовых автомобилей - дело именно промышленного сектора. Р.Каплинский приводит данные, согласно которым с 1954 г. по 1974 г. затраты людей на сферу обслуживания упали с 50-70% до 10-20%, в то время как на приобретение заменяющих товаров затраты выросли с 30-50% до 80-90%²¹⁷. Исходя из этих цифр, можно согласиться с теми, кто называет тезис о решении проблемы современной безработицы путем расширения сферы услуг постиндустриальным мифом.

Скорее вести речь нужно не столько о перераспределении рабочей силы внутри обществ, вступивших на постиндустриальный путь, сколько о расширении производственного потенциала в транснациональных масштабах. В свете данного обстоятельства становятся более ясными и подлинными причины как «деиндустриализации» нынешних стран - экономических лидеров, так и принимающей здесь угрожающие масштабы безработицы.

Наконец, несмотря на реальное увеличение масштабов «умственного» труда, физический труд по-прежнему составляет львиную долю рынка рабочей силы, причем даже в экономически развитых странах. Например, в Великобритании по данным на середину 90-х гг. именно физической деятельностью было охвачено около половины всех работающих индивидов.

Все эти рассуждения подвигают к выводу, что третичный сектор не следует рассматривать как свидетельство

²¹⁷ Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 285.

прогресса. Пожалуй, правильнее будет относиться к нему более нейтрально. Его рост обусловлен не только эволюционными причинами, как мы увидим далее, все значительно сложнее. Ф.Уэбстер прав, когда высказывает предположение формационному подходу перед постиндустриальной теорией. «Не существует никаких имманентных причин, - пишет упомянутый ученый, - по которым рост числа специалистов, пусть даже резкий, должен привести нас к выводу, что наступает новая эра. Например, представляется вполне разумным предположение, что если, скажем, модель собственности в промышленности остается прежней, а динамика развития экономики – постоянной, то и система – отвлечемся от проблем занятости - тоже остается прежней. Никто ведь не предложил считать, что такая страна как Швейцария, в значительной степени зависящая от банковского дела и финансов, представляет собой совершенно иное общество, чем Норвегия и Испания, где работники сосредоточены в совершенно других сферах занятости. Все три – определенно капиталистические общества, какими бы внешними признаками они не отличались друг от друга»²¹⁸.

Что касается аргумента под названием «постфордизм», то и он вызывает лишь частичное согласие авторов, считающих, что частная собственность, рынок, корпоративизм все так же господствуют и в современных социально-экономических отношениях. Например, Уэбстер не спорит по поводу существенных изменений в структуре и методах управления. Тем не менее он считает более оправданным термин «неофордизм», а не «постфордизм», поскольку преемственности в современном состоянии общества все же значительно больше, нежели перемен. «В таком случае получается, - пишет он, - что неофордизм – это решитель-

²¹⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.58.

ная попытка перестроить и укрепить капитализм, совсем не означающая его вытеснения»²¹⁹.

Гибкость производственных структур есть следствие реакции экономических акторов на глобальные тенденции. Последние полвека проходят под знаком постоянного стремления корпораций к мировому уровню. «Действительно, производит впечатление, что очень много корпоративных лидеров первых десятилетий XX века продолжают удерживать передовые позиции в современной глобализированной экономике, например, *Ford, General Electric, Shell Oil, Siemens, Proctor and Gamble, Coca-Cola, IBM, ICI, Kodak, Philips, General Motors, Fiat*»²²⁰. Организующая производство корпорация, вынужденная применять более гибкие принципы управления, теперь предпочитает действовать через сеть дочерних предприятий, филиалов. Последние, несмотря на подвижный характер, все же подчиняются единому центру ТНК, который может находиться даже в другой стране. Тем самым Уэбстер считает поспешным утверждение о вертикальной дезинтеграции крупных корпораций. Руководство последних предпочитает сочетать горизонтальную и вертикальную интеграции, так как подобный способ весьма усиливает корпоративный контроль.

Наконец, один из основных критериев постфордизма - конец эры массового производства и переориентация на индивидуального потребителя, вызывает решительное несогласие у его оппонентов. Безусловно, выпуск потребительских товаров сильно вырос, ассортимент стал существенно богаче. Однако эта тенденция вполне вписывается в рамки традиционного массового производства для массового же потребителя. Не существует особой несовместимости массового и индивидуального потребления, считает

²¹⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.114-115.

²²⁰ Там же. С. 118.

Уэбстер. Совершенно не исключено использование массово произведенного товара для подчеркивания личной индивидуальности. Реальность такова, утверждает упомянутый исследователь, что выпускаемые на основе модулей потребительские товары следует рассматривать как целенаправленную стратегию корпоративных поставщиков. Это попытка удовлетворения потребностей покупателя в выборе в рамках массового производства²²¹.

Размывание классовой структуры: мифы и реальность

Теперь настало время поразмышлять над следующим тезисом постиндустриальной теории, который касается изменения иерархического порядка. Это положение логично вытекает из рассуждений по поводу изменения способа производства. Естественно, если принять во внимание интерпретацию постиндустриалистов относительно экономических сдвигов, то трудно будет предположить, что это никак не повлияет на стратификационную структуру. Другое дело, можно ли осмеливаться на утверждение о ликвидации классового порядка?

Напомним вкратце об аргументах сторонников постиндустриалистов. Рост социальной значимости теоретического знания или информации сам по себе предполагает удар по классовому разделению, в основе которого, повторимся, лежит принцип, сводимый к наличию материальных средств. То есть специалисты высокой квалификации, эксперты – вот кто ныне выходит на первый план в обществе нового типа. Материальные различия, конечно, не исчезают, но играют уже подчиненную роль. При этом Белл и его наиболее преданные последователи говорят о неизбежности изменений на всех стратификационных уровнях.

²²¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.117.

Что касается верхних слоев, то здесь интеллектуалы образуют новую элиту, потеснив владельцев крупного капитала. Нечто подобное происходило несколько веков назад во время промышленной революции, когда представители сословной аристократии не устояли перед окрепшей буржуазией. Но если тогда стал терять значение факт родовой принадлежности, уступая критерию материальной обеспеченности, то теперь деньги отступают под натиском интеллектуального критерия. Д.Белл с ходу выдвигал тезис о меритократии, но затем отказался от него. Впрочем, он мог это сделать без «потери лица», на то ему давало право весьма осторожное название его главной книги «Грядущее постиндустриальное общество». Как нам представляется, большего снисхождения заслуживает ошибочный прогноз, чем искаженное описание настоящего.

А вот отечественному последователю Д.Белла В.Иноземцеву идея меритократии явно пришлась по душе, как следует из приведенного в этой главе анализа его концепции. Правда, российский мыслитель расставляет несколько иные оценочные акценты. Однако он убежден, что именно интеллектуальные способности будут определять статус и положение человека в постэкономическом обществе. При этом новый иерархический порядок будет вызывать не так много нареканий со стороны общества, поскольку больше всего соответствует естественному ходу вещей, а, стало быть, ближе всего к справедливости. Низшие слои ждет весьма незавидная участь. Они менее конкурентоспособны, кроме того, количественно сокращаются – ведь автоматизированный труд все более вытесняет физический.

В своих рассуждениях Иноземцев затронул и субъективный аспект – нашедший свое призвание квалифицированный специалист не будет считать себя эксплуатируемым, соответственно, общественный порядок потеряет

свою классовую сущность в сознании наиболее значимых социальных групп.

Как нам представляется, именно это место составляет наиболее слабое место в обороне сторонников Д.Белла. Как раз здесь классический постиндустриализм дальше всего отходит от науки, приближаясь к идеологии. Трудно не согласиться, что рисуемый Иноземцевым тип стратификации более справедлив (и, наверное, был бы более эффективен), чем та же самая классовая иерархия. Но ведь совсем не одно и то же сильно хотеть чего-то и то, что происходит в действительности. Если мы идеализируем того человека, с которым живем, то это можно понять и оправдать как с точки зрения обыденного сознания, так и в том плане, что это не выходит за рамки личной проблемы. Но вот когда рассуждения касаются социального состояния в целом, тем более такого важного аспекта как иерархия, тут следует быть более осторожным и ответственным.

Однако что же именно нас не устраивает в подобном теоретическом раскладе? Во-первых, представляется поспешным исходный тезис постиндустриалистов о том, что деньги теряют статус основного социального ресурса, уступая эти позиции теоретическому знанию.

Чтобы проиллюстрировать несогласие с подобным утверждением приведем отрывок из романа А.Константинова «Арестант» из цикла «Бандитский Петербург». Несмотря на детективный жанр, этот писатель весьма глубоко разбирается в реальной сути нынешних социальных процессов, о чем говорят его работы, относящиеся к области аналитической публицистики. Итак, приведенный отрывок – диалог между главным героем журналистом Андреем Обнорским, пишущим на криминальные темы, и банкиром Николаем Наумовым, по сути дела, на теневом уровне курирующем мафию Санкт-Петербурга. Предмет разговора в описываемый момент - пропавшие деньги, 60 мил-

лионов долларов, о месте нахождения которых знает Обнорский.

«Наумов раздавил в пепельнице наполовину выкуренную сигарету и сказал:

- Деньги - это кровь Системы. Это ее воздух. А ты наивно попытался отобрать эту кровь и этот воздух. Глупость это... мальчишество. Пока ты и твои коллеги пишете статейки обличительные и коррупционеров разоблачаете с гневом праведным – тебе же никто не мешает. Пиши сколько влезет! Но ты попытался деньги взять! А вот это – хрен! За это придется ответить. Ты сам сделал себя заложником. И будешь им до тех пор, пока мы не найдем и не получим свое обратно.

Обнорский, не спрашивая разрешения, взял сигарету из пачки «Мальборо», щелкнул крышкой «Зиппо» и прикурил.

- Зачем же вам столько денег, Николай Иванович? – спросил он с иронией.- Вы же наверняка человек не бедный.

Наумов слегка прищурился: - Мне-то? А мне, Андрюша, много не нужно. Достаточный уровень комфорта я обеспечил. Яхты, ванны из золота, виллы на Багамах считаю ерундой... Деньги интересны только как мощный управленческий рычаг. Как инструмент власти.

- Понятно, - выдохнул дым Обнорский. – но власть-то ради чего? Во имя чего?

- А власть, Андрей Викторович, сама по себе ценность. Возможно – единственная абсолютная ценность. Ясно?

- Нет, - честно ответил Обнорский.

- Вот в этом-то основная разница между нами». (Источник: Константинов А., Новиков А. Арестант: Роман. – Изд. Дом «Нева», СПб. 2003. с. 185).

В этом художественном отрывке, на наш взгляд, значительно точнее указываются нынешние социальные приоритеты, чем это выглядит в некоторых теоретических построениях, отдающих утопией. Как российская, так и зарубежная действительность имеет множество фактов, заставляющих очень сильно сомневаться в утере деньгами стату-

са основного ресурса. Мы уже писали, что тот же самый милый сердцу постиндустриалистов интеллектуальный ресурс в нынешнем мире обусловлен материальными возможностями (платное образование). Или взять институты средств массовой информации. Безусловно, следует признать их гигантское значение в современном мире. Однако чтобы они заработали как информационные источники, нужна первоначальная материальная база, причем весьма основательная. Особенно в этом плане показательна судьба российских СМИ в середине 90-х гг. Некоторые печатные источники выдерживали прямую конфронтацию с правительственной администрацией, но оказались бессильными перед материальными трудностями, в силу чего попали под власть определенных бизнес-кругов («Независимая газета» в годы редакторства В.Третьякова).

Ряд известных исследователей склонны трактовать динамику функций денег совсем в ином направлении, чем это свойственно теоретикам постиндустриализма. Современный французский исследователь С.Московичи, развивая идеи Г.Зиммеля, пишет о том, что деньги стали превращаться из материально осязаемых предметов в символические знаки рыночного обмена, а затем, в условиях постмодерна, все большей на первый план стал выходить их семиотический смысл²²². Знаменитый теоретик постмодернизма Ж.Бодрийяр отмечает, что в современных условиях деньги-симулякры уже не отражают меновой стоимости и «освобождаются» даже от самого рынка, переставая служить в качестве его опосредующей абстракции. Отмена 1971г. золотого эталона стимулировала освобождение денег от реальной экономики. Существенный фактор устойчивости валюты был ликвидирован и произошел переход к «плавающим курсам», не связанным никакими реальными

²²² Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.

эквивалентами и действующим по собственным правилам. Причем деньги обращаются быстрее всех знаков, обращающихся в фазе экономического роста. С появлением так называемой виртуальной экономики финансовые потоки становятся самодостаточной реальностью, с которой мало соотносимы процессы в реальных экономических секторах. «Этот процесс, - утверждает Бодрийяр, - сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребность, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки»²²³. Отсюда следует, что современные деньги зачастую самовоспроизводятся и умножаются независимо от хозяйственной действительности.

Утратив (или разорвав) связь с реальной экономикой, семиотические деньги «превращаются в универсальный код, замкнутый на самого себя». Они становятся той самой всеобъемлющей основой, благодаря которой могут быть сопоставлены все остальные коммуникативные коды²²⁴. Как пишет Бодрийяр, все идет к тому, чтобы быть «вложенным в дело», причем не столько как рыночная, сколько как математическая категория, «должно стать не столько производительной силой, сколько фигурой на шахматной доске кода, подчиняясь общим для всех правилам игры»²²⁵.

Тем самым если в эпоху модерна деньги служили символом всех возможностей, то при постмодерне уже все социокультурные явления и процессы символизируют деньги. Известная своими исследованиями связей экономических и культурных явлений Наталья Зарубина пишет,

²²³ Цит. по: Зарубина Н.Н. Мифология денег в российском обществе //Общественные науки и современность. 2007, №4, С. 44.

²²⁴ Там же. С. 45

²²⁵ Там же. С. 45.

что в современном мире деньги стали восприниматься в качестве самостоятельной энергетической сущности, автономной от человека. «Это своего рода первоматерия и первознергия. Они же (то есть деньги, *примечание наше Ю.Т., М.В., В.В.*) определяют и законы Вселенной, превратившись в ее универсальную модель»²²⁶. При этом, как тонко замечает упомянутый ученый, уже не хватает рациональных способов для управления стихией денег, в силу чего популяризируются иррациональные магические методы воздействия на деньги, естественно, в плане их привлечения.

Исходя из этого, тезис об отходе денег на второй план представляется весьма поспешным и нуждающимся, как минимум, в основательной корректировке. Скорее, деньги не столько потеряли свое былое значение, сколько в ряде сфер стали действовать более скрытно, но не с меньшей силой. Виртуальная экономика и «плавающие курсы» поставили вопрос о рассмотрении денег уже в глобальном измерении. И к этой проблеме мы вскоре еще вернемся.

Чтобы не оказаться недопонятым, уточним – сомнения вызывают не сами тенденции, которые намечают Д.Белл, В.Иноземцев и другие их сторонники. Информационная революция, как и революция менеджеров, вполне имела место. В связи с этим потребность общества в интеллектуалах безусловно возросла со всеми вытекающими отсюда последствиями для социальной структуры. Проблема в той степени значения, которую придают этим процессам постиндустриальные теоретики, явно склонные к преувеличению масштабов. Ведь не так-то просто поколебать господство крупных собственников, которые прочно занимают определенную нишу мирового рынка вот уже несколько десятилетий. На это обстоятельство в том числе

²²⁶ Зарубина Н.Н. Мифология денег в российском обществе //Общественные науки и современность. 2007, №4. С.46.

указывал Ф.Уэбстер, которого мы цитировали на предшествующих страницах.

Чтобы сложившаяся в нынешнем капиталистическом обществе иерархическая структура всерьез оказалась под вопросом, необходимо принципиальное изменение правил игры. Другими словами, на смену капиталистическим отношениям, основанием которых служит всеобщий стоимостной эквивалент, должно прийти что-то совсем другое. А вот этого в обозримом будущем пока не предвидится. Хотя кое-какие слабые места в нынешней системе заявляют о себе и даже где-то усиливаются, анализировать их здесь смысла не имеет. Это тема совсем другой работы и вряд ли она будет опираться на методологию постиндустриализма.

Таким образом, мы солидаризируемся с выводом современного российского исследователя Н.Поляковой по поводу того, что современное общество остается промышленным и капиталистическим, хотя и приобрело ряд новых черт, не отменивших однако уже наличествующие качества²²⁷. Фактически то же самое утверждает Ф.Уэбстер, решительно отрицающий наступление нового общественного типа. Первичность рыночных критериев, товарное производство, наемный труд, наконец, частная собственность и корпоративная организация – все это говорит о том, что мы по-прежнему продолжаем жить в капиталистическую эпоху²²⁸.

Однако, как уже говорилось, мы вовсе не собираемся с ходу отвергать тенденции, о которых говорят нам сторонники постиндустриального подхода. Но для адекватной оценки значимости этих новых течений социальной жизни их следует рассматривать в контексте переработки капиталистическими условиями.

²²⁷ Полякова Н. XX век в социологических теориях общества. М., 2004. С. 373.

²²⁸ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 128.

Во-первых, представляется уместным сказать о коммерциализации знания, приобретающего стоимостную форму. Именно на это указывает известный постмодернистский философ Ж.Ф.Лиотар вполне в духе недавно рассмотренной нами концепции денег, как стихийной субстанции, формирующей современный мир. Как информационный товар знание значительно усиливает производительную мощь, создавая новое пространство для индустриальных и коммерческих стратегий. Апологет постиндустриального общества Д.Белл, поначалу предполагающий господство интеллектуальной элиты, затем вынужден был признать, что можно говорить лишь об ограниченном политическом влиянии ученых кругов, которое сводится к постановке новых проблем и предложении технических решений. С ним солидаризируется небезызвестный нам Зигмунд Бауман. Он пишет о том, что производителей знания небезуспешно пытается подчинить господствующий класс. Ведь современное государство заменяет легально-рациональную легитимацию соблазном и репрессией, средствами, требующими интеллектуально тренированных экспертов, недостатка в которых обычно не существует.

Обозначенная тенденция нашла отражение в объективных фактах, присущих многим индустриально развитым странам, а также тем, где индустриальный процесс повернут вспять политическими силами (речь идет о странах бывшего социалистического лагеря). Так, правительство Т.Блэра приняло закон о трехкратном повышении оплаты за обучение в Высших учебных заведениях и делающем его платным для всех.

Во-вторых, неправомерной абстракцией отдает утверждение о повышении статуса теоретического знания в целом. Правильнее было бы говорить о большей востребованности ряда профессий, связанных с умственным трудом, но опять же сюда относятся далеко не все интеллекту-

альные специальности. Собственно, об этом говорил уже Джон Гэлбрейт, взгляды которого приводились в начале данной главы.

Но каким образом следует дифференцировать более востребованный и менее востребованный интеллектуальный труд? Нам представляется, здесь следует учитывать ряд социально-экономических, политических и геополитических факторов. Например, публицист Сергей Ермолаев отмечает, что «главную роль в «интеллектуальном классе» США играют члены управленческого аппарата корпораций. Зато основная часть, например, американских профессоров остается за пределами наиболее преуспевающего одного процента, хотя имеет уж точно не меньше оснований принадлежать к числу избранных. Столь большие статусные несоответствия тех и других «интеллектуалов» всецело определяются положением в системе накопления капитала, так и оставшейся ключевым фактором социальной стратификации. В то время как настоящий ученый нацелен в первую очередь на развитие науки, топ-менеджер – даже с ученой степенью – тратит всего себя исключительно на обеспечение высоких прибылей компании. Нетрудно догадаться, кто из этих людей нужнее для капиталистов и может рассчитывать на куда большее вознаграждение»²²⁹.

Представляется уместным следующий пример, теперь уже российской действительности. В еще не всеми забытой советской эпохе профессии бухгалтера и учителя были несравнимы в плане общественной значимости. Это отражалось как с позиции оплаты труда, так и с точки зрения общественного мнения. Учитель получал больше, да и был куда более уважаем с позиции общественного мнения. В постсоветской России ситуация изменилась прямо противоположным образом. И это закономерно произошло в результате смены приоритетов самой общественной системы. Советское общество больше ценило учителя, так

²²⁹ Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_2012.html

как делало ставку на развитие производства, дальнейшую индустриализацию. Было необходимо наличие грамотных людей, отсюда – потребность в подготавливающих специалистах, которые, помимо чисто образовательной, выполняли еще и воспитательную (читай, идеологическую) функцию. Вспомним, сколь большой вес имела идеология в СССР.

Рыночная среда современной России специфична тем, что в ней превалирует торговля, а не производство, да и той и другой отрасли не дают особо «дыхнуть» различные контролирующие инстанции. Тем самым прибыль – естественное стремление любого капитализма – получается преимущественно не за счет производительности труда, но за счет ухода от налогов. Вот тут-то и может пригодиться хороший опытный бухгалтер, умеющий распределить активы и ресурсы предприятия должным образом. Что касается педагогических специальностей, то здесь картина весьма неприглядна. Идеологии вот уже который год практически не существует. Во всяком случае, эта сфера сейчас совершенно не главная. Потребность в образованных людях также упала, если обратить внимание на периферийный статус Российской Федерации. Образованное население, понимающее свои права – удел Западного общества, «центра» нынешней мировой системы, но никак не «периферии».

Продолжая анализировать изменения классовой структуры современного общества, следует обратить внимание на обстоятельство, о котором совершенно обоснованно говорят рассмотренные в этой главе социальные мыслители. А.Турен, Дж.Гэлбрейт обращают внимание на изменившуюся роль профсоюзов. Последние уже не могут считаться организациями, отстаивающими интересы рабочего класса, а превратились просто в элемент управленческой структуры. Подобный процесс вполне вписывается в логику корпоративного расширения, о чем мы говорили несколько ранее. Гигантские организации, раскинувшие свои щупальца в виде филиалов, дочерних предприятий во многих частях мира – вот реальность нашего времени.

В анализируемых выше работах, стремящихся к обоснованию принципиальных изменений общественного порядка, встречается своеобразный социокультурный подход. Его придерживаются в основном социологи постмодернистской ориентации. Согласно данному подходу общество потребления сводит классовые различия к различиям в жизненных стилях (Бауман). Конечно, определенному выравниванию (по большей части в психологическом плане) общество потребления содействует. Это неслучайно. Ведь его главной предпосылкой является массовое производство, неразрывно связанное с массовым потреблением. Элитное потребление теперь поддерживается особыми (эксклюзивными) моделями вещей и формами сложных дорогостоящих услуг, насыщенных особой эстетикой.

Отечественный исследователь В.Радаев, ссылаясь на современного классика французской социологии Пьера Бурдьё, склонен утверждать, что подобная дифференциация – не что иное, как отражение того же классового неравенства. Стиль жизни – это символическое выражение определенной классовой, а стало быть иерархической, позиции. «Стили жизни оформляются в отношении друг к другу как обусловленные различия в практиках действия разных классов, которые оцениваются не только с точки зрения масштаба и структуры потребления, но и наделяются определенным символическим смыслом и уровнем престижа – считаются «благородными» или «вульгарными», «полезными» или «вредными», «развивающими» или «ведущими к деградации». Они используются не только как средство достижения общности, но и как инструмент социального дистанцирования от других классов и их субординации»²³⁰.

²³⁰ Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы. // Социологические исследования, 2005, №1. С. 11.

В нашем городе Краснодаре существует целая сеть заведений питания. Если рассматривать ее целиком, то оказывается, что она рассчитана на охват подавляющего большинства жителей. Однако малообеспеченный человек может позволить себе разве что закусочную или, как максимум, средней руки пиццерию. Он может не отдавать себе отчет – насколько цены в дорогом кафе «Прима Вера» отличаются от цен ресторанов «Милан» или «Кагалым». Причина проста, он воспринимает эти заведения как себе «не по карману». То же самое касается сети магазинов «Секонд Хенд» и престижных бутиков. Так же точно обеспеченный человек может не знать, например, стоимость проезда в общественном транспорте. В Москве где-то в 2007г. был такой случай. Служащие уровня «белых воротничков» обратились к руководству города с требованием оборудовать в поездах метрополитена особый вагон повышенной комфортности (с баром и т.д.). Им, владеющим личным транспортом, необходимо было как-то решать проблему дорожных заторов или «пробок». Это обращение было продиктовано не столько их привычкой к комфорту, сколько их иерархическими аспектами их группового сознания – если мы и «опускаемся» до общественного транспорта, то мы обязательно должны выделяться среди остальных людей.

Как представляется, если бы проблема социального неравенства действительно двигалась к своему решению, как пытаются это представить теоретики постиндустриализма и постфордизма, это вызвало бы скорее одобрение, но не озабоченность современных левоориентированных социологов. Однако последние десятилетия прошли под знаком своеобразного ренессанса социалистической мысли, которую явно не устраивает сложившееся положение дел. Например, Андре Горц призывает отвергнуть гигантские производственные организации, поскольку их масштабы, вертикальная структура фактически отсекают рабочих от управления предприятиями. Элементы самоуправления легче внедряются на мелких и средних фирмах.

Кроме того, необходимо что-то делать со сферой собственно социальных, культурных, политических отношений, которые все больше подчиняются «логике прибыли». Последняя должна господствовать исключительно в экономической области, не выходя за ее рамки²³¹.

Другой французский мыслитель-социалист А.Лефевр указывает на мировое расширение капиталистического способа производства, что ведет к пространственному социальному неравенству. Отмечая усиление как «внешней», так и «внутренней» колонизации, произошедшее в силу глобального разделения труда, Лефевр предлагает собственный способ борьбы с этими явлениями – усиление регионального и местного самоуправления²³².

Итак, что касается тенденций по поводу классовой иерархии, то на основании критического анализа положений, предоставленных сторонниками постиндустриализма, мы можем сказать следующее.

1)Классовая иерархия безусловно сохраняется, ибо по-прежнему главным дифференцирующим признаком, определяющим принадлежность к страте являются деньги. При этом деньги не только определяют возможности доступа к материальным благам, но выступают средством достижения социальных ресурсов иного вида. Речь может идти об административном влиянии (финансирование предвыборной компании) или расширении культурного капитала (престижное образование).

2) Господствующий класс в целом сохранил свои позиции. Ряд рассмотренных нами ученых в связи с повышением статуса знания пишут о появлении «класса интеллектуалов» (Д.Белл, В.Иноземцев), «культурной буржуазии» (А.Гоулднер) как дистанцирующихся от страты собствен-

²³¹ Социализм в перспективе постиндустриализма. Под ред. Е.А. Самарской. М., 1999. С.196.

²³² Там же. С. 225.

ников и даже в чем-то противостоящих им. Однако реальность в целом опровергла эти предположения. Скорее следует говорить о том, что индустриальная элита, состоящая в основном из крупных собственников, под влиянием меняющихся условий вынуждена была «открыться» и действительно допустить в свои ряды некоторое количество экспертов, наиболее подготовленных и (самое главное) *нужных* специальностей. О том, что подъем социальной значимости теоретического знания имел избирательный характер, совершенно оправданно писал уже Дж.Гэлбрейт.

Кроме того, современные исследователи (Б. Кагарлицкий) констатируют классовую дифференциацию в самой интеллектуальной среде, что еще раз подтверждает тезис о том, что в новых условиях (не столь принципиально в данном случае называть или не называть их постиндустриальным обществом) оказались востребованными далеко не все носители ресурса знания.

3) В то же время постиндустриалисты не совсем ошибаются, когда говорят о размывании классов. По крайней мере, этот тезис можно разделять, если принять во внимание два условия. Первое, рассматривать классы не просто в качестве страт, а как конкурирующие друг с другом группы. Второе, ограничиться рассмотрением ситуации в нижестоящих классах. Нам представляется, здесь ближе всего к истине оказывается Ален Турен. Он утверждает, что рабочие группы сохраняются, но они не имеют уже того потенциала борьбы, которым отличались рабочие индустриальной эпохи. Тут следует отметить несколько причин. С одной стороны идет процесс расслоения пролетариата, с другой стороны оказывает влияние упадок профсоюзного движения, наконец, с третьей - воздействие культуры потребления, щедро расточающей ранее недоступные (в том числе и по причине запрета), а теперь вполне реализуемые соблазны.

Таким образом, можно констатировать размывание не пролетарских классов как таковых, но классового сознания. Рабочие все более становятся «классом в себе», забывая о том, что когда-то они являлись «классом для себя».

Индивидуализация: отчуждение или самореализация?

Наконец, третий отмеченный нами тезис в результате анализа постиндустриальных теорий – индивидуализация. При этом напомним, что у разных авторов она приобретает специфическую окраску. На этом моменте хотелось бы остановиться особо и вот по какой причине. Сложилось впечатление, что проблема свободы-несвободы личности в современном обществе является наиболее неоднозначной и противоречиво толкуемой. Как нам представляется, в ходе процесса формирования позиции по данной проблеме трудно совершенно исключить влияние идеологических предпочтений.

Владислав Иноземцев предпочитает говорить о сдвигах во внутриличностной системе предпочтений, обозначая это термином постматериалистические ценности. Но эти сдвиги характерны лишь для весьма незначительного в количественном плане сообщества экспертов-интеллектуалов. Не имеющие материальных проблем, они могут себе позволить деятельность, что называется, «для души» и занимаются этим, совершенно дистанцируясь от проблем эксплуатации, классового сознания, социальной несправедливости и т.п.

З.Бауман и У.Бек больше видят здесь социально-психологический феномен, возникший как комплексный результат ослабления традиционных связей, а также репрессивных функций государства. Таким образом, индивидуализация (самоопределение) здесь носит во многом вынужденный характер. Фактически индивид оказывается один на один со средой, настроенной не особенно друже-

ственно. Но возможно как раз здесь проявятся все сильные стороны конкретного человека и произойдет подлинное самоопределение.

Кое в чем оказываются близкими по смыслу рассуждения А. Турена. С его точки зрения в силу преимущественно объективных причин происходит дробление социальных групп, что ведет в некотором роде к социальной атомизации. Типичный для индустриальной эпохи классовый конфликт уступает место противостоянию индивид - общество. Но французский социолог не усматривает здесь расширения индивидуальной свободы. Скорее следует говорить о большей детерминированности человека самыми различными структурами программируемого общества. Получается, что в этом случае индивидуальность человека используется с целью его подчинения. Ведь не связанное общими групповыми интересами сознание легче переориентировать в нужном для общественной системы направлении.

Во многом солидарен с Туреном итальянский мыслитель Франко Ферраротти. Он констатирует расширение корпоративного могущества, которое сопровождается усилением информационных средств. В результате происходит скорее потеря личностной идентичности, чем расширяются возможности самоопределения. Главная проблема современности – отчуждение человека от самого себя, собственная личность сводится к набору ролей в системе обмена и организации. Ферраротти уже считает возможным говорить о конфликте человек – глобальные общественные структуры.

Наконец, имеет смысл упомянуть точку зрения, высказанную на XVI Всемирном социологическом конгрессе, состоявшемся летом 2006 г. в Дурбане (ЮАР). Британский социолог Н. Гаин предложил концепцию «постчеловека», весьма благосклонно принятую другими участниками упо-

мянутого мероприятия. Этот исследователь, не считая ликвидацию модернистского проекта состоявшейся, даже отмечает его социетальное расширение. «Постчеловек» - это индивид, деятельность которого попросту немислима без интеллектуальных машин – «объекты и технологии до такой степени увеличивают власть над нашими жизнями, что мы более не можем рассматривать людей как полновластных агентов. По мнению Гаина, именно «постчеловек» является атрибутом современности²³³. Но в итоге оказываются утеряны собственно социальные качества и индивидом, и обществом.

Думается, мы привели уже достаточно авторитетных мнений для иллюстрации того, насколько данный вопрос является по-разному трактуемым. И ведь у всех точек зрения (порой очень разных) имеются собственные аргументы. Стоит подумать, нельзя ли привести подобные разноплановые позиции к общим основаниям?

На наш взгляд, следует обратить внимание на довольно плодотворные рассуждения англичанина Э.Гидденса, признанного классика современной социологии. В рамках собственной концепции «радикального модерна» им отмечается многократно возросшая скорость изменения общественных процессов. Подобное явление обозначается как «ускользающая реальность». В этих условиях изменяется природа социальных институтов – нарушается структурно-функциональная целостность, происходят разрывы социальной преемственности. Социум реагирует на подобные разрывы тем, что усиливает институциональную и индивидуальную рефлексивность. По выражению Гидденса, рефлексивность понимается «не просто как «самосознание», но как наблюдаемое свойство и характер-

²³³ Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. Монография. М., 2007. С. 61.

ная особенность движущегося потока социальной жизни»²³⁴.

В связи с этим жизненный путь личности теперь выступает как отдельно взятый временной сегмент, мало связанный с преемственностью поколений. Жизненные ориентиры, внушенные в процессе воспитания, все меньше помогают при разрешении субъективных кризисов. Однако это вовсе не означает субъективное дистанцирование индивида от социального контекста. Чтобы адаптироваться к «ускользающим» общественным реалиям, индивиду следует еще в большей степени, чем ранее, овладеть социальными отношениями и обстоятельствами, включая их в плоть собственного «Я»²³⁵. Специфика ситуации заключается в том, что в современном мире человеку полагается самому делать постоянные выборы в динамично меняющемся обществе. И это обстоятельство во многом предопределяет индивидуальную судьбу.

Заслуживают внимание рассуждения признанного авторитета современной германской социологии Ю.Хабермаса. По его мнению, самоопределение человека во многом происходит через общественную коммуникацию. Свободная дискуссия граждан есть сфера доминирования так называемого «жизненного мира» или субстанциональной рациональности, несущей гуманистический смысл. При этом коммуникация зачастую несла позитивный результат, стимулируя конструктивные общественные преобразования. Хабермас констатирует зарождение еще в эпоху утверждения капиталистических отношений так называемой «публичной сферы». Последняя, будучи независимой от политических институтов (в первую очередь

²³⁴ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003. С. 40.

²³⁵ Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. Монография. М., 2007. С.46.

государства) и экономических сил, предоставляла возможность рационального обсуждения любой общественной проблемы, исходя из информационного обеспечения широкой публики.

Но по мере развития буржуазных отношений, стремления крупного капитала к контролю над государственными институтами, публичная сфера теряет свою независимость. Результатом становится доминирование не субстанциональной рациональности, а так называемой формальной рациональности, лишенной гуманистического содержания. Теперь основной функцией публичной сферы становится формирование общественного мнения в соответствии с частными интересами. Отсюда отмечается современный упадок публичной сферы – «пресса становится средством рекламы и берет на себя функции пропаганды». Ее коммерциализация выражается в переориентации широких масс с обсуждения социальной проблематики на потребление. «Касается ли дело издательств, прессы или играющего более важную роль телевидения, все они сегодня поработаны, их задачей стало прославление капиталистического образа жизни»²³⁶. Между тем подталкивающая аудиторию к «непрерывному потреблению» развлекательная продукция содержит ничтожно мало реальной информации.

Получается, что природа человека так или иначе деформируется под воздействием динамики общественных институтов. При этом, что многими исследователями констатируется (и во многом справедливо) разрыв традиционных связей, ставший результатом ликвидации социальных групп, в некотором роде индивид стал еще менее свободен. Его закабалением теперь занимаются институты социального, а то и глобального характера. Тем самым социо-

²³⁶ Там же. С. 223.

центристский подход отнюдь не потерял актуальности в современной социальной мысли.

В то же время большинство индивидов действительно получают возможность самоопределения. К такому выводу нас подталкивают весьма тонкие наблюдения Андре Горца. Он пишет, что современный труд служит не реализации личности, а в большей степени проявлением ее подчинения разделению труда и производственной иерархии. Самореализация современного человека происходит скорее в сфере досуга, свободного времени²³⁷. Действительно, такой вывод представляется очень даже заслуживающим внимания, особенно в контексте «общества потребления». Последнее принято трактовать как порождение «бегства» человека из сферы рутинного отчужденного труда в царство «потребительской свободы». А ориентация на расширение границ потребления становится своего рода компенсацией ограниченных возможностей самореализации в процессе деятельности другого рода (например, профессиональной)²³⁸.

В.Радаев справедливо констатирует в современном обществе тенденцию потребительской гонки. Она обусловлена инновационной динамикой, затронувшей и товарное производство. Появление все новых усовершенствованных модификаций товара становится непрекращающимся процессом. Это не может не оказывать влияния на действия потребителя. Так, раньше критерием выбора среди товаров длительного пользования была надежность, способность функционировать долго. Теперь же этот признак утратил значение, так как устаревание продукта происходит значительно быстрее, чем его физический износ. Ради новой ве-

²³⁷ Социализм в перспективе постиндустриализма. Под ред. Е.А. Самарской. М., 1999. С.215.

²³⁸ Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы. // Социологические исследования, 2005, №1. С.14.

щи многие люди не колеблясь выбрасывают то, что может быть вполне еще пригодно к употреблению. В то же время психологическая сторона подобного явления имеет тенденцию к усилению – круг потребностей некоторых людей может расширяться очень быстро и непропорционально их реальным возможностям (см. пример на стр.141). Это неслучайно, ведь в зоне потребительского внимания всегда оказываются объекты, кажущиеся более привлекательными, чем недавно приобретенные.

Отсюда потребительская гонка начинает все сильнее определять ритм жизни и характер отношений. Многие семьи, чтобы не отстать в уровне потребления от других, прибегают к весьма распространенному в современном мире явлению - потребительскому кредитованию. Тем самым происходит переход от жизни на сбережения к жизни в кредит, что повышает зависимость семьи от регулярных источников дохода. Чтобы расплатиться за купленные в кредит вещи, необходима постоянная хорошо оплачиваемая работа. Потребитель уже как бы лишен возможности «выйти из игры». В итоге, обоснованно заключает В.Радаев, в структуре хозяйственной мотивации возрастает доля принуждения, что обусловлено потребительским выбором.

Одновременно с усилением зависимости от экономического статуса начинают меняться и некоторые жизненные установки. Социально-психологическая сторона феномена потребительства заключается в том, что процесс приобретения постоянно новых предметов и благ становится самоценным. Причем эта односторонняя зависимость от вещей и безудержное желание их приобрести «переживается человеком как подлинная свобода». Однако подобный «суверенитет потребителя» во многом носит мнимый характер, человек становится зависимым от возрастающего и умело структурированного предложения товаров и спосо-

бов их навязывания с помощью рекламы и раскрученных брендов. Кроме того, как указывал еще Маркузе, потребительство заодно может выступать как средство социального контроля, предписывая человеку определенные действия²³⁹.

Но как все-таки следует трактовать проблему свободы - несвободы применительно к современной социальной действительности? На основании вышеизложенного нам представляется уместным высказать следующее соображение. Повиновение масс достигается посредством трех способов: принуждение, убеждение, соблазн. Первый способ теоретики обычно относят к авторитарному типу власти и политического режима. Второй – больше распространен при демократии (столь милой сердцу нынешнего истеблишмента) и том типе политического господства, который Вебер назвал рациональным. Наконец, третий способ, пожалуй, не столь давно стал привлекать внимание ученых, но последнее время активно набирает обороты, и в настоящий момент составляет значительное место в плане обеспечения устойчивости того или иного социального порядка.

Понятно, что при любом историческом и политическом типе можно найти следы использования всех трех способов. Какой из них будет превалировать, зависит от ряда факторов. Главными нам представляются геополитический и геоэкономический статус государства (и, соответственно, общества), характеристики правящего класса (сюда же можно отнести тип политического устройства или режима), специфика конкретной ситуации. Применительно к сегодняшней действительности, наверное, следует признать, что способ соблазна будет доминировать в той общественной среде, где феномен потребительства пустил

²³⁹ Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы. // Социологические исследования, 2005, №1. С 14-15.

наиболее солидные корни. Кроме того, хочется добавить следующее: вполне возможно, что потребление не единственный фактор распространения управления посредством соблазна. Свою роль здесь могла сыграть наука о человеке, собравшая немало антропологической информации и должным образом оценившая эффективность данного метода.

Таким образом, оценивая (вернее определяя) уровень «свободы» в нынешнем обществе, который ряд ученых характеризует как постиндустриальное, отметим следующие моменты. Вряд ли следует констатировать более свободно-го индивида на основании тенденции к индивидуализации. Последняя больше означает снятие (по крайней мере частично) обществом с себя самого ответственности за индивидуальную судьбу. Другими словами, человек теперь предоставлен самому себе, но при этом он вряд ли становится более свободным от общества, с чем особо не спорят некоторые рассмотренные в этой главе авторы (У.Бек). Возможно, что в условиях рынка определенные черты индивидуальности имеют больше шансов проявиться (или сохраниться) в составе традиционных групп. Оставшийся один на один с рыночной, бюрократической или какой-либо другой макросредой, индивидуальность может быть без остатка раствориться в этой среде. Наиболее отчетливый и массовый характер подобный процесс приобретает в сфере потребления.

К тезису о резко возросших возможностях личностной самореализации в современном постиндустриальном обществе следует относиться весьма осторожно. Это, вероятно, справедливо в отношении востребованных обществом профессий (например, программист), тогда как некоторые из других видов деятельности скорее сузили подобные возможности. Как в этом плане не вспомнить педаго-

гических работников, если учесть явную тенденцию к более узкой специализации.

Скорее всего можно согласиться с тем, что в современном обществе возросла квазисвобода, что по-другому означает видимость свободы. Если учесть в целом возросшее влияние информационных средств, умело манипулирующих общественными настроениями, то понятие «духовный тоталитаризм», предложенное С.Московичи, отторжения не вызовет. Индивид по-прежнему находится под жестким контролем, другое дело, что теперь этот контроль имеет в основном скрытые формы, не всегда осознаваемые социальным большинством.

Таким образом, можно утверждать наличие ряда явлений, которые зачастую выбиваются из методологии, предложенной как теоретиками развитого индустриализма, так и сторонниками точки зрения о наличии нового общественного типа. Это актуализирует обращение к группе теорий несколько иного методологического ракурса, но которые набирают стремительный авторитет в современном общественном сознании. Итак, какая же проблематика привлекает внимание?

Во-первых, социальная эволюция, о которой пишет ряд видных постиндустриалистов, имеет несколько «странный» характер. Вряд ли можно говорить о том, что произошло освобождение труда в результате автоматизации информатизации и компьютеризации хозяйственной деятельности. Наоборот, социологические исследования отмечают рост социально-экономических различий, а проблема безработицы в буквальном смысле получила «вторую жизнь». Общество «двух третей», как называли страны развитого индустриализма, трансформируется в общество «одной трети», а по другим данным - в «общество 20:80».

Особое внимание вызывает столь популярный тезис о деиндустриализации. Крупный политэконом Маршалл

Голдман утверждает, что в современных условиях информатизации и компьютеризации промышленное производство не утрачивает своего значения. Безусловно, производство тех же компьютеров и программного обеспечения требует новых видов, но опять-таки индустриального производства. Это ставит вопрос скорее о расширительном толковании нынешней индустрии в пространственном смысле. Речь идет о производстве, которое приобретает теперь наднациональный уровень.

Во-вторых, явно выходят за рамки национальных границ тенденции классовообразования. Как пишет отечественный исследователь стратификационных процессов Овсей Шкаратан, в 1990-2000-е гг. произошли «серьезнейшие трансформационные процессы, принципиально меняющие систему социальных отношений, а также позиции и облик социальных групп в наиболее развитых странах, перешедших в *постиндустриальную* (выделено авторами Ю.Т., М.В., В.В.) стадию развития. Именно в это время начинает складываться транснациональный капиталистический класс»²⁴⁰.

В то же время заслуживают быть отмеченными процессы классовообразования на более низких этажах социальной иерархии. С одной стороны, действительное расслоение традиционного среднего класса, составлявшего общественное ядро в индустриальную эпоху – выделение «золотых» воротничков и нисхождение основной части «белых» воротничков фактически до уровня рабочей страты. С другой стороны, дифференциация в средних слоях происходит и в межгосударственном разрезе. Во-первых, углубляются различия в уровне благосостояния (например, уровень доходов далеко не всех представителей российского среднего

²⁴⁰ Шкаратан О.И., Иняевский С.А. Новый средний класс на Западе (Полвека дискуссий, полвека перемен)// Общественные науки и современность. 2007, № 4. С. 64. .

класса оказался бы достаточным для попадания в американский средний класс). Во-вторых, качественный состав среднего класса также меняется от общества к обществу. Если в странах первого мира с развитой экономикой средний класс составляют преимущественно служащие, то в посткоммунистических странах это в основном представители малого и среднего бизнеса.

В-третьих, основанная на деньгах-симулякрах виртуальная экономика хотя и теряет связь с реальной экономикой, тем не менее заявляет о себе в качестве значимого социального фактора, причем, в глобальном измерении. Игра плавающего курса международной спекулятивной валюты способна обрушить любую реальную экономическую сферу и любую национальную экономику. Можно вспомнить многочисленные дефолты национальных валют в 90-е годы прошлого столетия.

В-четвертых, социокультурная реальность становится все более противоречивой. Все более обособляясь от человека (в плане избавления от контроля с его стороны), общество не только сохранило свое принуждающее значение, но и сделало его в чем-то более жестким и непререкаемым. Ведь эта реальность приобретает теперь вид, куда превышающий прежние рамки. Например, будучи советскими людьми, мы ощущали воздействие правительственной пропаганды, которая при всей ее масштабности все же не ощущалась в глобальном качестве. Сейчас же пресловутые «общечеловеческие ценности», «политкорректность», «толерантность» отнюдь не воспринимаются как исключительно национальная прерогатива. Тут приходится принимать во внимание целое мировое сообщество с его общей нетерпимостью ко всякого рода фашизму, расизму и т.п.

Все эти моменты, как представляется, находят свое прояснение в теориях глобализации, на которых необходимо основательно остановиться в следующем разделе.

Глава III Теория и практика глобализма

Предыдущая глава, где были довольно кратко рассмотрены теории, склонные к утверждению нового типа общества, дала некоторые основания констатировать здесь основательный разброс мнений. Интересно, что этот разброс по большей части вызван попытками разной интерпретации одних и тех же социальных фактов. Мы склонны прислушиваться к мнению тех исследователей, которые считают поспешным заявлять о наступлении новой эпохи. В частности Уэбстер говорил о необоснованном приоритете идеи изменений над идеей преемственности, чем грешат теоретики постиндустриализма. Последние обычно приписывают роль основного общественного ресурса информации, объемы которой ставят вопрос о новом типе социальных отношений. Однако информатизация общества хоть и имеет место, но, что называется, сама собой с неба не упала. Она не только дает толчок общественным отношениям, но и сама порождена ими, а конкретно капитализмом.

Но жизнь действительно меняется, и капитализм меняется тоже. Победив в ходе противостояния двух систем, капитализм получил возможность подчинить большую часть мира своим организационным принципам. Современный капитализм – это прежде всего транснациональные корпорации, конкурирующие между собой на глобальном уровне. А глобальный экономический субъект нуждается в рекламе, информационных технологиях, корпоративном планировании, маркетинге, словом, в информатизации. Однако подобное обстоятельство вовсе не является поводом к ознаменованию эпохи нового типа социальных отношений, которому даже нет пока четкого определения. К.Кумар имел основания заявить, что информационный взрыв не произвел никаких радикальных сдвигов ни в том, как организованы индустриальные общества, ни в том, ку-

да направлено их развитие. По его мнению, продолжают господствовать те же императивы получения прибыли, власти и контроля, как это присуще капиталистическому обществу. «Различие не в самих принципах его организации, а в том, насколько широко и последовательно они применяются»²⁴¹.

Однако современный капитализм имеет отчетливый налет западной культуры. Отсюда совсем неудивительно то, что и глобализация «равносильна торжеству того, что можно было бы назвать цивилизацией бизнеса»²⁴². Мировое информационное пространство в культурном отношении гораздо ближе к западным ценностям, чем к каким-либо другим. Хотя, наверное, подобное утверждение сейчас звучит как банальность. Экономический механизм нуждается в определенном культурном обосновании, пусть даже в виде «общественной надстройки». Однако культурное многообразие мира оказывается бессильным перед объективными принципами, жестко навязываемыми победившим капитализмом. По мнению Фрэнка Уэбстера, современный мир вынужден следовать целому ряду общих принципов, звучащих следующим образом.

- Способность платить является твердым критерием, определяющим доступ к товарам и услугам.

- Услуги будут предоставляться чаще не общественными службами, но частными фирмами.

- Жизнеспособность товаров и услуг будет определяться в первую очередь на основе рыночных критериев; выживет то, что приносит прибыль, а то, что приносит убытки – исчезнет.

- Основным способом регулирования рынка будет конкуренция в противоположность административным мерам.

²⁴¹ Kumar, Krishan. From Post-Industrial to Post-Modern Society: New Therios of the Contemporary World. Oxford: Blackwell., С.154.

²⁴² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 367.

- Товарные отношения, то есть отношения, которые регулируются спросом и предложением, станут основной нормой.

- Частная собственность будет преобладать над государственной.

- Наемный труд станет основной формой организации трудовой деятельности²⁴³.

Насколько критично следует воспринимать подобные положения, станет более понятно по ходу дальнейшего изложения концепций глобализации. Методологически концепция глобального капитализма имеет существенные различия с постиндустриальной теорией. Во-первых, объект исследований постиндустриалистов ограничивается по сути дела развитыми общественными системами, тогда как сторонники теории глобального капитала стараются охватить вниманием всю сферу современных экономических процессов, зачастую видя здесь своеобразную мир-систему. Во-вторых, большинство работ апологетов постиндустриализма невольно принижает значение политического фактора. Как видится, нередко это происходит в силу изначального представления об обществе, как о естественным путем развивающемся организме. Продолжением подобного мышления обычно является взгляд на глобализацию как на естественный объективный процесс. Глобалисты же, как правило, смотрят на общество еще и как на сферу противоборства социальных интересов. Причем воля и влияние некоторых субъектов этих интересов может не только перевернуть ситуацию в каком-либо обществе, но и изменить положение дел на глобальном уровне.

²⁴³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.367.

3.1. Либеральные теории глобализации

Глобализация как эволюционный процесс в работах ученых второй половины XX в.

Пожалуй, что неслучайно явление глобализации рассматривалась в трудах тех мыслителей, которые отдавали должное эволюционной парадигме. Еще в начале прошлого столетия, когда мир вступал в фазу империалистического капитализма, последний не только подвергался критике со стороны марксистски ориентированных ученых (В. Ленин, Р. Люксембург). Находилось немало апологетов подобного процесса. Так, Р. Кобден и Дж. Брайт указывали, что свободная торговля во что бы то ни стало подстегнет экономический рост во всем мире. В итоге на основе всеобщего процветания народы попросту забудут о былых конфликтах и распрях. Норман Эйнджел за пять лет до начала Первой Мировой войны в книге «Великая иллюзия» констатировал, что в нынешней ситуации экономической взаимозависимости мирового пространства глобальные конфликты практически исключены.

Неудивительно, что последовавший вскоре очевидный крах надежд, высказанных подобными теориями, надолго отбил охоту у исследователей заниматься похожими разработками. «Выгоды глобализации, - как пишет А.И. Уткин, - уступили место геополитике, стратегическим расчетам, историческим счетам, уязвленной гордости, страху перед зависимостью.... Для реанимации процесса глобального сближения понадобилось немало времени после страшного озлобления и фактической автаркии, сопутствовавшей мировым и холодным войнам»²⁴⁴. Фактически к идее глобализации вернулись лишь в 70-х гг. Апологетика глобализации включает два подхода. Если первый приравнивает глобализацию к революционным переменам в

²⁴⁴ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2002. С. 40.

целом позитивного свойства, то второй более склонен рассматривать данное явление как результат социальной эволюции.

В рамках революционного подхода (гиперглобалисты) следует упомянуть работы американцев Р.Кеохана, Дж. Ная, Т.Фридмена, а также японца К.Омае. Суть положений этих теоретиков вкратце сводится к следующему. С течением времени простая взаимозависимость стала сложной взаимозависимостью, связывающей очень плотно экономические и политические интересы, что ознаменовало наступление новой эры глобального мира. Теперь люди, фирмы, рынки увеличивают свое значение, тогда как привилегии национальных государств, напротив, ослабевают. В условиях глобальной эры все народы и все основные процессы оказываются подчиненными глобальному рыночному пространству. В результате глобализационной волны будут выработаны устраивающие всех правила игры на поле международного рынка. Капитал будет быстро перемещаться в страны с соответствующими экономическими и политическими условиями, и в этой экономике «без границ» национальные правительства «станутся простой прокладкой между постоянно растущими отраслями индустрии».

Вышеназванные ученые считают, что итогом глобализации будет то обстоятельство, о котором говорили теоретики модернизации - сближение богатой части мира с бедной. Предполагается, что в условиях свободной мировой экономики любая бедная страна сумеет отыскать собственную нишу в мировом рыночном производстве, опираясь при этом не на национальные правительства, но на чувствительные к переменам и инновациям частные компании. Таким образом, глобализация рассматривается как источник грядущего процветания, поднятия жизненного уровня,

социальной стабильности, а также ликвидации стимула в подчинении соседних государств²⁴⁵.

Несколько в более сдержанных тонах описывают явление глобализации сторонники эволюционного (трансформационного) подхода, среди которых такие видные имена как Э.Гидденс, Дж.Розенау. Эти ученые предлагают государствам и обществам постепенную адаптацию к более взаимозависимому, но в то же время и все более нестабильному миру. При этом они не берут на себя смелость предсказывать траекторию мирового развития, как это делают последователи гиперглобализма. Глобализация – долговременный процесс с мало предсказуемыми результатами.

Дж. Розенау считает, что с глобализацией началась новая, постинтернациональная фаза международной политики. Прежде национальные государства фактически монополизировали международную арену, полностью на ней доминируя. Теперь же положение принципиально иное. Вместе с национально-государственными структурами в качестве международных субъектов выступают интернациональные организации, ТНК, наднациональные движения социального и политического характера. Различные международные организации, в том числе неправительственного характера (например, Гринпис) возникают как реакция на глобальные проблемы.

В то же время пространство взаимоотношений национальных государств, где также играет ключевую роль дипломатия, сохраняется, но теперь возникает как бы иная плоскость международных отношений – мир транснациональной субполитики, где акторами являются самые различные организации, начиная от «Гринписа» и заканчивая НАТО, ЕС, Всемирным банком.

²⁴⁵ Глобалистика: Энциклопедия. Под ред. И.И.Мазура, А.Н.Чумакова. М., 2003. С. 209-210.

В качестве главного фактора глобализации Розенау определяет технологии, в то время как гиперглобалисты отдают предпочтение экономике. Благодаря технологическому развитию оказался возможен переход к полицентрической политике. «Именно технология устранила географические и социальные пространства с помощью сверхзвуковых самолетов, компьютеров, спутников Земли и многих других открытий, которые позволяют сегодня все большему количеству людей, идей и товаров быстрее и увереннее преодолевать время и пространство, чем когда бы то ни было. ...именно технология усилила взаимозависимости между локальными, национальными и интернациональными обществами, причем в масштабах, неведомых ни одной исторической эпохе»²⁴⁶.

По мнению Розенау, в условиях полицентрического распределения власти между собой конкурирует и кооперируется великое множество транснациональных и национально-государственных организаций и предприятий, что скорее говорит о растущей нестабильности и непредсказуемости мира. В подобной ситуации возрастает необходимость рефлексивного мониторинга, о котором говорит Гидденс (см. раздел «Общества нового типа»). Лишь объективное осмысление, всесторонний анализ с учетом предыдущей практики дают наибольшие шансы на разработку верного решения.

В работах Р. Робертсона глобализации придается культурно-символическое измерение. Глобальный процесс происходит не только на объективном уровне. Существенным образом меняется мировосприятие во многом за счет влияния средств массовой информации. В повседневное сознание внедряется представление о мире как целостной величине, а национальное государство уже не отождеств-

²⁴⁶ Цит по Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 69.

ляется с национально-государственным обществом. В то же время глобализационный процесс стимулирует развитие локального, и в этом, по мнению Робертсона, нет противоречия. В ходе глобализации происходит стягивание и взаимодействие локальных культур, в результате чего они взаимопроникают и трансформируют друг друга.

В силу этих соображений Робертсон предлагает понятие «глокализация», синтезирующее глобализацию и локализацию. Такой подход учитывает значительный элемент социокультурной практики. Глобализация в целом воспринимается как масштабное, все поглощающее явление, однако под влиянием местных культур это восприятие может приобретать различные оттенки. Так, например, права человека выступают в большинстве культур как универсальные ценности, но под влиянием контекста (как культурного, так и социального) могут интерпретироваться по-разному.

Возьмем такую страну, как Япония, которая, несмотря на очевидные успехи в социально-экономическом развитии, вовсе не лишилась собственной уникальной экзотичности. При том, что технологически Япония мало в чем уступит тем же Соединенным Штатам, то же самое касается и организации труда. Однако принцип «гири», корни которого уходят далеко вглубь национальной традиции (это кодекс, регламентирующий взаимоотношения среди самурайского сословия) по сей день составляет фактическую основу японского менеджмента. Работник японского предприятия ни в коем случае не уволится, если ему предложат «больше» в другом месте. В то же время хозяин предприятия не может не повысить работнику заработную плату в случае женитьбы или рождения у того ребенка. Совсем не так обстоит дело в тех же США – здесь формы взаимоотношений в гораздо большей степени приближены к рыночным принципам.

Теория «глокальных» культур получила развитие в работах Архуна Аппадураи. Этот ученый пытается обосновать

вать относительную самостоятельность глокальной культурной экономики, которая обладает собственной внутренней логикой. Глокальные культуры обычно уже не привязаны к определенному месту и времени, представляя собой «смесь несовместимых компонентов, заимствованных отовсюду и ниоткуда» По его мнению, глобализация включает в себе несколько динамических тенденций, как правило, без проблем преодолевающих государственные границы. Аппадураи здесь называет следующие течения:

- движение технологий – развитых и устаревших, механических и информационных;

- движение громадных денежных сумм посредством валютных рынков, национальных бирж и спекулятивных сделок;

- распределение возможностей производства и передачи электронных картинок;

- образование цепей образов, часто в связи с государственными или оппозиционными идеологиями, коренящимися в эпохе Просвещения.

Подобные потоки и ландшафты электронных образов выступают строительными блоками «воображаемых миров», где живут люди, придавая им разные значения. Как считает Аппадураи, реальность государственных границ на сегодняшний момент может быть подтверждена лишь политической картой. Но ряд факторов всячески работают над их устранением. И в этом плане «самыми упорными являются информационные потоки – по ним идет информация, которая раньше была монополией правительств... Монополия на знание о том, что происходит в мире, давала правительствам возможность оглуплять людей, вести их в ложном направлении, контролировать их... Сегодня люди повсюду сами добывают из всех уголков мира ту информа-

цию, которая им желательна и которую им хочется иметь»²⁴⁷.

Глобализация в концепции Ульриха Бека

Известный германский социолог Ульрих Бек (род. 1944г.) уже рассматривался нами в предшествующей части. Он является автором концепции общества «другого модерна», где в качестве основного фактора общественных процессов предполагаются социальные риски. Прежде чем относить его к сторонникам либерального подхода, необходимо сделать определенную оговорку. Бек - выразитель идей социального либерализма, который он считает основной опорой реальной демократии. Надо сказать, что подобная позиция весьма популярна среди ведущих германских социологов (Р.Дарендорф, Ю.Хабермас и др.).

Бек в своей достаточно известной российской научной общественности книге «Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию», написанной во второй половине 1990-х гг., выступает в целом как критик современного неолиберализма. Последний, на его взгляд, существенно расширил международный характер капитализма, в результате чего возникло явление глобальности. Глобальность следует считать тем признаком, который проводит границу раздела между обществами «первого» и «второго» модерна, и в настоящий момент приобрело неустрашимый характер. Под глобальностью Бек понимает существование различных глобализационных логик – экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской, которые не сводимы друг к другу и не копируют друг друга, но поддающиеся пониманию только через учет их взаимозависимостей.

²⁴⁷ Цит по Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С.100.

В отличие от глобальности глобализация представляет собой диалектический процесс, который «создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур». Ключ к пониманию феномена глобализации дают три параметра: во-первых, расширение в пространстве; во-вторых, стабильность во времени; в-третьих, плотность транснациональных сетей связи, отношений и телевизионных потоков.

Если в обществах первого модерна общественные связи в основном формировались в границах национальных государств, то в эпоху глобализации эти границы размываются и ликвидируются. «Деньги, технологии, товары, информация, яды «перешагивают» границы, словно их вообще не существует. Даже вещи, лица и идеи, которые правительства не хотели бы пускать в свои страны (наркотики, иллегальные иммигранты, критика нарушения прав человека), находят пути проникновения» - пишет немецкий социолог²⁴⁸. Но аннулирование расстояний означает погружение в не всегда желательные и часто непонятные транснациональные формы жизни.

Размытие государственных границ приводит, по Беку, к установлению некоего мирового сообщества, однако без всемирного государства и без всемирного правительства. «Мировое сообщество – не меганациональное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и не поддающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии»²⁴⁹.

²⁴⁸ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001, С.43.

²⁴⁹ Там же. С.42-43.

Но в этом многообразии вновь образованных связей Бек усматривает вполне четкие цели бизнес-структур, достичь которых и помогает механизм глобализации. Эти цели сводятся к тому, чтобы «отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства». Вводя понятие «субполитика», германский мыслитель обозначает под ним деятельность транснациональных акторов вне рамок национально-государственной политической системы, что автоматически ведет к ослаблению последней, а также к сокращению возможностей трудовых организаций (профсоюзов). Могущество и стратегический потенциал транснациональных предприятий зиждется на возможности основательного вторжения (при том, что не нарушается никакое законодательство и все происходит в рамках обычной деловой активности) в жизненные пространства современных национально-государственных образований. И здесь Бек заостряет внимание на следующих моментах.

Во-первых, возможности экспорта рабочих мест в те места (или в те страны), где оказываются наиболее низкие оплата труда и налоги.

Во-вторых, на базе информационно-технического оснащения, минимизирующего фактор пространства, происходит рассредоточение производства продуктов и оказания услуг в разных точках мира, в силу чего национальная принадлежность фирм только вводит в заблуждение.

В-третьих, транснациональные предприятия способны играть на противоречиях между национальными государствами, устраивая глобальные закулисные торги с целью поиска мест с низкими налогами и благоприятной инфраструктурой; они также имеют возможность влиять на национальные государства, наказывать их, если сочтут их слишком «дорогими» или «враждебно относящимися к инвестициям».

В-четвертых, транснациональные корпорации способны в контролируемом ими пространстве глобального производства самостоятельно определять место для инвестиций, производства, уплаты налогов, а также для жительства, при этом противопоставляя их друг другу. В итоге «капитаны бизнеса могут жить в самых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие»²⁵⁰.

По мнению Бека, глобализм подрывает главный принцип авторитета национального государства – суверенное налогообложение, непосредственно связанное с регулированием хозяйственной деятельности в определенных территориальных пределах. Сейчас международная экономика позволяет предприятиям «производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры – в третьей». При этом национальные государства не имеют серьезных шансов как-то противостоять этому процессу. В нынешних условиях широких возможностей для мобильности (в том числе и из страны в страну) не только материальных активов, но и высококвалифицированных человеческих ресурсов, чтобы выдержать конкуренцию, отдельным государствам приходится привлекать капитал, людей и знания.

Верный своей концепции «общества риска» Бек в качестве одного из основных социальных рисков рассматривает упадок государства всеобщего благосостояния, в чем видит результат глобализационных процессов. В их контексте успешно реализуются принципы, которые Бек обозначает как «капитализм без налогов» и «капитализм без труда». В 80-90-х гг. прошлого столетия общее поступление налогов на доходы предприятий существенно упали. Если в 1960г. налоги с корпораций составляли 35% от об-

²⁵⁰ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С.13-14.

щих налоговых сборов, то в 1980г. они уменьшились до 25%, а в середине 90-х гг. – до 13%. Особо благоприятная ситуация для ухода от налогов сложилась в области виртуальных финансов. Не случайно практически все ТНК являются виртуальными налогоплательщиками, в то время как средние и малые предприятия изнемогают под налоговым прессом государственной бюрократии, стремящейся таким способом компенсировать недополучение средств от деятельности глобальных экономических акторов. «Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, - пишет У.Бек, - что именно те, кто оказывается *в проигрыше* от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать все, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в *выигрыше* получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии (выделено Бекон, Ю.Т.)»²⁵¹.

При том, что данное обстоятельство существенно повышает доходы «капитала», оно не действует благоприятно в отношении «труда». Например, в Германии при росте доходов предприятий на 90% заработная плата выросла всего лишь на 6%. Более того, глобальный капитализм, по выражению Бека, «упраздняет труд». Это во многом явилось следствием технологической революции. Немецкий ученый приводит высказывания одного из руководителей концерна БМВ, который утверждает, что ситуация складывается таким образом, что производство автомобилей растет вместе с уменьшением трудовых затрат. Только для сохранения уровня занятости требуется существенное расширение рынков сбыта – если продавать БМВ во всех уголках планеты. В Великобритании, где традиционно минимальная острота проблемы безработицы, только треть трудо-

²⁵¹ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С.18.

способных людей занята полный рабочий день, тогда как еще в 70-е гг. этот показатель составлял 80%.

Безработица, констатирует Бек, уже не периферийное явление, но потенциально затрагивает в том числе и демократию как форму общественной жизни ... Мы стремительно приближаемся к капитализму без труда – причем во всех постиндустриальных странах мира²⁵². При этом имеющиеся предложения по выходу из этого затруднительного положения лишь затемняют реальное понимание. Германский мыслитель не считает, что проблема может быть решена с помощью расширяющейся сферы услуг, а также с помощью снижения расходов. Тезис сторонников информационного общества о появлении множества высокооплачиваемых рабочих мест, в том числе и для людей с низкой квалификацией, Бек рассматривает как утопичный. Даже если и будут появляться новые рабочие места, то, во-первых, они могут быть легко перенесены в любую страну с низкой оплатой труда. Кроме того, «отрезвляющая правда гласит, что даже многочисленные рабочие места могут превратиться в низкооплачиваемое занятие по обработке данных»²⁵³.

Еще большей иллюзией является, по мнению социолога, утверждение о том, что радикальное снижение стоимости труда в состоянии справиться с безработицей. Этот подход был реализован в США и, по мнению Бека, продемонстрировал свою в целом малую социальную пригодность. Прежде всего следует отметить, что высококвалифицированные и неплохо оплачиваемые рабочие места появляются в редких случаях (2,6% для США). В то же время путь расширения мелких услуг, составляющий основу американского бума занятости, в период президентства Б.Клинтонa сопряжен со значительными издержками. С

²⁵² Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С. 109.

²⁵³ Там же. С. 112.

одной стороны он требует политику открытых дверей для привлечения иммигрантов. «Выпускника средней школы из Мюнхена, - пишет Бек, - можно конечно, заставить резать спаржу в какой-нибудь нижнебаварской деревне – к великому прискорбию и самой спаржи, и тех кто ее выращивает. Ибо он не обладает ни умением, ни мотивацией польского рабочего, для которого резка спаржи означает социальный подъем»²⁵⁴. С другой стороны не совсем логично сокращать зарплату рабочему, который и так едва сводит концы с концами. Неслучайно Бек здесь ссылается на утверждение одного американца, который, работая на трех работах, оказывается не в состоянии прокормить семью.

В информационную эпоху глобального капитализма обозначилась совершенно новая тенденция, коренным образом заставляющая пересмотреть экономические законы. Все меньшее количество высокообразованных работников производят все больше товаров и услуг. Отсюда рост экономики теперь уже не сопровождается снижением безработицы, напротив, налицо обратная ситуация. Все это не может не вызывать тревоги у немецкого социолога, явного приверженца идей демократии. По его мнению, здесь нечто большее, чем просто очередная уловка капитала в погоне за большими прибылями. Разрушение общества труда влечет за собой ликвидацию исторического союза между капитализмом, социальным государством и демократией. Современная западная демократия зарождалась именно как рабочая демократия – предполагала участие граждан в трудовом процессе. Но труд имеет не только ценностное, но и чисто материальное измерение. Бек твердо убежден, что политической свободы не бывает без материальной безопасности. Стало быть, шансы демократии резко падают

²⁵⁴ Там же. С.113.

при значительной имущественной поляризации, но зато одновременно возрастают возможности для нового тоталитаризма.

Таким образом, Бек делает вывод, что глобальный капитализм подрывает свою же собственную легитимность. Дистанцирование ТНК от национальных интересов есть, по его убеждению, саморазрушительный процесс, пусть даже и в долгосрочном плане. «Менеджеры мультинациональных концернов переводят свои правления в Южную Индию, а своих детей посылают учиться в европейские университеты, финансируемые национальными государствами. Им и в голову не приходит перебраться жить туда, где они создают рабочие места и платят низкие налоги. Сами они, как чем-то само собой разумеющимся, пользуются дорогостоящими основными политическими, социальными и гражданскими правами, общественное финансирование которых ими же и торпедируется. Они ходят в театры. Наслаждаются природой и ландшафтами, уход за которыми требует больших денег. Околачиваются в еще относительно свободных от насилия и криминала метрополиях Европы. Но своей ориентированной на прибыль политикой они вносят существенный вклад в разрушение этих европейских форм жизни. Позволительно спросить, где будут жить они или их дети, когда государства и демократия в Европе лишатся финансирования?»²⁵⁵.

Выход из всего этого, как считает Бек, заключается в сосредоточении усилий по выработке положений нового Общественного договора, так как очевидно, что старый проект Просвещения не может быть адекватным современным условиям. При этом уместно ставить вопрос таким образом – возможна ли демократия без гарантий, которые предоставляет общество труда? «То, что представляется

²⁵⁵ Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С.18-19.

сейчас закатом и распадом, должно быть пересмотрено и положено в основу новых идей и моделей, которым государство, экономика и общество открывают путь в 21 век»²⁵⁶.

На каких же моментах следует заострить внимание, обобщая концепцию глобализации Ульриха Бека?

1) Немецкий ученый признает многомерность глобализации, однако доминирующим является все же хозяйственное измерение. Именно через него рассматриваются иные аспекты глобализации – культурный, политический, экологический, общественно-цивилизационный. Исходя из рассуждений Бека, экономический бум перехлестнул через политические ограничения и стимулировал процессы, значимые во всем мире. Не последнюю помощь здесь оказала информационная революция, открывшая невероятные возможности прежде всего в сфере коммуникации. Но главная проблема здесь в том, что толчком для этого послужили не национальные интересы, а также не чаяния мировой ответственности, но банальные стремления к прибыли корпоративного капитала. Это, несомненно, узкий интерес, который не способен учитывать все долгосрочные последствия. Здесь, возможно, и следует искать источник многих глобальных рисков (безработица, крах демократии, экологическая катастрофа и т.п.), которые обязательно ударят по всему человечеству. Стало быть выигрыш лидеров современной глобальной экономики вряд ли может иметь долгосрочный характер.

2) Бек не разделяет утверждение об эволюционном характере глобализации. Для него она скорее случайный процесс, толчок которому дали несколько индивидуальных волей (корпоративный капитал). Ему представляется, что современный мир подвержен скорее хаотизации, чем упо-

²⁵⁶ Там же. С. 116.

рядочиванию. Неслучайно в методологическом плане Бек подчеркивает свою большую близость подходу Розенау, чем мир-системному анализу, к которому он относится критически²⁵⁷. По всей видимости, Ульрих Бек как человек являлся поклонником социального государства, которым была известна Западная Германия 60-70-х гг. прошлого столетия. Его сильно встревожило действительное размывание социальных гарантий, снижение зарплат, последовавшие после повсеместного выхода капитала на международный уровень и превращение его (капитализма) в политико-экономический субъект, более сильный, чем национально-государственные структуры. Но вот произошло ли это со всеми государствами? Является ли таким уж неуправляемым современный мир? Этими вопросами, как представляется, задается концепция Бека, но не дает на них исчерпывающего ответа.

Глобализирующийся мир А. Мартинелли

Представляют определенный интерес взгляды Президента Международной социологической ассоциации (МСА) Альберто Мартинелли. Он является не последним представителем высшей академической среды, которая обычно достаточно близка административным кругам. То есть вполне вероятно, что взгляды итальянского мыслителя испытали некоторое влияние официальной позиции властных структур, которые в свою очередь исходят из многих объективных обстоятельств. В качестве последних следует назвать факт уже продолжительного существования Европейского Союза (ЕС), усилий США по удержанию (или утверждению) своей глобальной гегемонии, в связи с чем

²⁵⁷ Положа руку на сердце, создается впечатление, что У.Бек весьма поверхностно в нем разобрался. Но это лишь наше субъективное мнение, на котором авторы не настаивают.

слишком явно под вопросом оказывается ряд фундаментальных демократических принципов.

Неслучайно взгляды А. Мартинелли содержатся в докладе, сделанном им на XV Всемирном социологическом конгрессе. Это позволяет предположить, что итальянский ученый высказал обобщающую позицию на ход глобальных процессов большинства европейских ученых.

Мартинелли сразу указывает на необходимость разработки новых методологических схем для современной социологии. Это объясняется принципиальными изменениями, которые претерпел мир, вступивший в эпоху глобализации. Ведь классическая социология фактически рассматривала общество, ограниченное национальными рамками. В настоящий же момент подобный подход вряд ли может считаться адекватным. Глобализация обозначила новый объект в социальных исследованиях – мир как таковой. Поскольку каждая часть мира тесно взаимосвязана с другими частями, любое конкретное исследование должно исходить из рамок глобального контекста. «Современный мир, - пишет Мартинелли, - весьма похож на голограмму лазерного луча, где каждая точка несет информацию о целом, поскольку каждый человек все более поглощает информацию и ресурсы, поступающие отовсюду. Поэтому необходимо смещать уровень анализа на глобальный и любое исследование вести с точки зрения мировой системы. Изучение мирового общества и его отношений с национальными и локальными реалиями должно стать центральной темой исследования»²⁵⁸.

В то же время, обозначая самобытность глобальной эпохи, Мартинелли (и по всей видимости его многие европейские коллеги) не утверждает принципиального разрыва с предшествующими периодами (как это делают некоторые

²⁵⁸ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12. С. 4.

постиндустриалисты, например Д.Белл). Глобализация ознаменовала наступление периода радикального модерна, который требует свежих идей и не исключает пересмотр некоторых базовых вопросов. Нам представляется подобный ход вполне логичным, так как при анализе глобальных процессов в методологическом плане довольно трудно выйти за рамки модернистского подхода (в постмодерн, например).

Мартинелли констатирует противоречивость современного глобального мира. Преодоление этих противоречий – задача не только науки, но и политики. Проблема в том, что «на уровне мира рост экономической взаимозависимости и социальной взаимосвязанности связан со все большими степенями политической фрагментации и культурной разнородности»²⁵⁹. Признавая многогранность глобализации, Мартинелли указывает на принадлежность этого феномена именно современности. Попытки структурирования наднациональных экономических отношений существовали давно, но именно в современной действительности этот процесс приобрел качественно новый характер. Его обусловил комбинированный эффект быстрого роста средств коммуникации и информационных технологий, а также усиления и влияния экономических и финансовых акторов²⁶⁰. Несмотря на то, что еще четыреста лет назад мир представлял собой единую экономическую систему, только сейчас, благодаря глобальным масс-медиа, к большинству людей пришло осознание того, что они живут в одном мире.

Но подобный процесс имеет и обратную сторону – Мартинелли указывает на эрозию национального государства. Наднациональные экономические процессы ведут к

²⁵⁹ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12, С. 7.

²⁶⁰ Там же. С.6.

перераспределению прибыли, в связи с чем социальные структуры становятся менее прочными, иерархические модели перекраиваются. Разумеется, выгоды от глобализации существенно дифференцированы – какие-то группы заинтересованы в ней, какие-то – не совсем. Но как перераспределить выгоды от глобальной экономики в более справедливое русло? Вот здесь итальянский ученый ставит под сомнение роль современного национального государства. Отсюда актуализируется проблема создания новых наднациональных институтов управления глобальными процессами на демократической основе. Предпосылки этому вроде как имеются. Как пишет Мартинелли, транснациональное гражданское общество, международное публичное пространство, растущее сознание нашей общей судьбы все более обретают реальные очертания, однако глобальная коммунитарная культура пока еще не может считаться достигнутой. При этом на вопрос, – а вообще возможна ли подобная культура? – итальянский социолог склонен отвечать утвердительно. Эта его позиция вполне согласуется с его склонностью из ряда альтернатив выбирать либеральный вариант (пусть и с оговорками в сторону ограничения «дикого капитализма»). О его определенной идеологической склонности говорит, например, такая фраза: «нерегулируемый рынок часто разрушителен, но закрытый рынок (не говоря уже об его отсутствии) еще хуже»²⁶¹.

Как бы то ни было, Мартинелли пытается оценивать с разных сторон феномен глобализации. Это обстоятельство безусловно делает ему честь, не отвергая в то же время уязвимых моментов его теории. Как указывает ученый, международный рынок трансформирует социальную структуру вовлеченных в него стран, порождая группы новых богатых и новых бедных. Но, кроме этого, существен-

²⁶¹ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12. С. 9.

ным образом увеличивается свобода индивидуального и группового выбора, открываются новые возможности развития. «Факт, что молодежь везде, по-видимому, хочет иметь одни и те же электронные игры или джинсы, может означать пример глобального рыночного империализма»²⁶².

Социолог считает преувеличенной угрозой гомогенизации и лишения власти, которая якобы исходит от глобального рынка, ведомого преимущественно американским бизнесом. По его мнению, потребители имеют много возможностей личного творчества и автономии, а влияние зарубежных товаров, символов и значений скорее обогащает, нежели сужает местный культурный репертуар. В то же время потребление одних и тех же типов товаров «дает чувство равных возможностей».

Однако Мартинелли не намерен отвергать деструктивные последствия влияния международной торговли. Последняя серьезно угрожает ранее сложившимся формам общественной солидарности, способствуя воспроизведению глобальных иерархических отношений - ядро-периферия, - в отношении внутренних общественных структур.

В этом плане можно обратить внимание на уровень заработной платы в зарубежных фирмах в сравнении со средним заработком. Конкретных эмпирических данных у нас на данный момент не имеется, но мы приведем случаи из жизни. В Краснодаре где-то с середины 90-х годов заявила о себе крупная фирма - производитель табачной продукции «Филипп Морис». О том, насколько популярна работа на данной фирме, говорит факт постоянного количества претендентов, которым приходится проходить «сито» жесткого отбора, состоящего из нескольких этапов. Однако условия работы на «Филипп Морис» действительно того стоят – высокие зарплаты, реальные возможности

²⁶² Там же. С. 9.

карьерного роста, повышение квалификации с выездом за рубеж и т.п.

Не менее (а может и более) значимым фактором социальной дифференциации является международное разделение труда. Но эту проблему мы поднимем в соответствующем месте и поговорим о ней более основательно.

Основным субъектом складывающегося глобального мира Мартинелли считает Транснациональные корпорации (ТНК). Он справедливо указывает, что большинство из этих хозяйственных организаций не являются глобальными в чистом виде. Дело в том, что их базовый капитал имеет национальный характер. Другое дело – цель их заключается в завоевании прочного места в международной экономической системе и, разумеется, в получении глобальной прибыли. Можно предположить, исходя из этих данных Мартинелли, что национальная принадлежность определенного транснационального предприятия заставляет его все же держаться в фарватере соответствующих государственных интересов. Это так и не так одновременно. Если иметь в виду страны-субъекты глобализации (Первый мир) – подобное утверждение можно в целом считать справедливым. Куда более неоднозначно обстоит дело в странах «периферии», где международные предприятия могут иметь сырьевую направленность. Скажем, предприятия российской «нефтянки». А. Паршев обоснованно считает, что в условиях самого холодного климата экспортировать сырье означает действовать не в русле, а вопреки национальных интересов²⁶³.

Крупные ТНК, конечно же, не единственные двигатели глобального процесса. Сюда следует отнести мелкие и средние фирмы, также возникшие благодаря глобальным коммуникациям. Однако ТНК имеет неоспоримое преиму-

²⁶³ Паршев А. Почему Россия не Америка? М., 2000.

щество в международной конкуренции, поскольку «они не просто действуют в сетях, они сами сети»²⁶⁴.

ТНК в разработке собственной стратегии в основном ориентируется на правила международной конкуренции. Это может выражаться в давлении на правительственные структуры (когда через «своих людей», когда через международные организации типа ВТО и т.п.) в основном с целью свободной циркуляции капиталов, ресурсов. В то же время транснациональные корпорации стремятся использовать, по выражению итальянского исследователя, преимущества фрагментации рынков. Например, производство перемещается в страны с более низкими зарплатами или туда, где неотрегулированная экологическая политика позволяет особо не тратить на охрану окружающей среды.

Регулирование поведения ТНК со стороны внешних субъектов затруднено в силу того обстоятельства, что по большинству решений ТНК подотчетны только акционерам. Но в то же время Мартинелли вполне обоснованно не исключает национальные государственные структуры из ряда весьма существенных факторов глобального рынка. Как бы то ни было, руководство ТНК вынуждено считаться с законами тех стран, чей рынок представляет для них интерес. Итальянский социолог считает явно поспешным мнение сторонников антиглобализма, считающих ТНК главными виновниками всех негативных результатов глобализации. Это слишком обобщенная позиция. «В реальности, - пишет он, - можно идентифицировать различия в корпоративном поведении и установках отдельных ТНК и принимающих стран»²⁶⁵. Если обратить внимание на два государства, образовавшихся после развала СССР – Россию и Белоруссию, - с точки зрения их взаимоотношений с

²⁶⁴ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12, С 11.

²⁶⁵ Там же. С 11.

ТНК, то с итальянским ученым в этом вопросе особенно не поспоришь.

Эрозия национального государства, констатируемая Мартинелли, имеет характер комплексного процесса. Сюда относятся устанавливаемые международными финансовыми организациями (например, МВФ) ограничения для национальной экономической политики, проницаемость национальных границ для разного рода нелегальных иммигрантов, проблемы межкультурного взаимодействия, особенно актуальные для полиэтнических обществ. Однако подобные явления происходят не везде одинаково, что следует из рассуждений того же Мартинелли. Роль рынков, подчеркивает он, зависит не только от того, что они могут делать, но и от того, что им делать разрешено²⁶⁶. В другом месте он обмолвился по поводу того, что государства различны по своему экономическому, политическому, военному и культурному весу.

Утверждать об уходе национального государства, считает социолог, столь же неправомерно, как заявлять о ТНК как о едва ли не единственном стоящем субъекте мирового процесса. Влияние глобализации безусловно заставляет трансформироваться государственные институты, которые вынуждены по-новому вписываться в комплекс национальных, региональных и локальных сетей. «Глобальные потоки стимулируют целый ряд стратегий приспособления путем проведения мероприятий, требующего весьма активного государства ... Примером может быть соперничество национальных правительств в промышленной политике, нацеленной на создание наиболее благоприятных условий для иностранных инвестиций – благоприятные законы о корпорациях, налоговая политика, хорошая инфраструктура, гибкая политика в сфере труда,

²⁶⁶ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12. С.10.

эффективная публичная администрация и др. В то же время поддерживается контроль над основными направлениями развития. Государство не уходит, а скорее восстанавливается и реструктуризируется»²⁶⁷.

Мартинелли склонен принимать глобализацию как объективную реальность, потому он озабочен проблемами создания институтов глобального управления. Нет сомнения, что глобальные процессы размыли существовавшую более трех веков Вестфальскую систему международных отношений. Сомнительно, что в качестве фундамента новой системы следует рассматривать существующие глобальные организации. Несмотря на то, что ТНК осуществляют глобальную системную интеграцию, это не есть образ естественным путем складывающегося общественного строя, так как «не гарантирует какую-либо форму глобального управления, не говоря уже о демократически подотчетном».

Что касается других международных институтов, то стоит признать их немалую конструктивную роль в плане мировой интеграции и управления. Речь идет о так называемых МПО – международных правительственных организациях, среди которых на первый план выходит ООН. Тем не менее Мартинелли не считает эти институты полностью адекватными реалиям современности. «Эти международные органы не контролируются регламентированными процессами, что имеет место в демократических государствах. ... они далеки от избирателей, но легко доступны корпорациям»²⁶⁸. Последнее особенно касается финансовых международных организаций, таких, например, как МВФ, Всемирный Банк. Зачастую их деятельность в развивающихся странах направлена не столько на обеспечение

²⁶⁷ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть II).// Социологические исследования, 2003, №1. С. 13.

²⁶⁸ Там же. С. 17.

роста благосостояния этих стран, сколько отвечает интересам иностранных заемщиков и инвесторов. Так, подобная деятельность привела к кризису национальных экономик Мексики и Аргентины.

Таким образом МПО оказываются часто используемыми глобальными акторами в своих целях и интересах. В первую очередь речь идет о США, стране на сегодняшний момент глобальном гегемоне. Мартинелли особенно заботит однополярный характер сложившегося на сегодняшний день мирового пространства, поскольку, по его мнению, здесь нет и не может быть легитимной власти. «Глобальное управление может быть только многослойным, чтобы быть эффективным. И только демократичным, чтобы быть принятым»²⁶⁹. В данном тезисе итальянский ученый фактически ограничивает легитимность рамками исключительно демократической формы правления, тем самым четко выставляя на вид свою приверженность к либеральным демократам.

Названный мыслитель выделяет несколько причин, препятствующих на сегодняшний день реальному образованию институтов глобальной демократии.

Во-первых, как только что говорилось, для основных глобальных акторов реализация проблем мировой значимости превращается в преследование собственных целей. Для великих держав Первого мира это их национальные интересы, для ТНК – глобальная прибыль. Вследствие этого прежние иерархии сохраняются, к ним добавляются новые, зачастую более жесткие.

Во-вторых, стратегии МПО, которые в идеале должны разрабатываться с учетом всех глобальных последствий, на деле ориентируются на пользу их самых сильных

²⁶⁹ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I).// Социологические исследования, 2002, № 12. С 14.

членов. Это дает основание для утверждения, что глобализация – суть западный проект.

В-третьих, росту демократического гражданства на наднациональном уровне (впрочем, и на национальном тоже) препятствует возникновение новых форм фундаментализма, агрессивного национализма, трайбализма, которые строят идентичности людей на первобытных узах.

В-четвертых, снижается уровень демократического участия, доверия к демократическим процессам и институтам, что особенно присуще развивающимся странам. Подобное обстоятельство затрудняет «экспорт» демократии в страны с авторитарными режимами.

В-пятых, сохранение, живучесть авторитарных режимов, подавляющих гражданские права и свободы в ряде развивающихся стран, не способствует усилению голосов за демократическую подотчетность на международном уровне.

В завершение перечисления этих причин, которые в некотором плане имеют тенденциозный характер, Мартинелли признает, что благотворная демократизация, имевшая место в ряде национальных государств, вряд ли воспроизводима на глобальном уровне. Однако необходимость в своеобразном аналоге национального государства мирового уровня имеется. Жизненно важным вопросом становится проведение политики, ограничивающей и регулирующей глобальные капиталистические отношения. Кроме того, необходимо мировое демократическое политическое устройство, в рамках которого «эксплуатируемые и обездоленные социальные группы могли бы в обмен на лояльность институтам демократии получить равные права правового, политического и социального гражданства и могли быть услышаны в своем выборе на важные политические посты, связанные принятием решений, конкурентов

за голоса избирателей»²⁷⁰. В силу вышесказанного Мартинелли набрасывает проект космополитической демократии, который он считает вполне осуществимым, но который может вызвать сомнения у других исследователей глобализма.

В отношении концепции глобализма Мартинелли мы считаем уместным сделать следующие критические заключения.

1) Итальянский социолог явно принадлежит к той группе исследователей глобализации, которые склонны видеть в последней результат естественного движения общественной эволюции. В их видении глобализация – процесс объективный, в силу чего ему не стоит противиться. В то же время Мартинелли пытается не вести речь об обычном приспособлении. В его планы входит формирование структур глобального демократического управления, посредством которых мир будет решать давно назревшие проблемы, касающиеся всего человечества - идет ли речь об экологической безопасности или о мировом классовом неравенстве.

Названный мыслитель не отрицает влияния (далеко не всегда полезного) транснациональных субъектов на глобальные процессы, с целью повернуть последние в русло собственных интересов. В качестве подобных акторов могут выступать как мирового масштаба экономические организации (ТНК), так и государства, обладающие соответствующим внешнеполитическим весом. Проблема с точки зрения Мартинелли заключается в том, чтобы ограничить влияние этих акторов, заставив их интегрироваться в формирующуюся международную систему на правах всего лишь одного из ее элементов. С этой целью и необходимо всячески содействовать созданию организаций, которые

²⁷⁰ Мартинелли А. Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть II)// Социологические исследования, 2003, №1. С 26.

смогли бы взять на себя функции нечто вроде мирового правительства, разумеется, основанного на демократической основе.

Таким образом итальянский ученый в определении природы глобализации явно ставит на второе место политические интересы, выдвигая на первый план естественный ход вещей. Эта позиция не может не вызывать серьезных возражений у тех исследователей, которые именно происки различного рода глобальных субъектов склонны определять главной причиной глобализации. Надо сказать, что таких ученых немало, и о них мы обязательно порассуждаем далее.

2) Некоторые из указанных Мартинелли тенденций безусловно заслуживают внимания. Так, он справедливо опровергает мнение некоторых апологетов глобализации по поводу растворения национального государства в глобальном мире. В то же время, отмечая функциональную реструктуризацию правящего аппарата, итальянский исследователь неоправданно поверхностен. А ведь позиции государств в современном глобальном мире очень различны. Мартинелли, к сожалению, не уделяет этому вопросу должного внимания, лишь вскользь обмолвившись о неодинаковом политическом, экономическом и культурном потенциале государств. Но именно это обстоятельство является решающим в определении того, теряют ли национальные лидеры контроль над собственной территорией или под влиянием глобализации государственные структуры лишь усиливаются. Если мы ведем речь о странах, принадлежащих мировой «периферии», то ближе к истине окажется первая позиция, если в фокус внимания попадают страны «центра» - следует отдать должное второй. Кроме того, могут иметь место разного рода нюансы, обусловленные той же самой ситуационной спецификой, примером чего неоднократно являлась Россия.

В заключение обзора либеральных концепций глобализации отметим следующие моменты. Данный феномен был замечен уже почти столетие назад. Но за это время тон авторов, склонных к либеральной интерпретации глобальных явлений, существенно изменился. Поначалу восторженные оценки (Кобден, Брайт, Эйнджел) сменились более сдержанными трактовками, не исключающими долю скептицизма, что особенно присуще взглядам У.Бека. Однако в целом превалирует точка зрения на глобализацию как естественный и объективный процесс, которому следует не столько противостоять, сколько вносить некие коррективы в механизмы его формирования.

Ряд либеральных авторов (Розенау, Аппарадуи) склонны видеть в глобальных процессах не столько системное явление, подчиненное интересам определенных групп, сколько своего рода «конструктивный хаос», последствия которого еще не дали себя почувствовать в полной мере, но в любом случае будут иметь неоднозначный характер. Этим теоретикам глобализации свойственно выдвигать на первый план культурные стороны этого явления, что оправдывается, по их мнению, размыванием политических факторов (например, снижением роли национального государства в ходе глобализации). Как они полагают, не столько более острыми и животрепещущими следует считать проблемы регулирования экономических процессов, сколько вопросы культурного взаимопроникновения, толерантности и т.п. Это обстоятельство имеет безусловную значимость, и все же такое смещение акцентов вряд ли представляется оправданным в нынешней ситуации.

3.2. Марксистская традиция изучения глобализма.

Ренессанс марксистской методологии в современном общественном знании не представляется очень уж удивитель-

ным явлением даже после казалось бы сокрушительного поражения социалистического проекта в конце XX в., а также в контексте вроде как успешного наступления «капитала» на позиции «труда», развивающегося уже без малого три с половиной десятилетия. Эти события пожалуй стимулировали разработку не только адекватных объяснительных схем, но и поиск новой «левой» альтернативы.

Следует напомнить про противодействие в философии истории двух парадигм – эволюционной и циклической. Заметим, что последнее столетие эти парадигмы были приведены к некоторой конкретизации. Первая по сути дела заявила о своей приверженности методологии, носящей политэкономический характер. Особенность его в том, что ставка делается на изучение объективных фактов, главным образом поставляемых экономической и политической сферами. Что же касается менее подверженной объективистскому рассмотрению культуры, то она в основном рассматривается как продукт тесного взаимодействия экономических и политических процессов. Формационный подход, разработанный марксистской школой, может быть отнесен сюда безо всяких натяжек. Кроме того, существует достаточно много влиятельных теорий, довольно близких формационному подходу, но дистанцирующихся от него (может быть не всегда именно по научным причинам).

Весьма популярными в двадцатом веке оказываются теории так называемого технологического детерминизма, делающие ставку не на развитие способа производства в целом, но на какой-то отдельный его компонент, значение которого ознаменовывается масштабными общественными сдвигами. Так, Дж.Ленски обращал внимание на орудия труда, М.Маклюэн предпочитает придавать основное значение средствам коммуникации, очевидная зависимость от технологического детерминизма прослеживается в теориях информационного общества (Т.Умсао, М.Кастельс и др.).

Большой резонанс получила перспектива, определяемая как девелопментализм (от англ. development— развитие)²⁷¹. Суть здесь заключается в том, что все общества рассматриваются с точки зрения их вовлечения в прогрессивное развитие. Несмотря на то, что их эволюционная динамика в основном происходит параллельными путями, все они имеют шансы добиться желаемых целей. В этом плане значительное внимание в свое время привлекла теория экономических стадий У.Ростоу. Весьма показательным названием работы этого ученого «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». В ней процесс социальных изменений интерпретируется как серия стадий, через которую проходит каждое общество, определяемое в виде национальной единицы. Эти стадии по сути дела одни и те же, хотя конкретная национальная единица может преодолевать их по-своему. В отличие от классического марксизма, здесь в роли своеобразной «высшей точки» выступала не социалистическая, а индустриально развитая либеральная общественная система. В качестве своеобразной идеальной модели предлагался опыт Великобритании. Как пишет критик этой концепции И.Валлерстайн, «оставалось только анализировать, как происходит движение с одной стадии на другую, выяснять, почему некоторые нации движутся медленнее, чем другие, и предписывать (как врачи), что нация должна сделать, чтобы ускорить процесс «роста»²⁷².

В русле оппозиционного эволюционизму циклического подхода развивались теории, делающие ставку на изучение культурных факторов. Здесь приходили на ум

²⁷¹ Семенов Ю. Философия истории. Монография. М., 2003.

²⁷² Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_1086.html

национальные особенности (например, мировоззрение), которые могли служить субъективными основаниями для общественных институтов. Причем эти особенности признавались непреодолимым препятствием как для воплощения универсальной линии развития на практике, так и для межнационального синтеза. Именно культурный фактор имел в виду М. Вебер, когда отрицал возможность возникновения европейского типа капитализма в восточных странах. Наиболее системно подобные положения представлены в рамках так называемого цивилизационного подхода, разрабатываемого усилиями Н.Данилевского, О. Шпенглера, А.Тойнби и др.

В конце XX столетия получила широкое признание «теория столкновения цивилизаций» С.Хантингтона. Она явила собой попытку представить основные тезисы культурно-циклического подхода в адекватном современным реалиям виде. Согласно этой концепции, с окончанием периода идеологического противостояния активизируется поиск личной и групповой идентичности через культурную традицию. Следует признать определенную успешность данной попытки. Ряд событий, последовавших за распадом социалистической системы, действительно во многом имели ту подоплеку, о которой писал Хантингтон. В этом плане полезно вспомнить линии разлома Югославии, где четко просматривалось влияние конфессионального фактора. Культурный раскол украинского общества с тяготением одной из сторон к западной Европе и пророссийскими настроениями другой стороны. Наконец, ту же самую конфессиональную карту пытались разыграть американцы в Ираке – после свержения режима Саддама Хуссейна, тяготившего к исламу суннитского толка, к участию в марионеточной администрации привлекались мусульмане уже шиитского направления.

В то же время цивилизационный подход отнюдь не избегает критики. Например, сторонники мир-системного анализа, не отрицая устойчивости культурной традиции, указывают на то обстоятельство, что и культура имеет свойство изменяться под влиянием определенных обстоятельств. Если классик социологии М.Вебер считал, что сформировавшееся на Востоке мировоззрение сдерживает развитие предпринимательства, то он был прав, но - для своего времени. Вместе с процессами модернизации восточных стран менялось содержательное наполнение культурной традиции, и теперь в конфуцианстве многие видят азиатский аналог протестантской этике, предопределившей успех Китая, Японии и Кореи.

«Ошибка состоит не в том, как трактуется та или иная культура. – пишет Б.Кагарлицкий, - а в том, что в данном случае сани ставятся впереди лошади. Не культура предопределила успех или поражение модернизации, а наоборот, успех или поражение модернизации предопределяет тот или иной вариант развития культуры. В этом смысле «консерватизм» или «радикализм» ислама во второй половине XX века тоже отнюдь не является чем-то унаследованным от времени Магомета. Ислам стал таким в результате неудачи модернизаторских попыток на Ближнем Востоке. Это своеобразное осмысление трагического опыта, реакция на череду неудач, унижений, пережитых арабским миром»²⁷³.

Как нам представляется, и тот и другой подходы имеют весьма веские основания для того, чтобы считать правильной именно собственную позицию. С одной стороны, налицо подчинение культуры принципам капиталистической среды, что можно ежедневно ощущать, сталкиваясь с проявлениями массовой культуры. С другой стороны,

²⁷³ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С. 17-18.

вполне возможно, что именно мобилизационный тип культуры русских, наше тяготение к «сильной руке» предопределяют неудачу демократических преобразований и зачастую впечатляющие рывки в условиях жесткого властного диктата. Впрочем, в истории имеются случаи, способные поставить в тупик оба этих подхода. В этом случае может сработать что-то вроде третьего варианта – например, теории пассионарности Л.Гумилева, зачастую как восторженно принимаемая, так и жестко критикуемая, но мало когда вызывающая равнодушие.

Однако следует признать, что формационный подход и примыкающие к ней политэкономические исследования, а также цивилизационная методология вооружают нас весьма серьезным инструментарием для объяснения большинства фактов общественной реальности. В мировом общественном сознании имелись попытки некоторого диалектического синтеза этих парадигм. Так, одно время пользовалась успехом *теория ковергенции*. Согласно ей, процесс индустриализации продуцирует общие и единообразные политические и культурные характеристики различных обществ. Почти все излучающие культурное многообразие общественные системы стремятся к индустриализации. А вот успех последней как раз и обеспечивается определенными предпосылками, одинаковыми для всех. В качестве подобных условий назывались рынок и демократическое политическое устройство. Идеологическое наполнение подобной теории отрицать трудно (тем более, что время ее появления – противостояние капиталистической и советской систем). И все же рациональное содержание здесь определенно имеется. О нем говорит убедительная победа именно либерального проекта в ходе идеологического противостояния, красной нитью проходящего через всю историю XX века. Ряд социально-политических систем, избравших форму, альтернативную либеральной, оказались

все же в конечном итоге сторонниками либерального подхода. Трудно объяснить исторической случайностью движение к рынку и демократии не только СССР и стран социалистического лагеря, но также пришедших сюда же несколько раньше Франкистской Испании и Салазаровской Португалии. А ведь в странах Пиренейского полуострова консервативный проект воплощался одно время очень даже небезуспешно²⁷⁴.

Мир-системный анализ А.Франк, И.Валлерстайн

Считается, что убедительная версия глобализации представлена школой, фактически продолжающей марксистскую традицию, но в ее расширенном варианте. Причем это расширение во многом произошло благодаря известной исторической школе «Анналов» (а именно трудам Фернана Броделя), методологически близкой культурно - цивилизационному подходу. Речь идет об упомянутом выше мир-системном анализе, раскрываемом в работах Андре Гундер Франка и особенно Иммануила Валлерстайна. В дальнейшем мы попытаемся осветить главные положения мир-системного видения мира, опираясь на обобщенный анализ трудов нескольких известных сторонников этого подхода. Сюда относятся уже упомянутые классики, а также известные их последователи – российские ученые Б.Кагарлицкий, О.Арин и другие.

И.Валлерстайн в 70-е гг. сформулировал понимание нового объекта исследования, фактически обозначившее отказ от традиционного обществознания. Теперь внимание исследователя должно сосредоточиваться не на обществе, ограниченном рамками национального государства, но на мир-системе. Главная ошибка традиционных теорий разви-

²⁷⁴ Более подробно этот вопрос разбирается в монографии Тамбиянц Ю.Г. «Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии» Ростов на Дону, 2006.

тия заключается в том, что они рассматривали общественные системы как бы в изоляции, что методологически совершенно неоправданно. Валлерстайн утверждает, что национальные государства являются не обществами, которые имеют отдельные, параллельные истории, а частями целого, отражающими это целое. В той степени, в какой стадии существуют, они существуют для системы как целого». Отсюда следует вывод Валлерстайна: такой вещи как национальное развитие не существует и «истинным объектом сравнения является мир-система»²⁷⁵.

Основным признаком мир-системы является ее самодостаточность. При этом «мир-система» — не «мировая система», а «система», являющаяся «миром». Это единица с единым разделением труда и множественностью культур. Именно разделение труда в международных масштабах считается основным образующим фактором мир-системы. Структура последней выглядит следующим образом: ядро, полупериферия и периферия. Ядро мира-системы состоит из нескольких государств, т.е. фактически социоисторических организмов. Но они не равноправны. Одно из них является гегемоном. История ядра — история борьбы за гегемонию между несколькими претендентами, победы одного из них, его господства над миром-экономикой и последующего его упадка. Но главное — отношения ядра и периферии. Суть их заключается в том, что государства ядра безвозмездно присваивают излишек, созданный в странах периферии. Периферии подвергаются нещадной эксплуатации не только как поставщики сырья, но и дешевой рабочей силы. «Полупериферия» обозначает ряд регионов, которые занимают промежуточное положение между эксплуатирующими и эксплуатируемыми. Таким образом, центральным моментом концепции Валлерстайна выступа-

²⁷⁵ Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_1086.html

ет то, что международное разделение эксплуатации определяется теперь не столько государственными границами, сколько экономическим разделением труда в мире²⁷⁶.

Через подобное обстоятельство следует рассматривать ситуацию в том или ином государственно-национальном образовании. Как пишет Б.Кагарлицкий: «благодаря международному разделению труда стали необходимы производственные и социальные процессы, которые в противном случае либо вообще не имели бы места, либо реализовывались бы в совершенно иной форме, в иное время, а возможно, и в иной стране»²⁷⁷.

По мнению Валлерстайна, мир-системы существовали задолго до появления капиталистических отношений. Следы последних можно найти даже в эпоху зарождения восточных цивилизаций. Мы не намерены здесь задумываться о том, насколько справедлив данный тезис. Тем более что внимание Валлерстайна и его сторонников больше заострено на капиталистической эпохе, более им близкой и понятной. Здесь мы с ними солидарны, а потому сейчас намерены кратко рассмотреть исторические механизмы формирования капиталистической мир-системы.

А.Франк, И.Валлерстайн относят ее зарождение к концу XV столетия, в чем следует отдать должное возросшей активности европейцев. Экономическая и политическая экспансия Европы XV века, как утверждает Франк, «привела к инкорпорации ныне недоразвитых стран в единый поток мировой истории, который одновременно породил нынешнюю развитость одних стран и недоразвитость других»²⁷⁸. Великие географические открытия европейцев XV-XVI вв. положили начало налаживанию тесных коммуни-

²⁷⁶ Ритцер Дж. Современные социологические теории. М.-СПб, 2002. С. 195.

²⁷⁷ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С.24.

²⁷⁸ Цит. по Семенов Ю. Философия истории. М., 2003.

каций между различными частями мирового пространства, придавая тому форму иерархической организации. Поначалу это были своего рода колониальные анклавны, связаннне между собой лишь фрагментарно. Но уже тогда лидерство европейских держав, стремившихся на вновь открытые земли, представлялось безоговорочным. Подобное положение дел, как утверждают сторонники упомянутой теории, сохраняется и по сей день, несмотря на казалось бы принципиальные изменения в структуре международных отношений.

Первое время более всех преуспели государства Пиренейского полуострова: Испания и Португалия. Интересно, что уже в середине XVI в. в кругах испанской общенности (разумеется, представленной тогда выходцами из аристократических кругов) разгорелся спор, как следует относиться к коренному населению американского континента. Страстный защитник индейцев, епископ Бартоломе де Лас Казас, резко осуждал политику испанских конкистадоров, обращавшихся с индейцами «даже хуже, чем с животными». Ему оппонировал советник императора Хуан Хинас де Сипульведа, оправдывавший подобную политику. Его аргументы сводились к следующему. Индейцы являются варварами, а потому их естественное состояние — покорность цивилизованным народам. Кроме того, индейцы идолопоклонники, практикуют человеческие жертвы, а следовательно, вмешательство для спасения невинных жизней, способствующее к тому же христианской евангелизации, вполне морально оправдано. Возражая на это, Лас Казас старался опираться на фундаментальные положения христианства, поставив под сомнение само понятие «варвар» (ведь перед христианским Богом все равны). Не случайно Валлерстайн в этом видит причину того, что император Карл V, поначалу симпатизировавший Лас Казасу, в конечном итоге отвернулся от него, поскольку логика ар-

гументов епископа фактически опровергала духовно-идеологический базис Испанской колониальной империи²⁷⁹.

Принудительные методы, которыми активно пользовались испанские конкистадоры, были вполне логичными для той эпохи, а тем более для государства, где пока еще безраздельно господствовали феодальные отношения. Для последних, как известно, силовой фактор, представленный военными ресурсами, оказывается решающим. Однако в недрах других обществ уже вызревали капиталистические отношения, логика которых предполагала постепенный отказ от неэкономических методов принуждения в пользу экономических.

Серьезный толчок для мир-системного подхода в рамках марксистской методологии содержался в работах Розы Люксембург. Ее интересовала такая особенность капитализма как стремление к постоянному пространственному расширению, в чем следует видеть следствие сущностной стороны капитализма – максимизации прибыли. Подобная цель требует вовлечения в капиталистическое производство все новых ресурсов, для эффективного использования которых наиболее подходящим оказывается именно капиталистическое производство²⁸⁰. Упомянутая исследовательница более века назад писала: «что в особенности отличает капиталистический способ производства от всех предыдущих, - это то обстоятельство, что мы наблюдаем в нем внутреннее стремление механически распространиться по всему земному шару и вытеснить все другие, более старые общественные формы»²⁸¹. Таким образом,

²⁷⁹ Валлерстайн И. Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление // Социс. № 10. 2001. С. 41.

²⁸⁰ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С.25.

²⁸¹ Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960. С. 317.

выходя на первенствующие позиции, капитализм нашел уже сложившиеся контуры мирового порядка и не преминул стать основным средством закабаления неевропейских народов.

Главным выражением подобного процесса в XVIII-XIX вв. стала колониальная политика. Причем последняя стала распространяться не только на американский континент, но и на страны Востока, основательно отставшие прежде всего в техническом развитии. Р. Люксембург рисует следующую картину внедрения капитализма в колониальные страны. Сначала в результате расширяющейся международной торговли происходит втягивание коренных народов в товарообмен, что сопровождается превращением существовавших здесь производственных форм в товарное производство. То есть хозяйственная деятельность зависимых народов теперь переориентируется на мировой рынок. После этого у «туземцев» экспроприируются их земля и природные угодья с целью превращения их в капитал, а самих «туземцев» – в пролетариев. Как правило, вслед за этим идет последовательная организация собственного капиталистического производства, которое возглавляют либо иммигрировавшие европейцы, либо разбогатевшие «туземцы»²⁸².

Постоянное стремление к расширению капиталистического способа производства объясняется его главной целью – получением прибыли. Человеческое потребление, выступающее целью производства в рамках предшествующих капитализму хозяйственных форм, условиями капитализма превращается в средство накопления прибыли. А потому образование капиталистической мировой хозяйственной системы «влечет за собой увеличение нужды, невыносимо тяжелого труда и все растущей необеспеченности на всем

²⁸² Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М., 1960. С. 321.

земном шаре, которым соответствует накопление капитала в руках немногих»²⁸³.

Интересно, что будучи втянутыми в орбиту мирового капиталистического хозяйства, отсталые страны преобразовывались, но отнюдь не становились аналогами подчинившей их метрополии. Р.Люксембург писала, что феодальные элементы обуржуазиваются, включаются в рыночный обмен, однако капиталистическими не становятся. Например, в «центре» вполне может доминировать свободный труд, тогда как на периферии господствовать рабство, выступающее в качестве источника накопления капитала. Получается, что в этом случае труд рабов субсидирует и стимулирует развитие свободного труда. Ведь более низкие производственные издержки позволяют привлечь дополнительный капитал для стимулирования экономического роста и повышения уровня жизни в странах «центра»²⁸⁴.

С выходом капитализма на международный уровень поначалу лидерство в колониальном мире захватила Великобритания, довольно долго удерживавшая позиции ведущей мировой державы. С материальной точки зрения беззастенчивый грабеж колоний стимулировал экономику метрополий, позволяя поднимать уровень жизни населения этих стран. Созданная в начале XX века фордистская система была ориентирована на массовое производство и на массового потребителя, отсюда в индустриальных странах возникала необходимость в стабильной, хорошо оплачиваемой рабочей силе. Однако та же самая тенденция отнюдь не всегда допускалась для жителей колоний, которым метрополия обычно в жесткой форме диктовала «правила игры».

²⁸³ Там же. С. 320.

²⁸⁴ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С.29.

Более того, зачастую колонии использовались для торговли продуктами «запрещенного» производства, сулившей хорошую прибыль. Можно вспомнить в связи с этим две «опиумные войны», которые вел Китай, старавшийся воспрепятствовать торговле опиумом на своей территории. Подобная торговля обогащала европейцев (главным образом англичан), но, естественно, не сулила ничего хорошего Поднебесной империи. Или искусственно организованный голод в индийских штатах... На сегодняшний день мы имеем дело с очень похожими случаями, когда в нашу страну стремятся завезти вредные отходы производства, по сути дела делая из России «свалку» экологического мусора.

К началу XX в. на статус мировой державы стали претендовать Германия и США, что произошло в первую очередь благодаря созданию собственного промышленного производства. Роза Люксембург в связи с этим указывает, что появление конкурентов на мировом торговом пространстве существенно замедлило развитие британской промышленности. Как бы то ни было, но и Германия и США оспаривали статус мирового гегемона у Британии. Если у первой так ничего и не вышло в результате развязанных ею двух мировых войн, то вторые действовали куда более гибко и в настоящий момент наслаждаются ролью ведущей сверхдержавы вот уже более полувека.

Во многом своему нынешнему статусу США обязаны политике президентов В.Вильсона и Ф.Рузвельта, которым удалось изменить базовые принципы формирования мировой структуры. Уже с окончанием Первой мировой войны Вильсон поднял вопрос о самоопределении наций. «Как каждый гражданин государства должен был иметь равные со всеми права на участие в выборах в своем государстве, так и каждое государство должно было быть суверенным в мировой политике». Это был, по сути дела, первый призыв применить правила либерализма в мировом масштабе.

Франклин Рузвельт действовал в условиях кризиса мировой системы в разгар самых, пожалуй, впечатляющих успехов немецкого оружия. В августе 1941 г. он заставил британского премьера Черчилля пойти на подписание Атлантической хартии, фактически упразднившей колониальную политику Великобритании. Четвертый пункт этого документа гласил, что «все страны – великие или малые, победители или побежденные – имели доступ на равных основаниях к торговле и к мировым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран»²⁸⁵. По мысли Валлерстайна, речь здесь подспудно шла о новых принципах перераспределения прибавочной стоимости, но «теперь уже мировой прибавочной стоимости»²⁸⁶.

Вторая половина XX в. проходила под знаком неолиберализма - снятие торговых ограничений, отказ от протекционизма, что выразилось в появлении международных организаций, фактически определяющих правила мировой торговли. В 1947 г. появилось ГАТТ (генеральное соглашение по тарифам и торговле), в 1995 г. преобразованное в ВТО. Начало 70-х годов ознаменовалось переходом на плавающие валюты и сломом Бреттон-Вудской системы. Наконец, в сфере международных экономических отношений был снят контроль за перемещением капиталов. В Англии это произошло в 1979г., в Японии – годом позже, Франция и Италия сделали это в 1990 г.²⁸⁷.

Очень любопытные рассуждения предлагают теоретики мир-системного анализа по поводу современной роли государства. Согласно распространенной точке зрения, в современной ситуации роль национальных государств либо реально снижается под воздействием неумолимой логики развития международных организаций, либо должна быть

²⁸⁵ Цит. по: Паршев А. Почему Америка наступает. М., 2002. С. 369.

²⁸⁶ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 104.

²⁸⁷ Арин О.А. Мир без России. М., 2002. С.295.

существенно сокращена, дабы не мешать творческим импульсам экономических субъектов. Иммануил Валлерстайн решительно спорит с подобной позицией, во многом оперируя марксистскими аргументами.

По его мнению, функции государства во многом изменились в эпоху капитализма. Однако эти изменения пошли вовсе не в сторону меньшего вмешательства в экономические процессы, как того требует классическая рыночная теория. Напротив, Валлерстайн уверен, что своим масштабным успехам предприниматели-буржуа обязаны именно государству. Последнее двигалось явно в сторону набирания все большей внутренней мощи, причем подобный процесс шел параллельно с возрастанием полномочий международных институтов. Оба эти процесса никаким образом не противоречили друг другу, а временами даже находились в тесной связке. В этом плане есть смысл напомнить о том, как росли мощь глобального гегемона США и роль контролируемых ими международных организаций, таких как ООН, НАТО. Помимо этого ряд выдающихся личностей, контролирующих мировое экономическое пространство, имеет американское происхождение и гражданство. Например, Тед Тернер, Бил Гейтс, владелец международной корпорации «Майкрософт». «Существует особая выгода, - пишет Валлерстайн, - быть предпринимателем из сильной по мировым меркам страны. Определенное позиционирование страны в межгосударственной системе дает предпринимателям явные преимущества»²⁸⁸.

Какие же функции берет на себя капиталистическое национальное государство? Прежде всего речь идет об условиях для накопления капитала, из чего возникает универсальное требование защиты прав собственности. Подобная функция не касается одних только полицейских за-

²⁸⁸ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 90-91.

дач, ориентированных на защиту от грабителей. Весьма щекотливым моментом здесь выступает конфискация, как правило, угрожающая предпринимателям со стороны государственных структур. В период традиционного общества подобные случаи имели место достаточно часто. Можно вспомнить ликвидацию в начале четырнадцатого столетия французским королем Филиппом IV Красивым могущественного ордена тамплиеров, владеющего несметными богатствами. Последние, как нетрудно догадаться, пополнили французскую государственную казну. Конфискации, как указывает Валлерстайн, оставались одним из распространенных барьеров для тех, кто увлекался безграничным накоплением капитала. Однако в современных государствах конфискации придается нелегитимный характер, что достигается не только путем установления права собственности, но и через утверждение «верховенства закона». И это обстоятельство является одним из условий формирования капиталистической системы.

Названный автор признает, что конфискации имеют место и в капиталистическую эпоху - банкротства государств или более близкая современности национализация. «Однако удивляет не то, как широко применялась конфискация, а, напротив, то, сколь редко к ней прибегали. Ни в одной иной миро-системе интересы капиталистов не были так защищены, и с течением времени степень их защищенности лишь возрастала»²⁸⁹.

По мнению цитируемого мыслителя, налогообложение представляет собой не что иное как покупку государственных услуг. Тот факт, что объемы налогообложения возрастают с течением времени, является отражением того обстоятельства, что услуги государства также расширяются. Кроме того, Валлерстайн склонен полагать, что высокие

²⁸⁹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С.87.

ставки налогов выгодны крупным предпринимателям, так как большая часть этих денег возвращается к ним в конечном итоге. Ведь «налогообложение служит способом перераспределения добавленной стоимости от трудящихся и мелких фирм к крупным капиталистам».

Валлерстайн справедливо противопоставляет монополизм свободному рынку. Эти явления скорее препятствуют, нежели способствуют друг другу. Условие свободного рынка – отсутствие явных барьеров для входа в него. И здесь реальным ограничителем выступает именно государственная деятельность.

В распоряжении государства имеется три основных механизма. В первую очередь бросаются в глаза юридические рамки. Государства могут учреждать и запрещать монополии, устанавливая квоты. Тем не менее, прямые запреты не совсем вписываются в господствующую идеологию, делающую особый упор на свободные экономические отношения. Ввиду этого ими стараются не злоупотреблять, тем более что административными запретами механизм воздействия государства на рынок не исчерпывается.

Более существенным моментом, по мнению упомянутого теоретика мир-системного анализа, выступает субсидиарная деятельность. Предоставление государственных субсидий происходит не только в открытой финансовой форме. Сюда следует отнести создание так называемой инфраструктуры, своего рода объектов общего пользования для ведения бизнес-деятельности. Но следует заметить, что затраты на создание этой инфраструктуры обычно ложатся на всех налогоплательщиков, включая и тех, кто, собственно, не собирается использовать открывающиеся возможности. Помимо этого на все общество возлагаются экологические последствия производственной деятельности. Например, зачастую владельцы загрязняющих водоемы фабрик не платят за очистные сооружения. Разумеется,

что подобное «непринятие соответствующих мер по отношению к предпринимателю, предоставление ему возможности скрыть подлинные издержки само по себе есть большая субсидия»²⁹⁰.

Монополии, выступающие главным условием для безграничного накопления капитала, возможны только при поддержке государства. Это обстоятельство особенно актуализировалось в современной ситуации интенсификации международных экономических связей. «Специфическая межгосударственная система, - пишет И.Валлерстайн. - позволяет предпринимателям, в особенности крупным, перехитрить излишне самонадеянные государства, ища покровительства у других, равно как и использовать одну государственную машину для сдерживания другой»²⁹¹. Наконец, сами государства могут выступать как в качестве основных покупателей на своих национальных рынках, так и в статусе монополистов, если, скажем, дело касается оружия.

Одна из основных функций государства, как известно, заключается в поддержании внутреннего порядка, который означает в первую очередь предотвращение выступлений трудящихся классов. Снижение классовой борьбы достигается «сочетанием силы, обмана и уступок». При этом если государство предпочитает силе обман и уступки - такое государство имеет смысл назвать либеральным. Однако, как совершенно справедливо подмечает Валлерстайн, такой подход возможен далеко не везде. Так, периферийные государства обычно не имеют средств для уступок, в силу чего вынуждены задействовать силовые ресурсы. (Этот факт как нельзя лучше характеризует отечественную постсоветскую действительность, о чем мы еще поговорим в

²⁹⁰ Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С. 90

²⁹¹ Там же. С. 91.

соответствующее время). Причем даже в самых либеральных государствах законодательные системы значительно более благосклонны к предпринимательскому классу, нежели к трудящимся. По мнению Валлерстайна, классовую сущность несет в той или иной степени любая из современных юридических систем.

Связь высших административных структур с крупным бизнесом носит взаимообусловленный характер. Предпринимательские круги обеспечивают поддержку лицам, отстаивающим их интересы. И эта поддержка зачастую оказывается решающей при выдвижении на государственный пост. В то же время легитимность существующей системе придает позиция широких слоев граждан. И с этим обстоятельством приходится что-то делать правящей элите. Обычно задействуется широкий спектр манипулятивных технологий, но когда он не срабатывает, мнение большинства может попросту игнорироваться, а в особых случаях не исключается и силовой сценарий (военный переворот в Чили в 1973г.).

Что касается обходных путей по поводу мнения большинства, то можно вспомнить ситуацию с референдумом относительно проблемы быть или не быть СССР. В марте 1991г. подавляющее большинство голосовавших (около 77%) высказалось за сохранение Союза. Тем не менее подобный вопрос реально решался раскладом сил «в верхах». Как известно, СССР перестал существовать уже к концу года в основном за счет того, что круги, придерживающиеся западного сценария, предусматривавшего развал Союза, оказались на тот момент сильнее. В то же время апелляция к народному мнению может быть в определенной ситуации удобна правящим кругам. Например, когда спустя год Девятый Съезд народных депутатов начал процедуру «импичмента», президент Б.Ельцин заявил буквально следующее: «Не им, этим шестистам решать судьбу России. Я не подчинюсь, я подчинюсь воле народа».

Наконец, не столь давнее изменение Конституции в отношении отмены выборов региональной власти. Если раньше существовали губернаторские выборы, то теперь главы регионов назначаются Москвой. Имеет смысл предположить, что за этим стоит соображение попросту избежать риска. Ведь нужный центру человек может проиграть выборы, и его назначение потеряет легитимность. Ранее, когда губернаторские выборы еще существовали, власть временами вынуждена была, что называется, «изворачиваться». Например, действующий губернатор Санкт-Петербурга В.Яковлев имел все шансы победить кремлевского кандидата В.Матвиенко в ходе выборного процесса. Путинское руководство вроде бы не стало нарушителем действующей Конституции. Яковлеву позволили победить на выборах, но через какое-то время попросту перевели его на другую должность, назначив на его место В.Матвиенко.

Таким образом, основатель мир-системного подхода утверждает безусловно классовый характер современного государства. Подобное обстоятельство не стоит оценивать однозначно. «Можно даже признать полезным, - пишет Валлерстайн, - наличие доминирующей силы, способной привнести в систему определенную организованность, повышающую предсказуемость ее функционирования и минимизирующую случайные потери. Но порядок, устанавливаемый этой доминирующей силой, всегда будет предполагать наличие привилегированной группы капиталистов»²⁹².

Крах колониальной системы, последовавший во второй половине XX в., породил закономерный всплеск надежд и энтузиазма у казалось бы вновь обретших свободу народов (особенно касается Африканского континента). Однако это обстоятельство принципиально не изменило сложившегося к тому времени мирового иерархического порядка. Смена

²⁹² Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004. С.93.

политического статуса мало что дала странам развивающимся, что собственно показал уже опыт государств Латинской Америки, завоевавших независимость в первой половине XIX в.

Так же не смогли изменить ситуацию и очевидные социально-экономические и технологические успехи развивающихся стран. Еще освободительные движения выдвигали цели индустриализации и модернизации, которые и были решены в ряде стран, относимых к «периферии». Более того, в странах «центра» (или «ядра») шел обратный процесс – они деиндустриализировались посредством перемещения части производственных мощностей и рабочих мест в индустриализирующуюся периферию. Тем не менее в определенном смысле сложившаяся мировая иерархия даже упрочилась. А в достаточно высоко индустриализированных и урбанизированных Мексике и Аргентине произошли даже финансовые обвалы.

Как пишет Б.Кагралицкий, все дело в том, что «несмотря на то, что по ходу истории глобальное разделение труда неоднократно менялось, неизменной оставалась тенденция к накоплению, концентрации и централизации капитала, лежащая в основе буржуазного способа производства. Централизация капитала в мировом масштабе приводит к формированию нескольких центров накопления, зачастую соперничающих между собой. Именно логика накопления и концентрации капитала ведет к тому, что он систематически перераспределяется в пользу мировых «лидеров».

Этот же автор подчеркивает одно на первый взгляд парадоксальное обстоятельство, тем не менее становящееся понятным при учете этого традиционного капиталистического принципа. Промышленный подъем может сыграть не на укрепление, но на ослабление позиции периферийной страны. Ведь чем лучше работает производство, тем боль-

ше возникает «избыточного» капитала, который перераспределяется в пользу основных центров накопления²⁹³.

Таким образом, можно констатировать следующую структуру мира, сложившуюся на рубеже XX-XXI вв.

Первый мир включает индустриально развитые страны (так называемый «центр» или «золотой миллиард») и географически состоит из трех зон: Северной Америки, Западной Европы, Японии. Здесь мы имеем дело с государствами устоявшейся капиталистической экономики и демократии. Разумеется, Первый мир является самым мощным в экономическом, политическом и военном отношениях. Причем его сила не только в этом, но и в способности координироваться, если его господство реально оспаривается другими мирами.

Второй мир включает среднеразвитые страны. В большинстве своем это государства бывшего советского блока, а также Индия и Китай. Как видно, в политическом и экономическом отношении Второй мир достаточно пестр – социалистический Китай, капиталистическая Индия. Во всех отношениях Второй мир значительно слабее Первого, «испытывая к нему синдром любви и ненависти. С одной стороны, стремится к экономическому сотрудничеству, с другой – отстаивает свою независимость и самостоятельность». Арин верно указывает на малую способность к интеграции относящихся сюда государств. Здесь и речи нет о той монолитности, которой отличается Первый мир. Наоборот, следует констатировать текучесть. Так, большинство государств из всех сил старается примкнуть к Первому миру, хотя есть и такие, которые не прочь бросить ему вызов (Китай).

Третий мир представляет собой конгломераты развивающихся государств, которые по своему социально-

²⁹³ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С.28.

политическому строю находятся на феодальной стадии с элементами капитализма (Африка), на феодально-капиталистическом (страны Юго-восточной Азии) или на криминально-капиталистическом уровне (Латинская Америка).

Относящиеся к Третьему миру государства объединяет низкий уровень социально-экономического развития, при том, что в большинстве этих стран наблюдаются тенденции в сторону еще большей бедности и маргинализации. В первую очередь это касается стран Африканского континента. Вот некоторые данные: 32 африканские страны входят в число сорока стран с самым низким уровнем развития, в среднем один врач приходится на 25 тысяч жителей (для сравнения, в Европе 3,5 врача на 1000 чел.); восемь детей из десяти погибает в возрасте до года от болезней, от которых существуют вакцины (туберкулез, полиомиелит, корь, коклюш, столбняк). До 10 млн. человек на черном континенте больны СПИДом, а в Малави или Уганде им поражено до 30% населения. «Средства массовой информации вспоминают о регионе лишь по случаю массовых убийств, пандемий, катаклизмов, голода и в конце концов закрепляют в коллективных представлениях идею о том, что черный континент обречен»²⁹⁴.

В то же время страны Третьего мира ни в коем случае не являются субъектами, они лишь объекты мировой политики. Действующим субъектом глобализации выступает международная финансовая система с такими элементами, как фонды финансовых рынков. Эти фонды (например, МВФ) оказывают давление на отдельные правительства, диктуя выгодную первую политику. Государствам противостоять подобному давлению весьма сложно, так как в случае «непослушания» международным финансовым ор-

²⁹⁴ Там же. С. 93-94.

ганизациям нетрудно будет организовать финансовый кризис, следствием которого станет развал национальной экономики.

Представляется уместным заострить внимание на следующих выводах мир-системной теории, значимых для нашего собственного исследования.

1) Разрабатываемый И.Валлерстайном, С.Амином, А.Франком и другими последователями подход совершенно отвергает точку зрения о конце капиталистической эпохи, что высказывают (обычно весьма осторожно) некоторые постиндустриальные теоретики. На уровне отдельных стран возможно и произошли некоторые трансформации в сторону «общества услуг» или некоторого сглаживания имущественного неравенства. Однако это произошло во многом потому, что традиционные капиталистические принципы теперь заявляют о себе в транснациональных масштабах. Это новый этап эволюции капитализма, в ходе которого определенным образом изменились формы эксплуатации, однако логика накопления и централизации капитала остается неизменной.

Итогом этого обстоятельства стала вышеописанная структура национальных государств. Этот иерархический порядок имеет тенденцию к упрочению, по мере того как идет распространение открытой экономики, активно навязываемой странами «ядра» или «центра». И.Валлерстайн, подчеркивая несостоятельность концепции эволюционной модернизации (например, та же самая линейно-стадиальная теория Ростоу), утверждал: «Великая иллюзия теории модернизации состояла в обещании сделать всю систему «ядром» без периферии. Сегодня вполне очевидно, что это невыполнимо»²⁹⁵. Ведь недоразвитость одних стран есть следствие их эксплуатации развитыми странами.

²⁹⁵ Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 — 2010 // СМ. 1996. № 5. С. 42.

2) Мир-системные процессы задают разную логику течению общественной жизни в странах, занимающих разное положение в мировой иерархии. Буржуазное развитие стран, принятых в качестве периферии, оказывается подчиненным совсем иной логике, нежели в странах центра. И дело даже не в различии культурных традиций (хотя некоторое их влияние на особенности капитализации сторонники мир-системного анализа не отрицают). С одной стороны, дело заключается в задачах, которые предопределены обществу международным разделением труда. Например, периферийный статус той же российской экономики обуславливает такие явления как торговый характер капиталистических отношений, преимущество экспортного сектора (особенно его сырьевых отраслей) над производственным, упадок социальной сферы, деградация образования и т.д.

С другой стороны, неравномерное перераспределение ресурсов играет свою роль во внутренних отношениях, особенно в тех областях жизни, которые потенциально содержат конфликт. Как пишет Кагарлицкий, «правящие круги в странах «центра» обладают существенно большими ресурсами, что обеспечивает куда большие возможности для социального компромисса и формирования консенсуса. В результате политические системы Запада оказываются устойчивее, демократии - стабильнее, политические и избирательные процессы более «чистыми» и т.д. Не наличие «богатой демократической традиции» предопределяет устойчивость западной свободы, а напротив, неизбежная экономическая неустойчивость периферии делает невозможным формирование «богатых демократических традиций»²⁹⁶.

3) Сложившаяся мировая система носит жесткий иерархический характер. Тем не менее, сторонники упомя-

²⁹⁶ Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004. С.29.

нутаго подхода не обвиняют в этом исключительно капитализм. Последний заявил о себе на международном уровне уже тогда, когда очертания «ядра» и «периферии» различались достаточно явственно. Правда, капитализм серьезно сыграл на укрепление этой структуры и здесь он пришелся как нельзя более ко двору. Мировая элита совершенно не заинтересована в упразднении капиталистических отношений – ведь они по сути дела обеспечивают ее господство. Таким образом, теоретики мир-системного анализа утверждают, что капитализм отвечает потребностям мировой системы, но сам не является порождением этой системы.

Только что рассмотренная теория не случайно занимает очень сильные научные позиции. Ее отличает основательная методологическая база – прослеживается историческая преемственность, осуществляется удачный синтез сильных сторон формационного и цивилизационного подходов, кроме того, указывается на значимость внешнего влияния. Последнее обстоятельство обычно недооценивается социологами, предпочитающими изучать общество в его территориальных (национально-государственных) границах. А ведь весьма популярная концепция А.Тойнби видит в поступающих извне вызовах едва ли не основополагающий фактор внутренних процессов.

В то же время любая теория не лишена уязвимых мест, и в этом плане мир-системный анализ вряд ли представляется исключением. Некоторые исследователи, на которых оказывают влияние тезисы постмодернизма, склонны отвергать рассмотрение нынешних международных отношений с позиции исторической ретроспективы (У.Бек). Мир-системный анализ также критикуют за абсолютизацию внешних межсоциальных связей. В связи с этим происходит недооценка относительной самостоятельности составляющих мировую систему социоисторических организмов, ко-

которые как бы растворяются в этой системе. «Абсолютизация межсоциальных, «горизонтальных» связей, - пишет Юрий Семенов, - с неизбежностью привела не только к отрицанию существования отдельных конкретных обществ, но и к игнорированию внутрисоциальных межстадиальных, «вертикальных» связей»²⁹⁷.

Другими словами, названный подход склонен делать упор на социологизм, масштабы которого возрастают до мировой системы. Тем самым вольно или невольно принижается роль других социальных субъектов, например, личностей. А ведь кое-какие факты заставляют в этом сомневаться. Так, при общем включении бывших стран бывшего социалистического лагеря в мир-систему на правах периферий (или, в лучшем случае, полупериферий) существует все-таки случай Белоруссии, явно из этого ряда выпадающей. При объяснении причин последнего трудно не указать на политическую волю Александра Лукашенко, что заставляет лишний раз призадуматься по поводу роли личности в истории. Другой пример - Куба. Маленькое островное государство, долгое время бывшее исключительно поставщиком сырья, теперь вот уже без малого полвека служит мощным раздражителем для огромных США, находящихся буквально «под боком». То есть, по нашему мнению, в целом принимая тезисы мир-системной теории, имеет смысл расширять их подход за счет оппонирующих взглядов. В данном случае весьма ценными являются наблюдения рассмотренного нами несколько ранее испано-американского мыслителя М.Кастельса. Он подчеркивал, что государства не столько подчиняются объективной реальности, выступающей в виде глобализационных процессов, сколько сами вольны выбирать ту или иную стратегию, от которой будет

²⁹⁷ Интернет-ресурс: http://scepsis.ru/library/id_1086.html

зависеть как их внутреннее состояние, так и международный статус.

Следует отметить, что теория мир-системного анализа служит методологической основой для многих исследований, также занимающихся проблемами международного капитализма. Число ее сторонников растет. Хотя нельзя отрицать, что ряд ученых, будучи в целом благожелательно настроенными к мир-системному анализу, расходятся с ним по ряду моментов (Д.Харви, Г.Шиллер, О.Арин А.Бузгалин, А.Колганов и др.).

*Концепция «глобального капитала» А.В.Бузгалина,
А.И.Колганова*

Российские ученые – экономисты Александр Бузгалин и Андрей Колганов в контексте обрушившейся критики на марксистскую методологию и диалектический материализм в целом сумели не поддаться веяниям идеологической конъюнктуры. Они не только сохранили основу марксистского подхода, но и существенно доразвили его, сделав ряд положений основателя научного коммунизма вполне адекватными сегодняшней ситуации. При этом в рамках предложенного ими толкования социально-экономических и политических процессов пробелы и слабости оппонировавшей им постиндустриальной теории стали более выпуклыми. Это, на наш взгляд, весьма достойный ответ тем ученым, которые склонны считать учение Маркса устаревшим.

Названные авторы отнюдь не намерены надевать на себя шоры экономического детерминизма, они склонны трактовать марксизм расширительно, апеллируя к категории «отчуждение» никак не меньше, чем к категории «способ производства». При этом для них марксизм не только эффективный способ объяснения общественной реальности, но и своего рода путеводная звезда, поскольку им ви-

дится вполне возможным не только реванш социализма, но и его полная и окончательная победа.

По мнению названных ученых технологический прорыв в индустриально развитых странах действительно имел место. И это обстоятельство создало реальные предпосылки для преодоления «царства необходимости» (под которым имеется ввиду эксплуататорский строй) и торжества «царства свободы», в основе которой ложится «ассоциированное социальное творчество» - деятельность, свободная от какого-либо принуждения, в которой максимально реализуются созидательные способности человека. В этом моменте взгляды обозначенных ученых соприкасаются с позицией В.Иноземцева, известного сторонника постиндустриализма, который активно пишет о постматериалистической системе ценностей, где во главу угла ставится личностная самореализация. Бузгалин и Колганов вводят понятие «креатосфера», которая обозначает широко трактуемое пространство культурных ценностей - мир сотворчества, диалога, неотчужденных отношений, в которые включены творческая деятельность людей, предметный мир культуры в целом, а также биосфера (природа)²⁹⁸.

Однако Бузгалин и Колганов в своих объяснениях активно апеллируют к политическому фактору, на который не особенно обращает внимание Иноземцев. По их мнению, уже в 60-е гг. зарождаются материальные основы для перехода к обществу массовой общедоступной творческой деятельности (что отразилось в художественном творчестве тех же «шестидесятников»). Однако капитализм все же переломил эту тенденцию в 70-е гг. XX в., в результате чего доминирующим стал путь формирования материальных основ глобальной гегемонии капитала. Подобный процесс основательно анализируется авторами, которые видят

²⁹⁸ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 65.

здесь тесное переплетение социальных форм, причастных как к информационному обществу, так и индустриальному и постиндустриальному типам.

Глобальный капитализм определяется названными учеными как результат развития тенденций, получивших явное выражение в условиях индустриального общества. С одной стороны, суть индустриализма заключается в развитии механических технологий, которые постепенно заменяются технологиями, использующими новые формы движения материи (физические, химические, биологические и микробиологические). С другой стороны, индустриальное производство базировалось на хищническом использовании невозобновляемых природных ресурсов. Сформировавшаяся в условиях двадцатого столетия единая макротехнологическая система имеет интернациональный характер. В ее основе заложены противоречия «центра» и «периферии». Центр составляют развитые индустриальные страны, потребляющие большую часть природных ресурсов, тогда как в периферию входят страны – поставщики обозначенных ресурсов.

Это обстоятельство, по мнению авторов, и предопределило тот факт, что «в условиях позднего капитализма начинающиеся качественные превращения ресурсов и потребностей мира экономической необходимости в ценности и потребности креатосферы разворачиваются в тех формах, которые последним навязывает (точнее - вызывает к жизни) глобальный корпоративный капитал»²⁹⁹. Что же это за формы?

Технический прорыв (компьютерная революция, прогресс телекоммуникаций) ускорил развитие информационных технологий. Но в результате информация не только повысила свою значимость в качестве социального ресур-

²⁹⁹ Там же. С. 60

са. Кроме того, она становится товаром, «отрекаясь» от своего содержания культурной ценности, общедоступного блага. Информация-товар создает объективную видимость, что это – продукт производства, что это ресурс производства, что это – предмет потребления.

В качестве примера информации-товара, принявшего гротескные формы в современной России, хочется обратить внимание на разрастание практики написания квалификационных работ различного уровня и статуса: начиная от контрольной и заканчивая диссертацией. Это явление не было совершенно исключено из практики советской эпохи, но все же так и не стало правилом для того времени. Сегодня же масштаб названного феномена просто поражает, при том что его возрастающий характер имеет вполне закономерные причины. По сути дела это лишь один из моментов тенизации общественной жизни. Низкие (если не сказать «нищие») зарплаты работников образовательной сферы вынуждают их искать «левые» приработки. В то же время это явление фактически легализуется. Совсем недавно можно было наблюдать рекламный проспект, висевший на видном месте в одном из популярнейших киноцентров Краснодара. В этом проспекте указывался юридический адрес (номер дома, офиса), а также цены (следует признать, довольно низкие) за определенную квалификационную работу.

В силу подобного превращения информация перестает быть общедоступным всеобщим культурным благом. Она становится объектом частной собственности, купли-продажи. Это находит отражение в таких феноменах, как патенты, государственная и коммерческая тайна, цензура и т.п. Понятно, что информация может быть монополизирована (например, государством, корпоративной структурой).

Информация-товар активно производится и потребляется в так называемом «превратном секторе». Подобным термином авторы обозначают *«сектор воспроизводства превращенных форм человеческой жизнедеятельности»*

(курсив А.Бузгалина, А.Колганова)»³⁰⁰. Здесь человеческая активность направлена вроде бы на создание духовных продуктов (а не материальных), однако это именно информационные товары. Это такие сферы как трансакции (торговля, финансы, страхование); государственно-бюрократический аппарат и весь связанный с ним бюрократический мир; военно-промышленный комплекс и связанные с ним наука, образование, функционирование информации и систем контроля; массовая культура, где реально культурные ценности отсутствуют, а существует лишь информационный продукт, потребляемый для расслабления после вынужденной работы. Отсюда потребности и цели деятельности индивида, включенного в функционирование превратного сектора «становятся средствами подчинения человека правилам жизни в условиях отчуждения».

Авторы также называют «показное паразитическое перепотребление» превращенной формой, порожденной современным миром экономической необходимости. Вряд ли демонстрационное потребление, превышающее рациональный уровень, следует считать исключительно современным феноменом. Можно вспомнить эпоху сословий, когда демонстрация роскоши в еде, жилье, одежде и пр. подчеркивала иерархическую дистанцию между дворянином и простолюдином. Однако Бузгалин и его коллега неслучайно апеллируют к этому явлению, поскольку здесь вероятно кроется один из основных факторов современной культуры потребительства, столь основательно описанной постмодернистами.

Следствием этой потребности в превращенных формах информации-товара стало «производство» специалистов и

³⁰⁰ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 61.

развитие знаниеинтенсивных технологий. Специалисты-профессионалы, подготовленные для работы в превратном секторе, пытаются «перевести» творческую деятельность в плоскость традиционного производства материальных благ и потребления. Тем самым господство корпоративного капитала утилизирует процесс развития творческого потенциала. «В данном случае, - пишут указанные авторы, - формируется не столько творческий потенциал...., сколько набор стандартных профессиональных навыков, которые человек может и должен реализовать. Так создаются предпосылки для развития не гармоничного творческого человека, а человека-профессионала, который приспособлен лишь для выполнения частичных функций, жестко подчиненных разделению труда; человека, который обладает соответствующими утилитарными потребностями, диктуемыми набором благ, необходимым для воспроизводства его профессиональных способностей»³⁰¹.

Методологические предпосылки теории авторов глобального капитализма подталкивают их к весьма понятному скептицизму в отношении теории постиндустриального общества. Последняя подвергается сомнению с позиции масштаба исследуемых явлений. Кроме того, названные ученые оспаривают тезис постиндустриалистов, подчеркивающий радикальное смещение типа общественной иерархии в сторону господства «класса интеллектуалов» и даже меритократии. Вот каковы аргументы Бузгалина и его коллеги.

Во-первых, указывается на методологическую уозсть постиндустриальной теории, ограничивающейся изучением общественных процессов экономически развитых стран. В контексте глобального социума, принявшего мир-системные очертания (Валлерстайн), этого оказывается яв-

³⁰¹ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С.75.

но недостаточно, чтобы понять расстановку сил, в том числе и в стратификационном измерении. Так, «общество услуг», являющееся одним из центральных моментов постиндустриализма, присуще в основном странам первого мира (сектор услуг занимает 65%-75% ВВП). Экономика бедных стран в большей степени остается основанной на индустриальном секторе (40%).

Во-вторых, Бузгалин с Колгановым усматривают в попытке представить смещение в сторону третичного сектора (сферы услуг) как переход к новому общественному типу определенное абстрагирование от реальной действительности. Сфера услуг даже в странах «золотого миллиарда» крайне неоднородна. Зачастую она включает и примитивный индустриальный, и даже ручной труд. Как пишут указанные авторы, «можно достаточно обоснованно предположить, что она (доля ручного и индустриального труда) является доминирующей в таких отраслях как торговля, общественное питание и бытовые услуги. Здесь господствует низкоквалифицированный труд, мало меняющий свое содержание от того, что, например, кассир пользуется компьютеризированным кассовым аппаратом, оставляющим на долю человека примитивнейшие функции: поднести продукт к одному считывающему устройству, пластиковую карточку покупателя – к другому и нажать несколько клавиш с картинками»³⁰². Собственно, похожая аргументация предъясняется Ф.Уэбстером в отношении аналогичного тезиса Д.Белла³⁰³. Из этого можно заключить, что воспевание третичного сектора представляет явно слабое место (и, вероятно, не единственное) в теории постиндустриального общества.

Таким образом, Бузгалин и Колганов, не отрицая факта роста сферы услуг, требуют рассматривать ее со структур-

³⁰² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С.27.

³⁰³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.

ных позиций. Собственно масштабы сферы высоких технологий (столь милой сердцу постиндустриальных теоретиков), остаются относительно небольшими. В развитых странах ее доля, разумеется, выше по сравнению с бедными странами и растет быстрее. Однако даже у таких безусловных лидеров как США и Япония эта сфера составляет около 15%.

В то же время рассматриваемые авторы обращают внимание на другие отрасли третичного сектора, такие как финансы, государственное и корпоративное управление, адвокатские услуги. Ростовая динамика названных отраслей впечатляет (около 10% в год), что объясняется, по мнению авторов, тем обстоятельством, что эти виды деятельности обслуживают транзакционные процессы. Особенно бросаются в глаза масштабы фиктивных финансовых операций, которые качественно значительно больше масштабов реального сектора. Как свидетельствуют авторы, в середине 90-х гг. транснациональная торговля финансовыми депривативами составляла до 2 миллиардов долларов в день, а объем контрактов на биржевом и внебиржевом рынках достигал 40 триллионов долларов, тогда как экспорт товаров и услуг едва превышал 6 триллионов.

Отсюда тезис авторов сводится к тому, что на рубеже XX-XXI вв. в экономике становятся доминирующими те сферы, «где капитал прямо занят производством самого себя (денег) из самого себя (из денег) и обслуживанием этих процессов (управление, защита прав собственности и т.п.)»³⁰⁴. В связи с этим выходит *третий* момент их критики в отношении картины, нарисованной постиндустриалистами. Последние, констатируя формирование класса интеллектуалов в качестве новой элиты, попросту «закрывают глаза» на действительных хозяев глобального капитала.

³⁰⁴ Там же. С. 29.

В современном мире за внешним лидерством управленцев (или класса интеллектуалов) скрывается власть корпоративной номенклатуры, тогда как первые – не более чем ее функции. Занятые в превратном секторе интеллектуалы в наибольшей степени «подкуплены» бизнесом, сосредоточенным в данной сфере. «Для этих интеллектуалов разрыв с превратным сектором и переход в другую сферу творческой деятельности принципиально сложен, ибо их мотивация, результаты их деятельности, сам ее характер, диктуемый превращенными формами данного сектора, - вся жизнь должна быть в этом случае качественно изменена»³⁰⁵.

Подобная позиция Бузгалина и Колганова весьма близка взглядам итальянского теоретика первой половины двадцатого столетия А.Грамши, который в своей концепции культурной гегемонии описывал интеллектуалов как приказчиков правящего класса. Вероятно, подобные тенденции набрали ход и приняли теперь глобальный характер.

Вот как рассуждает по поводу расслоения российской интеллигенции один из интереснейших отечественных авторов Борис Кагарлицкий. Он констатирует, что небольшая прослойка элитной интеллигенции гарантированно сохраняет свои позиции вне зависимости от степени деградации массового общества в России и даже имеет возможность укреплять эти позиции. «В обмен на премии и награды люди произносили речи, угодные тем, кто эти награды давал и премии спонсировал. Начальники и спонсоры менялись. После появления в Кремле Владимира Путина некоторые представители официальной культуры даже намекали, даже скромно намекали, что с Ельциным и они немного ошиблись. Удивительно лишь то, что многие из тех, кто пошел в услужение новой пропаганде, в советские времена ни за что не согласились бы на эту роль. Разумеется, разное время, разные соблазны. Порой люди, геройски проявляющие себя на фронте,

³⁰⁵ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С.83.

дрожат, услышав окрик начальника. Так и в эпоху Ельцина обнаруживалось, что многие, твердо и жестко отвергавшие соблазны советского официального признания, потеряли всякое человеческое достоинство, увидев первую «штуку баксов». Впрочем, и советские соблазны отвергались далеко не всеми» (Источник Кагарлицкий Б.Ю. Управляемая демократия: Россия, которую нам навязали. Екатеринбург, 2005, С.100, 107.)

Исходя из подобной позиции, Бузгалин и его коллега подвергают серьезной корректировке тезис сторонников постиндустриальной теории касательно образования как ведущего фактора социального расслоения. Последние (Иноземцев и др.) склонны определять уровень образованности в большей степени зависящий от личностных качеств (творческие способности, IQ и т.п.) и только во вторую очередь – от социального статуса. Теоретики глобального капитала, напротив, считают, что в современном обществе уровень образования – есть следствие общественного положения человека в значительно большей степени, чем его личностных качеств. Изменяющийся характер трудовой деятельности и в самом деле повысил значимость образования. Однако доступ к нему, по мнению Бузгалина и Колганова, представляет собой продукт социальных противоречий и действительно является в настоящий момент одним из основных параметров социальной мобильности. «Но образование – это именно одно из *средств* (курсив А.Бузгалина, А.Колганова) социального продвижения. Считать уровень знаний человека основой социальной стратификации ныне можно не в большей степени, чем умение владеть шпагой – основой социальной стратификации при феодализме»³⁰⁶.

В российском обществе социальное (классовое) происхождение определяет не только доступный уровень образования, но и возможность получения наиболее престижной специально-

³⁰⁶ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С.147.

сти. Дело в том, что ВУЗы, превратившиеся в нынешних условиях в рыночные субъекты, действуют согласно рыночному же принципу. Например, стоимость получения (поступление и обучение) юридической или экономической специальности существенно выше, нежели получение гораздо менее востребованных специальностей агронома, зооинженера или школьного учителя. Кроме того, немаловажным моментом служит дальнейшее устройство на работу, что также предполагает широкую систему личных связей – также весьма существенный показатель социального положения в России.

В то же время, как представляется, существенную корректировку вносят приоритеты, обозначенные правящими структурами. Например, расширение управленческих структур предполагает появление в высших учебных заведениях вновь созданных отделений по специальности «государственное и муниципальное управление» с соответствующей высокой оплатой за обучение.

Итак, что же за стратификацию рисуют названные ученые, исходящие во многом из синтеза марксистской методологии и отдельных моментов постиндустриального подхода? Прежде всего они исходят из факта гегемонии международного корпоративного капитала – главного субъекта мировых экономических процессов. Подавляющее большинство населения современного мира так или иначе подчинено влиянию этой гегемонии, а следовательно именно оно и должно браться за объект рассмотрения.

Бузгалиным и Колгановым констатируется неоднородность и некоторая размытость нынешних стратификационных групп, включенных в пространство глобального капитала. Это объясняется, по их мнению, тем обстоятельством, что нынешняя ситуация носит черты переходного периода. Авторы подходят к социальному разделению как бы с двух точек зрения. Они определяют собственно классовую структуру, понимаемую ими с типичных марксистских по-

зиций (место в общественной системе труда), а также разделение по характеру деятельности. Во втором случае названные ученые выделяют «субъектов ассоциированного социально-экономического творчества» и лиц, подчиненных без остатка гегемонии капитала («конформистов»).

В качестве субъектов социального творчества выступают в основном наемные работники, «пробудившиеся к самостоятельной деятельности по преобразованию общества в самых разнообразных формах». Разложение капиталистических отношений приводит к появлению трудящихся, чья жизнедеятельность и сознание по преимуществу не подчинены гегемонии капитала и которые предпочитают идти «против течения». При этом названное противодействие происходит не в стихийных, но в организованных формах, например, движение «альтерглобалистов».

К группам, составляющим опору гегемонии капитала, авторы относят не только корпоративную номенклатуру, но также мелких буржуа, лиц свободных профессий, люмпенов, часть наемных работников. Как пишут Бузгалин и Колганов, здесь имеет место широкий круг лиц, которые озабочены «лишь проблемой выгодной продажи рабочей силы и соблюдения правил «порядочной жизни», даже если всей душой ненавидят эти правила³⁰⁷.

Интересно, что авторы считают возможным подчеркнуть, что речь идет в первую очередь не о социально-психологических установках, но о социальном делении специфического свойства, однако имеющем объективный характер. В то же время оба признака дифференциации (классовой и характер деятельности) тесно связаны друг с другом. По предположению названных ученых, «чем сильнее человек по своему классовому положению привязан к собственности, посту в иерархии и иным институтам гос-

³⁰⁷ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 151-152.

подствующего мира отчуждения, тем труднее порвать ему с этой поработавшей связью и включиться в социальное творчество»³⁰⁸.

Что касается собственно классового деления, то названные авторы концепции глобального капитала предпочитают рассматривать его с традиционных позиций собственности и власти. Не отрицая значения образовательно-профессионального деления (на которое делают упор постиндустриалисты), Бузгалин и Колганов считают его дополнением к классовому принципу и в определенной мере следствием последнего (о чем говорилось выше). Образовательный критерий в условиях современного капитализма воспроизводит «профессионалов» как полузамкнутую страту – «жрецов гегемонии», обслуживающую и воссоздающую власть корпоративного капитала. В то же время малоимущие слои оказываются запертыми в «гетто отсталости», будучи практически лишены доступа к получению качественного образования.

Итак, вполне закономерно, что вершину глобальной стратификационной структуры занимает *класс буржуазии*. Он включает значительное количество групп, несколько пестрых по составу и функциональному предназначению. Однако им свойственно в целом господствующее положение в мировой иерархии. Элитные слои, как водится, составляет «номенклатура глобального капитала». Ее состав охватывает представителей «от высших менеджеров, держателей крупных пакетов акций и государственной номенклатуры до лиц, контролирующих основные права собственности в корпоративных группах»³⁰⁹. К другим подгруппам буржуазного класса следует отнести господствующие слои стран Второго и Третьего миров (в том числе полуфеодалных вождей типа арабских шейхов, а также

³⁰⁸ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004., С.152.

³⁰⁹ Там же. С. 149.

российских олигархов), во многом зависимые от корпоративной номенклатуры, а также группы частных собственников вроде средней буржуазии.

Мелкие частные собственники, к которым относятся и «лица свободных профессий» (например, адвокаты), обычно выступают в качестве придатка корпоративного капитала. Будучи подчиненными последнему технологически, они по самому содержанию своей деятельности содействуют укреплению механизмов гегемонии капитала.

Класс наемных работников занимает наиболее значительное место как в количественном отношении, так и с точки зрения выполняемых функций. Трудовые усилия представителей этой очень масштабной группы по сути дела обеспечивают фундамент власти корпоративного капитала. В то же время класс наемных работников довольно пестр по составу, имущественному и функциональному положению. А. Бузгалин и А. Колганов считают возможным обозначить следующую внутреннюю классификацию.

Во-первых, «классические» наемные работники – численно наиболее массовый слой и в большинстве своем представляющие рабочих стран второго и третьего миров. Заработная плата этих людей обеспечивает лишь необходимый уровень воспроизводства качества рабочей силы при довольно слабо развитой системе социальной защиты. «Классические» наемные работники заняты преимущественно репродуктивным индустриальным (а то и доиндустриальным) трудом, подчинены капиталу как формально, так и реально. Подавляющее большинство из них являются отчужденными от средств производства и продуктов своего труда, практически не имеют влияния на управленческие решения, а также лишены возможностей повышения своей квалификации. Именно представители данной группы, как утверждают авторы концепции глобального капитала, производят ныне ту прибавочную стоимость, которой

хватает на содержание всего превратного сектора и перепотребление привилегированных слоев в развитых странах³¹⁰.

Весьма близко к данной категории, как полагают названные авторы, располагаются низкоквалифицированные рабочие развитых стран, значительную часть которых составляют рабочие-иммигранты³¹¹.

Во-вторых, наемные работники, занятые квалифицированным индустриальным трудом в развитых странах. Представители данной группы также являются преимущественно объектом эксплуатации капиталом, «но на них распространяются некоторые переходные формы (от охраны труда и социальной защиты до участия в управлении собственностью), а также механизмы перераспределения в их пользу части мирового общественного богатства». Последнее обстоятельство, с одной стороны, ослабляет тяжесть эксплуатации, с другой – усиливает подчинение работников этой группы капиталу, делая их более лояльными. Неслучайно, как подчеркивают авторы, квалифицированные работники развитых стран политически куда более оппортунистичны, нежели представители «классического» наемного труда.

В-третьих, наемные работники массовых творческих профессий – учителя, воспитатели, врачи общедоступных госпиталей и клиник, социальные работники, низшие государственные служащие, работники культурных учреждений. Они подчинены гегемонии корпоративного капитала в силу всеобщности последней и того факта, что государства и общественные учреждения выступают в роли агентов названной гегемонии. При этом наблюдается тенденция не столько возрастания статуса этой группы, сколько все большее исключение ее представителей (особенно это ка-

³¹⁰ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С.148.

³¹¹ Там же. С. 148.

сается «рядовой» интеллигенции) из среднеобеспеченных слоев и переход в категорию «низов».

В-четвертых, служащие корпораций, соединяющие в себе черты наемного работника (особенно это свойственно низшим служащим) и качества членов корпоративной иерархии (присуще служащим среднего и высшего уровня). Цитируемые авторы определяют представителей данной группы как «жрецов гегемонии капитала». Здесь наблюдается наибольшая степень подчиненности гегемонии капитала и сращенности с ним на основании привилегированного материального положения, вращаясь в бюрократическую иерархию и т.п.

Наконец, самые низшие этажи социальной пирамиды заполняют люмпены, пауперы, «исключенные». Специфика положения этого слоя, по мнению А. Бузгалина и А. Колганова, определяется следующими результатами влияния на него гегемонии капитала.

Во-первых, данный слой является очень массовым и фактически оказывается «запертым» в многочисленных «гетто отсталости», разбросанных по анклавам-болотам мегаполисов развитых стран.

Во-вторых, эти гетто представляют собой замкнутые образования, из которых чрезвычайно тяжело выбраться.

В-третьих, как реакция на принудительное замыкание бедноты, в гетто выступает массовая миграция, ныне представляющая глобальную проблему.

В-четвертых, «революция знаний», дополняющая социальную поляризацию образовательно-квалификационной, создает солидные барьеры для выхода из названного гетто отсталости, в то же время оставляя открытыми «входы» в нее³¹².

³¹² Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 147.

В то же время авторы концепции глобального капитала обоснованно указывают на то обстоятельство, что в условиях глобализации происходит усложнение общественной действительности, вследствие чего расширяется область социальных антагонизмов. Современные общественные противоречия уже не сводятся к противостоянию богатых и бедных. Процессы интеграции и формирования мир-системы в значительной степени «перемешали» классовый и национальный факторы.

Хотя в исходном пункте мы имеем антагонизм между трудящимся большинством всех трех миров и транснациональным и национальным капиталом. Однако трудящиеся стран 1, 2 и 3 миров имеют существенные различия, которые также необходимо учитывать. Формы «цивилизованного» капитализма, присущие развитым странам, не особо вяжутся с формами варварского капитализма, доминирующими в периферийных странах. Эти нестыковки дополняются культурными различиями и т.п. Подобные обстоятельства порождают объективные противоречия уже между трудящимися преуспевающих и отсталых стран.

В то же время противоречия типа «Север» - «Юг», или «Центр» - «периферия» создают предпосылки для классового мира внутри каждой группы стран. Этот процесс, по мнению авторов, следует рассматривать двояко. При позитивном факте национального единения создается почва для расизма, милитаризма, защиты сформировавшегося мирового порядка не только «сверху», но и его поддержки «снизу» (в последнем случае это, естественно, касается развитых стран).

Помимо этого, существенно усложняют картину расстановки социальных сил в современной ситуации пронизывающие весь современный мир противоречия труда и капитала – с одной стороны; конформистов (субъектов и рабов гегемонии капитала и бюрократии) и субъектов со-

циального творчества – с другой, граждан отстающих и развитых стран - с третьей.

Так борьба против национального угнетения, неокOLONиализма приобретает амбивалентный характер: накладываясь на конформизм, зачастую приобретающий в странах 2-го и 3-го миров агрессивно-консервативные формы, эта борьба выливается в поддержку авторитарных, патриархальных, полуфеодальных движений и т.п.

В то же время борьба за национальное освобождение и новый тип международных отношений становится неотъемлемой частью социалистических преобразований, если опирается при этом на интернационализм. В свою очередь конформистское большинство трудящихся развитых стран способно проявлять шовинизм, поддерживать гегемонию собственной страны, так же как и поддержать интернациональные движения, направленные на борьбу с капиталистической гегемонией³¹³.

Итак, подытоживая концепцию гегемонии корпоративного капитала А.Бузгалина и А.Колганова, следует остановиться на следующих моментах, наиболее значимых для нашего исследования.

1) Названные ученые склонны рассматривать социальные отношения (в том числе их стратификационное измерение) как совокупный результат технологического развития и динамики производительных сил, выходящих на глобальный уровень. При этом нынешнее состояние глобального сообщества предопределено не столько естественными процессами, сколько интересами определенных экономических и политических субъектов. Последние представлены высшими слоями транснациональной буржуазии (корпоративной номенклатурой).

³¹³ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2004. С. 148.

2) Усложнение социальных отношений актуализирует вопросы поддержания гегемонии мировой корпоративной элиты, тем более что на том же транснациональном уровне возникают тенденции ей противостоящие. В силу этого стали ускоренно формироваться и воспроизводиться прежде всего те производительные силы, которые обеспечивали тотальную власть транснациональных корпораций и государственных аппаратов ведущих развитых стран. В этом плане приоритетными стали такие сферы как финансы, движение фиктивного капитала, корпоративное и государственное управление, ВПК, массовая культура. Именно здесь концентрируется деятельность наиболее сегодня преуспевающей части совокупного работника, так называемых «профессионалов»; формируются наиболее дорогостоящие рабочие места, обеспечивающие наибольший доход; сосредоточены наибольшие усилия современной научной мысли и т.п.

3) Бугалин и Колганов считают реальным противодействие нынешним глобальным процессам, в котором они видят борьбу не столько против глобализации как таковой, сколько против глобальной корпоративной номенклатуры. Движущей силой этой борьбы должны стать слои и группы, ориентированные на свободную творческую деятельность, максимально приближающую к возможностям личностной самореализации. Подобная позиция авторов заставляет их существенно скорректировать описываемую ими схему глобальной стратификации. Именно этот фактор (ассоциативное творчество) авторы намереваются положить в основу стратификационной структуры общества будущего.

Д.Харви, неолиберальный проект: национальная и глобальная перспективы .

Профессор Университета Джона Гопкинса Дэвид Харви уже упоминался в связи с рассмотрением развития марксистской теории в 70-90-е гг. Напомним, что этот ученый является сторонником тезиса о том, что, несмотря на постмодернистские тенденции, принципы капитализма не только сохранены, но и упрочились. В господствующих на сегодняшний день социальных процессах Харви усматривает явные тенденции восстановления классовой власти, причем как в национальном, так и в глобальном измерении. Не случайно нынешняя политика обозначается им как неолиберализм. В то же время последний трактуется не столько как идеологическая система, сколько как проект, приводящий к определенным последствиям.

Д.Харви в собственных рассуждениях не следует некоторой заданной методологической схеме, которой грешат теоретики постиндустриализма, информационного общества, попавшие под влияние технологического детерминизма, а также в некотором роде и сторонники мир-системного анализа, не допускающие возможности развития вне глобального контекста. В то же время нельзя сказать, что работы Харви неуязвимы для критики оппонентов. Его подход выдержан в стиле жесткой связи политики и экономики, тогда как культурные влияния он предпочитает ставить на второй план. Зачастую Харви демонстрирует нам, как те же самые ценностные постулаты либерализма имеют исключительно практическое значение и безжалостно отбрасываются, если вдруг начинают противоречить конкретным целям и задачам.

По мысли Харви, предпосылки неолиберального проекта созревают во второй половине XXв., а конкретнее в первые два послевоенных десятилетия. Это было время, когда в индустриальных странах доминировала форма «встроен-

ного либерализма», предполагавшая существенные социальные и политические ограничения для рыночных механизмов. Существующая система в зависимости от ситуации могла поставить барьер целям крупного бизнеса, а также стимулировать предпринимательскую инициативу. Другими словами, господствовала кейнсианская модель рынка, предполагающая широкие регулятивные полномочия государства.

Тем не менее уже конец 60-х ознаменовался кризисом «встроенного либерализма». В плане преодоления этого кризиса существовали две альтернативы: либо усилить регулирующую роль государства, либо дать свободу и простор действиям корпораций и бизнеса, восстанавливая тем самым принципы классического рынка. К середине 70-х гг. победу праздновали сторонники второго подхода.

Как считает Харви, это произошло не из-за возросшей популярности идей свободного рынка, высказываемых Чикагской экономической школой (напомним, что в 1974 г. и два года спустя были награждены Нобелевскими премиями известные теоретики неолиберализма, сначала Фридрих фон Хайек, а затем Милтон Фридман). Главной причиной было стремление восстановить то социально-экономическое положение элитных слоев общества, которое было ими утеряно за годы «встроенного либерализма». Так, если в конце 30-х годов доля национального дохода США, приходящаяся на 1% самых богатых граждан, составляла 16%, то к моменту окончания войны она была уменьшена в два раза и оставалась практически неизменной еще в течение трех десятилетий.

В то же время, пока имел место высокий экономический рост, подобные ограничения правящего класса не имели существенного значения, - ведь элита располагала неизменной долей в объеме растущего национального богатства. «Когда же в 1970-е годы рост прекратился и ре-

альные процентные ставки оказались отрицательными, а дивиденды и прибыли уменьшились практически до нуля, верхушка общества почувствовала угрозу. В США уровень богатства (но не доходов), контролируемого 1% самых влиятельных граждан, практически не изменялся на протяжении всего XX века, но начал стремительно снижаться в 1970-е., с падением стоимости активов (акций, недвижимости, сбережений). Граждане, относящиеся к верхушке общества, должны были быстро принимать решения, чтобы защитить себя от политического и экономического уничтожения»³¹⁴.

Харви констатирует наличие еще со времен рузвельтовского «Нового курса» группы состоятельных граждан и руководителей корпораций, «интуитивно сопротивлявшихся любым формам государственного вмешательства и регулирования», и усиливающемуся стремлению формировать смешанную экономику. В 70-е гг. это движение смогло добиться перемен в политическом курсе, ознаменовавшем явные тенденции к усилению классового неравенства. Притом, что эта тенденция характерна как для большинства внутренних национальных структур, так и для социально-экономического распределения в мировом масштабе.

Так, в Великобритании начиная с 1982 года доля одного процента самых богатых людей в национальном доходе увеличилась с 6,5% до 13%. В США результатом неолиберальной политики стало фактическое восстановление довоенного уровня той доли национального дохода, которая приходилась на 1% наиболее состоятельных. В конце 1970-х гг. она достигла 15%. В то же время доля национального дохода 0,1% самых богатых американцев выросла в три раза за двадцатилетие с 1978г. по 1999г. (с 2% до 6%). При этом соотношение заработной платы топ-менеджера и ра-

³¹⁴ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 27-28.

бочего в американских корпорациях выросло с 30:1 (в начале 1970-х гг.) до почти 500:1 к 2000 году.

Те же самые диспропорции были усилены в ряде других стран, попробовавших неолиберальных рецептов (это касается Китая, Мексики, стран Восточной Европы, бывшего СССР и т.д.), а также на мировом уровне. Разрыв в доходах одной пятой жителей наиболее богатых стран и одной пятой жителей самых бедных стран в 1960 г. составлял 30:1, в 1990г. уже вырос до 60:1, а в 1997г. остановился на отметке 74:1³¹⁵.

Подобный переход оказался возможен под влиянием ряда обстоятельств, которые Харви подвергает обстоятельному и подробному, хотя и не всегда системному рассмотрению. Их возможно дифференцировать на экономические и политические факторы, анализ которых ждет нас ниже.

Что касается *экономических* условий, то здесь, по мнению Харви, ведущую роль в восстановлении классового влияния сыграли четыре компонента. Во-первых, это поворот к более открытой финансовой системе, которая стала контролировать экономику и государственный аппарат. Эти шаги были предприняты уже в 1970-е гг. и получили новый толчок в 1990-е, вероятно с распадом советской системы. Финансовые рынки, считает Харви, во всем мире переживали мощную волну инноваций и дерегулирования, превращаясь в привилегированное средство восстановления классового влияния. Глобальное влияние смещается из области производства именно в область финансов. Тесная связь между корпорациями и банками теперь заменяется связью между корпорациями и финансовыми рынками.

Во-вторых, рост мобильности капиталов во многом за счет стремительного удешевления коммуникаций и транс-

³¹⁵ Там же. С. 31.

порта. Если в 1930г. трехминутный разговор между Нью-Йорком и Лондоном стоил около 300 долларов (в ценах на 1996 г.), то в 1996 году уже около одного доллара³¹⁶. Кроме того, шел процесс открытия границ, запущенный еще вильсоновской системой и ускоренный Атлантической хартией. Уменьшение искусственных барьеров для перемещения капитала и сырья сыграло важную роль. Хотя серьезный дисбаланс в экономическом благополучии стран сохранялся (и становился больше), общая тенденция состояла в «стандартизации торговых отношений на основе международных соглашений». Кульминацией этого процесса стало заключение соглашений в рамках Международной торговой организации в 1995г.

В-третьих, рост влияния международных организаций в основном экономического характера (МВФ, Министерство финансов США, ВТО), которые, используя экономические рычаги (в основном финансовое давление), воздействовали на политические решения отдельных стран Второго и Третьего миров, по сути дела вынуждая вступать их на неолиберальный путь развития. Все это способствовало росту экономики индустриальных лидеров, в первую очередь США. Секрет последних заключается «в способности извлекать растущую рентабельность из финансовых и корпоративных операций (прямые и портфельные инвестиции) в других странах».

В-четвертых, кейнсианская доктрина оказалась существенно потесненной неолиберальной концепцией (монетаризм), которая связывается с Чикагской школой экономической мысли. Уже в начале 1980-х гг. экономисты-кейнсианцы лишаются сколько-нибудь значимых постов в международных экономических организациях³¹⁷. Харви

³¹⁶ Арин О.А. Мир без России. М., 2002. С. 295.

³¹⁷ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 125-127.

указывает, что внедрению неолиберальной доктрины благоприятствовали и культурные обстоятельства. Бурный 1968 год сохранил идейное влияние на значительную часть граждан, особенно молодежь. Государство в сознании участников студенческих движений воспринималось как враждебная сила, подавляющая порывы индивидуальной свободы. Неолиберализм отвечал этим чаяниям, прекрасно подходя и для задачи иного плана – восстановления влияния буржуазных классов посредством сокращения государственного вмешательства в экономику³¹⁸.

Помимо этих обстоятельств, заинтересованные в восстановлении классового превосходства группы предприняли ряд шагов, которые существенно повысили их шансы для достижения обозначенной цели. Речь пойдет о *политических* факторах, которые касаются классовой консолидации элитных субъектов, а также неолиберального государства.

Начиная с 1970-х гг. наблюдается серьезное сближение между производительным и финансовым капиталами. До этого эти субъекты экономики во многом противостояли и конкурировали друг с другом, что отражалось в том числе и на правительственных решениях. Теперь же крупные корпорации начинают ориентироваться и на финансовые операции, не отказываясь и от собственно производственной деятельности. Харви пишет: «В результате слияний компаний, оперирующих в разных секторах экономики, новообразованные конгломераты занимались и производством, и торговлей, и недвижимостью, и финансовыми операциями. Один из ключевых источников влияния в условиях неолиберализма связан, таким образом, с руководителями корпораций, которые определяют большую часть решений внутри компании, а также с лидерами финансово-

³¹⁸ Там же. С. 125-128.

го, технического и юридического аппаратов, поддерживающего деятельность корпораций»³¹⁹. Таким образом небольшому числу коммерческих деятелей удавалось не только аккумулировать огромные личные состояния, но и удерживать контроль над значительными сегментами экономики. Все это обеспечивало не только экономическую власть, но и способность влиять на политические решения. Так, совокупная величина состояния 358 самых богатых людей мира в 1996 г. равнялась совокупному доходу 2,3 миллиарда человек беднейшего населения. За 1994-1998 гг. состояние 200 богатейших людей удвоилось и составило около 1 триллиона долларов³²⁰.

Классовая консолидация происходила и под влиянием транснациональных процессов. Правящий класс, по справедливому замечанию Харви, редко ограничивал свою деятельность пределами определенного национального государства. Это было характерно для колониального периода и является еще более присущим эпохе глобального неолиберализма. «Это не означает, что лидеры правящего класса не ассоциируют себя с определенным государственным аппаратом – как с целью выгоды, так и в поиске защиты. Важно, с *каким именно государством* эти связи для них будут первостепенными, однако связи эти не более стабильны, чем постоянно перемещающийся капитал» (выделено Д. Харви). Например, известный создатель медиаимперии Рупперт Мердок начинал с Австралии, затем перенес свою деятельность в Великобританию, а впоследствии стал гражданином США. Тем не менее, несмотря на видимый космополитизм, Мердок по-видимому ассоциирует себя с определенным национальным интересом. Иначе трудно объяснить тот факт, что все 247 якобы независимых редак-

³¹⁹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 49.

³²⁰ Там же С. 50.

торов принадлежащих ему газет поддержали войну США против Ирака ³²¹. Корпоративный интерес Р.Мердока, Б.Гейтса, К.Слима и других обычно оказывает классовое влияние одновременно в рамках нескольких государств.

Отсюда следует, что корпоративный капитал нескольких лидеров мирового бизнеса имеет возможность претендовать на роль основного субъекта процессов, происходящих, в том числе, и на международном уровне. Правда, Харви считает преждевременным судить здесь именно о классовой консолидации, поскольку речь идет о довольно неоднородной группе людей, занятых в разных областях (скажем, в производстве технологий, розничной торговле, финансах или недвижимости), между которыми вовсе не исключены серьезные трения. Однако в достаточной степени единство интересов здесь все же имеется, на основе чего неолиберализм признается ими в качестве наиболее предпочтительного проекта. Существенной подпоркой в этом плане служит Всемирный экономический форум в Давосе, на котором лидеры бизнеса, а также политические деятели обмениваются идеями и координируют свои действия, значимые в международных масштабах.

Особого места заслуживают рассуждения Д.Харви по поводу неолиберального государства. Подобным термином ученый обозначает «государственный аппарат, чьей основной миссией было бы обеспечение условий для накопления капитала как местным, так и иностранным бизнесом». Такое государство оказалось одним из основных (если не главным) средств восстановления классового неравенства. По мере усиления своего влияния господствующий класс старается не только отменить зависимость от государственной власти, но «и переориентировать само государство в соответствии с неолиберальными принципами».

³²¹ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С.51.

Воздействие корпоративного капитала на политические решения обычно происходит в нескольких направлениях. Стоит выделить ставшую уже привычной (особенно для России) коррумпированность чиновников, а также неформальные институты лоббирования. Однако Харви указывает на другое важное средство, взятое на вооружение крупным капиталом. Речь идет о создании корпоративных политических комитетов, которые финансируют политические партии в обмен на проведение политической линии, соблюдающей интересы данной корпорации. Число этих комитетов стремительно растет. Если в 1974 г. их было 89, то через восемь лет их количество возросло до 1467.

Кроме того, следует учитывать, что неолиберальный союз крупного капитала и государственного аппарата в определенных странах имеет свои специфические отличия, складывающиеся под влиянием той же самой культурной традиции или ситуационных изменений. Но кое-какие общие черты Харви все же стремится выявить, что у него получается весьма неплохо.

Итак, одна из основных стратегических ориентировок неолиберального государства заключается в том, что оно «обычно поддерживает целостность финансовой системы и платежеспособность финансовых институтов, а не благополучие населения или состояние окружающей среды»³²². Основой государственной политики служит монетаризм, утверждающий надежность и устойчивость прежде всего денежной системы.

Весьма непростые отношения складываются между неолиберальным государством и рынком труда. Первое настроено резко враждебно к любым социальным институтам и организациям, стоящим на пути процесса накопления капитала. Основным поводом становится «гибкость», под

³²² Там же. С. 99.

которой подразумевается воспеваемая еще классическим либерализмом личная свобода каждого работника. Под предлогом отмены условий, которые могли бы помешать свободе, а стало быть возможности проявить себя, неолиберальное государство сворачивает (или сокращает) систему социального обеспечения граждан, отказываясь (где быстро, где постепенно) от участия в области здравоохранения, государственного образования, социальных услуг. При этом на самих граждан перекладывается ответственность за их благополучие. «Система социальной безопасности сокращается до минимума в пользу системы, утверждающей личную ответственность. Личные неудачи связываются теперь с личными недостатками, и, как правило, виноватой оказывается сама жертва»³²³.

Неолиберальным государством создается законодательная система в соответствии с потребностями корпораций. «Так как правосудие теоретически доступно всем, но на практике требует огромных расходов, то и результаты часто оказываются в пользу тех, кто обладает большими деньгами. Классовая предвзятость в принятии законодательных решений широко распространена, если не повсеместна», утверждает Д. Харви³²⁴.

Наконец, система перераспределения, столь активно используемая государством «встроенного либерализма», так же претерпевает изменения в неолиберальном государстве. Администрацией президента Буша была проведена налоговая реформа, способствующая концентрации доходов и богатства в верхних слоях общества. Налог на наследство постепенно исчезает, налог на прибыль и доходы от инвестиции также уменьшается, тогда как налогообложение заработной платы остается без изменения.

³²³ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С.106.

³²⁴ Там же. С. 108.

Небезуспешная работа ведется в плане раскола рабочего движения, для чего основные усилия сосредоточиваются на работе с профсоюзами. Здесь политика классового государства может носить несколько направлений. Может проводиться работа по уменьшению роли самих профсоюзов, для чего в основном активно используются меры в плане изменения законодательной базы. В то же время стимулируется внутренний раскол в самих профсоюзных организациях, например, посредством банального привлечения некоторых лидеров на сторону интересов корпоративного капитала, нередко более сплоченного. Как правило, наблюдаются сочетания шагов в обоих направлениях. Тем не менее наступление капитала на труд, столь присущее неолиберальному проекту, не проходит совсем уж гладко, хотя определенных успехов корпоративный капитал добивается практически везде. Здесь много зависит от сложившегося на тот момент времени расклада сил – в бизнес-структурах, в политике, в трудовых организациях.

Интересен в этой связи шведский пример, описанный Д.Харви. Швеция в капиталистическом мире является страной, где сам капитализм приобретает наиболее «человеческие» черты. Начиная с 1930-х годов здесь правили социал-демократы, а профсоюзное движение было во многом сильно своей централизованностью. Задачи государства всеобщего благосостояния основывались на необходимости активной перераспределительной политики, чему служила прогрессивная система налогообложения, а также развитая система социального обеспечения. Однако класс капиталистов был «хотя и невелик, но крайне влиятелен».

1960-е гг. ознаменовались активным наступлением трудящихся, что привело к завоеванию ими новых позиций и отступлению капитала. По плану Ренна-Мейднера поступления от уплаты 20% налога на прибыль корпораций должны были отныне составлять фонд трудящихся, контролируемый профсою-

зами и использоваться в качестве инвестиций в корпорации. Это была мера, которая в перспективе вела бы к постепенной замене частной собственности общественным владением. Капиталистический класс оказывался под угрозой исчезновения, что и предопределило с его стороны ответные меры.

С середины 1970-х возросло число членов Федерации шведских работодателей – организации, объединявший крупный капитал этой страны. Федерация инициировала широкую пропагандистскую кампанию за рост либерализации экономики и сокращение государственных распределительных программ, якобы способствующих ее стагнации. Для этого привлекались известные шведские экономисты – организован Центр политических и экономических исследований, финансируемый крупным капиталом, научно доказывающий кризис государства «всеобщего благополучия»; организовывались дебаты с широким участием общественных групп.

В 1976г. при поддержке этой Федерации место социал-демократов занимает правоцентристская консервативная партия. Правда, в 70-е гг ей не удалось реализовать планы Федерации из-за сопротивления сильных Профсоюзов. Однако левые организации на тот момент времени стали испытывать явный недостаток идей, в будущем подкрепленный крахом советской системы. Реальный сдвиг к неолиберальному проекту произошел в 1991г. после нового избрания консервативного правительства. Были приняты ряд рекомендаций Центра политических и экономических исследований. Профсоюзы согласились на ввод ограничений оплаты труда, дабы повысить прибыльность предприятий и стимулировать инвестиции. Были снижены налоги для наиболее состоятельной части общества. Центральный банк признал борьбу с инфляцией более первостепенной задачей, нежели поддержание полной занятости.

Однако в итоге за ростом цен на нефть последовало бегство капиталов, что, кроме всего прочего, было стимулировано крахом спекулятивной экономики, связанной с переоценкой активов. Шведскую экономику поразил серьезный спад, объем про-

изводства сократился, а безработица выросла в два раза. Правительство стало терять поддержку избирателей и для обеспечения продолжения неолиберальных реформ инициировало присоединение к Европейскому союзу в 1993-1994гг. Тем самым неолиберальный проект мог благополучно закончиться, если бы по-прежнему реализовывался исключительно за счет внутренних источников – класса капиталистов. Но теперь он получил поддержку от внешних сил – так как присоединение к ЕС предполагает сокращение доли государственного участия в социально-экономической сфере. В результате, когда в 1994г. вернулись к власти социал-демократы, они уже не располагали теми инструментами борьбы с безработицей, развития социального обеспечения. Неолиберальная программа снижения дефицита, контроля над инфляцией и сбалансированного бюджета, а не обеспечения полной занятости и равного распределения дохода, стала основой макроэкономической политики. В дальнейшем признается необходимость приватизации пенсионных фондов и системы социальных пособий.

И все же «встроенный либерализм не был уничтожен полностью, хотя и подвергся серьезному разрушению. Система социального обеспечения все еще оставалась на плаву, серьезно влияя на общественную жизнь. Как констатирует Харви, неравенство в Швеции выросло, но не достигло уровня США и Великобритании. Бедные по-прежнему составляли небольшое количество. «Швеция представляет собой пример того, что можно назвать «ограниченной неолиберализацией», и это подтверждает достаточно развитая система социальной защиты». (Источник: Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 151-154)

«Сегодня мы можем ясно видеть, - пишет Харви, - что неолиберализм не делает государство или какие-либо его институты (суды, полицию) неактуальными, как утверждают некоторые правые и левые обозреватели. Произошло, однако, радикальное изменение конфигурации инсти-

тугов государства и набора его инструментов»³²⁵. И эта конфигурация, по всей видимости, направлена на утверждение именно классового характера современных государственных структур. Тогда как, надо полагать, государство времен «встроенного либерализма» более отвечало надклассовой модели.

Социально-экономические процессы затронули не только политические структуры, но и привели к новой довольно причудливой комбинации идей. Харви констатирует здесь переплетение неоконсервативной и неолиберальной доктрин, хотя, казалось бы, между ними существуют трудно преодолимые противоречия. Так, неоконсерваторы обычно решительно возражают против вседозволенности, до которой легко дорастает индивидуализм свободной рыночной деятельности, столь защищаемый либералами.

Еще в 70-е гг. сформировался некий союз между элитой и бизнесом с одной стороны и рядом избирательных групп – с другой стороны. Моральные ценности, включенные в предвыборные программы, обычно обходили вопросы классового противостояния, но касались проблем культурного национализма, моральной чистоты христианства (как правило, протестантства), семейных ценностей и неприятия новых общественных движений (феминизма, сексуальных меньшинств и др.). Во времена Рейгана, как пишет Харви, этот альянс носил в основном тактический характер. Однако затем ряд положений неоконсерваторов был актуализирован самой жизнью и даже приобрел своего рода характер политической моды. Тот же национализм мог возрождаться не только в качестве оппозиции неолиберальному проекту (например, в форме фашистских движений), но и активно использоваться для легитимации социально-экономических шагов неолиберального государства.

³²⁵ Там же. С. 108.

«Вынужденное действовать в условиях конкуренции на мировом рынке и стремясь обеспечить наилучший деловой климат внутри страны, государство начинает все больше использовать идеи национализма. В глобальной борьбе за превосходство конкуренция порождает победителей и проигравших. А уже одно это само по себе может быть основой национальной гордости или определения собственного пути»³²⁶.

Харви подчеркивает, что подобное заигрывание неолибералов с националистическими идеями таит определенную опасность для первых. В то же время для ученого «жесткая хватка неоконсервативной национальной морали» гораздо хуже. Ведь это фактически ведет к оправданию любых самых жестких мер для поддержания той или иной страной собственных «якобы уникальных моральных ценностей». Из этого следует, что иллюзорное решение противоречий неолиберализма приведет к еще более серьезным проблемам, причем не в одной стране. Чтобы не допустить скатывания к воинствующему национализму, Харви считает необходимым отказаться от неоконсервативных подходов, для чего следует заняться разработкой альтернативы.

Неолиберальный проект стимулировал существенные сдвиги в стратификационной системе затронутых им обществ. Они затронули все слои, значимые в количественном и функциональном отношении. Разумеется, нельзя все общества рассматривать с одних и тех же позиций, - важным моментом является положение страны в мировой иерархии. И все же в целом общая тенденция просматривается – разрыв между социальными стратами возрастает и классовые противоречия в перспективе будут возрастать, о чем свидетельствуют события последних лет в странах Евросоюза.

³²⁶ Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 116.

На каких же положениях стоит заострить внимание, резюмируя взгляды на глобализацию сторонников марксистского подхода?

Во-первых, выше рассмотренные ученые довольно уверенно указывают на главный источник современных глобальных процессов. Последние есть результат капитализма, его динамической природы. Тем самым оказывается выдержанной методологическая основа марксовского учения об экономическом базисе социальных явлений. Именно расширение экономики в мировых масштабах определяет феномен глобализации в целом. Погоня за прибылью привела к формированию глобальных хозяйствующих субъектов, одновременно порождая соответствующие политические институты, а также структуры идеологического обеспечения.

В то же время внешняя среда стремится к роли доминирующего фактора в плане внутренних процессов. То есть на уровне национальных общественных систем происходят преобразования, направленные на более органичное вписывание этих систем в логику мирового процесса. Именно этой задаче подчинен неолиберальный проект, заявивший о себе по сути дела во всем мире. Его последствия естественным образом были более прочувствованы в социалистических обществах, где неолиберализм носил характер радикальных преобразований. В странах с однозначным доминированием капиталистического порядка (США, Великобритания) результаты были не столь болезненны, хотя тоже имели место. Здесь уместно напомнить о крахе принципа «государства всеобщего благосостояния», переживаемом в настоящее время странами Европы.

Во-вторых, рассуждающие о глобальном капитализме авторы могут расходиться в определении его главного субъекта. Так, для Валлерстайна таковым являются государства «центра», которые не только определяют экономи-

ческие правила игры, но и навязывают собственную социально-политическую и культурную модель отношений. А.Бузгалин, А.Колганов, Д.Харви предпочитают говорить о лидерах национального капитализма разных стран, объединяющихся в транснациональную элиту. Последняя все более явно обнаруживает признаки международного капиталистического класса. Причем его идеологической характеристикой выступает либерализм в его классическом варианте, что не может не стимулировать раскол внутри стран уже не только по социально-экономическому, но и по культурно-цивилизационному признаку.

В-третьих в работах указанных авторов получает новое звучание тезис К.Маркса об углублении социального расчленения. Теперь это положение переносится на глобальный уровень, что с точки зрения научного подхода представляется вполне оправданным, учитывая глобальный (мировой) характер современной экономики. Вряд ли корректно судить о результатах глобализации по социальной структуре обществ «первого мира». Острота общественных проблем здесь в значительной степени сглаживается за счет эксплуатации «периферий» и «полупериферий», где социальные противоречия вполне закономерно имеют углубляющуюся тенденцию. В странах Евросоюза проживает 20% мирового населения, на которых приходится около 80% мирового дохода.

Достаточно красноречиво в этом плане выступают данные, приводимые И.Рамоне, согласно которым на рубеже XX – XXI столетий из 5 миллиардов жителей планеты Земля лишь около полумиллиарда живут в свое удовольствие, в то время как 4,5 миллиарда нуждаются. Состояние 358 представителей мировой элиты превышает годовой доход 45% самых бедных жителей (около 2,6 миллиарда чело-

век)³²⁷. Стоит ли говорить, что подавляющее большинство людей последней категории проживают в странах «третьего мира».

Указанное обстоятельство дает повод поразмыслить о возможной новой конфигурации субъектов на геополитическом поприще. Международный исследователь марксистского толка Олег Арин пишет, что классовые противоречия, бывшие внутренним делом капиталистических обществ, «преобразуются в межгосударственные классовые противоречия, пронизывающие отношения между Первым и Третьим мирами»³²⁸.

3.3. «Информационное общество» в глобальном измерении

Весьма любопытными представляются разработки авторов, которые стремятся рассмотреть и оценить социальные последствия технического и технологического прогресса в глобальных масштабах. Собственно определенные попытки синтеза технологического детерминизма с принципами глобального подхода содержатся в работах либерально ориентированных ученых (Аппадурай, Розенау, Эйнджел). Но ниже мы намерены отдать должное тем авторам, которые склонны видеть здесь не столько «конструктивный хаос», сколько иерархическую структуру, в основе которой лежит определенный корпоративный интерес. Неслучайно вызывает большие споры степень прозрачности и демократичности так называемого информационного общества.

Глобальное сетевое общество М.Кастельса

Испанец Мануэль Кастельс (род. 1942г.) не без основания считается одним из ведущих теоретиков информаци-

³²⁷ Рамоне И. Геополитика хаоса. М., 2001. С. 127.

³²⁸ Арин О. Мир без России. М., 2002. С. 363.

онного и глобального общества. Им предпринята весьма серьезная попытка всестороннего описания социальной роли информации в современном мире. Даже полемизирующие с ним ученые признают энциклопедический характер трехтомного труда Кастельса общим объемом 1200 страниц.

Следует учитывать, что взгляды Кастельса складывались не только под воздействием научных направлений в социологии. Он был не чужд политических взглядов, покинув родную страну в 20-летнем возрасте³²⁹. В настоящий момент Кастельс имеет американское гражданство, являясь жителем Калифорнии.

Что касается собственно научно-методологической базы, то на мышление Кастельса оказали определенное влияние теории постиндустриального и информационного общества, а также исследования глобализма. Он активно оперирует такими понятиями как «сетевое общество», «информациональный капитализм». В целом Кастельс - сторонник идеи, что наступили «новые времена» под названием «информационная эпоха». Причем, на его взгляд, подобный переход произошел где-то в 70-х годах, когда капиталистический кризис, вызвавший необходимость реструктуризации, совпал с заявившим о себе «информационным способом развития», подготовленного ростом информации и коммуникационных технологий.

Главная черта нового капитализма – использование информационных сетей в деловых операциях как непосредственно на производстве, так и для маркетинга по все-

³²⁹ Напомним, что в то время государство Испания представляла собой диктатуру генералиссимуса Франко, за 23 года до этого выигравшего гражданскую войну. Подробней социально-политический анализ франкистской Испании в книге одного из авторов Тамбиянц Ю.Г. «Почему побеждает либерализм: осмысление взаимодействия идеологии и социальной иерархии» Ростов на Дону, 2006.

му миру, и это обстоятельство связано с долгосрочными и ускоряющимися глобализационными процессами. Последние зашли так далеко, что картина современного мира представляет собой нечто вроде плотно сотканного ковра. По мнению Кастельса, можно констатировать на сегодняшний день новое международное разделение труда, которое имеет четыре варианта:

- производители высокой стоимости, основанной на информационном труде;
- производители больших объемов, основанных на дешевой трудовой стоимости;
- производители сырья, основанного на природных ресурсах;
- избыточные производители, которые пользуются обесцененным трудом.³³⁰

Интересны взгляды Кастельса на роль государства, а также глобальных экономических акторов, под которыми обычно рассматриваются ТНК.

Что касается государства, то ученый не особенно разделяет точку зрения многих апологетов глобализации по поводу снижения роли национального государства, растворения его функций в мировых процессах. Роль государств продолжает оставаться значительной. Кастельс аргументирует это тем, что «созидательный хаос», которым характеризуется современная мировая экономика, может сыграть либо конструктивную, либо деструктивную роль для конкретного общества. Выбор остается за правительством, именно от его политики зависит, удастся ли использовать открывающиеся возможности.

Кастельс также не намерен оперировать популярными в ходе анализа международных отношений терминами «Север» и «Юг». Первый обозначает индустриально разви-

³³⁰ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.136.

тые страны, субъекты глобализационных процессов, тогда как вторые – отсталые страны. По мнению ученого, подобные понятия затемняют, а не проясняют проблему. Важным является выбор правильной или неправильной государственной стратегии, именно от нее зависит результат и позиции страны в мировом сетевом обществе. Так, эффективная стратегия была продемонстрирована Японией, Сингапуром, тогда как «хищнические государства» вроде Заира, Уганды и других стран стремятся восполнить несостоятельность своей политики «политэкономией попрошайничества». Разумеется, подобная стратегия не приведет к другому результату, кроме как маргинальный статус по отношению к глобальному сетевому обществу³³¹.

В отношении ТНК ученый настроен не менее строго. Он не особенно связывает их появление с возникновением глобальных сетей, что делали другие ученые, например Герберт Шиллер (взгляды последнего будут анализироваться несколько позже). Более того, Кастьельс видит определенную угрозу со стороны сетевого общества подобным экономическим организациям. ТНК вынуждены проводить серьезные преобразования своей внутренней структуры, чтобы выжить в новых условиях. Суть этих изменений состоит в том, чтобы вертикально дезинтегрироваться с целью трансформации в «горизонтальные корпорации».

По мнению Кастьельса, на сегодняшний день существуют только те ТНК, которые провели подобные преобразования. Глобальные империи, управляющиеся из единого центра в метрополии, стали историей. В сетевом обществе все зависит от быстроты реагирования на постоянно меняющиеся запросы глобального рынка. Это не по силам централизованной и иерархически выстроенной корпорации, кроме того, самодостаточной. Приходит время сете-

³³¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.135.

вых организационных единиц, которые самопрограммируются, самоуправляются, «основой которых служат принципы децентрализации, участия и координации». По выражению Кастельса, «глобализация конкуренции превращает большую корпорацию в паутину разнонаправленных сетей».

Серьезные сдвиги характеризуют культурную среду с возникновением глобального сетевого общества. Увеличение и глобальная интеграция разного рода информационных источников и ресурсов, делающих основную ставку на досуг и развлечения, ведет к возрастанию домашнего образа жизни. Это чревато не только потерей национальной культурной традиции. Хотя новые технологии первоначально были ориентированы на благородные цели, им противостоит «материально заинтересованная посредственность». Кастельс высказывает опасения, что в среде возрастающих межличностных и межгрупповых связей станут доминировать развлечения. В итоге это приведет к ситуации, когда не сами люди будут поддерживать интерактивное общение, но оно будет направляться и контролироваться централизованными силами со всеми вытекающими отсюда последствиями³³².

Заслуживают внимания рассуждения Кастельса по поводу новых иерархических тенденций. Придавая ведущее значение сетевым связям в организации и интеграции современного общества, ученый ставит вопрос о новой управленческой элите, порожденной этими связями. Регионы, будучи интегрированы информационно, исключаются из старых взаимодействий (преимущественно неvirtуального характера), которые дезорганизуются. Ключевую роль в глобальных сетях начинает играть «управленческие элиты», которые Кастельс определяет в качестве господству-

³³² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 142.

ющей группы, но не в качестве правящего класса. Здесь имеются ввиду высококвалифицированные управленцы-эксперты, ориентированные на сетевое взаимодействие. Представителям новой элиты присущ космополитизм. Их объединяют глобальные связи, сходный образ жизни. Ключевая их роль объясняется тем, что эта группа сосредоточивает все значимые общественные функции - от создания технологий, управления изменениями в корпорации до требования законодательных реформ.

Таким образом, теперь функции правящего класса берет на себя «информациональный» труд, которому однако не присущ классовый интерес, где основой обычно служит материалистическая система ценностей. По выражению Кастельса, это «безликий коллективный капиталист», даже трудно распознаваемый среди насыщенного коммуникациями сетевого общества. Сегодняшний социальный мир, как писал ученый, представляет собой «не упорядоченные тюрьмы, а беспорядочные джунгли». Если эпоха индустриализма характеризовалась стабильностью и порядком, то сейчас явно доминирует хаос, который имеет одинаковые шансы принять конструктивные или разрушительные формы.

Правящий класс, по мнению Кастельса, где-то потерял в организованности и на сегодняшний день не представляет собой монолитной группы, четко осознающей свой интерес. В то же время в отношении аутсайдерских слоев обратных тенденций наблюдается еще меньше. Физический труд при информациональном капитализме все более маргинализируется и, кроме того, сокращается. Ключевым условием социальной значимости и успеха является гибкость – способность приспосабливаться к регулярным переменам. Этим качеством как раз и не обладают работники физического труда. В то же время единство подобной группы можно ставить под вопрос – многие ее представи-

тели стремятся переориентироваться в связи с новыми условиями и занять более выгодные социальные позиции. По всей видимости, полагает Кастельс, время пролетариата как организованной классовой силы проходит. Хотя главный социальный конфликт проходит как раз здесь – неквалифицированная рабочая сила оказывается на периферии информационного капитализма. В лучшем случае эти индивиды заняты низкооплачиваемой и, как правило, непостоянной физической работой, в худшем – пополняют нижние слои организованной преступности³³³.

В условиях неопределенности, постоянной изменчивости столь же неопределенный характер приобретают культурные формы. Закономерным образом ушли в прошлое идеологии, подпитывающие классовую борьбу. Однако Кастельс все же достаточно далек от фукуямовского оптимизма и о «конце истории» заявлять не намерен. Сетевое общество порождает различного рода движения, представляющие собой определенную реакцию. Причем в нынешних условиях они могут возникнуть за короткое время, заявляя значительное количество сторонников. Новые идентичности современного мира формируются в действии. Кастельс различает «движения сопротивления» (сапатисты, ИРА, исламские фундаменталисты и т.д.), а также «движения проектной идентичности» (феминизм, движение «зеленых»).

Что хотелось бы отметить в завершение этого весьма краткого обзора концепции «глобального сетевого общества», предлагаемой Мануэлем Кастельсом?

Во-первых, Кастельс пытается следовать веберовскому принципу дистанции от оценок в ходе собственного анализа. Однако ряд избранных им для своей теории фундаментальных положений все же позволяет отнести его к

³³³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.148.

той когорте мыслителей, которые склонны рассматривать глобализацию как естественный исторический процесс, а вовсе не результат проведения в жизнь чьих-то интересов, будь то классовые группы или целые национальные государства. В то же время Кастельс отнюдь не отрицает преэминентности. По его мнению, глобальное общество возникло в силу усиления тенденций, наметившихся еще на ранних стадиях индустриализма. Прежде всего это коммуникация и информатизация. Тем самым Кастельс предпочитает рассуждать об успешных и неуспешных государствах, чем констатировать наличие международной среды, выстраивающей определенную иерархию государственных национальных образований. В этом плане его теория не может не встретить оппонента в лице мир-системного анализа, о котором речь пойдет позже.

Во-вторых, процессы информатизации серьезно изменили внутренний характер общества, его стратификационную структуру. Кастельс фактически констатирует тенденции меритократии (власть «лучших»), чем дает основание упрекнуть себя в попытке идеализации современного общества. Образованные элиты, по его мнению, играют в обществе ведущую роль. Получается, что многие сторонники подобной идеи (Кастельс, Белл, Иноземцев и др.) используют ее, чтобы аргументировать тезис о наступлении новой эпохи. Однако тем самым они методологически обедняют собственные подходы, отказываясь от по-прежнему актуального классового анализа.

Отсюда сдвиги в социальной структуре, описанные Кастельсом, подвергаются жесткой критике. С одной стороны, высшее образование – еще не гарант привилегированного положения (Г.Перкин). Более важным обстоятельством является позиция на рынке и возможность обладания рычагами воздействия на него. Кроме того, возможность получения престижного образования распространяется да-

леко не на все социальные слои и группы. «Трудно не заметить, - пишет Ф.Уэбстер, - что непропорционально большое число студентов привилегированного происхождения обучается в самых престижных университетах.... Здесь возникает важнейшая тема, не освященная Кастельсом: не действует ли явно меритократическая социальная система по-прежнему в пользу определенных социально-экономических групп»³³⁴.

Имеются противоположные мнения в отношении «безликого капитализма», описанного Кастельсом. Так, Джон Скотт считает поспешным тезис о размывании ответственности на предприятия. Рост числа владельцев предприятий не означает, что капиталисты утрачивают контроль над ними. Совместное владение акциями обеспечивает «конstellацию интересов». Частичное размежевание механизмов воспроизведения капитала и механизмов воспроизведения классов имеет место. Однако это размежевание зашло все же не настолько далеко. Класс собственников даже имеет все возможности для формирования «пула, из которого рекрутируются топ-менеджеры». Сам класс собственников обладает преимуществами в той же образовательной системе (возможность оплаты за престижное образование). Отсюда представители капиталистического мира получают ту же самую информационную квалификацию, о которой так много рассуждает Кастельс. Дж. Скотт даже считает возможным сказать как о монополизации богатства, так и о монополизации системы образования классом крупных собственников³³⁵.

Таким образом Кастельс справедливо указывает на нестабильность и непредсказуемость современного капитализма. И все же это не дает повода к утверждению о том,

³³⁴ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.157.

³³⁵ Scott John? Corporate Business and Capitalist Classes. Oxford: Oxford University Press, с.20.

что заканчивается монополия крупных собственников на высшие эшелоны системы.

Информационный капитализм Герберта Шиллера

Герберт Шиллер (1919-2000) предлагает концепцию, которая неразрывно связывает информационную сферу с развитым капитализмом. При этом он не пытается увидеть признаков заката капиталистической эпохи, хотя и остается все же ее жестким критиком. Шиллер не только признает, но и стремится глубоко изучить источники информационного взрыва. Будучи левоориентированным интеллектуалом, Шиллер придает этому явлению классовый характер.

С точки зрения ученого весь двадцатый век проходил под знаком разрастания корпоративного капитала. Собственно, уже в начале столетия в полный голос заявили о себе монополии, в конце века масштабы этого процесса стали затрагивать мировое сообщество. Тенденция слияния компаний не прекратилась и в настоящий момент. Шиллер относится к теоретикам, считающим это неизбежным следствием капиталистической природы. Чтобы выжить в экономической конкуренции, теперь перекинувшейся на международный уровень, компании попросту обречены искать возможности разрастания через сложные альянсы и слияния.

Вполне закономерно, что, размещая филиалы по всему земному миру, транснациональные корпорации в ходе своей повседневной деятельности нуждаются в коммуникационной и вычислительной инфраструктуре. Рост тех же самых американских производственных организаций сдерживался как раз таки отсутствием глобальных информационных сетей. В итоге эти сети и появились. Отсюда Шиллер заключает, что бурное развитие информационной сферы вызвано именно распространением капитализма вширь и фактически подчиняется потребностям корпорации. Дру-

гими словами, в концепции этого ученого удалось обойти столь часто сейчас критикуемый технологический детерминизм. Последний склонен утверждать, что информационная революция происходила сама собой, а ее плодами сумел эффективно воспользоваться крупный капитал.

Согласно же рассуждениям Шиллера, технологический прорыв в информационной сфере происходил как раз - таки по инициативе крупного капитала. Позиция этого мыслителя подкрепляется тем обстоятельством, что структура потоков информации внутри и между регионами отражает именно потребности корпораций. Само размещение сетей, цены на услуги и возможность доступа к сетям отвечает интересам корпоративных клиентов, даже если эти интересы расходятся с общественными. (Яркой современной иллюстрацией этого может стать сотовая связь).

Кроме того, небезызвестным фактом являются политические рычаги, которые пускаются в ход с целью контроля за формированием информационного пространства. Так, ТНК, принадлежащие в основном американскому бизнесу, долгое время лоббировали решения о «либерализации», «приватизации» в области связи. Эти меры предпринимались против европейской модели, предусматривающей здесь существование только общественных систем или государственных монополий. В итоге система телекоммуникаций действительно приобрела более открытый характер, что позволило свободнее работать на частный капитал.

Рассматривая развитие информационных технологий через призму капиталистического общества, Шиллер утверждает наличие своеобразного информационного неравенства. Он считает возможным говорить о «богачах» и «бедняках» в плане обеспечения информационными ресурсами и возможностей доступа к ним. Ученый называет трех главных субъектов информационной революции, которым реально по силам создавать и распространять наиболее

продвинутую и соответственно дорогостоящую информацию. Это государство, крупные корпорации и военно-промышленный комплекс (ВПК). На долю первых двух приходится около двух третей оборота европейского рынка информационных технологий. Соответственно эти организации и потребляют большую часть изысканной информации, тогда как на долю социального большинства приходятся лишь своеобразные «крохи с барского стола» - телевидение, компьютерные игры. «В обществе – пишет Герберт Шиллер, - усиливается дифференциация по признаку информационного «иметь» и «не иметь», превращая тех, кто не имеет, а их в информационную эпоху подавляющее большинство, в существа еще более зависимые от многочисленных генераторов, обработчиков и передатчиков информации»³³⁶.

Перед информационными богачами стоит задача сбить составляющих основную часть широкой публики информационных бедняков в кучу, для того, чтобы предоставляемые информационные продукты были рентабельными. Другими словами, возникает необходимость массового потребителя. Общественные телевизионные каналы являются бесплатными, однако их активно спонсируют рекламодатели, требуя трансляции таких передач, которые собирают многомиллионную аудиторию. Разумеется, общим знаменателем здесь выступают развлекательные программы.

Мало чем отличается ситуация на платных каналах, которые вроде как призваны предоставлять более качественную и разнообразную информацию людям, согласным «раскошелиться». Но здесь также доминирует развлекательная продукция – спорт, эротика, музыка. Некоторые специализированные каналы зачастую исчезают, так как собирают немногочисленные аудитории и являются нерен-

³³⁶ Цит. по Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.197-198.

табельными. При этом операторами платного телевидения отслеживается ситуация в бесплатном эфире. Аналог многих программ, зарекомендовавших себя в качестве популярных, затем запускается уже на платной основе.

В большинстве стран подобная ситуация складывается со спортивными передачами. В России следует прежде всего назвать спортивный канал НТВ+, последние несколько лет активно пытающийся утвердить права на трансляции столь популярного ежегодного футбольного турнира «Лига Чемпионов», а также на показ внутреннего футбольного первенства. То, что подобное намерение пока что осуществлено лишь частично, по видимому, следует объяснить тем, что для правящих структур будет не выгодно, если народные массы (для управления которыми, как известно, требуется не только «хлеб», но и «зрелища») будут лишены столь популярной спортивной передачи. Хотя частично эта проблема решается с помощью расширяющейся сети пивных баров, где устанавливается телевизор с «тарелкой» НТВ+. Но это по сути дела уже другая форма оплаты.

В то же время Православный канал «Союз», транслирующийся компанией «Триколор», зачастую испытывает затруднения в плане оплаты за теле вещание. Об этом свидетельствуют частые обращения руководства канала за материальной помощью к своей аудитории посредством «бегущей строки».

Интересно, что Шиллер считает возможным говорить об информационной стратификации в международных масштабах. По его мнению, государства «центра» (промышленно развитые страны) получают и основные преимущества от информационной революции. Они имеют возможность выступать не только производителями информации (тот же самый Голливуд), но разрабатывать технологии, укрепляющие их геоэкономическое и геополитическое превосходство. Достаточно здесь вспомнить активно внедряемую спутниковую систему, с помощью которой можно отслеживать ситуацию практически в любой точке

Земного шара (например, те же залежи полезных ископаемых).

В то время как страны третьего мира довольствуются лишь «остатками», а также тем, что предоставляет им «первый мир». Это не только разного рода «информационный хлам» (например, старые голливудские сериалы), но и передачи, имеющие определенное пропагандистское и культурно-идеологическое значение (скажем, продукция новостных агентств, разного рода западные шоу). И с течением времени подобная ситуация будет еще более усугубляться.

Тем самым Шиллер хочет нам сказать, что распределение информации полностью подчиняется рыночным принципам. Иначе говоря, платежеспособность является главным критерием доступа к качественной информации. Но рыночные механизмы, как оказывается, существенно дифференцируют и саму информацию. Воздействие рынка определяет, какую информацию выгоднее производить и для кого. Как уже говорилось, наиболее рентабельной в отношении широкой публики оказывается развлекательная продукция. Массовая культура, в которой многие видят чуть ли не проклятие современного мира, является и продуктом рынка и средством его продвижения. Ее продукты распространяются обычно только через рынок, являясь одновременно двигателем других товаров, произведенных корпорациями. Информационная «развлекуха» создается только тогда, когда это оправдано чисто экономическими соображениями – имеется ли доход? «В свою очередь это отражается на содержании того, что и по какому каналу демонстрируется: сенсации и боевики, «мыльные оперы» и сериалы, спорт и еще раз спорт. В общем, все, что не требует напряжения мысли и не касается политически спор-

ных вопросов, но помогает собрать максимальную аудиторию, привлекающую рекламодателей и спонсоров»³³⁷.

Можно предположить, что именно «благодаря» упомянутому рыночному механизму, троица самых известных и глубоких писателей пока остается непревзойденной. Напомним, что тремя лучшими писателями мира считаются наши соотечественники Л.Н.Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П.Чехов. Но ведь самым последним из них умер Л.Н.Толстой, а было это без малого 100 лет назад! Почему же мир не узнал пока еще никого из современных писателей, которые могли бы если не превзойти, то хотя бы достойно сравниться с ними?

Однако все довольно просто. Зарекомендовавшие себя в развлекательной литературе авторы вряд ли решатся на написание более серьезной литературы. Ведь эта книга может «не пойти», а без покупателя не будет прибыли, что повлечет за собой разрыв с издательством. Последнюю интересует лишь коммерческий успех, а не что-то другое, например, новый роман.

Что касается информации более сложного и качественного характера, то здесь все не так просто. Теоретическое знание, выступающее, по мнению апологетов постиндустриального и информационного общества, в качестве основного социального ресурса, на деле оказывается весьма в значительной степени дифференцированным. И подобная ситуация присуща, как оказывается, не только далекому от благополучия российскому обществу (автор, будучи преподавателем добрый десяток лет, считает положение здесь не иначе как ужасающим). В благополучных «постиндустриальных» странах дух коммерциализации наложил очень существенный отпечаток на область научного знания.

Исследовательская работа уже не проводится ради собственно исследования. Теперь за всем за этим стоит реальный коммерческий интерес конкретных экономических и

³³⁷ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.176.

политических игроков, будь то крупные корпорации, правительственные структуры или военное командование. В результате наука стала рассматриваться как экономическая категория, а научная деятельность планируется на тех принципах, которые используются преимущественно в корпоративном управлении³³⁸. Ученые, работающие в университетах, теперь «рассматриваются как предприниматели и их всячески побуждают тесно сотрудничать с бизнесом, создавая коммерчески выгодные продукты»³³⁹.

Обширные объемы «специальной информации», получаемой посредством инновационных технологий, подчинены в конечном итоге главной цели – получению прибыли. Разве не этому, спрашивает Шиллер, служат огромные частные информационные службы, масса посредников с мониторами, подключенными к базам данных.

Массовая аудитория принуждается к потреблению так называемого «информационного мусора», который развлекает, отвлекает, содержит массу сплетен и очень мало действительно ценной информации. Сам Шиллер пишет: «мы видим и слышим все больше и больше о все менее и менее существенных вещах. Утром это телевизионные «новости» - полтора часа бессмысленной болтовни ни о чем якобы рассказ о текущих событиях»³⁴⁰. Понятно, что с точки зрения политического управления куда рациональнее загружать сознание большинства членов общества (особенно, если это небогатое общество) сведениями, скажем, о похождениях звезд шоу-бизнеса, нежели приводить данные о реальных социальных проблемах и объяснять их причины.

Один из авторов вспоминает как в 1992 году был буквально ошарашен одним обстоятельством. Кто жил в ту эпоху, наверня-

³³⁸ Dickson, David The New Politics of Science. New York.1984. p.33.

³³⁹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.190.

³⁴⁰ Shiller Herbert Old Foundations for a New (Information) Age, in Schement, Jorge R. and Lievroux, Leah 1987. pp 21-33.

ка помнит, что это был год «бешеной инфляции». Цены росли как на дрожжах буквально еженедельно. Однако пожилые женщины на остановках общественного транспорта предпочитали обсуждать не это, весьма печальное для них обстоятельство, но очередную серию мексиканского сериала «Богатые тоже плачут». Получается, что с помощью одной только лишь «мыльной оперы» удалось отвлечь внимание населения от насущных проблем, тем самым существенно снизив протестный потенциал. Впрочем, пришедшим тогда к власти российским либералам наверняка сыграло на руку то обстоятельство, что россияне долгое время жили в условиях сенсорного голода советской эпохи. Вероятно поэтому они оказались способны «заглотить» эту в общем-то нехитрую приманку. В нынешней ситуации подобный способ уже может не пройти, поскольку подобного информационного хлама сейчас в телеэфире сколько угодно, и народ им уже пресыщен.

Информационная среда испытывает воздействие со стороны капитализма как через рыночный механизм, так с позиции культуры и идеологии. Это выглядит закономерным. Американские СМИ, занимающие господствующие позиции в международном информационном пространстве и будучи сами порождением корпоративного капитализма, естественно, воспевают капиталистический образ жизни современного Запада. Шиллер характеризует подобное явление как «культурный империализм», подчеркивая здесь весьма значимую роль в деле сохранения западного господства в структуре мирового сообщества. Действительно, как пишет Уэбстер, формируемые источниками информации образы выступают не только в качестве стимулов для приобретения товаров транснациональных корпораций, но, если смотреть шире, служат пропагандой капиталистической системы в целом.

Вследствие политических усилий, сообща предпринятых американскими корпорациями, им удалось преодолеть

европейскую модель в области связи, которая предусматривала здесь наличие только государственных монополий или, на худой конец, общественных систем. В итоге телекоммуникации (в том числе и европейские) становятся все более открытыми, что благоприятно сказывается на продвижении корпоративных интересов.

В современном мире четыре западных агентства (американские UPI и Ассошиэйтед Пресс; британское Рейтер и французское Ажанс Франс Пресс) служат источником 90% всех сообщений на международную тематику. Используемый ими понятийный аппарат, имеющий отчетливое оценочное (идеологическое) звучание, подхватывается большинством других агентств новостей. Такие термины как «демократия», «приватизация», «тоталитаризм», «диктатура», а также выражения типа «свободное предпринимательство», «свободная торговля» давно оторвались от своего реального содержания и используются в основном как оценочные ярлыки.

То, что международная информационная система служит поддержанию сложившейся глобальной социально-экономической структуры, убедительно свидетельствует следующий факт. Две трети передаваемых агентством UPI сообщений касаются событий в США и только два процента ведут речь о событиях в Африке. Как известно, последний является самым проблемным (а некоторые дают определение «вымирающий») континентом, и казалось бы, о нем и следует вести речь. Но, как следует предположить, мнение генерального секретаря ООН К.Аннана о необходимости борьбы с мировой бедностью далеко не всегда идет рука об руку с намерениями международных капиталистов.

Безусловно, сохранению статус-кво способствует заострение внимания мировой общественности на метрополии, которая представляется оазисом благополучия, тогда

как остальные страны характеризуются как источник проблем, «сборище недотеп, к тому же склонных к актам насилия». Подобный подход касается не только собственно новостных программ, но и развлекательной продукции, занимающей львиную долю в общем информационном потоке. Как пишет американский исследователь Р.Стил, «Мы построили культуру, базирующуюся на массовых развлечениях и массовом самоудовлетворении... Культурные сигналы передаются через Голливуд и «Макдоналдс» по всему миру – и они подрывают основы других обществ... в отличие от обычных завоевателей, мы не удовлетворяемся подчинением прочих: мы настаиваем на том, чтобы нас имитировали»³⁴¹.

Таким образом, концепция Шиллера весьма близко примыкает к теоретическим выкладкам мир-системного анализа. Обобщенно она сводится к следующим моментам.

1) Современное общество, где происходят такие существенные изменения в области информации и коммуникации, находится в специфической стадии корпоративного капитализма. Нынешним ведущим корпорациям присуща огромная концентрация капитала, они представляют собой институты чаще всего монопольного рынка, диктуя свои интересы отдельным государствам, а то и международному сообществу. Именно транснациональные корпорации инициировали рывок в развитии информационных технологий.

Из этого следует, что Шиллер явно не собирается заявлять о новой стадии общественных отношений. Не может быть, чтобы капитализм, вызвавший к жизни информационные технологии, был бы устранен своим же собственным творением. Гораздо более естественно предположить, что информационная революция как раз выполняла задачу, которую поставили перед нею международные корпорации –

³⁴¹ Цит. по: Уткин А.И. Мировой порядок XX века.

консолидация капиталистических отношений и распространение их на новые сферы³⁴².

2) В распределении информации определяющая роль принадлежит рынку. То есть информация интерпретируется как товар, доступ к которому возможен только на коммерческих основаниях. Этот механизм работает как на международном, так и на национальном уровнях.

Отсюда основным фактором, влияющим на распространение информации, является сохранившееся классовое неравенство, которое заявляет о себе уже и в международных масштабах. Классовая принадлежность определяет, какого рода информацию получаете вы сами, а какую информацию позволяете получать другим. Выиграли вы или проиграли от информационной революции, зависит от того обстоятельства, каков ваш статус в иерархической структуре³⁴³. Точно так же геополитический статус государства во многом обуславливает возможность контролировать международные информационные потоки.

Тем самым дискуссионный вопрос о том, что все же является первичным (а значит главенствующим) фактором в современных социальных процессах - информация или деньги – Герберт Шиллер уверенно решает в пользу денег. И в то же время некоторые положения его теории, на наш взгляд, могут нуждаться в корректировке. Например, признавая за транснациональными корпорациями важнейшую роль в распространении информации, не стоит в некоторых случаях преуменьшать роль некоторых национальных правительств. При этом речь идет о странах подчиненных, то есть относимых к «периферии», а никак не к «центру». Так, один из первых отечественных исследователей национальных масс-медиа И.Засурский отмечает, что международные источники информации имели весьма ограниченное влия-

³⁴² Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С.172.

³⁴³ Там же. С.171.

ние в российских условиях. Если в сфере массовой культуры им не чинили (и не чинят) особых препятствий, то что касается политических вопросов, здесь им так и не удалось прорваться на главенствующие позиции³⁴⁴. Таким образом нам еще предстоит уточнить, таким ли уж беспомощным является национальный капитал и поддерживающие его государственные структуры хотя бы в рамках собственной страны.

Глобальное информационное общество М. Делягина

Одна из наиболее глубокомысленных концепций современной действительности предложена молодым российским ученым Михаилом Делягиным (род. 1968 г.). Будучи экономистом, этот автор все же сумел преодолеть некоторую методологическую узость, характерную для большинства политэкономических подходов. Предложенная им картина вполне может характеризоваться как социально-философский анализ. Здесь автор небезуспешно пытается наметить органические связи между такими знаковыми явлениями современности как информационное общество, глобализация, международное разделение труда, международная конкуренция и т.д.

Сразу следует подчеркнуть, что базовым постулатом концепции Делягина служит технологический детерминизм. Именно последнему обязана своим появлением глобализация в том виде, в котором она предстала нашим современникам. По мнению этого ученого, глобализация должна быть рассмотрена как феномен современности. Безусловно, тенденции к интеграции существовали и в предшествующие эпохи. Однако взрыв в сфере развития технологий сделал возможным появление единого мирового финансово-информационного пространства, которое

³⁴⁴ Засурский И. Масс-медиа второй республики. М., 1999.

ознаменовало собой высший современный этап международной интеграции – глобализацию.

Делягин убежден в том, что именно прогресс в сфере технологий заставляет изменяться общественные отношения. В то же время он подчеркивает, что последние отличаются от первых тем, что являются более устойчивыми (или консервативными). В силу этого вызываемое технологическим прогрессом социальное обновление зачастую происходит в форме разрушительных революций. Правда, современность дает вроде бы шанс на «тихую революцию», но в этом пока нет твердой уверенности. В настоящий момент уже имеется отставание ряда устоявшихся общественных институтов от ушедшего вперед технологического прогресса. «В частности, - пишет ученый, - несоответствие принципа суверенитета национального государства реальности, созданной Интернетом и технологиями формирования сознания, не вызывает сомнений»³⁴⁵.

Однако современному миру присуща и принципиально новая тенденция. Раньше общество только приспособлялось к развивающимся технологиям, будучи их отражением, оно все же не являлось прямым объектом их воздействия. Теперь же, «оставаясь отражением технологий в зеркале человечества, структуры и психология общества стали прямым объектом активного преобразования, систематически и повсеместно осуществляемого опирающимися на соответствующие технологии и заинтересованным во всемерном расширении спроса бизнесом»³⁴⁶.

Делягин рассматривает технологическую эволюцию с позиции таких критериев как отчужденный труд, свободный творческий труд, отдавая здесь должное классическому марксизму. На этапе первобытного общества обстоятельства фактически исключали появление эксплуатации и

³⁴⁵ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 67.

³⁴⁶ Там же. С.196-197.

соответственно отчужденного труда. Второй исторический этап, согласно Делягину, охватывает всю эпоху традиционных обществ, захватывая также львиную долю времени господства индустриализма. Естественное усложнение технологий ведет сначала к насильственной эксплуатации (например, рабовладение или насильственный сгон крестьян для строительства ирригационных сооружений в Древнем Египте), которая затем постепенно уступает место более мягким формам внеэкономического принуждения (феодализм). Последнее практически отмирает в условиях крупного промышленного производства. Однако труд к этому времени становится частичным, работник теряет свою индивидуальную самостоятельность. Регулярное принуждение становится попросту ненужным, поскольку социальное большинство не сможет поддержать свою жизнеспособность вне промышленного предприятия³⁴⁷. Здесь рассуждения российского ученого весьма близки подходу классика социологии Дюркгейма. Последний констатировал нерушимость скрепляющих общество спаяк органической солидарности, где в основе лежит принцип функциональной взаимодополняемости. В самом деле, специализированный труд индустриальной эпохи значительно вырос в плане производительности, во многом за счет того, что предполагал четко скоординированные действия коллектива.

Существенным для третьего этапа, начало которого автор определяет с середины XX столетия, является то, что ключевым производительным фактором становится наука. Научный труд – творческий труд по определению, отличительной особенностью которого является «принципиальная неотчуждаемость работника от используемых средств производства, главным из которых оказывается его собствен-

³⁴⁷ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.107.

ный интеллект». Кроме того, как указывает автор, обычные формы принуждения в отношении творческого труда действуют слабо. Отсюда для современных социально-политических систем жизненно важным является проблема интеграции свободного труда в несвободное общество. По мнению Делягина, то, насколько удачно общество сумело решить этот вопрос, и определяет степень его развития³⁴⁸.

Информационная революция и проблемы социального управления

Знаковое явление современности - научно-технический прогресс (НТП) стоит обязательно принимать в расчет при анализе социальных процессов. Делягин придает ему значение главного фактора. Он в целом склонен разделять базовый постулат сторонников постиндустриализма, согласно которому в современную эпоху экономический базис вытесняется технологическим. Об это свидетельствуют следующие строки его работы: «на общественные отношения влияет не результат технологии – произведенное изделие, а сама технология, то есть способ его изготовления, и в этом плане самые сложные производства товаров качественно отстают от разработки новых технологических принципов, особенно в сфере общественных отношений»³⁴⁹.

Все же Делягину не совсем свойственна апологетика постиндустриального общества в отличие от его коллеги Владислава Иноземцева, взгляды которого были рассмотрены ранее. Видимо в связи с этим Делягину удалось глубже раскрыть сущность ряда безусловно новых явлений, обозначенных постиндустриальной теорией. При этом это постижение касается в основном дисфункциональных

³⁴⁸ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 110.

³⁴⁹ Там же. С.244.

результатов информационного прорыва, отражающихся не только на социетальном, но и на личностном уровне.

Очевидно, что бурное развитие коммуникаций стимулирует информационный обмен. В то же время гигантский объем разнообразной информации так или иначе делает критерий истины все более расплывчатым и неопределенным. При этом информационные потоки, как правило, обрушиваются на людей в хаотичном виде, будучи мало согласованными между собой. Отдельно взятое событие начинает обрастать различного рода аллегориями, связями с другими событиями, комментариями, которые скрывают в итоге саму суть данного события.

Отсюда вместо собственно познания мира мы все больше начинаем ориентироваться на разнообразные его интерпретации. Другими словами, вольно или невольно мы черпаем информацию не из самой реальности, а из разнообразных суждений о ней. Мнения других людей означают не что иное как вторичную информацию. Расширение этой самой вторичной информации привело к появлению виртуального мира, своего рода «информационного облака» между человеком и физическим миром. Виртуальный мир как раз и представляет собой совокупность восприятий, накопленных человеком, за которыми, как обычно бывает, теряется объективная истина.

Так, в ходе написания научного труда авторы то и дело предпочитают опираться не на сами источники классической мысли, но на их изложение с позиции более близких нам по времени исследователей. Этому имеются и вполне объективные причины. Так ряд классических авторов пишут сложным языком (Гегель, Парсонс, Ницше и др.). Прочтение их трудов потребует много времени и куда легче оказывается познакомиться с их идеями в изложении многочисленных интерпретаторов (которых со временем становится только больше). С одной стороны, подобный подход действительно экономит время и силы. Но, с

другой, - мы тем самым становимся на точку зрения не самого классического автора, а исследователя его творчества.

Например, еще советская эпоха раз за разом демонстрировала неоднозначные толкования столь важного для нее марксистского учения, что приводило к образованию весьма оппозиционных точек зрения, тем не менее объявляющих марксизм собственной научной базой. Или другой пример. Общеизвестно, что честь приписывания обезьяне статуса первопродка человека принадлежит Чарльзу Дарвину. Однако это всего лишь факт, отраженный в обыденном сознании. На самом же деле Ч.Дарвин никогда не утверждал этого, считая подобную гипотезу слишком поспешной. Он лишь подчеркивал, что человек как природное существо имеет много сходных черт именно с обезьяной. Ученики Дарвина, Фогт и Геккель, своеобразно интерпретируя концепцию своего учителя, сочли возможным говорить об эволюционном родстве человека и обезьяны как о доказанном факте. Но обыденное сознание большинства не особо сведущих в биологии и антропологии людей приписывает это утверждение (ошибочное или нет, судить не берусь) именно Чарльзу Дарвину.

В результате всего этого неизбежно начинает давать сбои индивидуальное сознание, лишенное возможности адекватного отражения окружающей реальности. Информационная революция загоняет отдельного человека в «информационный тупик», а индивидуальное сознание просто физически не может больше справиться с возрастающим количеством информации³⁵⁰. Как пишет Делягин, информационные технологии находятся вне сущности человека, хотя и порождены им. Если предшествующие технологии в основном стремились изменять окружающий мир, то информационные технологии современности направлены на изменение человечества. Они делают это посредством расширения виртуального мира. «С одной стороны, «сгущение» этого мира размывает границы чело-

³⁵⁰ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.84.

вечества, с другой – создает своего рода «спайку», соединяющее человечество и «окружающую среду» в единую ноосферу»³⁵¹. Выходит, что человек, продолжая жить в физическом мире, все больше воспринимает мир информационный, искажающий объективную реальность.

Весьма логичным выходом из информационного тупика, условием сохранения человечества в период информационной революции является формирование надличностного сознания. Коллективное или надличностное сознание оказывает на отдельных людей стабилизирующее влияние, вырабатывая единые стандарты восприятия мира. Это своеобразный предохранительный клапан, встроенный стабилизатор, при помощи которого индивидуальные сознания защищаются от нарастания информационных объемов. Рассматриваемый автор неслучайно заостряет внимание на специфике надличностного сознания, институционализированного в коллективных структурах. Специфические принципы их функционирования своеобразным образом отражаются и в личностном плане, а также имеют последствия для социальных отношений в целом.

В информационную эпоху быть основным инструментом, субъектом познания «по плечу» только крупному коллективу, а не отдельному человеку, хотя бы и занимающему ведущие общественные позиции. Для коллективного (надчеловеческого) разума отдельные личности являются всего лишь образующими элементами, отчасти взаимозаменяемыми. Критерием эффективности здесь будет выступать организационная структура, то есть механизм объединения отдельных и малоэффективных самих по себе людей в эффективные коллективы³⁵².

При этом для самой личности, привлеченной в подобную коллективную организацию, здесь имеется два суще-

³⁵¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 87.

³⁵² Там же. С.130.

ственных последствия. С одной стороны, человек действительно получает большую свободу, о чем кстати любят говорить авторы, воспевающие информационную цивилизацию. Однако эта свобода имеет своеобразный смысл. Речь идет о несуществующей теперь повседневной ответственности за результаты собственного труда. Теперь эта ответственность перекладывается на организацию. Человек имеет возможность для интуитивного творчества, которое оценивается и поддерживается (в случае одобрения) организацией. И все же, совершенно справедливо указывает Делягин, «эта личная свобода достигается соответствующим сокращением возможностей личного влияния на процессы общественного развития»³⁵³.

С другой стороны, для организации вовсе не необходимы (и даже где-то нежелательны) всесторонне развитые личности. Ведь работник специализируется «на неизбежно узкой и, как правило, в силу объективных обстоятельств сужающейся теме». Отсюда его развитие неизбежно приобретает односторонний характер. «Если организация – это нечто «большее, чем человек», то ее сотрудник, какие бы степени свободы ему не были предоставлены, - неизбежно уже нечто меньшее» (выделено М.Делягиным)³⁵⁴.

Безусловно, односторонне развитые люди намного легче подвержены организации. Упрощение структуры личности, как считает цитируемый автор, представляет собой не только следствие, результат. Это еще и стратегическая социальная цель, стихийно проявляющаяся задача основной части организации и общества в целом. Но в то же время это ведет к стандартизации, ограничивающей возможности индивидуального творчества³⁵⁵.

³⁵³ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 132.

³⁵⁴ Там же. С. 137.

³⁵⁵ Там же. С. 138.

Подобная проблема одностороннего развития ярче всего проявляется у американцев, кстати дальше вех продвинувшихся в вопросах эффективной организации и управления. Один из авторов данной работы вспоминает случай, когда в его родной университет приезжала молодая (34года) американка, преподаватель колледжа и специалист по русской литературе. Эта весьма сведущая в своем предмете особа оказалась беспомощной в таком казалось бы простом вопросе, как определить, на каком побережье северо- американского континента расположен город типа Сиэтла.

Подобный подход, как представляется, делает честь его автору хотя бы потому, что тем самым ставится под сомнение один из тезисов постиндустриализма, явно отдающий утопией. Речь идет о концепции самореализации, за счет чего якобы преодолеваются столь приземленные материалистические мотивы, а индивидуальное сознание переориентируется на постматериалистические ценности.

Возрастание информационных объемов и возможность управления ими создают принципиально новую ситуацию в решении проблем социального управления. Если раньше правящие структуры вынуждены были так или иначе преобразовывать материальную действительность в соответствии с возникающими проблемами общества, то теперь гораздо проще и эффективней оказывается влиять на сознание. Возможности перестройки сознания, - пишет М.Делягин, – резко ограничивают круг проблем, стоящих перед государством, при этом качественно повышая его возможности³⁵⁶. По мнению данного автора, первый опыт массированного применения технологий формирования сознания дали диктаторские режимы первой половины XX столетия. Лишь после второй мировой войны подобные шаги переняли демократические государства, которые до-

³⁵⁶ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.142.

бились значительно больших успехов, победив обозначенных оппонентов в информационной войне.

Подобная точка зрения лично у меня вызывает некоторые сомнения. Информационно-идеологическая борьба полным ходом велась уже в предшествующем девятнадцатом столетии, постоянно сопровождая процесс индустриализации. Собственно, на этом настаивал уже Маркс в своем раннем сочинении «Немецкая идеология» (1845-1846 гг.). Кроме того, не следует забывать, что методологическая база массированного и целенаправленного воздействия на массовое сознание была заложена в трудах американских ученых XX в. Г.Лассуэла, У.Липпмана. Скорее можно предположить, что германская пропаганда периода национал-социализма велась более эффективными методами, добившись удачного синтеза классового и национального мифов, как правило, противопоставлявшихся в работах левых теоретиков.

Тем не менее трудно спорить с утверждением Делягина по поводу того, что современные управленческие системы все более склонны решать реальные проблемы методом «промывки мозгов». Причем это объясняется не только стремлением идти по линии наименьшего сопротивления. Естественная и неизбежная ограниченность ресурсов, находящихся в распоряжении современной управленческой системы, не дает ей объективной возможности заниматься всеми насущными проблемами. Она вынуждена устанавливать приоритеты и концентрировать ресурсы на одних проблемах, оставляя «на потом» другие. Между тем последние могут иметь в целом для общества, для его национальных интересов отнюдь не меньшее, если не большее значение. Но их острота будет сниматься именно с помощью технологий формирования сознания в соответствующем ключе. В то же время параллельно происходит изменение сознания самих управленцев. Последние как и

объекты их собственного воздействия нуждаются « в более структурированном и упорядоченном мире, - если и не в более понятном, то хотя бы в лучше объясненном». Развитие в этом направлении, как указывает Делягин, окончательно уводит управляющую систему из реальности: она перестает видеть реальные проблемы и целиком погружается в «информационный мир», сформированный ею для себя самой³⁵⁷.

Как указывает сам Делягин, примером подобного случая «эмиграции их реальности» может служить деятельность администрации Ельцина, начиная приблизительно с 1995 г. Собственно, подобная политика имеет продолжение и в путинский период. Например, российскому обществу в качестве приоритетных «подсовываются» цели, которые вызывают сильные сомнения в плане конструктивного решения национальных интересов. Речь может идти о вступлении в ВТО или реформировании образования в соответствии с Болонской системой, которому все же был дан ход, несмотря на отрицательное отношение большей части специалистов-экспертов из образовательной сферы. Между тем советская система, оставшаяся в памяти большинства людей как лишенная многих невыносимых сейчас социальных катаклизмов (бедность, терроризм, многократно возросшая коррупция и т.д.), всячески демонизируется или в лучшем случае - высмеивается. Попытка поставить вопрос о возврате к ней обычно парируется кратким «Мы это уже проходили».

Информатизированное сознание, будучи оторванным от реальности, оказывается значительно конкурентоспособнее сознаний, основанных на «здравом смысле», воспринимающих адекватную, а не информационную реальность. Это происходит не только потому, что искусственно сформированное информатизированное сознание учитывает осо-

³⁵⁷ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 162.

бенности человеческого восприятия (его психофизиологические, культурно-психологические аспекты). Подобное сознание предполагает значительно более комфортные условия для повседневного существования, причем не только в субъективном, но и в объективном материальном плане. Например, нам - российским ученым, гораздо выгоднее перестать забивать себе голову насущными проблемами России и разом «поверить» в эффективность западного пути, выступающего основой политической конъюнктуры. Речь идет о принятии в качестве реальности всех этих мифов о демократии, гражданском обществе, правовом государстве, толерантности и т.д. Подобное преобразование существенно расширит возможности для получения западных грантов, участия в международных конференциях, симпозиумах и перспективы для административной карьеры.

Довольно интересные рассуждения предлагаются Делягиным в отношении знакового явления современности – потребительской культуры. Во многом с ним связывают сторонники постиндустриального общества один из своих универсальных постулатов, касающийся индивидуализации потребления. Подобный тезис в русле концепции Делягина приобретает не только социально-экономический, но и социально-политический смысл.

В интерпретации данного автора суть «революции потребления» заключается в том, что предложение раз и навсегда перестало следовать за спросом. Более того, производство само стало создавать спрос, «преобразуя, а все чаще – и порождая предпочтения потребителя в соответствии со своими собственными потребностями и возможностями». В русле данной тенденции свое слово сказали технологии формирования сознания, из чего следует, что «революция потребления» тесно связана с «революцией информационной». Формирование новых потребностей

М.Делягин называет инструментом, при помощи которого современные технологии осуществляют преобразование современного социума.

В его понимании в производственной специализации прежде всего следует видеть следствие глобализации. С одной стороны, глобализация рынков ведет к формированию глобальных монополий. Традиционный потребитель оказывается объектом конкуренции лишь между несколькими гигантами мировой экономики, а большинству производителей попросту не под силу бросить им вызов. С другой стороны, мировой рынок обеспечивает наличие по сути дела каких угодно видов спроса, поэтому «своего потребителя – причем во вполне достаточных количествах – в конечном счете может найти даже самый экзотический и необычный товар»³⁵⁸.

Выходит, что углубление специализации является активной реакцией ряда производителей на то чтобы как-то выйти из положения в условиях глобальной конкуренции. Ведь чем более необычен товар, тем меньше у него потенциальных и реальных конкурентов. Но из этого следует, что клиентурой производителей, делающих ставку на специализацию, становятся маргинальные группы. А маргинализация потребления имеет серьезные последствия в плане социального управления. Как пишет Делягин, заметное число действующих таким образом фирм и компаний «способствует глубокому дроблению социальной структуры обществ, затронутых соответствующими технологиями формирования сознания, внутреннему разъединению этих обществ и выделению в них значительных в совокупности маргинальных групп, культур и субкультур»³⁵⁹.

³⁵⁸ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003, С.195.

³⁵⁹ Там же. С.198.

Помимо этого бизнесом применяются успешные попытки сформировать потребности уже существующих общественных групп. Подобные целевые группы (домохозяйки, пенсионеры, молодежь и т.д.) являются носителями специфических потребностей. Ясно, что информационные технологии здесь носят более массированный характер. Отсюда, если маргинальные потребители представляют собой объект воздействия средних и малых компаний, то традиционные социальные группы привлекают внимание крупного бизнеса. Последний обычно здесь не скупится на соответствующую информационную обработку.

В то же время воздействие на целевые группы подчинено кроме всего прочего задаче поддержания их особенностей и отличий. Конкретная группа тем самым обособляется от всех остальных, а в результате это ведет к усилению «внутренней раздробленности и разъединенности информатизированного общества».

Ко всем названным факторам дробления общества добавляется иммиграция, масштабы которой весьма существенно выросли по ходу развития глобализации. Нынешняя иммиграция предполагает целые имплантированные в чужую культуру анклавы, что усиливает внутреннее социальное напряжение. Тем не менее юридические механизмы, связанные с переездом в чужую страну (обычно речь идет о развитых странах) все более упрощаются, что, по мнению Делягина, вполне вписывается в логику глобализации. Более подробно эта проблема будет затронута несколько позже.

Иерархические тенденции постиндустриального общества

Признавая за информационными технологиями значение ведущего общественного ресурса, Делягин закономерно ставит вопрос о новых стратификационных формах, которые неизбежно должны были заявить о себе. Классовая

структура индустриального общества, базирующаяся на имущественно-финансовых основаниях, не сходит совершенно на нет, однако дополняется новым иерархическим разделением. В основе последнего лежат интеллектуальные способности, его значение все возрастает и в перспективе именно этот тип стратификации должен стать решающим, вытеснив с данных позиций классовый принцип.

Итак, под воздействием множества довольно хаотичных потоков информации социальное большинство начинает руководствоваться отнюдь не соображениями «здорового смысла», вытекающими из конкретной ситуации. Все более или более на общественное развитие начинают влиять «контролируемые и провоцируемые» эмоции, вытесняющие элементарную логику. Делягин пишет о распространении в этой связи «почти маниакальной веры» во всякого рода специалистов, где на первый план выходят профессионалы в области формирования сознания. Отсюда следует расширяющийся социальный заказ на разного рода экспертов. Последние не обязательно все без исключения изначально выступают как технологи в области формирования сознания. Экспертное сообщество, по мнению Делягина, занимающее верхние этажи в общественной иерархии в силу своей функциональной значимости, имеет весьма пестрый вид.

Конечно, мощную когорту здесь занимают разного рода политехнологи – дикторы телевидения, аналитики, комментаторы. Кроме этих, достаточно известных аудитории статусов, среди тех же политехнологов имеется множество позиций, скрытых от массового взгляда и все же отнюдь не менее значимых. Результаты их работы мы ощущаем практически постоянно, прослушав выпуск новостей или зайдя в кабинет средней руки начальника, где в обязательном порядке висит президентский портрет. Воспринимая по телевизору известные политические фигуры, мы имеем дело с результатом работы имиджмейкера. Его задача –

сформировать желательный (исключительно в политических целях) образ того или иного деятеля. Понятно, что этот образ зачастую весьма сильно отличается от реального человека. Однако люди, как правило, не придают этому значения, мало задумываясь по этому поводу. Результаты работы спиндоктора различимы еще в меньшей степени. Здесь задача заключается в своего рода отфильтровывании информации, доходящей до общественного сознания. Например, факт наличия у Ельцина развивающейся болезни Альцгеймера стал известен лишь после ухода первого президента России до окончания второго срока. Вместе с тем, всем более или менее мыслящим людям было очевидно в 1997-1998гг., что с Ельциным что-то не в порядке.

Но одними политехнологами экспертное сообщество не ограничивается. Есть множество других профессиональных групп, занимающихся по сути дела тем же формированием сознания, хотя формально их деятельность может иметь совсем иные задачи. Например, ученый мир. Его можно разделить на тех исследователей, которые реально занимаются поиском истины, и тех, кто стремится выдать за истину точку зрения правящих классов. Подобная дифференциация искусно поддерживается посредством финансирования (система грантов), возможностями карьерного продвижения в основном по административной линии. Надо ли говорить, какая из этих двух групп живет лучше и пользуется большим покровительством среди «власть имущих».

Всеобщее распространение информационных технологий резко повысило шансы к социальному продвижению у причастных к ним людей. В этом Делягин видит влияние как объективных, так и субъективных причин. Достижение карьерного успеха в условиях господства информационных технологий требует эффективного и решительного воздействия как на общественное, так и на индивидуальное сознание. «Без применения соответствующих технологий к окружающим оказывается невозможно даже закрепиться на достигнутом уровне, не говоря уже о подъеме на следу-

ющий. Кроме того, без последовательного применения подобных технологий к своему собственному сознанию – своего рода «самовоспитания» и аутотренинга – индивид оказывается неспособным к победе в жесткой конкурентной борьбе, усиливающейся по мере продвижения по социальной лестнице»³⁶⁰.

В информатизированном обществе высококвалифицированные профессионалы, работающие в различных областях (политике, стратегической аналитике, управлении и др.), которые связаны с применением информационных технологий, образуют своеобразную социальную группу – «информационное сообщество», обладающее специфическим мировоззрением, системой ценностей и стилем поведения. Подобно практически всякой элите это сообщество со временем неминуемо обособляется, замыкаясь на себе. Кастовые тенденции и большая монолитность не только в связи с необходимостью сохранения и самовоспроизводства, но и в условиях противостояния неэлитному большинству – все это довольно типичное явление, выдержавшее проверку историей. Однако для современного «информационного сообщества» особое значение приобретает идейная консолидация. И дело не только в том, что трансляция разнородных и противоречивых представлений процесс сложный и очень затратный. Информационное сообщество, как правило, служит проводником идей, ценностей, поведенческих стандартов, получаемых извне. В этом плане оно выступает одним из важнейших движущих элементов глобализационного механизма.

Анализируя новые стратификационные формы информационного общества, Делягин опирается на работы отечественного теоретика постиндустриального общества В.Иноземцева (см. главу I). Верх социальной лестницы за-

³⁶⁰ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 183.

нимает интеллектуально-управленческая элита и обслуживающие ее профессионалы, по сути дела сформировавшие некий господствующий «информационный класс». Этому классу противостоят разнородные и неконсолидированные массы, занятые преимущественно дешевающим рутинным, зачастую физическим трудом.

По мнению Делягина, базовое социальное противоречие современной эпохи глобализации как раз и заключается в противостоянии этих двух обособленных, «не понимающих друг друга и не нуждающихся в этом понимании» групп населения - «информационного сообщества», участвующего в разработке и применении технологий формирования сознания, и всех остальных общественных слоев и групп, представители которых являются простым объектом систематического применения указанных технологий³⁶¹.

Таким образом, если вспомнить соответствующую главу, видно, что в плане объективистского рассмотрения Делягин не добавляет ничего нового в тезис своего коллеги. Однако сторонник глобального информационного общества гораздо более скептически настроен в отношении качественного состава новой элитной группы. Он не считает, что члены «информационного сообщества» являются высокотворческими, духовно и интеллектуально раскрепощенными, оригинально мыслящими людьми. Не отрицая наличие именно такого типа личности, Делягин отвергает его количественное доминирование в «информационном сообществе». Такие люди, по его мнению, не играют здесь значимой роли. Подавляющее большинство представителей «информационного сообщества» является профессионалами лишь в своей узкой сфере деятельности. А в общем плане «внешняя яркая личность, значительная энергетика и исключительное умение произвести на окружающих и тем

³⁶¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.194.

более на своего непосредственного собеседника благоприятное, причем заранее запрограммированное впечатление трагически сочетается с глубочайшей внутренней пустотой, интеллектуальной скудостью и граничащим с убожеством догматизмом»³⁶².

Неслучайно характерной чертой информационного общества является нетерпимость к инакомыслию. В этом, как считает Делягин, безусловно демократизированное и политкорректное «информационное сообщество» значительно превосходит даже тоталитарные режимы³⁶³.

Вышеописанное явление информатизации сознания влечет за собой ряд весьма неблагоприятных следствий. С одной стороны, возрастает безответственность людей, составляющих управляющие структуры. Делягин пишет о ничтожности современных политических элит, неспособных защитить ни национальные, ни континентальные интересы в глобальной конкуренции³⁶⁴. Как уже говорилось, специалист-управленец, хотя и занимается творческим трудом, все же существенно ограничен в проявлениях собственно творчества в силу узкой специализации. За пределами собственной профессиональной компетентности он мало чем отличается от обычных людей, являясь тем же объектом информационного воздействия. Система ценностей управленческой элиты (впрочем, как и большинства людей) оказывается в основном имплантированной извне, а не сформированной в ходе естественного исторического процесса. Понятно, что субъектами подобного информационного влияния могут выступать соответствующие структуры, действующие в русле определенных интересов. В качестве последних вполне может выступать воля другого

³⁶² Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.184.

³⁶³ Там же, с. 185.

³⁶⁴ Там же. С. 71.

государства, намерения которого противоположны интересам данного общества.

С другой стороны, этот автор справедливо ставит проблемы выхолощивания демократии в современном информационном обществе. Ведь технологии формирования сознания фактически снимают внутренние ограничения, выражающиеся в контроле за действиями «власть предержащих» со стороны общественного мнения. Оставляются лишь внешние ограничения, которые связаны с участием конкретного общества, страны, государства в глобальной конкуренции³⁶⁵. Но именно это обстоятельство во многом оказывается решающим не только для внешней, но и для внутренней политики.

Подобные тенденции в той или иной степени имеют место во всех обществах, вовлеченных в процесс глобализации или (в интерпретации Деягина) в формирующееся информационно-финансовое пространство. Однако для каждой отдельной общественной системы описанные явления приводят к различному результату. Так, развитые страны западного мира испытывают меньше негатива, во многом потому, что указанные явления вызрели именно в их политико-культурной среде. Здесь традиционно сложились институциональные рамки в виде коллективов, которые как бы защищают окружающих от безответственного индивида, и наоборот.

Что касается периферийных стран, то здесь дела обстоят сложнее. Технологии формирования сознания не вызрели здесь в ходе естественного развития, обзаведясь необходимым шлейфом из социальных противовесов. Они оказываются имплантированы извне структурами развитых стран. В подобных условиях «естественные проявления творческой безответственности» со стороны управляющих

³⁶⁵ Там же, С. 163.

систем зачастую приводят к катастрофическим последствиям.

Прежде всего следует сказать о внутреннем расколе такого общества. Возникающие здесь идеи и представления «уже не диффундируют вверх по капиллярам социальных систем, но просто не воспринимаются элитой и, соответственно, перестают влиять на общественное развитие непосредственно, через изменение поведения этой управляющей системы»³⁶⁶. В то же время последствия действий элиты (подконтрольной внешним силам и действующей в соответствии с их интересами, а не национальными интересами) перекалдывается на наиболее уязвимую часть общества или социальное большинство. Последнее и вынуждено расхлебывать результаты «недостаточно ответственного увлекательного общественного творчества своей политической и экономической элиты». Ярким примером может служить ситуация постсоветской России. Нынешняя демократическая элита, по совершенно справедливому замечанию Делягина, оторвалась от народа за семь лет своего правления (т.е. к 1998 г.) намного сильнее, чем коммунистическая номенклатура за семьдесят лет собственного пребывания у власти³⁶⁷.

Кроме все прочего, поведенческие стандарты элиты имеют свойство передаваться остальному обществу, хотя могут выражаться здесь в своеобразных формах. Например, безответственность российской управленческой элиты транслируется на общество, нарастая как снежный ком. Если специалист в области управления не задумывается о последствиях собственного решения, то каких мотивов можно ожидать от простых людей? Все больше россиян убеждается в том, что они предоставлены самим себе, а от-

³⁶⁶ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003, С.177.

³⁶⁷ Там же. С.178.

нюдь не являются предметом заботы государственных структур. Расхождение индивидуального и общественного интересов – вот одна из главнейших проблем современного российского социума.

Процессы глобализации и постиндустриальное общество

Подход Делягина имеет много общих черт со взглядами теоретиков мир-системного анализа. В качестве принципиального отличия, бросающегося в глаза, следует отметить, что российский экономист определяет глобализацию как явление современности, подводя под него технологический базис. Последователи Валлерстайна видят здесь больше результат экономических процессов (динамика капитализма), закрепленных политически. Тем самым значительно расширяются временные рамки – современная глобальная структура не что иное как органическое продолжение колониальной эпохи с ее отдающими еврасизмом принципами.

В то же время подобное расхождение имеет для нашего исследования меньшее значение, тем более что в определении характера сложившейся структуры международных отношений наблюдается согласие. Речь идет о жесткой иерархии между странами, которая явилась результатом разделения труда. О механизмах взаимодействия «центра» и «периферии» мы рассуждали в соответствующем месте данной работы. Теперь следует заострить внимание на том, что предлагает один из выдающихся современных отечественных мыслителей.

Эффективной стратегией конкурентной борьбы на современном этапе становится «создание стандартов, наиболее соответствующих своим собственным склонностям, и последующее навязывание их потенциальным конкурен-

там»³⁶⁸. В этом, по мнению Делягина, заключается специфика процесса глобализации, который формирует единое общемировое финансово-экономическое пространство на базе новых, преимущественно компьютерных технологий³⁶⁹. Именно технологии объединили развитые страны, включив их в единую коммуникативную систему, сформировавшееся в результате этого финансово-информационное пространство расширяется, включая в орбиту своего влияния остальную мир. Ясно, что стандартизация мышления несет отпечаток «материнской» культуры – речь идет о культуре Запада, по большей части в американском ее варианте. Но понятно и то, что народам, в культурном отношении далеко отстоящим от Запада, подобный стандарт, как правило, чужд «и потому, как минимум, неудобен и объективно является сдерживающим их развитие, а как максимум – враждебен и потому прямо разрушителен».

В основе современного мирового порядка, по мнению Делягина, лежит так называемая «технологическая пирамида». Поскольку именно технологии выступают в качестве конструкций социальных отношений по сути дела любого уровня (здесь Делягин наиболее близок постиндустриалистам), отсюда статус страны в первую очередь определяется ее продвинутостью в технологической сфере. Собственно технологии распределяются Делягиным по пяти уровням, которые между собой отличаются не только в содержательном плане, но и имеют различные масштабы охвата, что обеспечивает различную прибыльность.

Итак, на *первом уровне* соответственно располагаются наиболее эффективные современные технологии, которые относятся не столько к производству, сколько к принципам управления и особенно – формирования сознания. Как пи-

³⁶⁸ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 103.

³⁶⁹ Там же. С. 67.

шет упомянутый автор, в первую голову идет разработка стандартов мышления, а затем уже собственно технологической деятельности (например, принципы стратегического планирования, кризисного управления). Подобное преимущество, по мнению Делягина, обеспечивает главный конкурентный перевес его создателю, будучи гораздо эффективнее достоинств, связанных с производственной деятельностью.

Что касается *второго уровня* технологической пирамиды, то здесь речь идет о воплощении принципов, разработанных на первом уровне, в непосредственно реализуемые технологии, обычно производственного характера. Производители продуктов этой группы контролируют процесс их реализации значительно слабее, нежели их непосредственные разработчики (то есть представители первого «этажа»). Хотя технологии и поступают в больших количествах на национальные рынки, «их продажа носит обычно не полный, касаясь не самой собственности на «ноу-хау», но лишь права их использования и, иногда, ограниченного тиражирования на основе лицензий»³⁷⁰. Продажа новых технологий осуществляется не всем странам, а дружественным или, по меньшей мере, нейтральным. Кроме того, как совершенно справедливо замечает Делягин, обеспечение новыми технологиями есть не только признак партнерских национальных отношений, но и действенным способом «привязывания» получателя технологии к ее поставщику.

На остальных трех уровнях располагаются уже собственно производители товаров, различающихся по степени сложности и уникальности. *Третий уровень* составляют потребительские товары, оборудование и услуги, поступающие на открытый рынок; *четвертый* – просто сложные однородные товары. Наконец, образующий фундамент пи-

³⁷⁰ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 241.

рамыды *пятый уровень* составляют производители однородных «биржевых» товаров. Рынки последнего уровня контролируются потребителями и потому являются менее стабильными. В то же время действующему на этом «этаже» бизнесу зачастую выпадают случаи продемонстрировать даже большую эффективность в сравнении с производителями более сложной продукции четвертого уровня технологической пирамиды. Например, та же добыча нефти может оказаться более прибыльной автомобилестроения.

Однако подобное преимущество может быть действительным только в кратко- и среднесрочной перспективе, ничего не давая в стратегическом плане. Ведь использование более сложных технологий так или иначе преобразует общество, улучшая его управление и повышая конкурентоспособность. Отсюда Делягин делает заключение, что ориентация на более простые технологии, пусть даже и более прибыльные, в конечном итоге приводит к проигрышу в глобальной конкуренции.

К настоящему моменту уже устоялось распределение по уровням технологической пирамиды. Уровни последней тесно взаимосвязаны. Каждый более низкий уровень является чем-то вроде фундамента для более высокого, обеспечивая его сырьем и полуфабрикатами. Эти последние могут выступать в каких угодно смыслах, это может быть интеллектуальное сырье, молодые специалисты, а то и просто способные студенты. Технологическая пирамида, как показывает Делягин, заключая в себе иерархию технологий, тем самым создает основу международного разделения труда и, соответственно, основу международной иерархии экономической и политической влиятельности различных стран³⁷¹. Определенная национальная экономика оказыва-

³⁷¹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.242.

ется в собственной «технологической нише», другими словами, в ней доминируют технологии того или иного уровня.

Первый этаж этой технологической пирамиды занимают «полторы» страны – США и частично Великобритания. Новые технологии – вот конек американской экономической деятельности. Относительно недавняя структурная перестройка последней предполагала концентрацию всех ресурсов на развитии технологий как на наиболее перспективном направлении, закрепляющем в итоге (как мы увидим далее) глобальную гегемонию США. Подобная концентрация закономерно повлекла за собой оскудение ресурсов в традиционных видах производства, что выразилось в некотором отставании здесь американцев от других развитых стран. Тем не менее Делягин подчеркивает, что это обстоятельство вовсе не следует расценивать как начавшийся упадок США. Тем более нет никаких оснований для пророчеств о скором крахе американской цивилизации. Подобное отставание «вызвано не невозможностью, но ненужностью повторения или превышения уже достигнутого кем-то результата». Наиболее информатизированной и технологически продвинутой экономике США попросту незачем быть лидером, скажем, автомобилестроения или компьютерной продукции.

На следующих уровнях обозначенной пирамиды фактически осуществляется переработка технологических принципов, предложенных первым (высшим) уровнем. Речь идет о создании инноваций, уже применяемых на практике. Обычно этим занимаются филиалы транснациональных корпораций, расположенные в основном в странах «большой семерки». Таким образом последние составляют основу второго уровня.

Следующие «этажи» технологической пирамиды лишь воспринимают и реализуют технологии, распределяя их в

зависимости от сложности по третьему, четвертому, пятому уровням. Естественно, что технологии могут устаревать, и когда это происходит, они «спускаются» на более низкие уровни. Другими словами, их попросту «подбирают» наименее развитые страны. Последние три этажа пирамиды представляют весьма запутанный конгломерат стран, четкую принадлежность каждой из которых к тому или иному уровню определить сложно.

Как уже говорилось, Делягин определяет глобализацию как феномен современности. Лишь с середины XXв. становятся самостоятельным товаром новые технологии «ноу-хау» и стало возможным говорить о появлении второго уровня нынешней технологической пирамиды. Создание же новых технологических принципов (первый уровень) и вовсе стало фактором рыночного влияния не ранее 70-х гг. В связи с этим названный автор делает очень важное замечание относительно возможностей изменения вновь образованной структуры мира. До начала глобализации (то есть примерно лет тридцать тому назад) технологический разрыв между странами не был чем-то раз и навсегда заданным. Именно поэтому впечатляющие «подъемы» стран (Япония, Сталинский СССР, некоторые социалистические страны Восточной Европы) приходится на период, когда нынешняя мировая информационно-технологическая система только складывалась. Более того, в ту эпоху имелись попытки выстраивания альтернативной системы, по сути дела включающей все обозначенные уровни технологического развития. Естественно, речь идет о социалистическом лагере.

В настоящий момент ситуация изменилась принципиально. Восхождение по уровням технологической пирамиды затруднено, а начиная со второго уровня - и вовсе заблокировано характером доминирующих технологий. «Сегодня и Россия, и другие бывшие относительно развитыми

страны постсоциалистического пространства (включая бывшую ГДР – «восточные земли» объединенной Германии) в целом отброшены на четвертый-пятый уровни мировой технологической пирамиды. Максимум, на который они могут надеяться в жесткой конкурентной борьбе, – это прорыв на третий уровень. Их отставание от развитых стран, занимающих второй «этаж», сегодня можно с полным основанием считать окончательным и необратимым»³⁷². Такой вот, прямо скажем, малооптимистичный прогноз дает нам Михаил Делягин.

Складывающуюся (а вернее сложившуюся) систему отношений в современном мире автор концепции глобального информационного общества склонен определять как «информационный империализм», который имеет ряд принципиальных отличий от традиционного колониализма.

В первую очередь указывается на то обстоятельство, что важнейшие ресурсы общественного развития приобретают текучий мобильный характер и лишаются привязки к определенной территории. Еще относительно недавно в качестве такового служило социально-географическое пространство с закрепленными на нем людьми и производством. Сейчас с господством информационных технологий эта роль перешла к финансам и интеллекту. Отсюда, как считает Делягин, теряет значение геополитика как учение о жизненном пространстве³⁷³.

Изменение ресурсов развития коренным образом меняет характер освоения отсталых территорий, в свое время вошедших в состав колониальных империй. Раньше метрополия вынуждена была идти на определенные (как правило, значительные) издержки, в основном связанные с обеспечением втягивания колонии в мировой рынок. Сегодня

³⁷² Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.247-248.

³⁷³ Там же. С.222.

освоение «во все большей степени заключается в обособлении внутри осваиваемого общества с последующим изъятием из него основной части здоровых и прогрессивных элементов, то есть людей – носителей финансов и интеллекта».

Новый колониализм, стремясь к снижению издержек, по сути дела перекладывает расходы на организацию политической жизни и социального развития на саму осваиваемую территорию. Отсюда вполне закономерно, что подобное снижение издержек при неоколониализме сопровождается упадком организации общественной жизни на осваиваемой территории. То есть развитие как таковое становится исключительно привилегией развитых стран. Последним удалось создать *наиболее успешную для себя и наиболее разрушительную для большинства остальных стран мира модель международных политико-экономических отношений*. В этом, считает Делягин, и заключается коренное отличие нового информационного империализма «от относительно гармоничных процессов традиционного колониального развития, сопровождавшихся достаточно глубоким оцивилизовыванием колоний»³⁷⁴.

Отстающие страны современного мира по сути дела лишаются каких-либо шансов на успех в глобальной конкуренции. Из этих стран происходит отток финансов и интеллекта, отчаявшихся найти здесь применение. Последнее обстоятельство во многом имеет искусственный характер, другими словами, готовится не без внешнего участия. Речь идет об «активном поощрении всех черт, которые не просто выделяют привлекательные для развитой страны элементы «осваиваемого» или просто отсталого и потому подлежащего освоению общества из его основной части, но и являются для этой части принципиально неприемлемыми.

³⁷⁴ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.224.

Вызываемое (а точнее – усиливаемое) таким образом отторжение привлекательных для развитых стран элементов «осваиваемого» общества кардинально облегчает изъятие его наиболее прогрессивной части»³⁷⁵.

Двое авторов этой книги преподают в российском ВУЗе уже более 10 лет и могут с уверенностью констатировать наметившиеся (особенно за последние 3-4 года) тенденции, которые блокируют механизмы индивидуального творчества, содействуя превращению профессорско-преподавательского состава в бюрократические машины. Взять хотя бы растущее количество документов, которые требуются для присвоения ученых степеней или ученых званий. При этом неправильно проставленный номер в списке научных трудов вполне может явиться основанием для возврата документов. Объективности ради следует признать, что подобные требования вырабатывают определенную аккуратность. Но ведь есть и другая сторона – психическая усталость, вызывающая отупление, плюс уйма времени, уходящего неизвестно на что.

Другой момент заключается в замене традиционных ежегодных рабочих программ «учебно-методическими комплексами» (сокращенно «УМК»). Эти комплексы включают множество разделов, смысл которых не всегда понятен даже бывалым «преподам». При этом каждый год требования по оформлению этих комплексов все ужесточаются. Так еще в прошлом году своеобразным «камнем преткновения» являлся председатель методкомиссии факультета. После его подписи «умк» мог считаться сделанным, а данный груз – сброшенным. С этого года после новых дополнений к требованиям заведующего кафедрой обязали строго взять это дело под свой контроль. Другими словами, теперь нас ждет не один, а два «камня преткновения». Основная причина появлений пресловутых «умк», как нам объясняют, заключается в необходимости создать возможность эффективной замены преподавателя на занятии. Например, ты за-

³⁷⁵ Там же. С. 225.

болел и по разработанному тобой «УМК» другой человек сможет адекватно тебя заменить. Признаться, довольно странное объяснение. Скажем, на нашей кафедре «социологии и культурологии» любой преподаватель без проблем заменит своего отсутствующего по каким-либо причинам коллегу. При этом компетентность специалистов (из года в год читающих тот же самый курс) вряд ли может быть поставлена под сомнение. Но сможет ли помочь «умк» человеку несведущему – думается вряд ли.

Полагаем, что дело совсем не в необходимости замены. С одной стороны, расплывшиеся бюрократические структуры, в том числе и в образовании, стремятся показать видимость работы, рассылая новые «мудрые» постановления. С другой – действует тот самый механизм, который описывает Делягин. Особенно в этой связи добавляет «масла в огонь» Болонский процесс, в который российское руководство все же решило вписаться, не обращая внимания на возражения со стороны ректора МГУ Садовниченко и большинства преподавательской ответственности. После этого решения количество документации существенно образом выросло.

Накладываемая на работников высшей школы рутинная неинтересная работа, связанная с производством обширной (и как оказывается никому не нужной) документации существенно снижает возможности для деятельности, на которую собственно и настроены преподавательские мозги. Речь идет о написании диссертаций, монографий, просто исследовательской работе и т.д. Отсюда неудивительно, что многих моих коллег все чаще посещают мысли – а не поменять ли страну проживания?

Естественно, что интеллекту трудно воспроизводиться в нестабильной и экономически неблагополучной среде, присущей периферийным странам. Как пишет Делягин, неблагоприятные условия оставляют специалистам (особенно быстро обновляющейся сферы информационных технологий) крайне ограниченный и весьма жесткий выбор. Они либо стихийно уничтожаются как профессионалы (вспом-

ним кандидатов и докторов наук, работающих «челноками» в 90-е гг.), либо оказываются вытолкнутыми общественной средой в более развитые страны. Благодаря этому процессу происходит перетекание (пресловутая «утечка умов») интеллектуальных ресурсов в развитые страны и сосредоточения именно там «информационного сообщества»³⁷⁶.

Делягин идет несколько дальше теоретиков мир-системного анализа, традиционно разделяющих мировое пространство на развитый «центр» и отсталую «периферию». По его мнению, можно говорить о расколе внутри самих стран «центра». То есть здесь имеет смысл выделять «наиболее развитые» и просто развитые страны. К первым он относит общества, созидающие новые технологические принципы. В первую очередь это США и в меньшей степени Великобритания. Европейские страны хоть и предпринимают не совсем безуспешные попытки противостоять американской гегемонии (европейская экономическая интеграция), все же выстроены в фарватере американской политики. Это происходит, по мнению Делягина, именно в силу технологической зависимости Европы от Америки. Плюс к этому первая явно втянута в информационное поле, создаваемое второй. Об этом может свидетельствовать агрессия 1999г. против Югославии, предпринятая НАТО, разумеется, по инициативе американцев. Несмотря на то, что целью этой акции являлся раскол среди стран Европы, последние в общем и целом поддержали подобное мероприятие, видя в нем борьбу против «диктатуры Милошевича».

Особое положение в описываемом Делягиным глобальном мире принадлежит ТНК, в которых многие авторы видят едва ли не главных субъектов глобализации, успешно

³⁷⁶ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С. 217.

вытесняющих с этих позиций национальные государства. В этом плане автор концепции «глобального информационного общества» не без оснований вносит определенные уточнения. Из них следует, что процесс образования транснациональных корпораций имеет не только чисто экономическую, но и политическую сторону.

В первую очередь, совершенно неправомерно полностью отрывать ТНК от вполне определенных национальных интересов. Так, 500 наиболее крупных корпораций имеют долю в общемировой торговле технологиями и управленческими услугами, достигающую 80%. В то же время 407 из этих пятисот компаний принадлежат странам «большой семерки». Штаб-квартиры 24 тыс. транснациональных корпораций располагаются в 14 наиболее богатых стран мира³⁷⁷.

В ходе своего развития ТНК все более переориентировались с управления отдельными компаниями на управления самим международным рынком посредством национальных правительств (конечно, речь в данном случае идет о периферийных странах). И надо сказать, что информационная революция в этом плане существенно повысила возможности ТНК. Прежде всего резко снизилась роль дешевой рабочей силы – единственного конкурентного преимущества развивающихся стран. Усложнение труда, как известно, повышает квалификационные требования и как следствие простой неквалифицированный труд теряет значимость. Возрастающая потребность в качественном труде создает условия для сокращения глобальной производственной интеграции и «возвращения» производственных

³⁷⁷ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.255.

структур ТНК из «третьего мира» обратно в развитые страны, откуда собственно и началась их экспансия³⁷⁸.

Концентрация рабочих мест в благополучных странах имеет безусловный социально-политический эффект. Получается, что ТНК обеспечивает занятость «своего» населения, усугубляя проблемы всего остального человечества. Высосав из «второго» и «третьего» миров значительные финансовые, материальные и человеческие ресурсы, «первый» мир обособляется и замыкается, переваривая эти ресурсы. При этом развитые страны всячески стремятся отгородиться от ими же порожденных проблем, которые частично докатываются до них через те же самые глобальные механизмы. Об этом свидетельствует ужесточение контроля за миграционными потоками, а также неуклонный рост протекционизма в развитых странах. Это явно противоречит принципам либерализации внешнеэкономических связей, приверженцами которых настойчиво объявляют себя страны «центра», требуя того же от всех остальных.

В то же время это обособление имеет и другой толчок. Развивающиеся страны все более отстают в технологическом плане, что отражается практически на всех основных сферах общественной жизни. Отсюда, с одной стороны, эти страны становятся менее восприимчивыми к иностранным инвестициям (среди которых основная доля принадлежит ТНК), доля которых неуклонно сокращается. С другой стороны, естественным путем основная часть спроса на наукоемкую продукцию исходит от технологически продвинутых стран. А потому получается, что расположенные в «третьем мире» филиалы ТНК работают преимущественно на «первый» мир.

В то же время, распространяющиеся таким образом в отсталых странах передовые технологии отнюдь не спо-

³⁷⁸ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.257.

способствуют удовлетворению социальных нужд этих стран. Последние оказываются вынуждены в полной мере оплачивать не только размещаемые на их территории технологии, но и будущие конкурентные преимущества транснациональных корпораций.

Экономическая политика ТНК в таких странах заключается в том, чтобы всячески поддерживать здесь модель потребления, ориентированную на механическое заимствование стандартов развитых стран. При этом корпорация целенаправленно производит относительно дорогие товары с избыточными для населения потребительскими качествами. Ширящееся потребление этих товаров носит характер заведомо избыточных расходов, усиливая отток финансового капитала из данной страны.

Как считает Делягин, тезис о снижающейся роли правительств совершенно справедлив в отношении развивающихся стран. Когда последние начинают влиять на международные рынки, масштабы которых заведомо превышают сферу их компетенции и компетентности, «они лишаются возможности сознавать последствия своей деятельности и начинают использоваться «втемную» транснациональными корпорациями. В результате этого стихийного и далеко не всегда желаемого выхода за пределы собственной компетентности государства теряют возможность планировать свою деятельность и ее последствия»³⁷⁹.

Подобное «темное» влияние международных корпораций на национальные правительства осуществляется различными методами экономического, политического и культурного плана. Среди первых можно отметить механизм трансфертных цен, а также внешний долг, обычно весьма великий у отсталых стран. Культурное влияние обычно касается не только распространения потребитель-

³⁷⁹ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.256.

ских стандартов, активно происходящее через систему международных СМИ. Речь идет также о формировании сознания элиты этих обществ, в связи с чем классовый антагонизм (и без того здесь обостряющийся по вполне понятным причинам) дополняется культурно-цивилизационным противостоянием.

Что касается политических рычагов влияния, то здесь могут использоваться варианты от подкупа конкретных значимых фигур, финансирования групп лоббирования, до организации целых социальных катаклизмов, за которыми обычно следует смена правящей группы. В этом плане показательны бархатные революции как своими технологиями, так и тем, кто за ними стоял. Как правило, за этим скрываются интересы международного бизнеса, помноженные на государственную волю стран экономических лидеров. То есть здесь мы можем наблюдать прочно спаянный союз большого бизнеса и государственных структур.

Итак, какие же заключения следует вывести из рассуждений одного из выдающихся отечественных обществоведов?

Как видим, Делягин решительный приверженец технологического детерминизма. По его мнению, современность дает этому убедительные доказательства. Подобный методологический принцип ставит его в один ряд с теми учеными, кто склонен соглашаться с тезисом по поводу того, что мы живем в условиях нового общественного типа. Делягин разделяет мнение о том, что теперь информационные технологии, а не финансы выступают в качестве главного общественного ресурса, определяя конкурентоспособность обществ и корпораций. Он считает, что раньше именно деньги, финансы были главным источником и воплощением рыночного могущества. Теперь же они превращаются лишь в его следствие. Главным источником рыночной си-

лы все в большей степени становится интеллект, воплощенный в организационных структурах³⁸⁰.

В то же время названный ученый не склонен разделять информационную революцию и процессы глобализации. Напротив, эти два явления тесно связаны друг с другом. Однако приоритет в концепции Делягина отдается все же первому. По его мнению, технологический рывок представляет собой результат общественной эволюции. Информационные технологии заявили о себе в качестве главного социального ресурса, оттеснив с этих позиций материальные ресурсы. И закономерно, что первую скрипку здесь по прежнему играют страны, находящиеся в экономически передовой когорте. Экономическое лидерство обеспечило условия для усложнения производственных и управленческих структур, роста их наукоемкости. Отсюда на этом фоне вполне естественна потребность в интеллекте.

Кроме того, технологическое превосходство в условиях виртуализации информационного пространства, выходящего на наднациональный уровень, практически окончательно закрепило глобальное превосходство этих стран над всем остальным миром. Это происходит не только и даже не столько путем экономического подчинения, но во многом за счет навязывания собственного видения мира. Фактически интерес преуспевающих стран успешно представлен в виде общечеловеческих мировоззренческих стандартов, за счет чего «второй» и «третий» миры выстраиваются в русло политики мира «первого».

3.4. Социальная реальность глобализма

Анализ известных теорий глобализма наталкивает на мысль о большей озабоченности их авторов судьбами даже

³⁸⁰ Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М., 2003. С.251.

не только национальных государств, гражданами которых они являются, но в чем-то и всего человечества. В целом настроения теоретиков постиндустриального (постэкономического, программируемого, посткапиталистического и др.) более оптимистичные. Как увидим далее, вполне возможно большая сдержанность исследователей глобального капитализма объясняется явлениями социальной практики. Итак, какая же конкретика здесь заслуживает внимания?

Из приведенных концепций третьей главы следует, что глобальный капитализм имеет ряд особенностей, которые должны были бы срабатывать на усиление социального расслоения. В общем и целом пока что именно так и происходит. Правило В.Парето, определяющее внутренний принцип распределения практически для любого общества как 20% к 80% (20% населения имеет приблизительно 80% всех материальных доходов) в наш век демократии и «равенства шансов» корректируется отнюдь не в сторону большего выравнивания, а как раз в противоположную сторону. Разрыв в доходах одной пятой жителей наиболее богатых стран и одной пятой жителей самых бедных стран в 1960г. составлял 30:1, в 1990г. уже вырос до 60:1, а в 1997г. остановился на отметке 74:1³⁸¹.

Если заводить речь о социальной верхушке, то здесь стоит напомнить, что в период организованного капитализма экономические параметры элиты и остального общества несколько подравнялись, но в пору глобального капитализма разрыв вновь стал расти, причем довольно быстро. Этому в немалой степени поспособствовал неолиберальный проект, восстановивший основные принципы классического капитализма, предполагающего жесткую поляризацию. Как нельзя к месту пригодились революция в средствах коммуникации. Результатом оказалась чрезвычайная

³⁸¹ Харви Д., Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение. М., 2007. С. 31.

концентрация власти, капитала, влияния. Денежный ресурс не только не потерял свое значение, но, напротив, стал играть еще большую роль в закреплении положения социально лидирующих групп. Сферы экономики и политики оказались еще теснее увязанными уже не только общими интересами, но и общими кадрами посредством принципа «вращающейся двери», о чем пойдет речь ниже.

Так, в Великобритании с 1982 года доля одного процента самых богатых людей в национальном доходе увеличилась с 6,5% до 13%. В США результатом неолиберальной политики стало существенное укрепление социально-экономических и, соответственно, политических позиций верхушки общества. На это указывают исследователи самых разных школ обществознания – Д.Харви, М.Делягин, Д.Роткопф. Как пишет Дэвид Роткопф, доходы бизнес-руководства с 1993г. возросли в несколько раз. В 2006 г. средний чистый заработок начальника фирмы, входящей в форбсовский «список 500», равнялся 15,2 миллиона долларов, и это не максимальная сумма³⁸².

Этот автор приводит просто шокирующие данные о так называемых «золотых парашютах» - бонусах для начальников, уходящих в отставку (или на другое место работы). Так, исполнительный директор «Home Depot» Р.Нарделли получил 210 млн. долларов отступного, хотя за шесть лет пребывания на данном посту стоимость компании снизилась на 7,9%. Уходящий босс «Pfizer» Х.Маккиннел получил на прощание чуть менее 200 млн. долларов. Совет директоров «Еххон» вручил ушедшему в отставку Ли Реймонду подарок 357 млн. Компания АТ&Т попрощалась со своим главой Э.Уитакером добровольным пожертвованием в 158 млн. И это в дополнение к контракту на консалтинговые услуги ценой в миллион долларов в год, 24 000 ежегодных «автомобильных льгот», более 6000 ежегодно на охрану его частного дома, 25 000 на членские взносы в загородный клуб и

³⁸² Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.114.

бесплатное пользование корпоративными самолетами. «Расставание еще никогда не было настолько беспечальным» - не без доли иронии заключает Д. Роткопф.

Для попадания же в ряды нынешней элиты финансовые барьеры являются, пожалуй, самыми серьезными. Они такие высокие, что «нельзя представить, будто кто-то сможет преодолеть их без помощи богатых и могущественных сторонников из частного и государственного секторов». В ходе президентских выборов в США лидеры предвыборной гонки собрали свыше 100 миллионов долларов каждый (это первый подобный случай в американской истории). Д.Роткопф делает вывод, что современные политики зависят от своих спонсоров в гораздо большей степени, чем от реальных избирателей³⁸³. С одной стороны, корпоративные интересы спонсоров выступают важнейшим фактором принятия политических решений. С другой - подобное обстоятельство где-то благоприятствует тенденциям наследственности. Из 100 членов американского Сената 40 человек являются миллионерами, из 435 человек, составляющих Палату представителей, таковыми являются 123³⁸⁴.

Концентрация властного ресурса проявляется еще и в появлении административных структур, ориентированных в большей степени не на интересы общества, но на потребности элит. Австрийский исследователь Макс Халлер именно так склонен рассматривать наднациональные структуры, возникающие в ходе процесса европейской интеграции. Интерес элит здесь заключается в силу предоставляемых возможностей социального продвижения или закрепления высшего статуса, а также высокого заработка. Именно здесь провалившиеся на национальном уровне политики (или проигравшие выборы) находят варианты продолжения политической карьеры и получения впослед-

³⁸³ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.226.

³⁸⁴ Там же. С.128.

ствии щедрой пенсии. Как свидетельствует австрийский ученый, заработки членов Европарламента значительно выше чем зарплата членов национальных парламентов, кроме того здесь имеют место разного рода щедрые доплаты на личные расходы, на содержание секретариата (до 15 тысяч евро в месяц)³⁸⁵.

Высшие слои современного общества, разумеется, не исчерпываются исключительно политиками и крупными собственниками (зачастую по совместительству еще и топ-менеджерами), хотя именно эти группы имеют здесь наибольшее представительство, что будет проиллюстрировано несколько позже. Следует признать, что развитие потребительской культуры стимулирует определенные каналы мобильности – сферы спорта, поп-музыки, киноискусства и др. Однако принцип превосходства «немногих над большинством лучших» воспроизводится и здесь.

Интересное объяснение данному принципу дает американский политический деятель и президент Гарвардского университета Лоуренс Саммерс. «Когда-то, скажем, семьдесят пять лет назад, - рассуждает Саммерс, - если вы были самым лучшим концертирующим пианистом в мире и я тоже был хорошим концертирующим пианистом, мы могли зарабатывать примерно одну и ту же сумму, потому что нашим способом заработка было выступление в лучших залах. Существовала сеть концертных площадок, существовало пространство для всех нас, хороших пианистов, и постоянный спрос на наши выступления во всех городах. Но сегодня настоящие деньги поступают от продажи записей, и если я – компания звукозаписи, кого я захочу привлечь, в кого буду вкладываться, кого рекламировать? Первого в списке пианистов или пятнадцатого? А если вы потребитель, зачем вам покупать что-то кроме лучшей записи лучшего исполнителя? Так что на самом верху технологии сделали суперзвезд

³⁸⁵ Халлер М. Европейский раскол между элитами и гражданами // Социология: теория, методы, маркетинг, 2009. №2. С.12.

еще успешнее, чем раньше. То же относится к финансовым управляющим и всем прочим, чья репутация связана с уникальными профессиональными навыками или дарованиями»³⁸⁶.

То же самое можно сказать о таком популярном виде спорта как футбол. В одной и той же команде могут числиться игроки, заработки которых несопоставимы. Например, легионер-«звезда» международного уровня и рядовой игрок национального масштаба.

Незыблемое положение элитных групп обусловлено не только беспрецедентной концентрацией финансовых и властных ресурсов. Элиты сумели переориентировать те каналы, которые ранее обеспечивали их определенную открытость некоторым представителям социального большинства. Речь идет об образовании, которое теперь работает не столько на «равные возможности», сколько обеспечивает преемственность элиты от поколения к поколению. Это стало результатом усилий социальной верхушки в направлении стратификации образовательной системы. Тут надо отметить создание привилегированных учебных заведений (Гарвард, Оксфорд, Йельский, Колумбийский университеты и т.п.), в которых проходят обучение выходцы из элитных групп, формируя неформальные связи и отношения уже на этой жизненной стадии. Ну и, разумеется, следует сказать о резко возросшей оплате за обучение.

Все эти обстоятельства не могут не сказаться на практически-содержательной стороне проекта Просвещения, долгое время выступающим предметом гордости Западных обществ. Его наибольшей заслугой обычно считают масштабное распространение демократических принципов, которые сейчас обоснованно ставятся под сомнение.

³⁸⁶ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 56.

Социально-политические деформации эпохи глобального капитализма (Кристофер Лэш, Колин Крауч).

Ускоренные темпы социальных изменений, чем характеризуется глобальная эпоха, приобретают далеко не всегда приглядный вид. Это вынуждены признать даже ученые, ничего особо не имеющие против рынка, демократии, да и глобализации в целом тоже.

Британский социолог Колин Крауч, ярый приверженец демократии, однако его труды полны нескрываемой тревоги за судьбу принципа народовластия. Показательно, что свой принятый многими во внимание труд он назвал «Постдемократия», где он в весьма живой форме описал деформации социально-политического облика западного общества. Интересно, что К.Крауч в качестве причин этого обстоятельства делает ставку не на культурный фактор, как это прослеживается в книге К.Лэша, о которой речь пойдет ниже. Нет, он вовсе не спорит с мнением последнего по поводу нравственного падения и обмельчания представителей нынешней социальной верхушки. В трактовке британского мыслителя вырождение элиты выступает скорее следствием объективных социальных сдвигов, побудивших лидеров западного мира сместить приоритеты внутренней политики.

Во-первых, принципиально изменилась геополитическая ситуация – исчез СССР, долгое время заставляющий крупных бизнес-дельцов умерять пыл и мириться с кейнсианской политикой. Последняя в некоторой степени вызвала инфляционный кризис, так как предполагала высокую покупательную способность населения. Уже с 70-х гг. начинает пробоваться новая политико-экономическая модель, предполагающая совершенно иной расклад, который К.Крауч называет приватизированным кейнсианством. Его отличие от кейнсианства заключается в том, что теперь стимулирование экономики происходит за счет растущих

долгов простых людей, тогда как ранее в долги входило правительство³⁸⁷. Подобная отмечаемая британским ученым тенденция вполне согласуется с выводами других современных исследователей, упомянутых в этой книге. З.Бауман, У.Бек, в определенной степени Э.Гидденс и др. констатируют своеобразное индивидуализацию, вызванную тем, что люди в современном обществе все более и более оказываются предоставлены самим себе.

Во-вторых, глобализация и постиндустриализм стимулировали ряд процессов, выгодных капиталу или, точнее сказать, использованных последним к своей пользе, причем не только в экономическом, но и в политическом смыслах. Это потоки дешевой рабочей силы из менее развитых стран, это структурные изменения рабочего класса (как в силу миграций, так и в силу оттока в сектор услуг), приведшие к размыванию пролетарской идентичности и ослаблению социальной базы демократических движений; наконец, едва ли не самое важное – концентрация экономической мощи в руках не столь уж многочисленных корпораций, давно переросших национальный уровень. Последнее обстоятельство обуславливает тесный и все крепнущий союз лидеров экономики и политики со всеми отсюда вытекающими для социального большинства последствиями.

В начале более пристального рассмотрения идей британского мыслителя следует отметить, что он вовсе не намерен отождествлять либерализм и демократию. Это достаточно разные вещи и их конфликтный потенциал по отношению друг к другу достаточно высок. Однако конструктивные компромиссы здесь все же возможны³⁸⁸. Гораздо ближе либерализму такие понятия как «капитализм»,

³⁸⁷ Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.161.

³⁸⁸ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 102.

«рынок». К.Крауч признает экономическую эффективность капиталистического рынка, но его безудержное распространение обязательно придет в противоречие с демократическими принципами³⁸⁹. Именно это и происходит сейчас в западных обществах, вроде бы относительно благополучных в социальном плане. Интересно, что британский ученый (по крайней мере на момент написания книги) рассматривал это обстоятельство не столько как уже твердо свершившийся факт, сколько как весьма реальную угрозу, видимо полагая, что процесс еще возможно повернуть вспять.

Итак, что же такое постдемократия? Автор данного термина определил черты данного феномена следующим образом. Это не то чтобы отрицание собственно демократии. Приставка «пост-» используется так же, как она используется, например, в понятии «постиндустриализм». Ведь постиндустриальные общества продолжают пользоваться всеми плодами индустриального производства; просто их экономическая энергия и инновации направлены теперь не на промышленные продукты, а на другие виды деятельности. Точно также постдемократические общества и дальше будут сохранять все формальные черты демократии: свободные выборы, конкурентные партии, публичные дебаты и т.п. «Но энергия и жизненная сила политики, - пишет К.Крауч, - вернется туда, где она находилась в эпоху, предшествующую демократии, - к немногочисленной элите и состоятельным группам, концентрирующимся вокруг властных центров и стремящимся получить от них привилегии»³⁹⁰.

Подобная эрозия демократических институтов вполне закономерна, с точки зрения названного автора. Он констатирует явное ослабление общественного контроля за пра-

³⁸⁹ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.132.

³⁹⁰ Там же. С. 8-9.

вительственными институтами при одновременном усилении влияния со стороны деловых бизнес-кругов. Последние представлены экономическими (в первую очередь) структурами – корпорациями. В основном это крупные компании, действующие в глобальных масштабах. Отмечая господство на официальном уровне неолиберальной риторики, К.Крауч обоснованно отмечает неоднократно проявляющийся здесь двойной стандарт. Кредо неолибералов – концепция свободного рынка (Ф.Хайек) фактически не работает на практике. В реальности происходит концентрация капиталов на уровне олигополий, а то и монополий, что вполне логично. Причем главным условием победы и выживания в глобальной конкуренции является взаимодействие с властями³⁹¹. Гибкие стратегии, новые технологии, о которых любят говорить постиндустриалисты, тоже имеют значение, но выстраивание отношений с государством выходит на первый план. По большому счету, это более простой и прибыльный способ закрепления на рынке.

Уже со второй половины двадцатого столетия в рамках управленческих структур крупных корпораций стали создаваться подразделения общественных отношений – или GR (Government Relations). Они были нацелены на формирование комплекса политических связей, и в первую очередь – с органами государственной власти в центре и на местах. Функции GR-подразделений заключаются в изучении общего социально-политического контекста, выявлении политических и социально-экономических приоритетов фирмы, выработка комплекса пожеланий и требований к властям и установление контактов и консультаций с ними. Отсюда закономерно, что политические центры оказываются объектом притяжения крупных экономических структур. Так, в США почти все крупные корпорации имеют офисы в Вашингтоне. Точно так же притягивает лоббистов «столица» Европейского сообщества Брюссель, в котором размеще-

³⁹¹ Крауч К. Постдемократия М.,2010. С.50.

но уже около 700 представительств крупнейших европейских фирм.

Степень значимости функций GR-подразделений наглядно иллюстрируется размерами бюджетов, выделяемых компаниями на эти отделы. Возьмем данные российских ТНК. Так, в «Газпроме» джиаром занимается департамент по работе с регионами РФ (25 человек) и управление по работе с Федеральным Собранием РФ (12 человек) Годовой бюджет GR-подразделений «Газпрома» составляет 93 млн. рублей. Другая компания «Русский алюминий» содержит GR-департамент из 80 человек с годовым бюджетом свыше 165 млн. рублей. Наконец, лидер отечественной сырьевой экономики «Лукойл» имеет джиар-подразделение из 20 человек, а годовой бюджет составляет около 67 млн. рублей.

К.Крауч в целом оспаривает тезис об исключительно международном статусе ТНК. Национальные рынки, как и национальные правительства все так же имеют место. Отсюда глобальный капитал не стоит объявлять целиком и полностью независимым – это будет явным преувеличением. Даже «транснациональные гиганты сильно ограничены в возможностях менять одну страну на другую в поисках самых низких налогов и минимальных требований по части трудового законодательства – этому препятствует сложившаяся структура инвестиций, кадров и деловых связей». Кроме того, переезд закономерно связан с большими затратами, которых лучше избежать³⁹².

Все более тесное взаимодействие штаб-квартир компаний с правительственными структурами означает, по мнению К.Крауча, усиление давления первых на вторые. Политический процесс перерождается в систему деловых лобби – таков результат «свободного рынка», оставленный без внимания неолиберальными идеологами³⁹³. В то же

³⁹² Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.52.

³⁹³ Там же. С. 118.

время принятие угодных корпорациям государственных решений - это еще не все. Хуже то, что функции государства начинают переходить именно к корпорациям. Британский социолог указывает на один из тезисов неолиберальной теории, заявивший о себе с 80-х XX в., согласно которому бизнес может вмешиваться в дела государства, но не наоборот. Это обосновывается тем, что правительственные чиновники якобы менее компетентны в делах общественной проблематики, чем акулы бизнеса. «Правительство становится своего рода институциональным идиотом – каждый его непродуманный ход заранее предсказывается хитрыми рыночными игроками и вследствие этого лишается смысла. Из этого следует ключевая политическая рекомендация современной экономической ортодоксии – государству лучше вообще ничего не делать, помимо выполнения своей роли гаранта свободного рынка»³⁹⁴. В результате правительственные структуры теряют уверенность, что они могут справиться со своими обязанностями без руководства со стороны корпоративного сектора. Все больше обязанностей правительства, касающихся в основном заботы об общественных интересах, передаются в руки частных субподрядчиков, и как считает К.Крауч, государство и в самом деле начинает терять компетентность в тех сферах, в которых ранее чувствовало себя как дома³⁹⁵. Тем не менее коммерциализация гражданской сферы, традиционно оставшейся вне влияния бизнеса (образования, здравоохранения, социальных услуг и т.п.) вовсе не сказывается положительно на ее качестве. Ведь принципы социальной справедливости, которые должны быть здесь во главу угла, вытесняются деловым расчетом.

К.Крауч приводит следующий наглядный пример. В 1980-х гг. британским правительством консерваторов было учреждено

³⁹⁴ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 61.

³⁹⁵ Там же. С. 60.

Агентство помощи детям, которое должно было добиваться увеличения суммы алиментов, выплачиваемых родителями (обычно отцами). «Будучи порождением неолиберального подхода, - пишет К.Крауч, - Агентство не было заинтересовано в соблюдении справедливости и беспристрастности, предусматриваемых элементарной моделью юридических гражданских прав. По сути Агентство выполняло роль частной компании по сбору долгов, а его персонал был финансово заинтересован в том, чтобы обеспечить максимальную прибыльность выделяемых Агентству государственных средств. Соответственно, Агентству было проще выколачивать больше денег из тех отцов, которые не скрывались и уже платили какие-то алименты, чем искать тех, кто вообще ничего не платил. В смысле идеалов справедливости и беспристрастности такой подход представлял собой искажение заявленных цели, приводя к тому, что Агентство стало крайне непопулярной организацией и не пользовалось никаким доверием. Но, исходя из логики хорошего бизнеса, Агентство избрало верную стратегию для максимизации прибыли»³⁹⁶.

Переход ряда государственных функций в ведение частного бизнеса значительно расширяет коррупционную базу, что британский ученый иллюстрирует раскрытием механизмов подрядов на социальные услуги. В то же время это еще один фактор переплетения корпоративных интересов с чаяниями политиков. Потребности крупных компаний все чаще идеологически отождествляются с нуждами всего общества, однако на практике расходятся с ними все больше.

К.Крауч с большим сожалением вынужден констатировать дискредитацию идеи государственной службы. Правительственным служащим долгое время предписывалась особая социальная этика, предполагающая постоянно помнить и заботиться об общественных интересах. По мнению британского исследователя, эти идеи пусть скорее в теоре-

³⁹⁶ Там же. С. 111.

тическом плане существовали даже в период «дикого капитализма», а в период «государства всеобщего благоденствия» достигали многого и на практике. Сейчас же идея особого статуса государственной службы объявлена «нелепой и смехотворной, а высшей целью человеческого существования провозгласили стремление к личной наживе, политики, советники и все прочие предсказуемо стали считать продажу своего влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни»³⁹⁷.

Вышеуказанное обстоятельство, а также глубокие изменения в социальной структуре предопределили изменения в политической жизни западных обществ. К.Крауч пишет о том, что в условиях постдемократии тип политической партии совершенно иной, нежели он был при демократии. Если во втором случае предполагается широкая социальная база партии, то при первом доминирует модель партии как узкой политической элиты. Вместо массовой социальной базы основной подпиткой современной политической партии служит поддержка крупных компаний. Именно через нее корпорации устанавливают прочные связи с государственными структурами. Корпоративное руководство финансирует решение ряда текущих проблем партии – организацию опросов общественного мнения, пиар-компани, предвыборную агитацию и т.п. Естественно, что услуги политических советников и привлечение избирателей осуществляются в обмен на послушную интересам корпорации политику партии в случае ее прихода к власти. Партийные советники зачастую принимаются в опекающую партию компанию на работу в качестве штатных лоббистов.

³⁹⁷ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.96-97.

Как пишет британский ученый, руководящее ядро партии-корпорации (собственно партийных лидеров) окружают многочисленные советники, лоббисты. Названные группы – партийные лидеры, советники, лоббисты – «разделены довольно четко, на практике отдельные лица постоянно переходят из одной группы в другую, совместно составляя особый слой политиков»³⁹⁸. Подобный механизм американский исследователь Д.Роткопф назвал принципом «вращающейся двери».

Все это не могло не отразиться на характере избирательного процесса, где также произошли существенные сдвиги. Теперь, по словам К.Крауча, он стал все больше уподобляться «маркетинговой компании», целью которой выступает не столько объективное информирование, сколько введение в заблуждение общественного мнения. Политическое информационное пространство заполняется развлекательной продукцией, которая содержит ничтожно мало реальной информации, компенсируя это элементами шоу. Британский социолог говорит нам о принципиальном изменении языка политического дискурса в сравнении с не таким уж далеким прошлым. Так, политика и популярная журналистика ориентируются теперь на образ рекламы - используют очень краткие сообщения, а также яркие образы вместо аргументов, обращенных к разуму. Политическая реклама делает ставку не на дискуссию (в ходе которой может произойти убеждение), но на навязывание. Другим фактом, свидетельствующим о деградации массовой политической коммуникации, является растущая персонализация электоральной политики. «Восхваление мнимых харизматических качеств партийного лидера, его фото- и видео-изображения в красивых позах с течением времени

³⁹⁸ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.95.

все больше подменяют дискуссию о насущных проблемах и конфликтах интересов»³⁹⁹.

Таким образом, публичная политика все больше делает акцент на представлении, чем на содержании и в силу чего превращается в вид своего рода шоу. Это, по мнению названного исследователя, извращает сам смысл западной демократии и ведет к дальнейшему измельчанию политических лидеров, что вовсе не так уж плохо для корпораций. В сущности действия политиков сводятся к тому, чтобы подороже продать себя, что они делают с помощью бренда и красивой упаковки⁴⁰⁰.

Ослабление социальной составляющей внутренней политики современных обществ неизбежно ведет к усилению расслоения и сокращению доходов большинства населения. Чтобы это не ударило по сфере массового потребления (как известно, выполняющую не только экономическую, но и идеологическую функцию), получила распространение система кредитования, которая давала возможность сохранять высокий уровень потребления даже при невысоких зарплатах. Кредитами могли воспользоваться практически все слои населения (среди богатых слоев большое распространение получили рынки деривативов и фьючерсов). Причем большая часть этих ипотечных и потребительских долгов была не обеспечена. «Займы под реальные гарантии, как пишет К.Крауч, определенно не могли помочь группам населения, не имеющим высоких доходов, продолжать траты, несмотря на незащищенность на рынке труда. Широкое распространение пролонгируемых необеспеченных долгов стало возможным благодаря инновациям на финансовых рынках...». Среди экономически успешных слоев населения были распространены рынки рискованных активов – деривативов и фьючерсов. Эти активы покупа-

³⁹⁹ Крауч К. Постдемократия М., 2010. С. 42-43.

⁴⁰⁰ Там же. С. 129.

лись и продавались, будучи обеспеченными уверенностью покупателя, что и он найдет в свою очередь другого покупателя, благодаря той же уверенности. В результате риски распределялись между большим количеством игроков, тем самым, осуществляя рискованные инвестиции. Данная модель, которую Колин Крауч обозначил как «приватизированное кейнсианство», упраздняла «зависимость капиталистической системы от роста зарплат, государства всеобщего благосостояния и управления спросом со стороны правительства»⁴⁰¹.

Впервые приватизированное кейнсианство проявило себя в 80-е гг., пик этой модели приходится на 2000-е гг., а к 2008 году отчетливо обнаружился ее кризис ввиду огромного роста объемов необеспеченных кредитов. Тем не менее за два десятилетия расширяющаяся система кредитов сделала свое дело, причем не только в экономическом, но и в социокультурном плане.

Подобная приспособляемость западных элит к демократической политической системе, сумевших где-то переориентировать работу ее механизмов с общественных интересов на корпоративные, облегчается сокращением возможностей общественного контроля. Последнее обстоятельство во многом диктуется заметными сдвигами в социальной структуре, на которые указывает британский социолог. Численность рабочего класса, служившего бесспорной опорой социал-демократических сил, стала существенно сокращаться, чему поспособствовали как логика капитализма, так и логика общественного развития в целом.

Так, автоматизация и дальнейшие технологические инновации объективно вели к сокращению занятого в производстве персонала. Одновременно росла занятость в адми-

⁴⁰¹ Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.173.

нистративной сфере и в третьем секторе (сфере услуг). К.Крауч обоснованно замечает здесь как «плюсы», так и «минусы». С одной стороны, автоматизация труда ведет к сокращению ручного труда и его физического облегчения, но с другой стороны, работа в быстро растущем секторе личных услуг «влечет за собой подчинение трудящегося нанимателям и клиентам, возрождающее многие унизи-тельные черты прежнего мира домашней прислуги»⁴⁰². Кроме того гибкость рынков ведет к постоянной неста-бильности и социально-психологической напряженности – даже получатели высоких окладов испытывают постоян-ный стресс, проводя большую часть времени на работе.

В то же время глобализация весьма существенно рас-ширила возможности быстрого перемещения рабочей си-лы, что повлекло частичную деиндустриализацию запад-ных стран, а также наплыв дешевой рабочей силы. Все это существенно сократило шансы местных пролетарских групп в борьбе за улучшение условий труда. Ведь они ока-зались не только под давлением укрепившегося капитали-стического класса, но и в состоянии конкуренции с приез-жей рабочей силой, согласной на куда более скромные условия. Роберт Райх констатировал еще в начале 90-х, что в этой конкуренции побеждают обычно вторые, в результа-те чего ширятся масштабы уже структурной безработи-цы⁴⁰³.

Дифференциация занятого населения объективно ведет к ослаблению единства пролетариата – главного условия его способности сопротивляться заметно усиливающемуся капиталу. Численно сокращающийся рабочий класс осо-знает свои интересы все менее ясно, в чем виновата не

⁴⁰² Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 88.

⁴⁰³ Райх Р. Труд наций. Готовься к капитализму XXI века». Интернет-ресурс - http://iir-mp.narod.ru/books/inomezcev/page_1506.html

только более гибкая система занятости, но и социокультурная ситуация в целом (общество потребления), поддерживаемая господствующими группами из политических соображений. Так, представители среднего класса (особенно его верхней половины), по мнению К.Крауча, никогда не были особенно благосклонны к социал-демократическим идеям. Правда государственные служащие обычно ратуют за принципы государства всеобщего благосостояния больше, чем занятые в частном бизнесе. Что касается наиболее количественно представленных сейчас нижних слоев среднего класса, то они служат основным объектом политического манипулирования, что вполне закономерно. Действующие политики «почти маниакально одержимы именно этой группой и стараются отвечать на все ее запросы. Однако эти запросы так обрабатываются политической системой, что становятся неотличимы от запросов бизнеса»⁴⁰⁴.

Размывание классовой идентичности, касающееся социального большинства, а не верхов, которые как раз четко осознают свои интересы, есть еще одна черта постдемократии. При демократии дела обстояли противоположным образом – понимание собственной групповой принадлежности и соответствующих интересов было гораздо более ясным, постдемократия же сеет туман и неопределенность. К.Крауч именно в этом видит причину возрастания интереса к националистическим и даже расовым идеям, представляющих четко выраженные политические позиции в отношении иммигрантов из этнических меньшинств⁴⁰⁵.

Вследствие вполне закономерного кризиса рабочего движения пролетариат перешел от наступления к обороне. Ситуация поменялась на противоположную. К.Крауч пишет по этому поводу. «Рабочий класс вступил в XX век в

⁴⁰⁴ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.81.

⁴⁰⁵ Там же. С.90.

качестве класса будущего, громко заявив о себе как о выразителе коллективных интересов в эпоху, изуродованную индивидуализмом: он принес с собой обещание всеобщего гражданства и возможность массового потребления в обществе, которое знало только роскошь для богатых и существование на грани выживания для бедных. К концу века он стал классом проигравших: защита государства всеобщего благосостояния теперь опирается на призывы к состраданию, а не на требования всеобщего равноправия. За сто лет рабочий класс описал параболу»⁴⁰⁶.

Таким образом, Колин Крауч провел весьма удачный и объективный анализ обозначившихся в относительно благополучном западном обществе тенденций. С некоторой грустью он констатирует, что положение дел, сложившееся в третьей четверти двадцатого столетия, не могло продлиться долго. Эта ситуация характеризовалась многими практическими воплощениями демократических эгалитарных принципов – высоким уровнем политического участия, неплохим материальным благосостоянием. Но вскоре приспособившиеся элиты вновь «научились управлять и манипулировать», тогда как пресытившийся демократическими институтами простой народ «разочаровался, заскучал или занялся частной жизнью». Притирка правящих групп к демократическим механизмам вызвала неизбежное их выхолащивание со всеми вытекающими отсюда последствиями – ослаблением общественного контроля за действиями элит, усилением социального расслоения ввиду требования финансовых воротил «приватизировать прибыли и социализировать убытки»⁴⁰⁷. Классовый, а не общественный интерес становится доминирующим. В силу этих обстоятельств К.Крауч не уверен, что нынешний западный социум в

⁴⁰⁶ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.78.

⁴⁰⁷ Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С.179.

дальнейшем можно будет определять как демократию. Ведь ее практика все больше сходит на нет и может остаться лишь пустая оболочка.

Хотя в самом начале своей книги британский мыслитель и определяет постдемократию более как угрозу, а не свершившийся факт⁴⁰⁸, ход и тон его дальнейших рассуждений более наводит мысль о втором, нежели о первом. Как это ни неприглядно, но это трудно ставить под сомнение. Сопоставление с другими работами это в целом подтверждает.

Американец Кристофер Лэш (1932-1994) в своей последней книге «Восстание элит и предательство демократии» озвучил множество сходных с К.Краучем идей. Его работа датируется десятилетием ранее – начало 1990-х гг. Однако мы решили заняться ее анализом после рассмотрения работ К.Крауча в силу того, что К.Лэш - больше культуролог и его рассуждения в культурно-антропологическом духе удачно дополняют (или может даже разбавляют) склонные к объективизму тезисы К.Крауча. Кроме того, если К.Крауч анализировал больше европейскую действительность, то К.Лэш приводит множество примеров из жизни американского общества. Таким образом в комплексе их работы позволяют набросать некую более или менее целостную картину жизни западного социума.

Американский исследователь совершенно не спорит с точкой зрения по поводу вырождения демократии (об этом красноречиво говорит название его книги), но предлагает здесь объяснения более социокультурного характера, тогда как К.Крауч, как мы видели, больше озабочен поиском причин в области политической и экономической социологии. К.Лэш, как и К.Крауч возлагает основную вину на

⁴⁰⁸ Крауч К. Постдемократия. М., 2010. С. 8.

элиты, деградация которых не может не отражаться общественным упадком. Однако американец видит тут тесную связь с общей культурной атмосферой, характеризующейся глубоким спадом демократических институтов. Итак, по-конкретнее.

К.Лэш полностью подтверждает тезис о все большей дистанцированности лидирующих групп от остального общества. Правда он не многое говорит о наметившихся тенденциях социальной поляризации, по всей вероятности, в силу их зачаточного тогда в начале 90-х годов характера. Однако им совершенно четко проводится мысль об усиливающейся кастовизации и закрытости современной элиты. Американская мечта о равных возможностях социального продвижения конечно же всегда была иллюзией. И все же долгое время она примиряла людей с существующим неравенством. Ныне же существующие каналы мобильности «иссушаются». Главным каналом продвижения становится высшее образование, что вполне соответствует весьма популярным выкладкам постиндустриальной теории. Но на практике образовательная система «чаще пресекала устремления выходцев из среды рабочего класса, нежели питала и вознаграждала их»⁴⁰⁹. Демократический идеал в немалой степени подпитывался принципом более или менее одинаковых возможностей для людей, обладающих энергией и честолюбием. Однако первому явно не идет на пользу то обстоятельство, что не общее равенство условий теперь имеется в виду, но лишь «выборное продвижение представителей низов в класс управленцев и специалистов». По удачному выражению одного из аналитиков, цитируемых К.Лэшем, те, кто уже забрался вверх по социальной лестнице, уже втянули ее за собой⁴¹⁰.

⁴⁰⁹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 46.

⁴¹⁰ Там же. С. 48.

Нравственной деградации представителей элиты американский исследователь уделяет весьма значительное место. Его рассуждения перекликаются с доводами испанца Хосе Ортеги-и-Гассета, высказанными за 60 лет до выхода книги К.Лэша. Применительно к первой половине XX столетия упрощенные стандарты массовой культуры доминировали в виду все большего распространения определенно-го социально-антропологического типа – человека-массы, чего и опасался Х.Ортега-и-Гассет. В конце столетия, как утверждает К.Лэш, подобный психический склад стал гораздо более присущ высшим слоям, чем средним и низшим стратам⁴¹¹. Теперь представителям большинства более свойственно чувство меры, они склонны придерживаться традиционных ценностей, на которых строилась американская демократия. А вот преуспевающие всем своим образом жизни демонстрируют эгоцентризм не только в отношении остального населения, но и даже законов природы – перемещаются в любую точку земного шара с нужным климатом, всячески стремятся получить отсрочку от смерти посредством супердорогих лекарственных средств и т.п.

Американский исследователь критикует подход некоторых социологов, согласно которому новая элита будет представлять собой более «аристократию таланта», нежели «аристократию благосостояния». Под стрелы его критики (впрочем, достаточно мягкой) попал небезызвестный нам Алвин Гоулднер за его концепцию «нового класса», но по большому счету это вполне уместно и в отношении других апологетов постиндустриализма, полагающих, что представителям подлинной меритократии более присущи пост-материалистические ценности, ставящие во главу угла самореализацию, а не погоню за большими деньгами. Здесь К.Лэшу видится явное преувеличение интеллектуальной

⁴¹¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С.22.

составляющей в том числе и представителей тех групп, которые занимаются информационной обработкой и информационным обеспечением («знаковых аналитиков» по определению Р.Райха), равно как и преуменьшение их непреходящей зачарованности капиталистическим рынком и неистового искания барышей⁴¹². Как раз-таки гигантские, буквально астрономические доходы представителей высших страт (о чем мы еще скажем в разделе «глобальный суперкласс»), по мнению К.Лэша, «изолируют их, куда больше, чем бывало, от общей жизни».

С одной стороны, речь идет о заносчивости и самоуверенном презрении как старых, так и новых элит к нижестоящим группам. В их понимании честный ручной труд по обеспечению пищи, жилья, других жизненных потребностей не достоин уважения, хотя они вовсе не стесняются выступать в роли потребителей (и только) по отношению к этому производительному труду. Как правило сами они заняты «творческой» работой, заключающейся в серии абстрактных умственных операций. Как пишет К.Лэш, они не могут знать «из опыта, как делается нечто вещественное и прочное. Они живут в мире абстракций и образов, в пространстве условного мира, которое состоит из компьютерного происхождения моделей реальности – "гиперреальности", как ее назвали, – в отличие от осязаемой непосредственной физической реальности, населенной обыкновенными мужчинами и женщинами... В своем внутреннем побуждении обособиться от риска и непредвиденности — от непредсказуемых случайностей, которые сокрушают человеческую жизнь, — они откололись не только от общего мира, но и от самой реальности»⁴¹³.

С другой стороны, К.Лэш констатирует объективные процессы, усиливающие социальные барьеры между выс-

⁴¹² Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 30.

⁴¹³ Там же. С. 16.

шими слоями и остальным населением, иницируемые, разумеется, первыми. Так, все более входит в моду так называемый отсортировывающий брак – «склонность мужчин жениться на женщинах с доходами, примерно равными их собственным. Ранее бывало, что врачи женились на медсестрах, адвокаты и начальники – на собственных секретаршах. Теперь мужчины из высших слоев среднего класса склонны жениться на женщинах своего круга, коммерческих партнерах или коллегах по специальности, обеспеченных собственным прибыльным делом»⁴¹⁴.

И это вовсе не единственный фактор усиливающейся социально-классовой дистанции. Высшие слои «посылают своих детей в частные школы, застраховываются на случай болезни, подписываясь на программы медицинского обслуживания, которые поддерживаются их компаниями, и нанимают себе личных телохранителей для защиты против ярости, накапливающейся против них»⁴¹⁵.

Противопоставляя нынешнюю элиту и массу (социальное большинство), К.Лэш отдает бесспорное предпочтение второй перед первой. Как считает американский ученый, либералы из высших слоев не скрывают своего стремления изменить традиционные устои американской культуры (разумеется, не только ее) и навязать свое космополитическое мировоззрение довольно-таки эклектичное. Это во многом продиктовано объективными обстоятельствами. Ведь гигантские доходы нынешних социальных лидеров прежде всего обязаны интернациональной экономике, международным корпорациям. Отсюда их поддержка мировой системы в целом. У них «больше общего с себе подобными в Брюсселе или в Гонконге, нежели с массой американцев, еще не подсоединившихся к сети всемирной коммуника-

⁴¹⁴ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С.27.

⁴¹⁵ Там же. С. 39.

ции»⁴¹⁶. Американскому исследователю гораздо ближе социальное большинство, которое фактически стоит на страже традиционных основ, за что подвергается со стороны высших слоев презрению и «ядовитой ненависти», проступающей из-под улыбающейся личины доброжелательности. Последним простые американцы представляются как «безнадежно убогие, отставшие от моды провинциалы, скверно информированные о переменах вкуса или модных направлениях мысли»⁴¹⁷.

При всем при этом К.Лэш заостряет внимание на общей социокультурной ситуации, видя в ней фактор разложения демократических структур. Он склонен трактовать демократию скорее как национальный феномен, опирающийся на традиционные основы, чем как универсальное явление на почве рационализма. Другими словами в этом вопросе американский ученый отдает предпочтение подходу немецких романтиков перед подходом просветителей. Это лишний раз настраивает его негативно в отношении космополитизма, работающего на размывание национальной идентичности.

Одной из главных культурных проблем американского общества (похожие тенденции имеют место и в других западных странах) выступает отрыв господствующих идеологических положений от чаяний и проблем простых людей. Так, К.Лэш констатирует два важных идейных течения противостоящих друг другу – это рыночная идеология неолибералов и приверженность принципам «государства всеобщего благосостояния», что присуще левоориентированным группам. К.Лэш весьма критично настроен в отношении обоих направлений.

Рыночная идеология изначально недооценивала моральный аспект гражданственности предлагая, пусть и про-

⁴¹⁶ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 30.

⁴¹⁷ Там же. С. 24.

священное, но своекорыстие. Капитализм воспитывал стремление к деньгам «средствами честными или бесчестными». По мнению К.Лэша, это работало на расшатывание моральных основ семейной жизни, и с течением времени эта тенденция только усиливалась – ведь на рубеже XIX–XX вв. множество семейных предприятий было безжалостно поглощено корпорациями. Как пишет ученый, вместо того, чтобы служить противовесом рынку, семья претерпела вторжение рынка и была им подорвана. Возникли предпосылки ролевого конфликта в социальном сознании женщин – почитание материнства «не смогло затмить ту реальность, что во времена, когда деньги становятся универсальной мерой ценности, неоплачиваемый труд таит в себе язву социальной неполноценности». Но в нынешнее время ясно видно, что цена этого вторжения рынка в семью оплачивается детьми. Последних не в состоянии оградить от негативных моментов влияния рынка их родители, занятые на работе. Отсюда главной нянькой становится телевизор. В результате «дети подвергаются воздействию внешнего мира с того возраста, когда становятся достаточно большими, чтобы без присмотра оставаться перед телеящиком. Более того, они подвергаются его воздействию, в той грубой, но однако соблазнительной форме, которая представляет ценности рынка на понятном им простейшем языке. Самым недвусмысленным образом коммерческое телевидение ярко высвечивает тот цинизм, который всегда косвенно подразумевался идеологией рынка. Общепринятое сентиментальное убеждение, что самое дорогое в жизни не купить ни за какие деньги, давно кануло в пучину забвения. ... Представление, что преступление не окупается, – другая отброшенная условность – уступает место тому пониманию, что последовательные попытки блюсти законность – это битва, обреченная на поражение... что все конфликты разрешаются путем насилия и что угрызения сове-

сти по поводу насилия обрекают совестливого на положение неудачника»⁴¹⁸.

Враждебность рынка испытывает на себе не только семья, но и другие институты, основанные не на рыночных принципах – школы, университеты, газеты и журналы, благотворительность. Рынок стремится все это поглотить и заставить работать в соответствии с принципами делового предприятия. Хотя риторика либеральных политиков может воспевать «семейные ценности» их экономическая политика явно подрывает эти же самые ценности.

К.Лэш довольно скептически относится к государству всеобщего благосостояния. В его понимании это означает расширение бюрократического контроля, что в не меньшей степени разъедает культурную инфраструктуру, чем действия рынка. По его мнению, сильный формальный контроль свидетельствует о внутренней слабости системы общественных отношений. Необходимы более активные общественные усилия, а не установления бюрократии. Американский мыслитель заостряет внимание на неформальном общении (вполне в духе публичной политики Ю.Хабермаса), полагая, что именно здесь закладываются база гражданской культуры и гражданского сознания. В то же время он убежден, что формальный и неформальный контроль находятся в противоречии и атрофия одного влечет за собой экспансию другого. Однако симпатии К.Лэша всецело на стороне неформальных отношений. «Когда хозяин бакалейной или скобяной лавки на углу журит ребенка, выбежавшего на дорогу, этот ребенок учится чему-то такому, чему не научит простое формальное обучение. Учится же ребенок тому, что взрослые, между которыми нет других отношений, кроме возникших по случайному

⁴¹⁸ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 85.

поводу, поддерживают определенные нормы и принимают ответственность за круг соседства»⁴¹⁹.

В то же время К.Лэш достаточно скептичен в отношении разного рода социальных программ, основанных на этике сострадательности. Представляется, что здесь в нем говорит личностный индивидуализм американской мечты, присущий культуре Америки. Он считает, что сострадание довольно далеко отстоит от уважения и от него значительно ближе к презрению, чем полагают многие. «Идеология сочувствия, как бы она ни ласкала наш слух, - пишет ученый, - сама по себе оказывается одним из главных факторов подрыва гражданской жизни, которая не столько зависит от сострадательности, сколько от взаимного уважения. Неуместная сострадательность унижает и жертв, которых низводит до объектов жалости, и тех, кто воображает себя их благодетелями, кто находит более легким жалеть своих сограждан, нежели требовать от них соответствия неличностным стандартам, следование которым дало бы им право на уважение. Мы жалеем тех, кто страдает, и мы жалеем более всего тех, кто страдает у нас на глазах; но наше уважение мы оставляем за теми, кто не хочет пользоваться своим страданием с целью вызывать жалость. Мы уважаем тех, кто желает считаться способным отвечать за свои поступки, кто подчиняется суровым и безличным стандартам, применяемым беспристрастно»⁴²⁰.

К.Лэш полностью солидарен с теми авторами, которые ратуют за третий путь восстановления гражданских традиций и формирования национальной идентичности - не через рынок и не через государство, но через здравый смысл, обыкновенные чувства и обыденную жизнь. Прежде всего необходимы основы гражданской культурной этики. Этот ученый не против терпимости (или толерантности), за ко-

⁴¹⁹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 87.

⁴²⁰ Там же. С.93.

торуую ратуют многие аналитики и философы. Но, с его точки зрения, это только начало демократии, а не ее назначение. «В наше время демократии более серьезно угрожает безразличие, чем нетерпимость или суеверие. ...Мы так заняты защитой своих прав (прав, обеспеченных, по большей части юридическим постановлениями), что нам недо-суг подумать о своих обязанностях»⁴²¹.

Как упоминалось выше, неформальное общение на равных в тесном кругу, по мнению американского исследователя, создает базу гражданской жизни и гражданской культуры. Для демократического дискурса удобны, так называемые, третьи места - «скрещенье дорог на полпути между местом работы и семейным кругом». Сюда относятся публичные парки, пивные, кофейни и т.п. Как пишет К.Лэш, исторически третьи места были естественным пристанищем памфлетистов, агитаторов, политиканов, газетчиков, революционеров и других людей слова. До того, как возник журнализм в его современном виде, таверны и кофейни сами по себе служили средством коммуникации и местами, где новости собирались и пускались в оборот⁴²². В неформальных местах люди могут разговаривать на равных, сбросив национальные, классовые, профессиональные ограничения, кроме ограничений, налагаемых самой беседой.

Однако современный тотальный рынок активно транслирует культуру потребления, и в широком ее распространении В.Лэш видит один из главных факторов разъедания демократии. Торговые центры, вечеринки с коктейлями мало способствуют более тесным и доверительным контактам - принципиально политическое искусство беседы замещается болтовней о покупках или пересудами о людях. Питейные, закусочные заведения уступают место заведе-

⁴²¹ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 78.

⁴²² Там же. С. 108.

ниям с едой на скорую руку и на вынос. Как замечает К.Лэш, нынешний подход к еде и питью всё меньше и меньше связывается с культом и обрядом, сделавшись чисто функциональным. «Мы едим и пьем на ходу. Наша привычная гонка не оставляет ни времени, ни – что важнее – мест для хорошего разговора», вследствие этого беседа сделалась почти столь же узкоспециальной, сколь и производство знаний⁴²³.

Итак, важнейшей проблемой американского (да и западного в целом) общества американский ученый определяет увеличивающуюся дистанцию между элитными группами и социальным большинством. Это проявляется как в объективных моментах – разрыв в доходах, образов жизни, так и в совершенно различном понимании интересов и целей общества. Официальные политики выдвигают на первый план вопросы ненасущные. Публичные дискуссии имеют мало общего с позициями обычных людей, и именно в этом названный исследователь видит главную причину снижающегося интереса к политике. В то же время официальная идеологическая риторика пытается скорее затуманить проблемы, чем четко их обозначить. «Если мы сумеем преодолеть ложную поляризацию, ныне наводимую тендерной и расовой политикой, - пишет К.Лэш, - мы, возможно, обнаружим, что подлинные различия по-прежнему остаются классовыми»⁴²⁴.

Итак, приведенные концепции Колина Крауча и Кристофера Лэша дают нам представление о тенденциях поворачивания вспять процесса демократизации даже там, где для этого вроде бы не имелось особых причин. Западное общество многим (особенно из позднего СССР) казалось, если не образцом благоденствия социального большинства, то максимально к нему приближенным. И основания для

⁴²³ Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М., 2002. С. 102.

⁴²⁴ Там же. С.100.

этого имелись во многом в виду самого факта существования альтернативной капитализму общественной системы социалистического типа. Но за два десятка лет, прошедших после краха последней, западный социум стал меняться и совсем не в сторону более открытого, демократичного социально ориентированного общества. Оба исследователя в целом сходятся в основных моментах, суть которых в обобщенном виде выглядит следующим образом.

Ослабление демократии происходит как ввиду объективных социально-экономических оснований, о чем больше рассказывает теория К.Крауча, так и в силу культурных причин, на чем в основном акцентирует внимание К.Лэш. Для них обоих очевидно снижение политической активности представителей социального большинства, деформация гражданского сознания. В итоге функции демократических институтов выхолащиваются, чем пользуются элиты, перераспределяющие работу этих институтов с общественных на собственные интересы. Не случайно и тот, и другой мыслитель констатируют обострение классовых противоречий, при этом указывая на попытку их завуалирования и своеобразной маскировки со стороны элит. Но вновь набирающая силу классовая война теперь все более принимает односторонний характер. Ведь правящие группы гораздо более консолидированы и представляют собой «класс для себя» в отличие от разрозненного аморфного и по большей части политически апатичного социального большинства. Последнее к тому же основательно разбавляется миграционным элементом и в рамках подобных механизмов (контролируемых элитами) активно разыгрывается карта межнациональных противоречий.

Каков же видится выход из этих тревожных для обоих ученых тенденций? Здесь нам уместнее обратить внимание на точку зрения британца ныне живущего К.Крауча, поскольку К.Лэш скончался от раковой опухоли в 1994г.,

успев дописать «Восстание элит» и при этом отказавшись с этой целью от химиотерапии. Как мы говорили, Колин Крауч является бесспорным сторонником социал-демократии. Однако проведенный им глубокий и честный анализ западного общества где-то даже приводит его в растерянность по поводу предлагаемого выхода из положения, хотя он и старается сохранять видимый оптимизм. Так, в своей основной книге «Постдемократия», написанной в начале 2000-х годов, он призывает реанимировать те демократические принципы, которые оказались выхолощенными. Справедливо полагая, что дробление политических сил выгодно элитам, британский социолог предлагает вернуться к формированию одной, максимум двух политических партий, четко выражающих интересы массового электората. Он надеется на внесения соответствующих изменений в законодательство, которые смогут реально ограничить влияние корпораций и возродить этический статус государственной службы.

Но уже в статье «Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?», опубликованной в 2008г., надежды британского мыслителя приобрели несколько иное направление. Здесь К.Крауч всерьез склонен рассчитывать на социальную ответственность глобальных корпораций. Только на это, по его мнению, остается надеяться национальным правительствам. Причем, это будет означать не смену модели, но переход «от нерегулируемого приватизированного кейнсианства к саморегулируемому приватизированному кейнсианству»⁴²⁵. Насколько реальны надежды К.Крауча пока сказать трудно. Не лишне будет обратиться к социальной практике современного общества, где глобальный капитализм доминирует фактически безраздельно.

⁴²⁵ Крауч К. Что последует за упадком приватизированного кейнсианства? / Крауч К. Постдемократия. М.,2010. С. 183.

Глобальный (мировой) суперкласс Д.Роткопфа

Американский исследователь Дэвид Роткопф является умеренным сторонником глобализации, отмечая ее положительные и отрицательные стороны. Время от времени он посещает ежегодные форумы в Давосе, которые не без основания считаются одним из основных мероприятий, работающих на сплочивание мировой элиты. Тем самым он имеет возможность наблюдать космополитическую верхушку, что называется, воочию.

Д.Роткопф полагает, что в наше время в пору иметь в виду даже не собственно элиты. Есть смысл говорить об элитах внутри элит, которые по своим параметрам материального обеспечения и властного влияния различаются друг от друга так же сильно, как типично отличаются верхние слои от нижних. Проведенное в 2006 г. УООН (Университет Организации Объединенных Наций) демонстрирует нам данные, что 10% взрослого населения Земли владеют 85% мирового богатства, тогда как беднейшие 50% - располагают всего лишь 1%. Однако расслоение идет дальше. Верхние 2% из этих 10% владеют половиной всего мирового богатства, тогда как 1% - около 40%⁴²⁶. Специфичным для нашего времени явлением образование своего рода самой верхушки мирового социального айсберга, власть, влияние которой, равно как и дистанция от других слоев населения, неуклонно увеличивается. Причем предпосылки подобного явления отмечали даже не левоориентированные социологи, а вполне лояльно настроенные к капитализму и глобализации исследователи (Р.Райх, М. Кастельс.)

И уже в первом десятилетии третьего тысячелетия были сделаны небезуспешные попытки системного анализа подобного явления, из чего возникли понятия космополити-

⁴²⁶ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 66.

ческая элита, глобальный правящий класс и т.п. Итальянский публицист Джульетто Кьеза предлагает лаконичное определение «суперклан», тогда как американец Д. Роткопф предпочитает говорить о «суперклассе». Последнему посвящен его довольно объемный труд «Суперкласс. Те, кто правит миром». Его исследование содержит очень ценный материал для понимания современных принципов формирования общественного неравенства.

По мнению Д.Роткопфа, суперкласс составляет около шести тысяч человек и их социальный и этнический состав довольно пестр, хотя в нем можно обнаружить понятные закономерности, к которым еще вернемся. Так вот, в суперкласс входят высшие должностные лица примерно 120 правительств, влияние которых в той или иной степени простирается за пределы собственных национальных границ (это может быть либо активное экономическое, либо политическое влияние). Сюда следует добавить командующих наиболее могущественных в мире армий; начальников двух тысяч крупнейших корпораций, тысячи богатейших финансовых институтов и где-то пяти сотен крупнейших инвестиционных фирм; руководителей крупнейших НПО и ведущих международных организаций; наконец, лидеров некоторых наиболее крупных религиозных организаций. Имеются основания включить в суперкласс ведущих мыслителей, ученых, деятелей образования, авторитет которых достиг мирового уровня, а также некоторых членов теневых элит⁴²⁷.

Суперкласс представляет собой космополитическую элиту с единой идеологией. Как справедливо пишет Дж.Кьеза, подобная группа фактически лишена гражданства и вполне интернациональна как в объективном, так и в субъективном смысле. Представители суперклана живут и

⁴²⁷ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 68.

действуют совсем по иным правилам чем социальное большинство. Например, те же правила рынка действуют на нижних уровнях иерархической шкалы и никаким образом не касаются упомянутой верхушки. В то же время они убеждены, что являются подлинными и, самое главное, достойными победителями, в связи с чем формируют свои культурные убеждения. «Прибыль священна и ценится больше жизни (чужой). Правила устанавливают сильнейшие. Демократия – всего лишь помеха, заставляющая терять время зря. ... кто проиграл, тот и виноват, а кто побеждает, тот всегда прав, и неважно, какой ценой он побеждает»⁴²⁸.

Концентрация власти обеспечивается взаимопереплетением руководящих составов крупнейших компаний, что превращает суперкласс «в единую человеческую сеть». Как пишет Д.Роткопф, если взять только трех высших должностных лиц (председателя совета директоров, исполнительного директора и управляющего директора) пяти крупнейших компаний, а также членов их совета директоров (это примерно 70 человек), вы обнаружите, что их расходящиеся веером связи затрагивают больше 145 других крупных компаний – через участие в их директоратах, консультативную работу, прежнюю работу в руководстве. Тридцать шесть из этих 145-ти входят в сотню крупнейших в мире, а пятьдесят две – в 250 крупнейших⁴²⁹.

Ядро суперкласса состоит из бизнесменов, финансистов (63%) плюс политиков (18%). Но дело тут не только в теснейшем союзе экономических и политических боссов, как показывают исследования Д.Роткопфа. Между этими сферами существует интенсивный обмен кадрами («вращающаяся дверь»), что, безусловно, является дополнительным

⁴²⁸ Къеза Дж. Война империй: Восток-Запад. Раздел сфер влияния. М., 2006 С.91.

⁴²⁹ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.183.

стимулом как для выработки устойчивой стратегической линии, в том числе и в международных масштабах, так и формирования довольно узкой группы мировых лидеров. Богатые люди часто переходят во властные структуры, даже теряя при этом в доходах (наверное, имеется в виду их официальная сторона). Дело в том, что с подобной работой «связаны легитимность и престиж, а также возможность перейти от косвенного влияния на политический курс к ручному управлению. Так, успешная глобализация рынков во многом обусловлена присутствием высокопоставленных представителей мирового финансового сообщества в органах власти.

По этому поводу можно приводить сколько угодно примеров. Возьмем компанию «Goldman Sachs», одно из наиболее уважаемых заведений на Уолл-стрит, деятельность которого в основном сосредоточена в сфере инвестиционно-банковских услуг. Годовая выручка «Goldman Sachs» составляет около 70 млрд. долларов, а зарплата среднего сотрудника – 622 тыс. долларов. Из пятерых последовательно сменяющих друг друга исполнительных директоров данной организации двое были министрами финансов США (Хэнк Полсон и Роберт Рубин), а двое – главами Национального совета США (Роберт Рубин и Стив Фридман). Пятый Джон Корзайн до этого был сенатором, а после стал губернатором Нью-Джерси. Кроме того, в «Goldman Sachs» приходят (и, разумеется, не на рядовые должности) многие бывшие политики, сохраняющие долю административного влияния. Так, здесь нашли работу помощник государственного секретаря Б.Хорматс, помощник министра финансов Д.Роджерс, глава федерального резервного банка Нью-Йорка Д.Корриган.

Не менее тесно переплетены государственные структуры с лидерами энергетического бизнеса, ведь энергетический сектор – один из важнейших (современная цивилиза-

ция базируется в основном на нефти и продуктах нефтепереработки). Семья Бушей, бывший вице-президент Дик Чейни и госсекретарь президента Буша Джеймс Бейкер непосредственно участвовали и участвуют в управлении нефтяным бизнесом. Конди Райз около 10 лет состояла в правлении компании «Chevron», одного из лидеров энергетического сектора. Рекс Тиллерсон, возглавляющий крупнейшую в энергетическом секторе акционерную компанию «Exxon Mobil» с 2006 г., является одним из влиятельнейших субъектов глобальной политики. Компания обладает огромными финансовыми ресурсами, она обеспечивает 83700 рабочих мест в 95 странах.

Итак, за суперклассом справедливо признается достоинство «аккумулировать политический вес» в глобальном измерении. В нынешних условиях самым эффективным способом выступают сетевые структуры, охватывающие людей и организации в ключевых странах. Речь идет о связях, которые зачастую носят неофициальный характер, но при этом имеют более важное значение, чем институциональные отношения. В данном плане отмечают два фактора, обеспечивающих поддержание глобальных сетей, связывающих между собой членов суперкласса. Во-первых, многих из них связывают личные отношения еще с момента учебы в престижнейшем учебном заведении. Например, Стив Шварцман главный исполнительный директор «Блэкстоун групп» и один из могущественнейших людей финансового мира является выпускником Йельского университета, где он, как и оба президента Буша, состояли в закрытом элитном обществе «Череп и кости». Подобными примерами изобилует упомянутая книга Д.Роткопфа.

Во-вторых, специальные встречи представителей элит разных стран и ведущих международных корпораций. Эти встречи становятся «узловыми точками, в которых какой-либо замысел только и может обрести международный

масштаб». Лидером подобных совещаний безусловно является ежегодный форум в Давосе. Он был организован в 1971г. немцем Клаусом Швабом и первоначально задумывался как симпозиум для европейской бизнес-элиты. В 1987г. произошла смена названия на Всемирный экономический форум, но с той поры формат встреч значительно расширился и диверсифицировался, включив не только экономические и политические элиты, но и религиозных, культурных лидеров (например, писатель П.Коэльо). Хотя подобные собрания зачастую носят формальный характер, их реальное назначение – установление неформальных отношений, что обычно происходит в ходе «коридорной активности». Так, давний участник упомянутого мероприятия заявляет, что многие участники мало интересуются происходящим на сессиях форума, но стремятся к расширению круга знакомств. Организаторы Давоса «создают все возможности для неожиданных встреч и общения. Поэтому здесь происходят частные встречи за рамками официальной программы, и зачастую именно на них принимаются самые существенные решения». Д.Роткопф склонен лаконично характеризовать результат форума в Давосе как выработку глобальной повестки дня⁴³⁰.

Таким образом, усиление глобальных факторов в контексте обозначившихся контуров мирового порядка вызвало образование неформального кластера в основном политических и экономических лидеров. По словам глобального финансиста С.Шварцмана: «почти везде видишь, что решающей силой в отрасли или секторе на мировом уровне оказываются двадцать, тридцать, максимум полсотни человек»⁴³¹. Несомненно, что глобальная власть концентрируется в руках относительно немногих людей, имеющих сходные взгляды на ключевые проблемы. Как пишет

⁴³⁰ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.382.

⁴³¹ Там же. С. 77.

Д.Роткопф, подобное сходство порождает специфические отношения, основанные на общих интересах, которые, в свою очередь, предрасполагают к определенному поведению, касательно, например, поиска особых выгод для международного бизнеса или решения проблемы регионально-го политического конфликта.

Интересно, что сам этот исследователь, будучи умеренным сторонником глобализации, тем не менее признает, что в области международного управления нет конкуренции групп, но существует только одна группа, члены которой перемещаются на разные должности. Отдавая должное талантам и работоспособности (как правило, бесспорным) представителей данной группы, Д.Роткопф констатирует отсутствие противовеса данной системе, что его как сторонника западной демократии не может не беспокоить. «Не многие, сосредоточившие в своих руках огромное влияние, – пишет этот автор, – обязаны им своему таланту, труду, удаче или сочетанию, в разных пропорциях, всех трех факторов. Иногда их власть обусловлена личными финансовыми ресурсами. Иногда она обусловлена наличием политической или религиозной группы последователей, которых они сумели привлечь в течении жизни. Больше чем в половине случаев она обусловлена их институциональной ролью, должностным положением: главного исполнительного директора, главного директора по инвестициям, начальника штаба вооруженных сил. Часто они обязаны своей властью тому, что оказались в нужное время в нужном месте. Иногда власть приходит к ним благодаря не сильным чертам характера, а изъянам: безжалостности, маниакальной приверженности одной идее, алчности»⁴³².

⁴³² Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.58.

В конце названной книги автор приводит восемь правил, которые требуются среднестатистическому индивиду для того, чтобы стать членом суперкласса.

1. Быть мужчиной, поскольку среди членов суперкласса женщин - только 6,3% (при том, что среди всего человечества их более половины – 51%)
2. Принадлежать поколению бэби-бумеров, то есть к поколению, рождение которого приходится на первый послевоенный десяток лет. Средний возраст членов суперкласса – 58 лет, только 3% не достигли сорокалетнего возраста.
3. Принадлежать к европейской культуре. Как пишет Роткопф, ни одна страна в мире не дотягивает даже до половины американского уровня. Половина суперкласса приходится на страны Европы и Северной Америки. Страны АТР составляют около трети.
4. Учиться в элитном университете. 91% членов суперкласса имеют университетские дипломы. А около 30% заканчивали один из двадцати элитных университетов во главе со Стэнфордом, Гарвардом, Чикагским университетом.
5. Заниматься бизнесом или финансами. На эту сферу деятельности приходится 63% суперкласса. Причем около половины составляют высшие руководители бизнеса. Около 18% составляют политические лидеры, 7% приходится на группу военных, 4% - на религиозных лидеров, и практически столько же на элиту культурную. Наконец, 2% приходится на представителей теневой элиты.
6. Обладать институционализированной базой власти. Проектирование собственной власти требует обычно политических учреждений, но может быть проведено посредством кинопродюсеров, издате-

лей и т.п. Менее 2% суперкласса не ассоциируются с компанией, правительством, военным институтом, фондом, церковью, медиабизнесом.

7. Быть богатым. Практически все представители данной группы получают ежегодные доходы, измеряемые в миллионах долларов.
8. Иметь благосклонность удачи, которую культивировать сложно, но без которой для вхождения в суперкласс обойтись невозможно⁴³³.

Ну и наконец одна из главных черт суперкласса – его тщательнейшая обособленность от остального мира. Д.Роткопф указывает, что анклав сверхбогатых имеются почти во всех крупнейших городах. Мировая элита старается по возможности исключить соприкосновение с социальным большинством, которому вовсе не расположена открываться. Это делается посредством изолированных от остального мира курортов, мест проживания, досуга, деловых встреч⁴³⁴. Борис Кагарлицкий нелюбезно определяет представителей транснациональных элит как своего рода «привилегированных глобальных бомжей», рассматривающих любое общество, куда им довелось попасть, как случайную внешнюю среду, не имеющую никакой самостоятельной ценности⁴³⁵.

Объединенные общими интересами, общей культурой, частной авиацией члены суперкласса образуют своего рода «мерцающий высоковольтным светом архипелаг на фоне океана надеющихся и отчаявшихся – тех, кто работает на них, испытывает на себе последствия их рыночных реше-

⁴³³ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.399-401.

⁴³⁴ Дэвид Роткопф вспоминает об одном ужине в кругу представителей суперкласса, где ему довелось присутствовать. В ходе этого мероприятия использовалась посуда из фарфорового сервиза, и стоимости любого предмета из этого сервиза «без преувеличения хватило бы, чтобы прокормить одну семью в течение года».

⁴³⁵ Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М., 2012. С.129-130.

ний, пытается остаться на плаву в потоке событий, спровоцированных их политическими ходами, осмысливает происходящее под сильнейшим влиянием их взглядов»⁴³⁶.

Подобный принцип формирования элиты внутри элит действует не только на глобальном уровне. Те же самые диспропорции были усилены в ряде других стран, попробовавших неолиберальных рецептов (это касается Китая, Мексики, стран Восточной Европы, бывшего СССР и т.д.). Обратим внимание на Соединенные Штаты Америки, нынешний мировой гегемон, имеющий все возможности «подкармливать» собственное население за счет остального мира. Журналист «Нью-Йорк Таймс» Эрик Конигсберг в серии статей за 2006г. под характерным названием «Классовая война» приводит такие данные: «Тогда как для нижних 90% американских домохозяйств реальный доход между 1990 и 2004 годами в среднем вырос на 2%, для верхнего процента этот показатель составил 57%, для верхней десятой доли процента достиг рекордных 85%, а для верхней сотой части процента – 112%. Это означает, что богатейшие богатеют почти вдвое быстрее, чем богатые»⁴³⁷.

Сверхэлитные группы все дальше обособливаются от остальных слоев общества, используя концентрацию прежде всего финансов и связанные с этим политические, коммуникационные и информационные возможности. Они обладают четким осознанием собственных интересов, в чем кстати заключается их весьма важное отличие от остальных слоев общества, на которые нам теперь уместно обратить внимание.

⁴³⁶ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 81.

⁴³⁷ Eric Konigsberg, «ANewClassWar: TheHaves vs. the Have Mores», New YorkTimes, November 19, 2006.

Затронем средние слои, значительные размеры которых составляют своеобразную гордость западных обществ. Как здесь обстоят дела с классовобразованием? Мы уже отмечали, что некоторые известные концепции нового типа общества полагают возможным говорить о размывании классовых отношений (П.Дракер). Похожие мнения высказывает ряд социологов в ходе обобщения солидных эмпирических данных. Одни (Я.Пакульски, М.Уотерс) полагают, что классовое деление сменяется культуралистским. Другие (П.Кингстон) считают, что уместно говорить не о собственно среднем классе, но о средних классах⁴³⁸. И все же львиная доля авторитетных исследователей (Д.Голдторп, Э.Гидденс, В.Иноземцев, С.Макеев, О.Куценко) уверенно констатируют стабильность классовых отношений в современном обществе; «объяснения требует не столько влияние на классы социальных изменений, а удивительная устойчивость классовой структуры в условиях быстрых изменений»⁴³⁹. При всем при том, что в целом мы считаем нужным поддерживать точку зрения ученых, отстаивающих именно классовый характер нынешнего общества, позиция их оппонентов имеет свой смысл. Стоит отметить, что традиционные определения классов (самым известным выступает ленинское определение, по которому главный критерий это место в системе общественного производства) применительно к нынешней реальности работают все хуже. Несомненно, что для определения класса необходима более гибкая методология, к чему подталкивает усложняющаяся реальность – скорость общественных процессов, их многосторонний, временами доходящий до эклектизма

⁴³⁸ Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции. Интернет-ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit02.php>

⁴³⁹ Кивинен М. Прогресс и хаос: социологический анализ прошлого и будущего России. СПб., 2002, с.247.

смысл. Довольно логично выглядит позиция ряда ученых (О.Шкаратан, В.Ильин, Р.Райх и др.) определять «традиционный средний класс», куда относятся в основном представители малого и среднего бизнеса, а также представители некоторых свободных профессий и «новый средний класс», который добивается результатов в основном через посредство личного капитала – социального и культурного⁴⁴⁰.

К новому среднему классу обычно относят те группы работников, количественный рост которых есть прямой результат информационной революции. М.Кастельс называет их «информациональные работники», Р.Райх предпочитает термин «знаковые аналитики», поскольку они занимаются «анализом и символами». Такого рода работники разбросаны по всему миру, чему имеются как сугубо экономические, так и культурные причины. По словам Бориса Кагарлицкого, для того, чтобы эффективно управлять, транснациональной буржуазии нужны социальные группы, разделяющие космополитические неолиберальные ценности, но укорененные на местах - в конкретную социальную повседневность. Другими словами, встает проблема глобального среднего класса. Но количественное распределение представителей среднего класса жестко связано с иерархией мировой экономической системы. Как отмечает В.Ильин, новый средний класс формируется под давлением глобализации. Однако в силу того, что центры технологических разработок сдвинуты в наиболее развитые страны мира, глобальный новый средний класс концентрируется именно там⁴⁴¹. Ему вторит Б.Кагарлицкий – «сверхэксплуатация «периферии» создает возможность поддерживать стабиль-

⁴⁴⁰ Ильин В. Классовая структура: Проблема методологии анализа. // Рубеж. 2000, №15. С.101-102.

⁴⁴¹ Ильин В.И. Модели классовобразования в посткоммунистическом мире. Мир России. Социология, этнология. - 2008. - Т. ХУІІ, № 2. - С. 3-21.

ность в «центре», средний класс в «незападном мире» обречен оставаться меньшинством»⁴⁴².

Многие исследователи (О.Шкаратан, М.Делягин, В.Иноземцев, Р.Райх) видят источником нового среднего класса «белых воротничков» - традиционный средний класс эпохи развитого индустриального (кейнсианского) капитализма. При этом происходят довольно-таки активные перемещения представителей названной группы и в разных направлениях.

Роберт Райх метафорически представлял американский трудовой рынок в виде трех лодок, одна из которых «быстро тонет, другая медленно погружается, а третья твердо держится на плаву». В наименее выгодном положении оказываются работники традиционных сфер производства (первая лодка), вполне неплохо чувствовавшие себя в предшествующую эпоху организованного капитализма. Однако с появлением глобальных сетевых структур ситуация стала меняться не в их пользу – крупномасштабное индустриальное производство стало возникать в разных уголках земного шара, а у западных промышленных рабочих появились миллионы коллег, с которыми они вынуждены конкурировать.

Вторая лодка, наполненная работниками, занятыми в сфере персональных услуг, также, по выражению упомянутого автора, идет ко дну, хотя и не столь быстро и неотвратимо, как первая. Их заработок относительно небольшой, и зачастую они оказываются занятыми неполное время рабочего дня. Кроме того, в сфере персональных услуг также царит жесткая конкуренция, поскольку имеется наплыв бывших работников из сокращающихся промышленных отраслей. Вообще Р.Райх справедливо указывает на косвенную зависимость социально-экономического положе-

⁴⁴² Кагарлицкий Б.Ю. Восстание среднего класса. М., 2012. С. 34.

ния этих работников «от уровня жизни тех американцев, которые заняты в мировой торговле и услуги которым они оказывают. В зависимости от того, насколько именно эти последние богатеют за счет остального мира, они будут располагать средствами для оплаты персональных услуг».

Наконец, третья лодка с работниками, занимающимися анализом и символами (*symbolic analysts*), уверенно держится на плаву. На их знания и навыки спрос все возрастает, так как средства коммуникации, обеспечивающих доступность и оперативное распространение этих знаний и навыков, все совершенствуются. Р.Райх признает, что экономический достаток работников данной сферы весьма неоднороден. Так, некоторые из «знаковых аналитиков» могут иметь скромный доход. «Однако те, кто расположился на вершине, сегодня пользуются таким спросом по всему миру, что порой сами не представляют, сколько зарабатывают. История не знала еще примера, чтобы люди могли заработать такие богатства законным образом»⁴⁴³.

Традиционные «белые воротнички» все чаще теряют устойчивые позиции на рынке труда. Хотя необходимо признать, что некоторые их представители сумели перейти в слой богатых, но это касается прежде всего верхней страты среднего класса, тогда как положение его нижних групп осталось без изменения⁴⁴⁴. Но ресурсная база средних слоев, столь необходимая для воспроизводства социального статуса и передачи накопленного социального и человеческого капитала следующему поколению в целом сжимается⁴⁴⁵.

⁴⁴³ Райх Р. Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века». Интернет-ресурс - http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1506.html

⁴⁴⁴ Кузнецова Е. средний класс: западные концепции. Интернет-ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit02.php>

⁴⁴⁵ Шкаратан О.И. Социология социального неравенства. Теория и реальность. М., 2012. С.215.

Американский исследователь Томас Херц вывел следующие данные о возможностях социальной мобильности в США. Как он пишет, «у человека, родившегося в семье с доходом в пределах нижних 60% всех доходов домохозяйств страны, вероятность когда-либо оказаться в верхних 5% составляет меньше 2%. В то же время у американцев, рожденных в семьях с доходом в пределах нижних 20%, шансы остаться на том же самом дне составляют 40%»⁴⁴⁶.

Другой американец, Дж. Фо приводит данные о том, что из плеяды «бедных» в начале 70-х к концу десятилетия остались в том же положении 74% семей. Неолиберальный проект никаким образом не изменил ситуацию к лучшему - в 90-е годы, несмотря на бурный экономический рост, 77% бедняков к концу десятилетия были бедны. В то же время в этот же период аналогичная доля семей из наиболее обеспеченных 20% населения сумели удержаться в своей имущественной категории. В связи с этим делается вывод о том, что неравномерность распределения национального богатства в США способствует консервированию неравенства, то есть понижает социальную мобильность⁴⁴⁷.

То же самое констатируется в отношении развивающихся стран, переживших так называемое «экономическое чудо». Д.Роткопф, описывая экономический взлет Чили, приводит данные, что «на долю верхних 20% чилийцев приходится 67% совокупного национального дохода, тогда как на нижние 20% - только 3%»⁴⁴⁸. При этом, как отмечает тот же автор, здесь почти нельзя встретить примеры успехов выходцев из малого или среднего бизнеса. Бесспорные экономический подъем и модернизация страны лишь ус-

⁴⁴⁶ Цит. по: Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С.112.

⁴⁴⁷ Кузнецова Е. Средний класс: западные концепции. Интернет-ресурс: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/analit02.php>

⁴⁴⁸ Роткопф Д. Суперкласс. Те, кто правит миром. М., 2010. С. 88.

губили социальное и материальное неравенство, и подобный парадокс вовсе не присущ исключительно Чили.

В отношении нижних слоев социологи указывают, во-первых, на отсутствие явных признаков их сокращения. Если иметь в виду развитые страны, то здесь бедные слои если не растут, то, по крайней мере, не уменьшаются. В тех же США, по данным на 1990 г., в нищете жило 33,6 миллиона человек, что составляло 13,5% населения⁴⁴⁹. По поводу стран второго и третьего миров наблюдаются тенденции именно к увеличению. И.Рамоне утверждает, что на рубеже XX-XXI вв. на нашей планете около 50 миллионов человек живут на грани выживания, что составляет рекордный уровень.

Во-вторых, указывается на усиливающееся разнообразие бедных слоев. Так, западный социолог К.Аулетта выделяет четыре группы так называемого андеркласса, под которым понимаются группы людей, как бы исключенные из главного социального потока. Это 1) пассивные бедные, то есть те, кто в течение длительного времени получает государственную помощь; 2) агрессивные уличные преступники, наркоманы; 3) лица, занятые в теневой экономике; 4) травмированные пьяные, бродяги⁴⁵⁰. Ряд других исследователей (И.Валлерстайн, Р. Клаттербак и др.) относят сюда иммигрантов, а также низшие группы рабочего класса. Группы мигрантов представляют собой серьезную социальную проблему (США – «латиносы», Европа – мусульмане, Россия – выходцы из Средней Азии). Это по сути дела перераспределение трудовых ресурсов. Однако зарплата трудового иммигранта в Европе и США в среднем составляет 55 - 70% от заработной платы местного коренного населения, а безработица среди них вдвое превосхо-

⁴⁴⁹ Зиновьев А. Запад. М., 2000. С.164.

⁴⁵⁰ Жвйтиашвили А.Ш. Андеркласс на Западе: дискуссии и реальность// Ответственные науки и современность, 2008, №3. С.102.

дит средний уровень безработицы среди американцев и европейцев. Российский социолог Д.Жвиташвили, справедливо считает андеркласс продуктом глобализации, указывая, что подобное явление расширяется и укрепляет свои позиции. Но это ставит под сомнение всю эволюционную парадигму в социальных науках⁴⁵¹.

В современном обществе происходит никак не сокращение социального неравенства, а его усиление. Социальные процессы, связанные с «вызовами» и «ответами» современной эпохи глобального капитализма, вполне закономерно работают на усиление закрытости элитных групп, увеличение дистанции от социального большинства. Назвать глобальный капитализм «открытым» обществом в плане социальной мобильности вряд ли возможно. Ведь все те механизмы, которые элиты пускают в ход для утверждения своего положения, не только не отменены современностью, но получили дополнительные ресурсы для усиления – чего стоит один только мощнейший информационно-пропагандистский аппарат.

В то же время глобальный капитализм имеет много сходств с предшествующим периодом так называемого индустриального капитализма. Опять социальная мобильность затрагивает в основном средние слои, тогда как попадание в основную элиту, имеющую очевидный политико-экономический характер, крайне затруднительно. Более открытыми остаются элиты, связанные с культурой, спортом. Здесь меритократический принцип (больше это касается, конечно же, спорта) действует в большей степени. Хотя действие данного принципа здесь в существенной степени «корректируется» коммерциализацией ряда видов спорта, в первую очередь речь идет о футболе.

⁴⁵¹ Там же. С. 109.

Что касается нижних слоев, то здесь царит по сути дела такая же безысходность, как и в период первоначального накопления. Хотя возможно следует признать некоторое улучшение качества жизни, что присуще развитым странам. Вместе с тем и социальная проблематика стала более разнообразной, учитывая проблемы с мигрантами.

Заключение

Анализируя теории общественных отношений, трудно не прийти к выводу, что социальная реальность становится все сложнее. Как иначе объяснить тот факт, что по разному трактуя сферы общественной жизни, каждая из этих теорий оказывается по своему права. Например, немало критики следует в адрес теорий нового типа общественных отношений. И действительно, концепция постиндустриализма имеет немало слабых мест. Однако так ли уж неверны предлагаемые ее сторонниками тезисы? Исследования одного из признанных отечественных социологов О.Шкаратана показывают, что информациональные работники в России, по своему доходу вполне вписывающиеся в категорию среднего класса, руководствующиеся в целом постматериалистической системой ценностей – это реальность⁴⁵².

В то же время Россия ведь вроде бы не входит в число экономически развитых стран. В 90-е годы отечественный социум пережил подлинную деиндустриализацию вплоть до статуса рядовой периферийной страны со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями. Тем не менее здесь, как видим, обнаруживаются элементы не то что недорешенного либеральными реформаторами индустриализма, остатков советской эпохи, но подлинного постиндустриального типа, как он был представлен в трудах его сторонников – Д.Белла или В.Иноземцева. Возникает вопрос, что это – признак грядущего возрождения уже в новом качестве, или нечто совсем иное?

Истина, как нам представляется, находится ближе все же ко второму варианту, как бы ни хотелось надеяться на первый. Дело в том, что с течением времени социальный

⁴⁵² Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информационные работники на российском рынке труда. // *Общественные науки и современность* 2008, №1. С. 5-27.

факт, значимый в национальных масштабах, становится все труднее вырывать из глобального контекста. Является ли мировое социально-экономическое пространство системой, основанной на банальном капитализме? Или возможно его следует рассматривать как конгломерат мощнейших, но достаточно самостоятельных транснациональных экономических акторов, стремящихся к распространению собственного влияния на весь мир, не в последнюю очередь посредством информационных коммуникаций? Собственно, это и не столь важно в вопросе по поводу постиндустриального типа отношений в России. Здесь важно подчеркнуть, что глобальные отношения предполагают межнациональный экспорт не только товаров и производственных мощностей, но и элементов социальной организации, наиболее адекватной для конкретной страны, исходя из ее мирового положения. И феномен постиндустриализма, на наш взгляд, становится более понятным исходя опять же из учета фактора глобализации.

Глобальный контекст способен прояснить многие вещи, особенно для тех, кто вполне из благородных соображений стремится идеализировать эволюционный подход, считая, что развитие техники лишь способствует приумножению человеческого счастья. Но благодаря глобальному анализу постиндустриальная деиндустриализация оборачивается перемещением производственных мощностей в иные страны с более дешевой рабочей силой, а также массовыми увольнениями без особых дальнейших перспектив там, откуда экспортировалось производство. Прав российский публицист Сергей Ермолаев, утверждающий, что промышленность в мировом масштабе так и осталась господствующей отраслью⁴⁵³.

⁴⁵³ Ермолаев С. Разруха в академических головах. Почему капиталистическое общество не может быть постиндустриальным: http://sceptis.ru/library/id_2012.htm

В глобальном ракурсе постиндустриализм предстает не столько в качестве прогрессивного явления, сколько в виде фактора, обеспечивающего функционирование транснациональной экономики, мирового информационного пространства, словом, возможность самого глобального ракурса. Кстати, в этой связи становится более или менее ясно, во-первых, почему постиндустриальные отношения имеются в деиндустриализованной России, во-вторых, почему они имеют здесь такой узкий фрагментированный характер. На наш взгляд, постиндустриализм выполняет роль средства, помогающего свести многообразие современной социально-экономической действительности в единый структурный механизм. Хочется повториться, в данном случае неважно, идет ли речь о мировой капиталистической системе или о структурах крупных ТНК. По этой причине постиндустриализм как бы рассеивается по всему миру, захватывая значимые в ресурсном отношении страны. Вполне естественно, что он имеет несравнимо большее распространение там, где разрабатываются важные в мировом масштабе экономические (а возможно также политические и идеологические) стратегии – речь идет о развитых странах, лидерах международной конкуренции.

Россия не входит в это число и вероятно поэтому элементы постиндустриализма здесь имеют весьма ограниченное распространение. В российском обществе оказываются переплетенными едва ли не все социально-экономические уклады, известные в истории. Неслучайно в отношении России все чаще применяется так называемый сегментированный подход, но его рассмотрение - задача непростая, а потому будет подчинена структуре другой работы. Всем читателям - спасибо за внимание!

Содержание

От авторов	с.3.
Вместо введения: Вызовы и социальные трансформации XX – начала XXI вв.	с.6
Глава I Индустриальное общество в социологических теориях XXв	с.32.
1.1. Технократическая социология XXв.....	с.32
<i>Технократические подходы первой половины XX в.</i>	с.32
<i>Новое индустриальное общество Дж. Гэлбрейта</i>	с.39
1.2. Индустриальный социум в видении представителей марксистской социологии.....	с.50
<i>Корпоративный капитализм Р.Миллса</i>	с.50.
<i>Социологические идеи Г.Маркузе (Франкфуртская школа)</i>	с.57
<i>Концепция «нового класса» А.Гоулднера</i>	с.65
<i>Развитие марксистской социологии в 70-90-е гг</i>	с.70.
1.3. Теории развитого индустриального общества.....	с.78
<i>Индустриальное общество Р.Арона</i>	с.84.
<i>Теория развитого индустриализма А.Зиновьева</i>	с.95.
1.4. Социальные практики развитого индустриализма..	с.106
Глава II Общества нового типа	с.124
2.1. Постиндустриальная парадигма в общественных науках.....	с.125
<i>Постиндустриальное общество Д.Белла</i>	с.125
<i>П.Дракер и «посткапиталистическое общество»</i>	с.135
<i>«Программируемое общество» А.Турена</i>	с.145
<i>«Постэкономическое общество» В.Иноземцева</i>	с.157
2.2. Новое общество в модернистской и постмодернистской социологии.....	с.173
<i>Общество радикализованного модерна Э. Гидденса</i>	с.174
<i>У.Бек: «общество риска»</i>	с.184
<i>«Текущее общество» З.Баумана</i>	с.195

2.3. Новый общественный тип: теория и практика.....	с.205
<i>Современный способ производства: традиции и инновации</i>	с.208.
<i>Размывание классовой структуры: мифы и реальность</i>	с.215
<i>Индивидуализация: отчуждение или самореализация?</i>	с.230
Глава III Теория и практика глобализма	с.242
1.1. Либеральные теории глобализации.....	с.245
<i>Глобализация как эволюционный процесс в работах второй половины XX в.</i>	с.245
<i>Глобализация в концепции Ульриха Бека</i>	с.251
<i>Глобализирующийся мир А.Мартинелли</i>	с.260
3.2. Марксистская традиция изучения глобализма.....	с.273
<i>Мир-системный анализ А.Франк, И.Валлерстайн</i>	с.279
<i>Концепция «глобального капитала» А.В.Бузгалина, А.И.Колганова</i>	с.301
<i>Д.Харви, неолиберальный проект: национальная и глобальная перспективы</i>	с.320.
3.3. «Информационное общество» в глобальном измерении.....	с.337
<i>Глобальное сетевое общество М.Кастельса</i>	с.337
<i>Информационный капитализм Г. Шиллера</i>	с.346
<i>Глобальное информационное общество М.Деягина</i>	с.357
3.4. Социальная реальность глобализма.....	с.393
<i>Социально-политические деформации эпохи глобального капитализма (Кристофер Лэш, Колин Крауч)</i>	с.399
<i>Глобальный (мировой) суперкласс Д.Ротконфа</i>	с.426
Заключение	с.444.

**Ю.Г.Тамбиянц,
М.В.Гринь, В.В.Кулинченко**

**СОВРЕМЕННАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
ДИНАМИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

НАУЧНАЯ МОНОГРАФИЯ

В авторской редакции